

≡≡≡ HISTORIA MILITARIS ≡≡≡

А. В. БАННИКОВ

**РИМСКАЯ
АРМИЯ
в IV столетии
от Константина
до Феодосия**

Санкт-Петербург |
2011

СЕРИЯ «HISTORIA MILITARIS»

Исследования по военному делу Древности и Средневековья

Редакционный совет:

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург, Россия); В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург, Россия);
Н. Ди Космо (Принстон, США); Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург, Россия);
А. Н. Кирпичников (Санкт-Петербург, Россия); А. В. Махлаюк (Нижний Новгород, Россия);
М. Мельчарек (Торунь, Польша); В. П. Никоноров (Санкт-Петербург, Россия);
М. Я. Ольбрыхт (Жешув, Польша); В. Свентославский (Гданьск, Польша);
А. В. Симоненко (Киев, Украина); А. М. Хазанов (Мэдисон, США);
Ю. С. Худяков (Новосибирск, Россия)

Editorial Board:

Nicola Di Cosmo (Princeton, USA); Boris V. Erokhin (St. Petersburg, Russia);
Vladimir A. Goroncharovsky (St. Petersburg, Russia); Anatoly M. Khazanov (Madison, USA);
Yuly S. Khudjakov (Novosibirsk, Russia); Anatoly N. Kirpichnikov (St. Petersburg, Russia);
Aleksandr V. Makhlayuk (Nizhniy Novgorod, Russia); Mariusz Mielczarek (Toruń, Poland);
Valery P. Nikonorov (St. Petersburg, Russia); Marek J. Olbrycht (Rzeszów, Poland);
Witold Świątosławski (Gdańsk, Poland); Aleksandr V. Simonenko (Kiev, Ukraine);
Yury A. Vinogradov (St. Petersburg, Russia)

Andrej V. Bannikov

**THE ROMAN ARMY IN THE 4th CENTURY
(from Constantine to Theodosius)**

St. Petersburg State University
Faculty of Philology
St. Petersburg
Nestor-Historia
2011

А. В. Банников

РИМСКАЯ АРМИЯ В IV СТОЛЕТИИ (от Константина до Феодосия)

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
Нестор-История
2011

Рецензенты:
кандидат исторических наук *К. В. Вержбицкий*,
доктор исторических наук *А. Б. Егоров*

Банников, А. В.

Б23 Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия) / А. В. Банников. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. — 264 с., ил. — (Historia Militaris).

ISBN 978-5-8465-1105-7 (Филологический факультет СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-853-4 (Нестор-История)

В книге рассматриваются этапы развития позднеримской военной системы: ее формирование, длившееся более полувека и завершенное в правление императора Константина I (306–337 гг.) и его сыновей; ее модификации, продолжавшиеся вплоть до правления Феодосия I, в результате которых армия обрела способность не только на равных бороться с любым противником, но и одерживать над ним верх; стремительная и необратимая варваризация армии — самый яркий признак надвигающейся деградации и упадка позднеримской военной системы.

Для специалистов по античной истории и военному делу древности и всех интересующихся историей Древнего Рима.

ББК 63.3(0)32

Bannikov, A. V.

The Roman Army in the 4th Century (from Constantine to Theodosius) / A. V. Bannikov. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Faculty of Philology; Nestor-Historia, 2011. — 264 p., ill. — (Historia Militaris).

ISBN 978-5-8465-1105-7

ISBN 978-5-98187-853-4

The prosperity of Romans always was depending on their troops. In the Principate's epoch Roman forces have become strongest weapon to defeat its enemies. But the crisis of Empire in the 3rd century AD became the crisis of its Army too. Constantine the Great have created new effective military organization but the renaissance of the Roman Army wasn't so long. The Roman provincials were never interested in guarding in the forces. The government had to mobilize many barbarians after the Battle of Adrianople (378 AD). This circumstance have become the bright proof of degradation of Late Roman military system.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее десятилетие в зарубежной науке заметно оживился интерес к различным сюжетам, связанным с позднеримской военной организацией. Уже к началу 2000-х годов в распоряжении ученых накопилось огромное количество источников, имеющих прямое или косвенное отношение к данной проблематике и нуждающихся в самом тщательном изучении. Результатом проделанных исследований стало большое количество публикаций, позволяющих по-новому взглянуть на целый ряд вопросов, вокруг которых традиционно велись научные дискуссии. Это создало необходимые предпосылки для всестороннего исследования всей структуры позднеантичной военной системы.

Углубленное исследование отдельных сюжетов привело к созданию новых трудов обобщающего характера, ставших результатом кропотливого анализа богатейшего фактического материала. Отражением последних направлений в изучении римской военной системы периода Поздней империи явилось появление двух трудов французского ученого Я. Ле Бозэ: в 2006 г. вышла его монография «Римская армия в эпоху Поздней империи»¹, а в 2009 г. — «Римская армия в эпоху кризиса III в.»². В этих работах автор стремился отойти от устоявшейся схемы и дать принципиально иное видение проблемы. Так, например, Я. Ле Бозэ не считает возможным говорить о какой-либо реформаторской деятельности Галлиена и Диоклетиана. В последнем он видит лишь удачливого

полководца, не помышлявшего ни о каких преобразованиях. Я. Ле Бозэ решительно отвергает саму идею разделения позднеримской армии на мобильную (*comitatenses*) и пограничную (*limitanei*) и считает подобную теорию изобретением современной историографии.

Несмотря на такой повышенный интерес к позднеримской военной организации за рубежом, в современной отечественной науке эта тема до сих пор не была еще предметом пристального и всестороннего изучения. Подобное упущение представляется существенным, поскольку роль вооруженных сил в жизни любого государства трудно переоценить. Достаточно сказать, что армия, наиболее зримое и наглядное воплощение военной системы, не только защищала империю, но и оказывала сильнейшее влияние на ее внутреннюю политику, экономику и социальные структуры. Поэтому история Римской империи последних двух веков ее существования не может быть правильно понята без изучения организации ее военной системы.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой первое в отечественной исторической науке целостное специальное исследование, посвященное римской армии IV в., которое базируется не только на выводах, сделанных предшественниками, но и дает новую трактовку основных вопросов, связанных с затронутой проблематикой.

Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую благодарность всем, кто помогал мне в работе над этой книгой: док. ист. наук, проф. А. Б. Егорову, выступившему в роли моего научного консультанта, И. В. Кирсанову, сделавшему для меня необходимые иллюстрации и схемы сражений, а также президенту реконструкционного общества «Herculiani» Д. Дерикеру, позволившему воспользоваться его фотоматериалами.

¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* Paris: Picard, 2006.

² *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle».* Paris: Rocher, 2009.

ВВЕДЕНИЕ

Четвертый век является особым в римской военной истории. Он начался с реформ императора Константина I (306–337 гг.), завершивших процесс формирования позднеримской военной организации, которая в дальнейшем хотя и модифицировалась постоянно, однако в своей основе оставалась неизменной вплоть до правления Феодосия I (379–395 гг.).

Четвертый век — это последнее столетие военной славы Рима, свидетель заката его могущества и гибели его армии. События, последовавшие вслед за битвой при Адрианополе (378 г.), продемонстрировали, что военная система, сложившаяся при Константине, оказалась неспособной функционировать в новых условиях, подтверждением чему стал захват готами Рима (410 г.)¹. Давая оценку финальному периоду истории римской армии, русский ученый В. И. Холмогоров, первым в нашей стране занявшийся изучением позднеримской военной организации, писал: «В V в. не существовало более ни римской стратегии, ни римской армии; империя или, точнее, бледная тень ее, смогла продлить свою агонию, продержаться еще несколько десятилетий, лишь натравливая одни германские племена на другие. Римская военная история заканчивается в IV в.»².

Четвертый век является особенным в римской военной истории еще и потому, что он оставил нам большое количество самых разнообразных источников (литературных, юридических, археологичес-

ких, нумизматических и др.), в числе которых сочинения, написанные современниками, не только видевшими римскую армию, но и непосредственно служившими какое-то время в ее рядах (капитальный исторический труд Аммиана Марцеллина «Res gestae», письма императора Юлиана, «Бревиарий» Евтропия, военные трактаты «De rebus bellicis» и «Epitoma rei militaris», речи ораторов Либания и Фемистия, панегирики, произнесенные в честь римских императоров, поэтические произведения Клавдиана и др.). Благодаря этому мы можем сегодня вполне наглядно представить, какой была армия, защищавшая империю накануне Великого переселения народов.

¹ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006. P. 14–15.

² *Холмогоров В. И.* Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // *Арх. СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. XII. С. 100* [отдельная нумерация].

ОРГАНИЗАЦИЯ

1. КОМПЛЕКТОВАНИЕ

Конскрипция. Теоретически каждый римский гражданин, достигший призывного возраста, считался военнообязанным. По оценкам специалистов, население империи в период принципата составляло 50–60 млн чел., в то время как армия насчитывала 300–400 тыс. солдат, из которых как минимум 200 тыс. служили во вспомогательных войсках. Таким образом, ежегодно требовалось около 5% рекрутов, достигших призывного возраста. Но для легионов, где могли служить только граждане, этот процент мог возрастать до 10¹.

Один легион нуждался не более чем в 240 новобранцев в год, а 25 легионов, существовавших в I в., требовали ежегодно около 6 тыс. чел. пополнения. При учете вспомогательных подразделений, флота и подразделений, размещенных в столице, общее количество новых рекрутов возрастало до 18 тыс. чел.² Во II в. оно могло составлять от 9 до 14 тыс. чел. для легионов и от 10 до 18 тыс. для вспомогательных подразделений³. Таким образом, не было никакой необходимости во

введении поголовной воинской повинности, и правительство предпочитало пополнять армию добровольцами. Однако уже в I столетии стало ощущаться отсутствие необходимого количества новобранцев, желавших добровольно отправиться на военную службу, а те, кто приходил в военные лагеря, были обычно нищими или бродягами. Поэтому от данного правила приходилось порой отступать и прибегать к принудительному набору (Тас., *Ann.*, IV, 4). Принудительный набор давал армии солдат еще более низкого качества. Производившие его должностные лица отпускали за взятки годных для армии новобранцев, заменяя их заведомо непригодными для службы увечными или стариками (Тас., *Ann.*, XIV, 18). Впрочем, в это время трудности пополнения армии не были еще столь ощутимыми, как это станет позднее. Привлечение на службу рабов и вольноотпущенников было эпизодическим и происходило, как правило, после периода гражданских войн⁴.

Непрекращающиеся внешние и внутренние войны, тяжелые поражения, понесенные римской армией в III столетии, привели к тому, что в глазах римских граждан военная служба окончательно утратила свою привлекательность: она стала гораздо более опасной, в отличие от периода принципата солдатское жалованье было невелико, да и выплачивали его крайне нерегулярно; военная добыча становилась все более редкой, а размеры ее все менее значительными. Поэтому правительство не могло более рассчитывать на приток добровольцев, и главным способом пополнения армии становится принудительный набор. Принципиальные изменения в системе комплектования армии происходят в период правления Диоклетиана. До конца III в. еще существовал такой же

¹ *Cosme P.* L'armée romaine VIII s. av. J.-C. — V s. ap. J.-C. Paris: Armand Colin, 2007. P. 112–113.

² *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М. Н. Челинцевой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 102, примеч. 2.

³ *Cosme P.* L'armée romaine... P. 112.

⁴ *Ibid.* P. 107.

призыв (*dilectus*), как и в период принцепата. Военная служба считалась обязательной для всех граждан империи, а потому римские должностные лица, производившие набор в городах, могли отправить в армию любого молодого человека, которого они считали пригодным для исполнения своего воинского долга⁵. Диоклетиан решил отказаться от этой системы и ввел на всей территории империи *конскрипцию*⁶.

В составе конскрипции можно выделить два основных элемента: *protostasia* и *prototypia*. Вопреки утвердившемуся в науке мнению они обозначали не две различные системы поставки в армию рекрутов, но два типа повинности (*munus*), одна из которых носила фискальный характер и ее должны были нести все без исключения, а другая имела форму литургии и лежала только на куриалах⁷. Конскрипция была возложена главным образом на земледельцев среднего класса, которые были обязаны поставлять армии одного или нескольких рекрутов, точно также как они поставляли ей продукты или выплачивали деньги фиску⁸. Количество отправляемых в армию новобранцев

определялось размером земельного надела, которым располагал посессор (CTh, VII, 13, 7, 1)⁹. Минимальной единицей обложения было *capitulum (temonis)*. Размеры *capitulum* точно неизвестны. В 370 г. они могли составлять от 500 до 750 гектаров¹⁰. В каждом *capitulum* за отправку рекрута отвечал посессор (*capitularius*, или *temonarius*)¹¹.

Землевладельцы, размер имущества которых был признан недостаточным для отправки рекрута, должны были объединяться в консорциумы (*consortia*), обязанные отправлять в армию по одному рекруту. В этом случае термин *capitularius* обозначал главу консорциума, отвечавшего своим имуществом за поставку рекрута¹². Посессоры в таких сообществах становились капитулариями по очереди. Семья землевладельца, выставлявшая рекрута, получала за это деньги, собранные остальными консортиями¹³. Из каждой семьи могли брать только по одному рекруту (CI, X, 62, 3). Деревни, обычно поставляли также по одному новобранцу. Крупные собственники земли могли самостоятельно выставить по несколько рекрутов.

Уже при Диоклетиане была введена новая форма повинности, предусматри-

⁵ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 57.

⁶ Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602): A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford: Oklahoma University Press, 1964. 3 vols in 2. Vol. II. P. 615; Джонс А. Х. М. Гибель античного мира / Пер. с. англ. Т. В. Горьковой. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 307; Глушанин Е. П. Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии: дис. ... к. и. н. Л., 1984. С. 75. По мнению Е. П. Глушанина, при этом были упразднены все постановления времени правления Северов, направленные на подъем престижа воинской службы (С. 96).

⁷ Carrié J.-M. Le système de recrutement des armées romaines de Dioclétien aux Valentinien // ARDV. P. 374.

⁸ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 56.

⁹ «cum pro suo numero in exhibendo tirone solus ipse respondeat» («за поставку рекрута пусть отвечает сама земля в соответствии со своим размером»).

¹⁰ Cosme P. L'armée romaine... P. 228.

¹¹ Термин «*temonarius*» впервые юридически засвидетельствован в законе 319 г. (CTh, VI, 35, 3). Carrié J.-M. Le système de recrutement... P. 374. Подобная система комплектования армии существовала уже в 295 г., насколько мы можем судить об этом на основании «Деяний мученика Максимилиана», в которых вместе с проконсулом Африки Дионом, судящим христиан, отказавшихся служить в армии, упоминается *темонарий* Фабий Виктор (Cosme P. L'armée romaine... P. 228).

¹² Cosme P. L'armée romaine... P. 228.

¹³ Глушанин Е. П. Генезис... С. 98.

вавшая определенные годовые платежи золотом. Она получила название *comparatio tironum*. Исследователи отмечают, что в эпоху тетрархии *praebitio tironum* (отправка рекрутов) лишь эпизодически осуществлялась в форме денежного налога, в то время как с первой половины IV в. она существует в основном в виде денежного налога (*aurum tironicum*)¹⁴. Это особенно наглядно отражено в папирусах, фиксирующих поставку рекрутов и выплату вместо них *aurum tironicum*. Наиболее поздний папирус, в котором речь идет о поставке реального рекрута, датируется 324 г. (P. Оху., XLV, 3261)¹⁵. Некоторые видят в этом изменения существовавшей прежде системы конскрипции¹⁶. Впрочем, вряд ли мы имеем достаточно веские основания говорить о каких-то глобальных переменах, произошедших в системе. Замена рекрутов деньгами была предусмотрена уже реформой Диоклетиана¹⁷. Две формы военной повинности существовали параллельно и, вероятно, в обычное время у землевладельцев было право выбора, какой из них отдать предпочтение, однако в случае необходимости государство могло потребовать денег либо поставки рекрутов¹⁸.

Мы не знаем, с какой регулярностью требовали рекрутов с каждого капитула. Судя по одному из указаний Аммиана, призыв был ежегодным (Amm., XXXI, 4, 4). Однако, по всей видимости, ежегодно требовали не рекрутов, а денежный взнос. Закон 380 г. (CTh, VII, 18, 3) освобождает на два года от *protostasia* темонария, выдавшего дезертира. По мнению

Ж.-М. Карье, в данном случае мы имеем дело с минимальным сроком освобождения от этой повинности, поэтому можно предположить, что поставка рекрута давала освобождение на четыре-пять или даже более лет¹⁹.

Законы не требовали, чтобы сообщества, ответственные за поставку рекрутов, обязательно брали их из числа населения, проживавшего и работавшего на территории данного капитула. Можно было выставить заместителей. Подобная практика никогда не прекращалась в системе всеобщей конскрипции. Роль темонария чаще всего состояла в том, чтобы найти рекрута-добровольца. Однако злоупотребления, вызванные завышенными требованиями, предъявляемыми кандидатами на военную службу, вызвали появление закона 375 г. (CTh, VII, 13, 7), требовавшего поставлять рекрутов из числа собственных колонов (*ex agro ac domo propria*)²⁰. Кроме того, закон устанавливал фиксированную сумму, которую землевладельцы должны были платить вместо рекрута (CTh, VII, 13, 7, 2)²¹. Это было сделано, чтобы пресечь злоупотребления должностных лиц, наживавшихся, как об этом говорит анонимный автор трактата «*De rebus bellicis*», на покупке рекрутов (Anon., *De reb. bell.*, 4, 4). Ответственность перед государством за поставку рекрутов в армию была возложена на куриальных прокураторов (*procuratores tironum*).

¹⁹ Ibid. P. 373.

²⁰ Ibid.

²¹ В Кодексе Юстиниана *aurum tironicum* более не упоминается. Возможно, это связано с теми изменениями, которые произошли в системе комплектования армии империи, базировавшейся в VI в. на призыве добровольцев и вербовке контингентов варваров. См. *Delmaire R. La caisse des largesses sacrées et l'armée au Bas-Empire // AFMA. P. 319, n. 3.*

¹⁴ Carrié J.-M. Le système de recrutement... P. 373.

¹⁵ Ibid. P. 373, n. 9.

¹⁶ Ibid. P. 373.

¹⁷ Ibid. P. 386.

¹⁸ Ibid. P. 372.

Кроме регулярных отправок рекрутов или выплаты вместо них денег в случае военной необходимости правительство могло потребовать выполнения экстраординарных повинностей, известных как *praestatio* или *collatio tironum (iuniorum)*²². В отличие от регулярной повинности, которая была возложена на всех землевладельцев, экстраординарное требование рекрутов касалось только привилегированных групп населения (*honorati et officiales*)²³.

В соответствии с тем, что утверждает Аммиан, набор рекрутов проводился по всем провинциям империи (Amm., XXXI, 4, 4)²⁴. Тем не менее не было никакой необходимости проводить его повсеместно: количество новых рекрутов, которое получала бы армия, в этом случае было бы чрезмерным, а на полях не хватало бы рабочей силы. На практике рекрутов брали лишь из тех провинций, которые были отмечены в императорских указах (CTh, VII, 18, 4, 2). Из уже упоминавшегося указа Валентиниана I и Валента (CTh, VII, 13, 2) ясно, что все провинции империи делились на те, которые должны были поставлять людей²⁵, и те, которые обязаны были выплачивать деньги (*aurum tironicum*)²⁶. Закон 380 г. требует пополнять армию рекрутами, призванными «из наиболее удобных областей» (CTh, VII, 13, 9)²⁷. В данном случае, очевидно, речь идет о провинциях, где непосредственно располагались воинские части, или же о тех, которые отличались хорошими качествами

молодежи, отправляемой в армию²⁸. Набор в этих провинциях мог проводиться каждые 4–5 лет²⁹.

Согласно трактату «*Expositio totius mundi et gentium*», составленному в середине IV в., восточная армия получала боеспособных рекрутов из Галатии, дававшей императорам «превосходных воинов», из Малой Армении, славившейся своими всадниками и лучниками (Ехр., 43), а также из Фракии (Ехр., 50). О последней анонимный автор говорит, что она населена «рослыми и отважными в битвах людьми» и что именно отсюда обычно и вербуют воинов³⁰. Его слова подтверждает и Аммиан, по свидетельству которого император Констанций II, проводя зиму в Константинополе, пополнял местной фракийской молодежью свои отборные подразделения (Amm., XX, 8, 1).

Западная армия черпала силы в основном за счет галльских провинций (Ехр., 58). Среди остальных провинциалов галлы пользовались славой отчаянных храбрецов. Юлиан пишет, что галльский солдат никогда не обращался в бегство перед врагом (Iul., Ad Const., 29, 18). Аммиан сообщает, что никто из галлов «из страха перед военной службой не рубил себе на руке большой палец, как это бывает в Италии» (Amm., XV, 12, 3)³¹. Галлы служили не только на западе, но и на востоке империи (Amm., XVIII, 6, 16; 9, 3).

Кроме колонов и детей крестьян очень важным источником пополнения армии

²² Delmaire R. La caisse des largesses... P. 318.

²³ Ibid. P. 319.

²⁴ «...pro militari supplemento, quod provinciatum annum pendebatur, thesauris accederet».

²⁵ «...tironum corpora per eas provincias, a quibus corpora flagitantur».

²⁶ «...in quibus pretia postulantur».

²⁷ «ex opportunis regionibus supplementa numeris mansuetudo nostra decrevit agitari».

²⁸ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Арх. СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. X. С. 32.

²⁹ Cosme P. L'armée romaine... P. 229.

³⁰ «maximos habens vires et fortes in bello, propter quod et frequenter inde milites tollentur».

³¹ «nec eorum aliquando quisquam ut in Italia munus Martium pertimescens pollicem sibi praecidit».

были сыновья ветеранов. Утверждение принципа наследственной военной службы считается одной из наиболее значимых военных реформ, проведенных Константином. Первое постановление по этому вопросу датируется 319 г.³² Если в III в. дети ветеранов были обязаны поступать на военную службу только в том случае, когда их родители в виде особой милости получали от государства землю, что носило случайный характер, то со времен Константина это положение изменилось коренным образом³³. Отныне все сыновья ветеранов считались военнообязанными и были внесены в списки воинских частей, в которых служили их отцы (CTh, VII, 1, 11)³⁴. По достижении призывного возраста они должны были явиться к чиновникам, отвечавшим за поставку рекрутов (CTh, VII, 22, 7)³⁵. За сокрытие обязанных служить сыновей их отцы подвергались наказанию (CTh, VII, 22, 7)³⁶.

Такой порядок вел к возникновению наследственного военного сословия³⁷. Кодекс Феодосия содержит целый ряд законов, подтверждающих обязанность военной службы для детей ветеранов. Основание для обязательного привлечения детей солдат к военной службе законодатель видит в тех привилегиях, которыми пользовались ветераны³⁸. С 319 по 400 г. было издано двадцать два закона с требованием несения военной службы детьми ветеранов; при этом наибольшее число постановлений приходится на период после 365 г.³⁹ Это говорит о том, что ветеранские дети были на протяжении всего IV в. важным элементом пополнения римских войск личным составом. По мнению С. А. Лазарева, сыновья ветеранов образовывали «костяк римской армии»⁴⁰. Рекруты, набранные путем конскрипции, составляли не более 1/5 от общей численности армии⁴¹.

Лица не желавшие отправляться на военную службу, имели возможность уклониться от нее. В этом случае вместо себя они могли отправить нанятого за деньги добровольца. Такой доброволец назывался *vicarius*⁴². В 370 г. Валентиниан I и Валент издали закон, запрещавший сыновьям ветеранов отправлять вместо себя викариев (CTh, VII, 13, 6, 1)⁴³.

³² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. В. И. Авдиева. СПб.: Наука; Ювента, 1994. Т. II. С. 190.

³³ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: эпиграфическое исслед. Киев, 1881. С. 41.

³⁴ «I, qui inter ad crescentes matriculis adtinentur, tamdiu alimoniam a parentibus sumant, quoad gerendis armis idonei fuerint aestimati, ita ut cesset super eorum nomine praebitio fiscalis annonae» («Те, кто внесен в списки личного состава, пусть получают содержание от родителей вплоть до того момента, пока не будут признаны годными к военной службе, после чего и они будут поставлены на государственное довольствие»).

³⁵ «Sciantque veterani, quibus quies post arma concessa est, liberos suos, quos militaribus aptos ministeriis insitum robur ostendat, offerendos esse militiae» («И пусть знают ветераны, ушедшие на покой после службы в армии, что их дети, достигшие возраста, позволяющего им выполнять воинские обязанности, должны быть отправлены в армию»).

³⁶ Magioncalda A. Le fonti giuridiche sull'esercito romano da Diocleziano a Valentiniano I // ARDV. P. 87.

³⁷ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 41; Magioncalda A. Le fonti giuridiche... P. 87.

³⁸ Там же; Ibid. P. 91.

³⁹ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // ВО. М., 1977. С. 155.

⁴⁰ Лазарев С. А. Военная организация Римской империи в IV в. н. э. (от Диоклетяна до Феодосия): дис. ... к. и. н. Л., 1986. С. 60.

⁴¹ Там же. С. 62.

⁴² Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 56.

⁴³ «Nullus vero tironem vagum aut veteranum possit offerre, cum ad spontaneam singuli militiam propositae immunitatis commodis invitentur» («Однако никто

«Относительная варваризация» армии. Одним из наиболее типичных для Поздней империи способов обеспечить армию необходимым количеством рекрутов было поселение варваров на римской территории. Вплоть до 70-х гг. IV в. это неизменно давало положительные результаты. Подобные поселения активно создавались уже во второй половине III столетия. При тетрархии, когда в борьбе с варварами наступил перелом, эта практика стала применяться в еще более широких масштабах. В течение всего правления Диоклетиана насильственное перемещение варваров было центральным звеном в политике римского правительства. Главной целью таких мер было заселение заброшенных и обезлюдивших пограничных территорий. Не менее важной задачей, которую правительство намеревалось решить в результате подобных действий, было обеспечение притока необходимого количества рекрутов⁴⁴. Победенных и насильственно пере-

не может выставлять беглого новобранца или ветерана, когда поодиночке призываются для добровольной военной службы лица, наделенные привилегией освобождения от налогов»).

⁴⁴ Barbero A. *Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' Impero Romano*. Roma: Latreza, 2008. P. 73. В течение правления Константина масштабы добровольного или принудительного поселения варваров на римской территории заметно сокращаются по сравнению с периодом тетрархии. Это объясняется тем, что большую часть своего правления Константин должен был вести напряженные войны против своих противников внутри империи. Став единоличным правителем, он уделил основное внимание защите дунайской границы, которой угрожали племена готов и сарматов. В 322 г. Константин провел кампанию против сарматов, продвигавшихся от Азовского моря. Победенные варвары были «распределены по городам» империи (Zos., II, 21, 3; 22, 1). В 332 г. сарматы, изгнанные из своих земель, попросили у императора разрешения переселиться на римскую территорию. Такое разрешение было им дано, и сарматы были поселены во Фракии, Скифии, Македонии и Италии. Новых поселенцев было якобы 300 тыс. чел. обоюбого пола и всех возрастов (Euseb.,

мещенных в империю варваров селили на основе колонатного права (SHA, Claud., 9, 4⁴⁵; cf.: Zos., I, 71, 1; Amm., XIX, 11, 6; XXVIII, V, 15; CTh, V, 6, 3).

Особую категорию поселенцев, на которых лежала обязанность отправки в римские войска своей молодежи (*praebitio*), образовывали леты и гентилы. На сегодняшний день не существует единого мнения относительно того, кем были леты и каков был их правовой статус⁴⁶. Т. Момзен считает их побежденными варварами, насильственно поселенными в империи на правах крепостных. А. Х. М. Джонс находит, что леты были германцами, добровольно переселившимися в Галлию в поисках защиты⁴⁷. К подобной гипотезе склоняется и Р. Франк⁴⁸. Согласно мнению А. Барbero, термин *laeti* идентичен тому, который в Салической правде (*Lex Salica*) обозначает освобожденного раба. По всей видимости, ставшая обычной практика заключения договоров между империей и вождями варваров при условии освобождения римских пленных способствовала

Vita Const., IV, 6; Excerpta Val., 6, 31–32). О присутствии сарматских поселенцев на территории Балканского полуострова у нас не сохранилось практически никаких свидетельств. Зато, согласно *Notitia*, в Италии находилось не менее 15 колоний сарматских гентилей. Если не все они, то какая-то часть из них могли быть созданы во времена Константина (Barbero A. *Barbari...* P. 99, n. 20).

⁴⁵ «Factus lim[it]is barbari colonus e Gotho».

⁴⁶ Schönfeld M. *Laeti* // RE. 1924. Bd. 12, Hbbd. 23. Sp. 446–447; Demougeot E. *Laeti et gentiles dans la Gaule romaine du IV siècle* // Actes du Colloque d'Histoire Sociale de l'Université de Besançon 1970. Paris, 1972. P. 101–112; Günter R. *Einige neue Untersuchungen zu Laeten und Gentilien in Gallien in 4. Jahrhundert und zu ihrer historischen Bedeutung* // Klio. 1977. Bd. 59, Hft. 2. S. 311–321.

⁴⁷ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* P. 620.

⁴⁸ Frank R. I. *Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. Papers and Monographs of the Academy in Rome*, 23. Rome, 1969. P. 60.

тому, что этот германский термин вошел в латинский язык и получил официальный юридический статус⁴⁹.

Единовременная репатриация тысяч или даже десятков тысяч человек ставила перед правительством серьезные проблемы. Невозможно предположить, что все эти люди получали назад свое имущество и свои земельные наделы, поскольку многие территории были опустошены, а деревни сожжены. Поэтому более вероятным представляется, что в период тетрархии предпочитали не обращать внимание на юридические тонкости и освобожденных провинциалов селили коллективно на заброшенных императорских землях, получавших статус *terrae laeticae*, на тех же условиях, что и пленных варваров. Именно эту картину и рисует нам автор панегирика Максимиану, когда говорит о галльских летах, обрабатывающих поля вместе с франками⁵⁰. Эти бывшие военнопленные образовывали новые сообщества, получая права государственных колонатов, т. е. лично свободных, но обязанных платить налоги и нести военную службу. Возникновение поселений летов потребовало от правительства создания административного органа, который осуществлял бы управление ими, — *praefecturae laetorum*. Согласно *Notitia*, в Галлии было 12 префектур летов (ND, Ос., XLII, 33–44). Анализ показывает, что большая часть этих поселений была образована из галлов или германцев, проживавших в приграничных районах, затронутых варскими вторжениями в III столетии⁵¹.

⁴⁹ Существует мнение, что в данном случае имперская бюрократия умышленно ввела в оборот термин варварского происхождения, который является омонимичным латинскому *laetus* — радующийся (Barbero A. Barbari... P. 184, n. 14).

⁵⁰ Barbero A. Barbari... P. 183.

⁵¹ Ibid. P. 184.

На основании различных свидетельств наших источников мы можем сделать вывод, что в течение IV в. поселения летов продолжали активно создаваться в прирейнских областях Галлии, при этом статус летов стал распространяться на иммигрантов-варваров, которые никогда не были подданными империи⁵². Нашим главным свидетельством, подтверждающим этот факт, является сообщение Аммиана, согласно которому *леты-варвары* сохраняли свои дикие нравы и при случае промышленляли грабежами на территории Галлии (Amm., XVI, 11, 4; cf.: XX, 8, 13). Уточнив, что речь идет именно о варварах, историк тем самым подчеркнул, что нельзя смешивать этих летов с теми репатриантами, которые были возвращены в империю в III в. Несомненно, что под летами-варварами подразумеваются аламанны, о которых говорит Кодекс Феодосия (CTh, VII, 20, 12 pr.). По всей видимости, колонии из аламаннов были образованы во времена правления Константа, который вел успешные войны на Рейне против этого племени (Amm., XXX, 7, 5).

Кажется вполне логичным, что именно в Галлии администрация прибегла к устоявшейся уже терминологии, определяя правовое положение новых колонистов: освобожденные от оков варварского невежества аламанны, став летами, обрели счастье жить в империи (*Romana felicitas*) под отеческой опекой императора⁵³. Репатриация пленных и поселение варваров контролировались должностными лицами в ранге префектов или препозитов (CTh, VII, 20, 10)⁵⁴.

Леты, подобно другим категориям римских граждан, должны были поставлять для регулярной армии рекрутов, которых

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. P. 185.

⁵⁴ Ibid. P. 188.

могли зачислять в любые воинские подразделения. Согласно сообщению Аммиана, Юлиан обещал отправлять рекрутов-летов на восток в гвардейские подразделения императора Констанция (Amm., XX, 8, 13)⁵⁵. Зосим утверждает, что император Валентиниан I собрал многочисленную армию из римлян и варваров, живущих в приграничных районах и римских провинциях (Zos., V, 12, 5). Л. Варади справедливо отмечает, что под варварами здесь, несомненно, подразумеваются не зарейнские германцы, а леты-аламанны, поселенные в пограничных областях империи⁵⁶. Наконец, преамбула к закону от 400 г., требующая, чтобы рекруты из числа летов-аламаннов были включены в состав «сильнейших легионов» (*florentissimis legionibus inserendus*), также подтверждает этот факт (CTh, VII, 20, 12 pr.).

Среди исследователей нет единого мнения относительно того, каков был правовой статус летов. Упомянувшийся выше закон Гонория (400 г.) называет аламаннских летов первыми из числа тех, кто был обязан государству военной службой, и требует, чтобы они, как и сыновья ветеранов, не избегали рекрутских наборов. На основании этого Л. Варади приходит к выводу, что, в сущности, наследственная служба летов ничем не отличалась от службы потомственных военных, а потому вполне вероятно, что их гражданские привилегии были аналогичны привилегиям ветеранов или солдат, состоявших на действительной военной службе⁵⁷.

Другой группой поселенцев-варваров, снабжавших армию новобранцами, были

генти́лы (*gentiles*). Статус гентилов, так же как и статус летов, вызывает много вопросов. По мнению Л. Варади, различие между двумя этими категориями поселенцев заключалось главным образом в их религиозной принадлежности: генти́лы были язычниками, в то время как леты были христианами⁵⁸. Впрочем, подобное предположение представляется необоснованным, поскольку среди летов было много аламаннов, в массе своей придерживавшихся языческих верований.

Согласно гипотезе А. Барберо, генти́лы обладали теми же правами и имели те же обязанности, что и леты, и разница между этими двумя категориями поселенцев заключалась только в названии: термин *gentiles* был общепринятым, а *laeti* использовался исключительно в Галлии. Присутствие двойной терминологии (*laeti gentiles*) объясняется тем, что в IV в. летами стали называть не только и не столько возвращенных из плена провинциалов, сколько иммигрантов-германцев. Поэтому для имперской администрации было вполне естественно объединить оба термина, чтобы подчеркнуть, что речь идет об особой категории летов⁵⁹. Префектуры сарматов-гентилов (*praefecturae Sarmatarum gentilium*), также расположенные в Галлии, были, очевидно, аналогичны по своему устройству префектурам летов-гентилов. Статуса летов сарматы не имели, поскольку были переведены в Галлию Константином II из других провинций, где они были квалифицированы просто как *gentiles*⁶⁰.

⁵⁸ Ibid. P. 346.

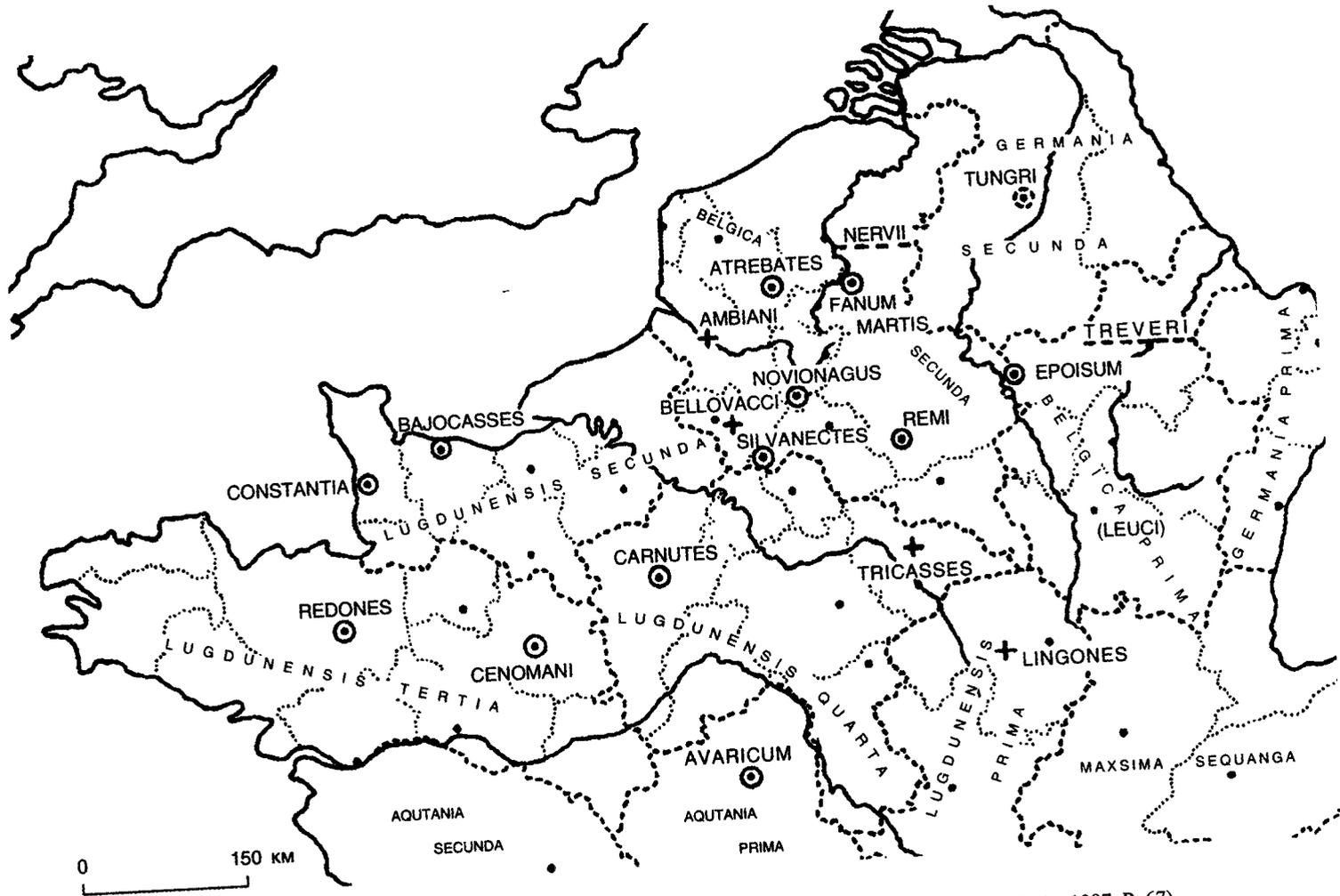
⁵⁹ Из 12 префектур летов лишь 8, в соответствии с предположением А. Барберо, были созданы для освобожденных из плена римских подданных. Четыре оставшихся предназначались для иммигрантов-варваров (ND, Oc., XLII, 34, 35, 42, 44).

⁶⁰ Barbero A. Barbari... P. 186, n. 19.

⁵⁵ «Gentilibus atque Scutariis adulescentes Laetos quosdam, cis Rhenum editam barbarorum progeniem...»

⁵⁶ Várady L. New Evidence on Some Problems of the Late Roman Military Organization // A. Ant. Hung., 1961. 9. P. 345.

⁵⁷ Ibid.

Префектуры летов в Северной Галлии (Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1987. P. 67)

Однако, вряд ли у нас есть достаточно веские основания, чтобы ставить знак равенства между летами и гентилами. Сведения, содержащиеся в наших источниках, показывают, что гентилы представляли собой особый тип поселенцев. Как отмечает Ю. А. Кулаковский, само название *gentiles* указывает на то, что колонисты-варвары жили на выделенных им землях, сохраняя свое родовое устройство⁶¹. Гентилы были совершенно чуждым для римлян элементом. Они не только не подверглись хоть в какой-нибудь степени романизации, но и получили от правительства право вести обособленное существование. Главное, что отличало в глазах римской администрации гентилы от остального населения, — это их традиционные языческие культы, которых они могли придерживаться вполне открыто (CTh, XVI, 5, 46; XVI, 10, 21)⁶². Центральная власть стремилась по мере возможности не допускать контактов гентилы с местными жителями. Один из указов Валентиниана I (368 г.) запрещал браки между гентилами и римлянами. Нарушившего это постановление ожидала смертная казнь (CTh, III, 14, 1)⁶³. Несмотря на право жить в соответствии со своими обычаями, предоставленное гентилам, они, однако, контроли-

ровались римскими офицерами в ранге префектов (ND, Ос., XLII, 46–70).

Большинство колоний гентилы находилось в Италии, а также в Галлии. По всей видимости, гентилы являлись так называемыми дедитициями (*deditiitii*), т. е. варварами, соглашавшимися под давлением обстоятельств занять местность, которую им выделяли для жительства римские власти (Amm., XVII, 13, 21–23). Закон от 406 г., изданный в Равенне, причисляет дедитициев к военному сословию наряду с солдатами и федератами (CTh, VII, 13, 16)⁶⁴. В законе не сказано ни слова о сарматах-гентилах, размещенных в Италии, и это служит свидетельством того, что именно эти последние и являлись *дедитициями*, о которых упоминает законодатель⁶⁵.

Закон Гонория от 409 г. свидетельствует о том, что охрану африканского лимеса правительство возложило на местные племена, обозначенные как *gentiles*. Наделы, отнятые посторонними лицами у гентилы, законодатель позволяет передавать ветеранам, а это значит, что на эти земли распространялись налоговые льготы. Как отмечает Л. Варади, тот факт, что гентилы упоминаются рядом с ветеранами, позво-

⁶¹ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 40, примеч. 3.

⁶² CTh, XVI, 5, 46: «gentiles, quos vulgo paganos appellant...»; CTh, XVI, 10, 21: «qui profano paganismi errore seu crimine polluuntur, hoc est gentiles...»

⁶³ «Nulli provincialium, cuiuscumque ordinis aut loci fuerit, cum barbara sit uxor coniugium, nec ulli gentili provincialis femina copuletur. Quod si quae inter provinciales atque gentiles affinitates ex huiusmodi nuptiis exstiterint... capitaliter expietur» («Да не возьмет никто из провинциалов себе жену из какого-либо варварского рода, и пусть ни одна провинциалка не вступит в брак с кем-нибудь из гентилы. А если установятся какие-то родственные отношения между провинциалами и гентилами, то пусть эти люди будут преданы смерти»).

⁶⁴ «Praecipue sane eorum servos, quos militia armata detentat, foederatorum nihilo minus et dediticiorum, quoniam ipsos quoque una cum dominis constat bella tractare» («Мы обращаемся особенно к рабам тех, кто несет военную службу, а также к рабам федератов и дедитициев, ибо известно, что они участвуют в ратных трудах вместе с хозяевами»).

⁶⁵ Е. П. Глушанин полагает, что *deditiitii* при переселении на римскую территорию не получали права гражданства: «Стремясь обеспечить бесперебойную поставку рекрутов от этих варваров, за ними не признавались права гражданства, дарованные остальному населению империи в 212 г. Племена, добровольно переходившие в империю... очевидно, вместе с территорией поселения получали peregrinский статус и были на положении внутримперских *gentiles*. Однако поставка молодежи в войска, видимо, и для них была основным условием поселения» (Глушанин Е. П. Генезис... С. 41).

ляет сделать вывод, что в правовом отношении *gentiles* были «очень ценным и уважаемым этническим элементом»⁶⁶.

В современной историографии сложилось мнение, что система набора, оформившаяся в конце III — начале IV в., имела один крупный недостаток: она не давала армии людей, в наибольшей степени пригодных для военной службы, поскольку капитулярии, естественно, стремились отправлять тех колонов, которые были наименее полезны в их хозяйстве (Veg., I, 7)⁶⁷. Кроме того, вместо своих колонов землевладельцы часто посылали на службу бродяг или беглых рабов. Поэтому среди законов о воинской повинности наиболее многочисленными являются те, которые предусматривают *exhibitio, prae-bitio*, или *oblatio iuniorum (tironum)*, т. е. предоставление полноценных рекрутов⁶⁸. В. И. Холмогоров полагает, что сыновья ветеранов и колоны являлись, «в сущности, почти никуда не годным боевым материалом». Поэтому правительство направляло таких подневольных рекрутов в пограничные войска. Подразделения же «полевой армии» комплектовались исключительно из наемников-варваров вне-

имперского происхождения⁶⁹. Кроме того, рекрутов-провинциалов необходимо было обучать и тренировать в течение достаточно долгого времени, прежде чем они становились солдатами. Для варваров же военное дело было занятием, к которому они приучались с детства. «Варвары, — пишет Вегеций, — и ныне считают, что только ему и нужно предаваться; они уверены, что все остальное состоит в этом искусстве и все через него они могут достичь» (Veg., III, 10)⁷⁰.

В действительности подобные выводы могут быть справедливы для ситуации, сложившейся в системе комплектования во второй половине IV в., но они являются совершенно необоснованными для первой половины того же столетия. Успешные войны, проводившиеся в период тетрархии и при Константине, обеспечивали непрерывный приток поселенцев-варваров. Будучи обязанными *prae-bitio*, они отправляли в армию всю свою молодежь. Например, согласно сообщению Евсевия, после поселения сарматов на римской территории те из них, которые были пригодны к военному делу, тут же были приняты на военную службу и зачислены в регулярные римские подразделения (Euseb., Vita Const., IV, 6). Это были первоклассные рекруты, уже готовые к участию в боевых действиях.

Как только новобранцы-варвары становились солдатами, они сразу же превращались в римских граждан, т. е. должны были нести все положенные повинности, но вместе с этим пользовались всеми привилегиями, гарантированными государством военным. В зависимости от необходимости их либо распределяли в уже

⁶⁶ Várady L. New Evidence... P. 347. В римской армии существовали гвардейские школы гентилей: на Востоке — *scola gentilium seniorum* (ND, Or., XI, 6), на Западе — *scola gentilium seniorum* и *scola gentilium iuniorum* (ND, Oc., IX, 7; ND, Or., XI, 10). Эти подразделения появились еще в III в. и первоначально были набраны исключительно среди гентилей. Но такое положение продержалось недолго, и в середине IV в. школы гентилей пополнялись лематами (Amm., XX, 8, 13).

⁶⁷ Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. Paris: SEDES, 1982. P. 259–260.

⁶⁸ CTh, VII, 13, 5 (368 г.? 370 г.? 373 г.?) (закон карает за предоставление искалеченных рекрутов); VII, 13, 6 (370 г.) (представление *adscripti censibus*); VII, 13, 8 (380 г.) (представление недостойных кандидатов) и др. (Carrié J.-M. Le système de recrutement... P. 372–373).

⁶⁹ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. X. С. 34.

⁷⁰ «Hanc solam hodieque barbari putant esse servandam; cetera aut in hac arte consistere omnia aut per hanc adsequi se posse confidunt».

существовавшие регулярные воинские части, в том числе и легионы, либо из них образовывали новые подразделения⁷¹. После службы иммигранты-варвары становились ветеранами, а их дети наследовали военные повинности отцов⁷². Поселение варваров на пустовавших пограничных землях гарантировало не только приток в армию необходимого числа рекрутов, но и поступление в казну значительных денежных сумм, полученных от провинциалов, не желавших идти на военную службу.

Чужеземные наемники, федераты и рекруты из внеимперских варваров. Уже во второй половине III в. римляне очень часто стали использовать наемников. Практика усиления действующей военной группировки отрядами наемников, распускавшимися после окончания военной кампании, была традиционной для империи. Она существовала со времен Марка Аврелия и не таила в себе никакой опасности до тех пор, пока наемники сражались против внешнего врага. В период кризиса III в. варварские вспомогательные войска также принимали участие в походах римской армии. Однако частые военные мятежи привели к тому, что претенденты на императорскую власть стали использовать варварские отряды как дополнительное средство в борьбе против своих противников⁷³.

Вовлечение варваров в гражданские войны стало особенно ощутимо после 260 г., когда римская армия понесла поражение от персов, а император Валериан был пленен. Известие об этой катастрофе послужило сигналом для начала многочисленных военных восстаний. Постум, объявив-

ший себя императором в Галлии, призвал на помощь многочисленные вспомогательные войска кельтов, франков (SHA, Gall., 7, 1)⁷⁴ и других германцев (SHA, Trig. tyr., 6, 2)⁷⁵. Количество варваров было в армии Постума столь велико, что Аврелий Виктор называет его *предводителем варваров* в Галлии (Aug. Vict., Caes., 33, 7)⁷⁶. По мнению А. Барберо, речь в данном случае идет не о рекрутах для регулярной армии, а об отрядах наемников под командованием собственных вождей. Эти контингенты были предоставлены Постуму в соответствии с договорами, заключенными в то время, когда он стоял во главе воинских сил, защищавших рейнскую границу⁷⁷. В IV столетии система усиления римской армии отрядами чужеземных варваров для борьбы с внешним или внутренним противником оставалась в принципе той же. Накануне каждой военной кампании, римляне всегда привлекали в армию большое количество наемников-варваров. Так, например, известно, что Магненций пополнял свою армию франкскими и саксонскими наемниками (Iul., Ad Const., I, 28), а Констанций II — готами (Amm., XX, 8, 1).

Особой формой привлечения военной силы варваров на помощь римским войскам стал *федеративный договор*, в соответствии с которым варвары-федераты получали от римлян определенное содержание в виде денежных выплат (*munera stipendia*) или поставок продовольствия (*annonae foederaticae*)⁷⁸, в обмен на которое они были обязаны оказывать военную помощь римским войскам. В доадрианов-

⁷¹ Barbero A. Barbari... P. 201.

⁷² Глушанин Е. П. Генезис... С. 116.

⁷³ Здесь необходимо различать регулярные вспомогательные войска, набранные из варваров, которые уже стали неотъемлемой частью римской армии, и временные отряды, сформированные для участия только в какой-то конкретной военной кампании.

⁷⁴ «...cum multis auxiliis Postumus iuvaretur Celticis atque Francicis...»

⁷⁵ «...cumque adhibitis ingentibus Germanorum auxiliis...»

⁷⁶ «Postumus, qui forte barbaris per Galliam praesidebat».

⁷⁷ Barbero A. Barbari... P. 56.

⁷⁸ Лазарев С. А. Военная организация... С. 76.

польский период контингенты федератов были малочисленными и поддерживали римскую армию, как правило, только тогда, когда она вела наступательные действия на территории противника⁷⁹. Это было обусловлено, с одной стороны, относительной стабилизацией внутри империи, а с другой — слабостью варварского мира⁸⁰. При Диоклетиане не было заключено ни одного федеративного договора с зарейнскими или задунайскими племенами, и в источниках не упоминается о выплатах им субсидий⁸¹. Данный факт объясняется тем, что успехи, достигнутые в конце III в. в борьбе с варварами позволили империи диктовать противнику условия мира с позиции силы. При Диоклетиане разгром варваров сопровождался, как правило, их переселением на римскую территорию (Eutrop., IX, 25). Победоносные войны сопровождались усиленным фортификационным строительством на лимесах. Все это делало ненужным заключение договоров с ослабленным врагом. Нет никаких сведений о федеративных договорах, заключенных с варварами, и в первые годы правления Константина. Однако ситуация меняется в начале 30-х гг. IV в. В 332 г. Константин нанес решительное поражение готам. Результатом одержанной победы стало заключение договора, продемонстрировавшего изменение политики империи в отношениях с варварским миром. Готы-тервинги стали клиентами

империи⁸². Согласно условиям заключенного соглашения, готы получали от римлян ежегодное содержание, доставляемое на кораблях дунайского флота. К этому добавлялись денежные выплаты и ценные подарки готским вождям. Продовольствие, которое отправлялось готам, становилось все более и более необходимым для их существования. Со своей стороны варвары были обязаны оказывать римлянам военную помощь (Euseb., Vita Const., IV, 5; Eutrop., X, 7; Excerpta Val., 6, 31; Aur. Vict., Caes., 41, 12; Them., Or., X, 10–11; Iord., 21). Готские отряды неоднократно использовали Констанций II и Юлиан⁸³. Готы оставались практически единственными постоянными федератами на северных границах империи⁸⁴.

⁸² Marcone A. Dal contenimento all'insediamento: I Germani in Italia da Giuliano a Theodosio Magno // Germani in Italia. Roma, 1994. P. 241, n. 3.

⁸³ Выше было отмечено, что Констанций вербовал готов, однако наряду с наемниками он получал также помощь от федератов, поэтому Аммиан и утверждает, что император вызывал «скифов» «за деньги или просьбами» («mercede vel gratia») (Amm., XX, 8, 1).

⁸⁴ До 323 г. федеративные отношения существовали и с сарматами, которые также получали от римлян ежегодное содержание. Начиная с этого года выплаты были отменены (Euseb., Vita Const., IV, 5). После того как сарматы были побеждены Константином и в большом количестве расселены на территории империи, это племя надолго перестало угрожать римским границам. На юге федератами долгое время были сарацины. Договор с ними был, вероятно, заключен в середине IV в., когда персидский царь Шапур II начал расширять границы своего государства в западном направлении. «Те, что вырвались от них (персидских войск. — А. Б.) бегством, присоединились к земле Рум» (Maçoudi. Les prairies d'or. Paris, 1863. Т. II. P. 177. Цит. по: Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV в. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 4). Расторгнуто союзное соглашение было Юлианом (Amm., XXV, 6, 10). Федеративные отношения были восстановлены в 372 г. после того как римляне потерпели от сарацин поражение (Soz., VI, 38). В соответствии с заключенным договором Валент, готовясь к войне с Персией, получил сарацинские конные отряды

⁷⁹ «О численности и структурной организации войск федератов нам ничего неизвестно. Очевидно, она была неустойчивой и варьировалась в соответствии с особенностями военной организации конкретного племени, с которым римское правительство заключало договор» (Лазарев С. А. Варвары на военной службе в позднеримской империи // Проблемы истории, филологии, культуры: межвуз. сб. Магнитогорск, 1994. Вып. 1. С. 76).

⁸⁰ Глушанин Е. П. Генезис... С. 112.

⁸¹ Там же. С. 110.

Кроме создания наемных отрядов или привлечения федератов, действовавших лишь во время проведения одной военной кампании, римское правительство вербовало чужеземных варваров для пополнения ими регулярных воинских частей. Такие волонтеры набирались индивидуально и служили на определенных условиях⁸⁵. В соответствии с заключенным договором римляне могли также потребовать от варваров отправки в армию своей молодежи. Подобные поставки рекрутов либо имели единовременный характер (Amm., XXVIII, 5, 4; XXXI, 10, 17; ср.: SHA, Prob., XIV, 7), либо совершались с определенной периодичностью (Amm., XVII, 13, 3). Возможно уже в III в. полученные от варваров рекруты попадали в подразделения, укомплектованные римскими гражданами. По сообщению Зосима, Клавдий II пополнял регулярные воинские части пленными готами (Zos., I, 46, 1). В жизнеописании Проба сообщается, что этот император потребовал у побежденных германцев 16 тыс. молодых рекрутов, которые были распределены по 50–60 чел. в различные воинские части римской армии (SHA, Prob., XIV, 7)⁸⁶.

от царицы Мавии, которые оказали большую помощь римлянам при обороне Константинополя в 378 г. (Socrat., V, 1).

⁸⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 679.

Добровольцы-варвары предпочитали проходить службу поблизости от родных мест, что объяснялось прежде всего их нежеланием надолго покидать свои семьи, с которыми они в продолжение всей службы поддерживали связь (Amm., XX, 4, 4; XXXI, 10, 3). Лазарев С. А. Варвары... С. 75.

⁸⁶ «...Ut numeris vel limitaneis militibus quinquagenos et sexagenos intersereret...». Впрочем, в данном случае неясно, имеем ли мы дело с информацией, исходящей из какого-то официального источника, или же этот факт был придуман автором. Упоминание о *лимитанах* — явный анахронизм, выдающий время создания жизнеописания. К тому же пояснение, которое дается этому поступку императора: «dicens sentiendum esse non videndum, cum auxiliarius barbaris Romanus iuvatur» («говоря, что должно

Весьма вероятно, что установление федеративных отношений с готами также способствовало тому, что регулярные подразделения римской армии стали очень активно пополняться рекрутами готского происхождения. Как отмечает А. Барберо, неслучайно именно с этого времени в эпитафических и папирологических источниках упоминаются римские солдаты и офицеры, носящие готские имена⁸⁷. Многие из готов на римской военной службе сделали блестящую карьеру и достигли самых высоких должностей в империи⁸⁸.

Несомненно, что при Константине в римскую армию попадало достаточно много варварских рекрутов. Известно, например, что, готовясь к войне с Максенцием, император пополнял свои войска военнопленными варварами особенно из германских и кельтских племен (Zos., II, 15, 1). Отрывочные сведения наших источников послужили основанием для историков XX в. говорить о массивной варваризации, а точнее германизации армии, произошедшей в период правления Константина⁸⁹. Предполагается, что основу римской армии при этом императоре стали составлять подразделения нового типа (*auxilia*), комплектовавшиеся исключительно зарейнскими германцами⁹⁰.

быть ощутимым, но невидимым, что римляне пользуются помощью варваров»), выглядит завуалированной критикой той ситуации, которая сложилась только к концу IV — началу V в., когда варвары составляли основную массу солдат в римской армии (Barbero A. Barbari... P. 65, n. 18).

⁸⁷ Barbero A. Barbari... P. 117.

⁸⁸ Ibid. P. 117, n. 29.

⁸⁹ «То войско, с которым Константин выступил на завоевание Италии, при помощи которого он победил Максенция у Мульвиевого моста и захватил Рим, состояло главным образом из варваров» (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 183).

⁹⁰ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. X. С. 32. См. так-

Количество солдат германского происхождения в армии Константина было весьма значительным. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас данные эпиграфики⁹¹. Однако данный факт еще не является неоспоримым доказательством того, что германские солдаты были чужеземными наемниками и что ауксии были наиболее распространенным типом подразделений в римской армии. Надписи, относящиеся ко времени кампании Константина против Максенция, свидетельствуют о том, что его армия состояла из старых воинских частей, существовавших до его прихода к власти⁹². У нас нет вообще никаких доказательств того, что новые ауксии были созданы именно при Константине⁹³. По мнению

же: Холмогоров В. И. Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцелина // ВДИ. 1939. № 3. С. 88.

⁹¹ Barbero A. Barbari... P. 91, n. 5.

⁹² Среди подразделений армии Константина были *vexillatio Dalmatarum Divitensium* (CIL, V, 7000; 7001; 7012), *vexillatio catafractariorum* (CIL, V, 6784), *numerus Dalmatarum Fortensium* (CIL, V, 5823), *legio IV Flavia* (CIL, V, 6782; 6783) (Mennella G. La campagna di Costantino nell'Italia nord-occidentale: la documentazione epigrafica // ARDV. P. 360, 362, 364).

⁹³ Мы можем лишь утверждать, что некоторые из этих подразделений во времена Константина уже существовали. По мнению ряда исследователей, Константином были созданы по крайней мере четыре новые ауксии: Кельты, Петуланты, Корнумы и Бракхиаты (Speidel M. P. The Four Earliest *auxilia Palatina* // REIMA. 2004. 1. P. 134–137). «...Последние исследования показали, что многие отряды ауксиляриев IV в. вместе с одноименными вексилляциями и легионами восходят к крупным соединениям III в., позднее разделенным на легионы, ауксии и вексилляции... Набирались они, скорее всего, не из свободных варваров, а из полуроманизованных жителей пограничных территорий. При таком взгляде на события в нашем представлении исчезает резкая хронологическая грань между ауксиями I–II вв. и ауксиями IV–V вв. Видимо, феномен поздних ауксильев может генетически восходить к ауксиям Ранней империи» (Шувалов П. В. Секрет армии Юстиниана. Восточ-

А. Барберо, мы можем выделить всего 8 отрядов, появившихся в период после Диоклетиана и до Юлиана⁹⁴. Однако все они могли быть созданы в правление сыновей Константина⁹⁵. К тому же только две из этих ауксий носят этнические названия: *Sagittarii Nervii* и *Sagittarii Tungri*. Но и нервии и тунгры населяли территории северо-восточной Галлии и были романизованы уже с давних пор⁹⁶. К. Цукерман насчитывает пятнадцать подразделений *auxilia*, появление которых он относит к первой половине IV в.⁹⁷ Из них, по мнению ученого, только Эрулы были набраны за пределами римского государства, остальные же были сформированы из местных уроженцев.

У нас вообще нет достаточно веских оснований утверждать, что правительство придерживалось принципа, по которому подразделения *auxilia* должны были формироваться из внеимперских элементов. Хотя Вегеций и утверждает, что ауксии комплектовались из варваров (Veg., II, 2), это вовсе не означает, что под варварами мы должны понимать чужеземных наемников. Многие слабо романизованные племена, сохранявшие свой родовой уклад (кельты, фракийцы, исавры, мавры и др.), хотя и являлись исконными жителями римских провинций, однако могли также считаться варварами⁹⁸. Кроме того,

норимская армия в 431–441 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 53).

⁹⁴ *Sagittarii Nervii, Sagittarii Tungri, Leones, Excultatores, Constantiani, Constantiniani, Defensores, Indices*.

⁹⁵ Barbero A. Barbari... P. 91.

⁹⁶ Ibid. P. 92, n. 6.

⁹⁷ Zuckerman C. Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des *auxilia* tétrarchiques // ARB–AFAM. P. 17.

⁹⁸ Ермолова И. Е. Laeti в поздней римской империи // АМ. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 230. См. также: Ермолова И. Е. Варвары на службе римской империи // Byzantino-Slavica. 2006. Т. 64. С. 20 сл.

варварами считались те иммигранты, которых правительство селило на пустовавших землях (*Laterculus Veronensis*, XIII). Не было смысла нанимать на военную службу живших за Рейном германцев, когда большое их количество находилось на территории Галлии. Поэтому логично предположить, что в доадрианоупольский период *auxilia* по большей части формировались именно из «варваров», живших в самой империи⁹⁹. Аммиан прямо указывает на то, что некоторые из частей *auxilia*, например Петуланты, вербовались из жителей пограничных римских областей (*Amm.*, XX, 4, 10)¹⁰⁰.

По мнению Е. М. Штаерман, эпиграфические данные, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что даже после издания эдикта Каракаллы в прирейнских областях оставались лица, на имевшие римского гражданства и получавшие его только после прохождения военной службы. Ничего не доказывает, что это были варвары, лишь недавно переселившиеся на территорию империи (*Штаерман Е. М. К вопросу о *deditioni* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 2002. № 2. С. 82*). Аналогичная ситуация прослеживается и в придунайских провинциях, где некоторые фракийские племена не получили прав гражданства (Там же. С. 86). «Судя по приведенным надписям, сельское население Рейнских и Дунайских областей продолжает еще в течение нескольких десятилетий получать римское гражданство за военную службу... Возможно, что исключение, сделанное из эдикта Каракаллы и затрагивавшее главным образом те области, которые доставляли наибольшее число солдат, имело целью сохранить некоторую притягательную силу за военной службой, дававшей римское гражданство» (Там же. С. 88).

⁹⁹ *Берхем Д. ван. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с фр. А. В. Банникова. СПб.: Акра, 2005. С. 156.*

¹⁰⁰ Отметим, что многие из подразделений *auxilia* носят названия племен, населявших римские провинции, и прежде всего галлов (*Tongricani* (ND, Oc., V, 148), *Celtae* (ND, Oc., V, 161, 205), *Nervii* (ND, Oc., V, 170; ND, Or., V, 46), *Tungri* (ND, Oc., V, 174, 219), *Sequani* (ND, Oc., V, 102), *Gallificani* (ND, Oc., V, 209–212, 217–218, 220, 247; VI, 55; ND, Or., V, 35, 54–55; VIII, 43, 50), *Galli* (ND, Oc., V, 214), *Biturigenses* (ND, Or., V, 34)). Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что в значительной своей части ауксилиии были укомплектованы уроженцами империи.

По мысли А. Х. М. Джонса, подразделения с племенными названиями, которые появились в III — начале IV в., через одно или два поколения утрачивали свой определенный племенной характер и позднее их состав мало чем отличался от других частей римской армии; при этом в большинстве случаев в подразделения *auxilia* могли попадать как римляне, так и варвары¹⁰¹. Это было, несомненно, так в том случае, когда подразделение, сформированное из варваров, отправлялось на службу в отдаленную провинцию. Однако ситуация совершенно меняется, когда речь идет о римских воинских частях, созданных из местных жителей. Выше уже отмечалось, что Кодекс Феодосия требует, чтобы сын ветерана зачислялся в часть, в которой служил его отец. При соблюдении этого условия национальный состав подразделений мог длительное время оставаться одним и тем же. И хотя Вегций утверждает, что перед рекрутами была возможность выбора, в каких частях им служить — в легионах или ауксилиях (*Veg.*, II, 3), очевидно, что это не влияло на общее положение дел, ибо большая часть подразделений римской армии, в том числе и *auxilia*, несла службу именно в тех местах, где данные подразделения были созданы и где проживали их соплеменники. Например, Петуланты отказались отправляться на Восток, мотивируя это тем, что их жены и дети попадут в рабство к аламаннам (*Amm.*, XX, 4, 10). А когда император Грациан отправил на помощь восточным войскам несколько своих отрядов, то многие из его солдат дезертировали, не желая оставлять Галлию без защиты (*Amm.*, XXXI, 7, 4).

О. Шмитт полагает, что была еще одна причина, по которой в ауксилиии не могло

¹⁰¹ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 620.*

попадать большого количества чужеземных варваров, в особенности германцев. В подразделения *auxilia* должны были брать либо жителей империи, либо варваров, обитавших в сильно романизованных областях. Это было необходимо хотя бы потому, что гарантировало соблюдение дисциплины и чувство общности в отряде. Поэтому римское командование стремилось не допустить, чтобы процент иноземных солдат в ауксулиях был слишком высок¹⁰². Таким образом, на практике в IV столетии рядовой состав армии, защищавшей рейнскую границу, рекрутировался почти исключительно из галлов и германцев, проживавших в империи.

Командный состав в большинстве отрядов *auxilia* назначался императором, а потому офицеры могли и не состоять в племенном родстве со своими солдатами (Amm., XXV, 10, 9)¹⁰³. Особенно это касалось трибунов¹⁰⁴. Согласно Аммиану, еще в 378 г. во главе всех восточных частей (а следовательно, и *auxilia*) стояли офицеры-римляне (Amm., XXXI, 16, 8)¹⁰⁵.

¹⁰² Schmitt O. Stärke, Struktur und Genese des comitatensischen Infanterienumerus // BJ. 2001 [2004]. Bd. 201. S. 96.

¹⁰³ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 620.

¹⁰⁴ Впрочем, хотя и редко, это правило могло нарушаться. Один из таких случаев отмечает Аммиан, когда говорит о стоявшем в Британии отряде (очевидно, ауксулии) аламаннов, трибуном которого был назначен аламаннский царек Фраомарий (Amm., XXIX, 4, 7).

¹⁰⁵ Тем не менее, согласно тому же Аммиану, во главе подразделений, дислоцированных в западных провинциях, большую часть командиров составляли варвары. Из трибунов, упомянутых историком, 9 были франками и 5 аламаннами. Возможно, они все являлись уроженцами империи. Однако тот факт, что Аммиан считает нужным указать на их происхождение, позволяет предположить, что в его глазах они не были римлянами (Castillo C. Tribunos militares en Ammianus Marcellinus // ARDV. P. 47–54).

Как отмечалось выше, данные эпиграфики свидетельствуют, что вопреки сложившемуся мнению основу армии Константина во время борьбы за Италию по-прежнему составляли подразделения старого типа, рекрутировавшиеся среди римских подданных. Шесть надписей этого периода, обнаруженных в Турине и Милане, принадлежат солдатам, носящим родовое имя Аврелий, что является доказательством получения их предками римского гражданства после появления эдикта Каракаллы. Все эти солдаты служили в подразделениях далматских всадников, существовавших задолго до Константина (*numerus Dalmatarum Divitensium, numerus Dalmatarum Fortensium*). Четыре других надписи принадлежат легионерам Второго Итальянского легиона и Четвертого Флавиева. Армия, с которой Константин воевал против готов в Дакии, также состояла преимущественно из легионов (Седьмого Клавдиева, Тринадцатого Сдвоенного и Пятого Македонского)¹⁰⁶.

Даже в кризисные периоды количество чужеземцев в армии по сравнению с общей численностью вооруженных сил было незначительным. Принципы комплектования оставались теми же, что и раньше, и военная служба считалась обязанностью и привилегией граждан империи. Уже один факт учреждения принудительного поместного набора нагляднее всего свидетельствует в пользу того, что правительство стремилось пополнять армию римскими подданными, избегая массивного привлечения в ее ряды чужеземных варваров¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Barbero A. Barbari... P. 92, n. 7.

¹⁰⁷ Ibid. P. 85. Во времена Диоклетiana основное количество пригодных к службе рекрутов правительство получало из балканских провинций. Известно, например, что Галерий для войны против персов собрал армию в Иллирике и Мезии (Eutrop., IX, 25). Аврелий Виктор добавляет, что армия Галерия состояла как из ветеранов, так и из новобранцев (Aur. Vict., Caes., 39, 34).

2. РАЗЛИЧНЫЕ КАТЕГОРИИ ВОЙСК

Согласно традиционной концепции, сформулированной еще Т. Моммзенем, длительный процесс эволюции римской военной системы привел к созданию особой *мобильной*, или *полевой*, *армии*, находившейся под непосредственным командованием самого императора. Эта армия получила название *comitatus* (свиты), а солдаты, составлявшие ее, — *comitatenses* (свитских). Задачей комитата было как уничтожение неприятеля, прорвавшегося вглубь римских владений, так и совершение походов непосредственно на территорию противника. Кроме того, комитат был той силой, опираясь на которую император мог бороться с узурпаторами любого толка. Щедрые денежные раздачи, осуществлявшиеся за счет находившейся при императорской ставке государственной казны, превращали «свитские» войска в надежных исполнителей воли главнокомандующего. Между солдатами, служившими в комитате, и императором первоначально существовала личная связь, которую Г. Дельбрюк сравнивает с отношениями германского короля-полководца со своей дружиной¹⁰⁸. Личная связь комитатенсов с особой императора имела принципиальное значение. Она исключала какую бы то ни было возможность длительного существования подразделений комитата вне императорского окружения. По мнению Е. П. Глушанина, после 324 г., когда Константин стал единым правителем империи, комитат как единая походная армия императора утратил свое значение. Подразделения этой группировки

были размещены отныне в разных приграничных провинциях и образовали так называемые региональные походные армии. Именно поэтому в официальных источниках экспедиционные силы империи стали называться *comitatenses*¹⁰⁹.

Подразделения, не вошедшие в состав комитата, были дислоцированы вдоль границ, и именно на них возлагалась задача первыми отражать любые попытки неприятеля совершать нападения на провинции. Войска, защищавшие сухопутные рубежи, получили название *limitanei*, а те, которым надлежало защищать берега Рейна и Дуная, — *ripenses*, или *riparienses*. В современной научной традиции сложилось крайне негативное отношение к этим категориям войск. Считается, что они представляли собой полукрестьянскую милицию, обязанную во время службы обрабатывать земельные участки в приграничных зонах. Солдаты-землепашцы были прикреплены к своим земельным наделам, а служба их носила наследственный характер. По мнению ряда ученых, аграризация римской армии была следствием введения поместного набора¹¹⁰.

В последнее время в зарубежной историографии были предприняты попытки пересмотреть эту традиционную схему. С острой критикой моммзеновской теории выступил Я. Ле Боэк. Согласно выдвинутой им концепции, разделение армии на *мобильную* и *оседлую* является вымыслом современных исследователей. Все солдаты в эпоху Поздней империи были *limitanei*, поскольку их главной задачей была защита границ. На протяжении всего IV в. лимитаны никогда не превращались в оседлые войска и не имели ничего общего

¹⁰⁹ Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 66.

¹¹⁰ Birley E. Septimus Severus and the Roman Army // Epigraphische Studien. 1969. Bd. 8. S. 69–82.

¹⁰⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 183.

с крестьянской милицией. По мысли исследователя, солдаты-землепашцы — это миф, порожденный самими древними. Создавая его, императорская официальная пропаганда пыталась оправдать присутствие поселений варваров на территории империи и заставить римских подданных поверить в то, что варвары, расселенные в приграничных областях, были умышленно призваны властями, чтобы нести военную службу. Ученые приняли этот миф на веру, не обратив внимания на то, что невозможно для одного и того же человека быть хорошим солдатом и хорошим крестьянином, поскольку оба этих занятия носили сезонный характер и могли выполняться только в одно и то же время, т. е. в летний период¹¹¹.

По-видимому, мы действительно должны внести определенные коррективы в вопрос о том, кто такие были комитатенсы и лимитаны и какие задачи они обязаны были выполнять. Существует несколько точек зрения относительно времени возникновения мобильной императорской армии. Т. Моммзен, Р. Гроссе и Г. Дельбрюк полагают, что это произошло в результате реформ Диоклетиана¹¹². Э. Нишер считает ее плодом реформаторской деятельности Константина¹¹³. Э. Нишера поддерживает и Д. ван Берхем, по мнению

которого разделение римских вооруженных сил на две армии, одна из которых, как и ранее, отвечала за охрану границ, а другая находилась в непосредственном подчинении у императора, произошло между 311 и 325 гг.¹¹⁴ Согласно Е. П. Глушанину, зарождение мобильной императорской армии относится ко времени Маркоманских войн, а при Константине происходит лишь окончательное оформление ее статуса¹¹⁵.

Судить о том, по какому принципу формировалась действовавшая армия в период тетрархии, мы можем на основании данных папирусов, изученных Д. ван Берхемом. Особое место здесь принадлежит оксиринхскому папирусу 43 *recto*, который производит подсчет фуража, выданного эпимелетом города Оксиринха войскам экспедиционного корпуса, подавлявшего мятеж в Египте. Этот корпус был составлен из вексилляций, откомандированных как минимум из 18 легионов, имевших место постоянной дислокации в провинциях Мезия Первая (Четвертый Флавиев и Седьмой Клавдиев), Мезия Вторая (Одиннадцатый Клавдиев) Прибрежной Дакии (Пятый Македонский) и др.¹¹⁶

Египетский экспедиционный корпус не был исключением. Одиннадцатый Клавдиев легион отправил в Аквилею еще одну вексилляцию, которая затем была переброшена вместе с вексилляцией Второго Геркулиева легиона в Северную Африку (CIL, V, 893; VIII, 8440)¹¹⁷. Таким образом, основную часть действующих армий тетрархов составляли солдаты из пограничных легионов, прежде всего дунайских, а следовательно, к концу III в. система комплектования действующей

¹¹¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 117.

¹¹² *Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen seit Diocletian // Hermes.* 1889. Bd. 24. S. 228; *Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1920. S. 59 f; *Дельбрюк Г. История военного искусства...* С. 161. Из отечественных исследователей эту точку зрения разделяет В. И. Холмогоров (*Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа...* Гл. V. С. 30).

¹¹³ *Nischer E. von. Die Zeit des stehenden Heeres // Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer.* München, 1928. S. 569 f.

¹¹⁴ *Берхем Д. ван. Римская армия...* С. 137–138.

¹¹⁵ *Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина.* С. 66.

¹¹⁶ *Берхем Д. ван. Римская армия...* С. 162–163.

¹¹⁷ Там же. С. 163.

армии оставалась, в принципе, той же, что и во времена принцепата.

Наряду с обычными подразделениями конницы и вексиляциями часть отрядов в папирусе названа «комитами» (*comites*) (Р. Оху., 1, 43, col. 2, 24–8). Это не единственный документ, относящийся к периоду тетрархии, который говорит о комитах и комитате. Другим является надпись легионера Одиннадцатого Клавдиева легиона, который был зачислен ланциарием в «священный комитат» (*lectus in sacro comit(atu) lanciarius*) (CIL, III, 6196 = ILS, 2781). Третий документ — посвятельная надпись из Бовьера, сделанная благодаря попечению командира отряда всадников-комитов (*praepositus equitibus Dalmatis Aquestianis comit(ibus)* или *comit(atensibus)*) (CIL, III, 5565 = ILS, 664). Последний документ — посвятельная надпись Аврелия Гая (AE, 1981, 777). Начав службу с простого солдата, Аврелий Гай достиг звания опциона комитов (*optio comitibus*) в Первом Юпитеровом Скифском легионе.

Впрочем, ни один из этих документов не является доказательством существования в период тетрархии мобильных армий, солдаты которых имели особый статус. Во-первых, отметим, что между словами *comites* и *comitatenses* нет ничего общего. *Notitia Dignitatum* перечисляет множество кавалерийских отрядов комитов, имевших статус *vexillationes palatinae* или *vexillationes comitatenses*¹¹⁸. Согласно утверждению Аммиана, в таких

подразделениях служили свободнорожденные варвары, отличавшиеся силой и отборным вооружением (Амм., XVIII, 9, 4). Во-вторых, посвятельная надпись из Бовьера свидетельствует, что комиты были подчинены, по всей видимости, дуксу Норика, следовательно, входили в состав военных сил, отвечавших за охрану лимеса, и не являлись частью походной армии. В-третьих, упоминание о *sacer comitatus* не может служить доказательством существования походной армии, а, скорее, свидетельствует об обратном. Значение слова *comitatus* менялось на протяжении веков. В I–II вв. *comitatus principis* представлял собой ближайшее окружение принцепса, которое образовывали его друзья и советники (*comites Augusti*). Это была в прямом смысле слова свита императора. В правление Марка Аврелия термин *comitatus* приобретает уже более официальное значение. Так стал называться императорский полевой лагерь и круг офицеров и приближенных, которые сопровождали императора в период военной кампании¹¹⁹. Со времен правления Северов комитат стал называться священным (*sacer*), что являлось попыткой дистанцировать императорский двор от остального окружения¹²⁰. Надпись ланциария, говорящая о «священном комитате», позволяет сделать вывод, что при Диоклетиане *comitatus* все еще оставался личной гвардией императора, как это было при Северах¹²¹.

Наиболее убедительным подтверждением того, что в период тетрархии не произошло разделение армии на полевую и пограничную, являются два постановления

¹¹⁸ *Comites seniores* (ND, Oc., VI, 43 = VII, 159); *comites iuniores* (ND, Oc., VI, 32 = 75); *comites Alani* (ND, Oc., VI, 8 = 50, VII, 163); *comites Arcadiaci* (ND, Oc., VIII, 25); *comites catafractarii Bucelarii iuniores* (ND, Or., VII, 25); *comites clibanarii* (ND, Or., V, 29); *comites Honoriaci* (ND, Or., VIII, 26); *comites sagittarii Armeni* (ND, Or., VI, 31); *comites sagittarii iuniores* (ND, Or., V, 30); *comites Taifali* (ND, Or., VI, 31).

¹¹⁹ Seeck O. *Comitatus* // RE. 1910. Bd. 4. S. 622.

¹²⁰ Берхем Д. ван. Римская армия... С. 164.

¹²¹ Seston W. Du comitatus de Dioclétien aux comitatenses de Constantin // Historia. 1955. Bd. 4. P. 284–296.

этого периода, касающиеся ветеранов¹²². В одном из них указывается, что все ветераны, прослужившие 20 лет в *легионах* или *вексилляциях*, после отставки получали освобождение от личных повинностей (CI, VII, 64, 9)¹²³. Тот факт, что законодатель не считает нужным указать, что существовали более и менее привилегированные легионы и вексилляции, наглядно демонстрирует, что подразделения еще не различались по своему статусу. Второй указ со всей определенностью противопоставляет службу в легионах и вексилляциях службе в когортах. Последние считались подразделениями более низкого класса (CI, X, 55, 3)¹²⁴. Таким образом, мы можем сделать вывод, что к началу IV в. изменение, коснувшееся положения воинских частей, заключалось прежде всего в том,

что кавалерийские эскадроны превратились в самостоятельный род войск столь же полноправный, как и сами легионы.

Та же ситуация сохраняется и в начале правления Константина. В рескрипте 311 г., текст которого сохранился на «плите из Бригециона», император подтверждает привилегии ветеранов для легионеров и всадников вексилляций. И снова нет никакого противопоставления статуса солдат *мобильных* и *пограничных* подразделений.

Впервые *comitatenses* как особый класс солдат юридически засвидетельствованы в указе Константина от 325 г. (CTh, VII, 20, 4 pr.). Впрочем, на основании этого документа мы можем утверждать только то, что в римской армии было три категории военнослужащих:

- 1) *comitatenses*,
- 2) *ripenses*,
- 3) *alares* и *cohortales*.

Comitatenses были самыми привилегированными по сравнению с двумя остальными группами. Однако это вовсе не означает, что они образовывали какую-то особую армию. Более того, данный эдикт вполне определенным образом противоречит подобному пониманию роли комитатенсов. В эпоху принципата существовали три основные категории войск: преторианская гвардия, легионы и вспомогательные подразделения. Первые обладали наибольшими привилегиями. После роспуска преторианской гвардии и образования новых гвардейских подразделений именно последние должны были в глазах законодателя иметь самый высокий статус. Если же комитатенсы, обозначенные в указе, — это солдаты походной армии, то куда же тогда девались гвардейцы, стоявшие неизмеримо ближе к особе императора, чем солдаты всех остальных категорий войск? Поэтому будет естественным предположить, что комитатенсы Константина являлись в прямом смысле

¹²² Постановления вышли до 305 г. (*Берхем Д. ван*. Римская армия... С. 121).

¹²³ «Veteranis qui in legione vel vexillatione militantes post vicesima stipendia honestam vel causariam missionem consecuti sunt, honorum et munerum personalium vacationem concessimus. Huius autem indulgentiae nostrae tenore remunerantes fidam devotionem militum nostrorum etiam provocandi necessitatem remisimus» («Мы предоставляем освобождение от личных повинностей ветеранам, которые, прослужив 20 лет в *легионах* или *вексилляциях*, получили почетную отставку или отставку по инвалидности. В духе этой нашей снисходительности, вознаграждая верную преданность наших солдат, мы даем им также возможность апелляции»).

¹²⁴ «Veteranis ita demum honorum et munerum personalium vacatio iure conceditur, si post vicesimum annum militiae, quam in legione vel vexillatione militaverunt, honestam vel causariam missionem, consecuti esse ostendantur. Unde cum te in cohorte militasse commemoras, intellegis supervacuo vacationem tibi velle flagitare» («Ветеранам при том лишь условии по праву предоставляется освобождение от личных повинностей и исполнения обязанностей, если после двадцати лет службы, каковую они отбыли в легионе или в вексилляции, станет ясно, что они получают почетную отставку или отставку по инвалидности. Поэтому, когда ты упоминаешь, что служил в когорте, ты понимаешь, что тебе бесполезно требовать для себя освобождения [от обязанностей]»).

слова *свитскими войсками*, т. е. теми, которые состояли непосредственно при императоре.

Термин *comitatenses* (в военном значении слова) появился в начале IV в., но в этот период употреблялся еще достаточно редко¹²⁵. У нас нет ни одного документа, на основании которого мы могли бы сделать вывод, что он получил какое-либо широкое распространение в доадрианопольский период. Утверждение Е. П. Глушанина, что после 324 г. единая прежде походная армия императора (комитат) была разделена на отдельные группировки, размещенные в различных провинциях, выглядит заведомо несостоятельным. Во-первых, как это следует из наших источников, армия, находившаяся под командованием Константина, насчитывала в лучшем случае 40 тыс. солдат, поэтому дробить ее на отдельные части не было смысла. Во-вторых, едва ли у нас есть достаточно веские основания вслед за Е. П. Глушаниным апеллировать к кодексам, где оговариваются права и привилегии солдат, служивших в различных воинских подразделениях, а потому и речь идет исключительно о комитатенсах. Упоминания о комитате (в военном значении слова) там нет ни до, ни после 324 г. Пожалуй, единственный источник, позволяющий нам внести ясность в данный вопрос — это труд Аммиана Марцеллина. Аммиан, как правило, использует слова *comitatus*, *comitatus Augusti*, *comitatus principis*, *comitatus imperatoris* для обозначения двора, или ставки, где располагался сам император и находившиеся при нем лица (Amm., XIV, 5, 8; XV, 3, 9; 7, 6; 8, 18; XVI, 6, 1; 8, 7; 11, 15; 12, 66; XVII, 2, 3; 11, 1; XVIII, 3, 1; 5, 5; XIX, 3, 2; XXII, 11, 7; XXV, 10, 9; XXVI, 5, 7; XXVIII, 1,

26; 1, 41; 2, 9; 3, 9; 5, 12; 6, 9; 6, 16; 6, 20; 6, 27; 6, 29; XXX, 1, 3). Здесь были члены консистории вместе с префектом претория, государственная казна и знаки императорского отличия (Amm., XXXI, 12, 10). Придворное окружение императора, даже не связанное каким-либо образом с вооруженными силами, Аммиан называет *comitatensis* (Amm., XVIII, 4, 2).

У Аммиана есть всего три замечания, которые позволяют нам увязать слова *comitatus* и *comitatenses* с вооруженными силами. Однако все они имеют принципиальное значение для разрешения вопроса, чем же являлся комитат и каковы были функции комитатенсов. Всех военнослужащих римской армии Аммиан делит на две категории: на тех, кто «следует за комитатом», и на тех, кто «следует за знаменами» (Amm., XXI, 12, 2)¹²⁶. Это весьма важное указание историка, которое позволяет нам понять, кем являлись комитатенсы в его время. *Комитатенсы* следуют за *комитатом*, при этом неясно, имеется ли в виду двор императора или комитат в военном смысле слова. Само слово *comitatus*, стоящее в единственном числе, наглядно демонстрирует отсутствие нескольких так называемых мобильных, или полевых, армий, солдаты которых обладали бы статусом *comitatenses*.

Второе интересующее нас упоминание связано с подавлением восстания Фирма. На борьбу с узурпатором был отправлен магистр кавалерии Феодосий, в помощь которому был дан небольшой отряд комитатенсов (Amm., XXIX, 5, 4)¹²⁷. Но, опять же, непонятно, были ли комитатенсы включены в состав корпуса Феодосия в качестве усиления или же этот корпус состоял исключительно из комитатенсов. Наибо-

¹²⁶ «qui comitatum sequebantur aut signa».

¹²⁷ «cum comitatensis auxilio militis pauci Theodosius magister equitum mittitur».

¹²⁵ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 143.

лее вероятным представляется первое предположение, поскольку костяк экспедиционного корпуса Феодосия состоял из двух легионов¹²⁸, что в понимании того же Аммиана было достаточно большой силой (Amm., XXIX, 6, 13)¹²⁹, а потому он не стал бы говорить о небольшом числе воинов, если бы имел в виду все войска, подчиненные магистру. Небольшое число комитатенсов, приданных Феодосию, являлось, скорее всего, дворцовой школой, образовывавшей почетный эскорт командующего¹³⁰.

Третье замечание Аммиана, позволяющее нам судить о том, что же представлял собой *комитат* носит принципиальный характер. После победы в битве при Аргентарии римские войска перешли Рейн и столкнулись с противником в труднопроходимой местности. Аммиан пишет, что в этом сражении пало много римских солдат, в то время как доспехи солдат императорского комитата, «блиставшие золотом и разноцветными красками», погнулись под ударами метательных снарядов противника (Amm., XXXI, 10, 14)¹³¹. Такое противопоставление комитатенсов солдатам остальной армии позволяет сделать недвусмысленный вывод, что *comitaten-ses* — это императорские гвардейцы, а понятие *comitatus* не изменило своего старого значения и обозначало свиту императора в широком смысле этого слова, а в исключительно военном — императорскую гвардию. То же самое противопоставление *армии* и *комитата* звучит в словах автора «Эпитомы о жизни и нравах

императоров», утверждавшего, что Грациан за большие деньги вербовал немногих аланов, которые образовали его *comitatus barbarorum*. Этим император вызвал неудовольствие римских солдат ([Aug. Vict.], Epit., 47, 6). Вряд ли мы можем согласиться с мыслью Я. Ле Боэка, считающего, что назначением комитатенсов было участие в парадах, а не собственно военная служба¹³². Приведенные выше примеры показывают, что комитатенсы были боевыми подразделениями. Их роль и задачи были, по-видимому, аналогичны тем, которые исполняли преторианцы в период принципата.

Составной частью «мобильной армии» принято считать *milites palatini* (дворцовые войска). Самое раннее упоминание в Кодексе Феодосия об этой категории солдат относится к 365 г. (CTh, VIII, 1, 10), однако большинство исследователей считает, что *palatini* как наиболее привилегированная часть *полевой армии*, совершенно не связанная с функцией охраны дворца, появились значительно раньше. П. Саутерн и К. Р. Диксон находят, что одной мобильной армии, сосредоточенной непосредственно при императоре, было недостаточно для поддержания спокойствия на всех границах империи; поэтому в наиболее беспокойных диоцезах (Галлия, Иллирик, Фракия, Восток) были созданы так называемые *региональные полевые армии*, подчинявшиеся командующим в звании *magister equitum* или *comes rei militaris*¹³³. При этом из единой полевой армии были выделены лучшие отборные отряды, которые образовали «центральную полевую армию», находившуюся под непосредственным командованием самого

¹²⁸ Об этом см. ниже: гл. IV. 1. Численность и структура различных подразделений.

¹²⁹ «*valida proeliis manus*».

¹³⁰ Об этом см. ниже: гл. IV. 1. Численность и структура различных подразделений.

¹³¹ «...*cadebantque nostrorum non pauci, simul arma imperatorii comitatus auro colorumque micantia claritudine, iaculatione ponderum densa confringebantur*».

¹³² *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 142.

¹³³ *Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army*. London: B. T. Bastford Ltd, 1996. P. 19; *Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 608.

императора¹³⁴. В дальнейшем, чтобы отличить *comitatenses* императорской армии от *comitatenses* региональных армий, первым был присвоен титул *palatini*¹³⁵. По мнению В. И. Холмогорова, такое разделение могло произойти при Константине или даже Диоклетиане¹³⁶.

Впрочем, достаточно веских оснований полагать, что термин *palatini* уже в доадрианонопольский период изменил свой первоначальный смысл, у нас нет. В широком смысле слова *palatini* также были комитатенсами, т. е. состояли при особе императора, однако выполняли более специализированные задачи. Аммиан всякий раз, когда упоминает о подразделениях *palatini*, имеет в виду исключительно дворцовые войска, на которые была возложена функция охраны императорской резиденции (Amm., XXVI, 6, 5). Вероятно, выполняемые ими задачи были подобны тем, которые выполняли в эпоху принципата *corporis custodes* или *equites singulares*. Палатинские подразделения образовывали также почетный конвой командующих армиями. Именно поэтому упомянутый выше указ Валентиниана I от 365 г. называет *palatini* среди других подразделений армии, подчиненных общеармейскому командованию¹³⁷.

По всей видимости, палатинские подразделения — это первоначально дворцовые *схолы* (*scholae palatinae*), на которые

была возложена функция охраны особы императора¹³⁸. После битвы у Мульвиного моста Константин распустил те подразделения римского гарнизона, которые оказали поддержку его противнику Максенцию. Речь прежде всего шла о преторианских когортах и *equites singulares Augusti*. Считается, что именно этот факт заставил императора взамен распущенных подразделений сформировать несколько новых гвардейских отрядов — *схол*. В действительности, хотя большинство исследователей связывают появление *схол* с периодом правления Константина, время их образования в точности неизвестно. Некоторые склонны даже полагать, что *схолы* были сформированы уже во времена Диоклетиана¹³⁹. Первое упоминание о *схолах* в Кодексе Феодосия относится к 346 г. (CTh, XII, 1, 38)¹⁴⁰. Нам также неизвестны ни общее количество *scholae palatinae*, ни численность каждой *схолы* для периода правления Константина.

На наш взгляд, *схолы*, по крайней мере в том виде, в котором они существовали в середине IV в., были действительно созданы Константином. Однако создание этого нового гвардейского корпуса не было связано с роспуском преторианской гвардии, поскольку преторианские когорты перестали быть гвардией императора с тех самых пор, когда Рим перестал быть местом императорской резиденции. Более вероятным представляется связать появление *схол* с легализацией Константином христианства. Согласно утверждению Евсевия, свою личную гвардию император набирал среди христиан. Особый отряд, также состоявший из христиан,

¹³⁴ MacDowall S., Embleton G. Late Roman Infantryman, 236–556 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. P. 4.

¹³⁵ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 19.

¹³⁶ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. V. С. 41.

¹³⁷ Этот указ был издан в тот момент, когда империя была атакована варварскими племенами на всех границах. Возможно, что именно поэтому Валентиниан I для усиления действующей армии включил в ее состав дополнительно некоторые гвардейские отряды.

¹³⁸ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 18; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 35.

¹³⁹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 613.

¹⁴⁰ Ibid. P. 612.

был учрежден для охраны нового императорского штандарта — лабарума (Euseb., *Vita Const.*, II, 8–9; IV, 18, 1; cf.: Soz., I, 4). Данная информация подтверждается Зосимом, согласно которому гвардейская схола, отправленная Константином II с Юлианом в Галлию, состояла из солдат, способных скорее молиться, нежели сражаться (Zos., III, 3, 2).

Схолы не подчинялись общеармейскому командованию, а находились в ведении магистра оффиций (*magister officiorum*) (ND, Or., XI; ND, Oc., IX), что наглядно подчеркивало их связь с дворцом и самим императором. Если судить по названиям схол, сохраненным в *Notitia Dignitatum*, это были подразделения тяжеловооруженной кавалерии¹⁴¹. Вероятно, уже при Кон-

стантине из схол выбирали по сорок кандидатов (*candidati*) в личную охрану императора (Amm., XV, 5, 16; XXXI, 13, 14; 15, 8–9). Название *candidati* происходит от белого цвета одежды, которую носили новые телохранители. *Candidati*, так же как и схолы, образовывали кавалерийские отряды и находились под командованием магистра оффиций¹⁴².

Единственным документом, на основании которого можно утверждать, что подразделения *comitatenses* и *palatini* не были связаны с фигурой императора, является *Notitia Dignitatum*. Согласно ее данным, подразделения комитатенсов состояли из легионов и вексилляций¹⁴³. Основная часть легионов, имевших статус *comitatenses*, вела свое происхождение от старых легионов принципата и первой тетрархии¹⁴⁴.

¹⁴¹ В. И. Холмогоров отмечает, что схолы имели «наиболее сложное» вооружение и даже конные лучники схол представляли собой тяжеловооруженную кавалерию, чего не встречается в остальных подразделениях армии (Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. VII. С. 114). В VI в. схолы утратили военное значение. Их функции ограничились исключительно охраной дворца (Просор., НА, XXIV, 15). При Юстиниане звание схолария приобреталось за взятку и, если верить Прокопию Кесарийскому, то даже рабы «могли купить доступ к этой службе» (Просор., НА, XXIV, 18). Подобное положение привело к тому, что схолы превратились в совершенно небоеспособные подразделения. По словам того же Прокопия, схоларии были «менее всего пригодны к службе в поле», поэтому они предпочитали отказываться от своего высокого жалования на тот срок, пока где-нибудь велись военные действия (Просор., НА, XXIV, 21). Того же мнения о современных ему схолариях придерживается и Агафий: «Они назывались воинами и были записаны в военные списки, но большей частью были горожанами, блестяще одетыми, но подбиравшимися только для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал публично. Некогда в их число можно было принимать только тех, кто был опытен в военном деле. Поэтому они не платили никаких денег за включение в военные списки, но даром, без всяких издержек, удостоивались этой почести, полученной в награду за прежние подвиги. Зинон же Исавр после возвра-

щения к власти, кажется, первым зачислил в эти отряды многих своих соплеменников, доблесть которых никак не проявилась в сражениях или другим путем, но только известных ему и верных. А затем с этого времени было допущено и принято, что не только за труды и храбрость, проявленные в сражениях, как бы в виде награды зачислялись достойные, но и совершенно не сведущие в военном деле [Допускались] не по заслугам, а в виде милости... При таком пренебрежении отбором они, естественно, меньше всего принуждались к военным занятиям и как приобретшие покупную должность, тем более покупали свободу праздности» (Agath., V, 15; пер. М. В. Левченко).

¹⁴² Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. VII. С. 114 сл.

¹⁴³ Всего в *Notitia Dignitatum* перечислено 69 легионов комитатенсов (37 в восточных провинциях (ND, Or., VII, 38–47; VIII, 33–53; IX, 30–38) и 32 в западных (ND, Oc., V, 223–255)) и 61 вексилляцио комитатенсов (29 на Востоке (ND, Or., V, 33–40; VII, 24–34; VIII, 28–32; IX, 18–20) и 32 на Западе (ND, Oc., VI, 53–85)).

¹⁴⁴ Zuckerman C. L'armée // Le monde Byzantin. T. I: L'Empire romaine d'Orient 330–641 / Sous la direction de C. Morisson. Paris, 2004. P. 149. Предполагается, что *legiones comitatenses* возникли путем выделения отборных отрядов из пограничных легионов. Этот процесс можно проследить,

Кавалерийские вексиляции были образованы из лучших частей прежних вспомогательных войск¹⁴⁵. Названия многих вексиляций свидетельствуют, что их национальный состав был довольно пестрым¹⁴⁶. Четыре вексиляции носят название *equites promoti* (ND, Or., V, 39: *equites promoti iuniores*; ND, Or., VII, 31: *equites promoti clibanarii*; ND, Oc., VI, 76: *equites promoti iuniores*; ND, Oc., VI, 85: *cuneus equitum promotorum*). Как полагает Р. Гроссе, эти отряды вели свое происхождение от старой легионной кавалерии, которая при Галлиене была выведена из состава ле-

поскольку обычно вновь сформированные легионы комитатенсов сохраняли название легионов, из которых они были выделены. Так, например, из легиона Тринадцатого Сдвоенного (*XIII Gemina*) (ND, Or., XLII, 34–38) был образован легион комитатенсов Тertiодециманы (*Tertiodecimani*) (ND, Or., VIII, 6 = 38); из Второго Итальянского (*II Italica*) (ND, Oc., XXXIV, 38–39) — *legio comitatensis* Секудианы Италикианы (*Secudiani Italiciani*) (ND, Oc., V, 86 = 235); из Третьего Диоклетианового (*III Diocletiana*) (ND, Or., XXVIII, 18) — Третий Диоклетианов легион фиванцев (*III Diocletiana Thebaeorum*), имевший статус *comitatensis* (ND, Or., VIII, 5 = 37).

¹⁴⁵ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. V. С. 52.

¹⁴⁶ Далматы (ND, Or., VII, 27: *equites tertio Dalmatae*; ND, Or., V, 36: *equites quinto Dalmatae*; ND, Or., VI, 37: *equites sexto Dalmatae*; ND, Oc., VI, 56: *equites octavo Dalmatae*; ND, Or., V, 37: *equites nono Dalmatae*; ND, Oc., VI, 57: *equites Dalmatae Passerentiaci*); галлы (ND, Or., V, 35: *equites armigeri seniores Gallicani*; ND, Oc., VI, 55: *equites primi Gallicani*); мавры (ND, Oc., VI, 58: *equites Mauri alites*; ND, Oc., VI, 61: *equites Mauri feroces*); «Восточные» (ND, Or., VII, 26: *equites armigeri seniores Orientales*; ND, Or., VII, 28: *equites primi scutarii Orientales*); африканцы (ND, Oc., VI, 64: *equites stablesiani Africani*); пальмиры (ND, Or., VII, 34: *cuneus equitum secundorum clibanariorum Palmirenorum*); парфяне (ND, Or., V, 40: *equites primi clibanarii Parthi*; ND, Or., VI, 40: *equites secundi clibanarii Parthi*; ND, Or., VII, 32: *equites quarti clibanarii Parthi*; ND, Oc., VI, 68; 73); маркоманны (ND, Oc., VI, 65: *equites Marcomanni*); тайфалы (ND, Oc., VI, 59: *equites Honoriani Taifali iuniores*).

гионов и превращена в самостоятельную боевую силу¹⁴⁷.

В отличие от *comitatenses*, пехоту которых образовывали только легионы, пехота *palatini*, согласно данным *Notitia*, состояла как из легионов, так и из ауксилией. *Legiones palatinae* были сформированы точно так же, как и легионы комитатенсов, т. е. путем выделения отрядов из старых легионов принципата или первой тетрархии¹⁴⁸. Ядром пехоты у *palatini* были варварские *auxilia*, а их лучшей частью — подразделения из галлов и германцев¹⁴⁹. Палатинская кавалерия, подобно коннице комитатенсов, была сформирована из вексиляций¹⁵⁰. Как и ауксии, *vexillationes palatinae* отличались от прочих кавалерийских частей наличием в их рядах большого количества варваров¹⁵¹.

Вероятно, ситуация, отображенная в *Notitia*, является достаточно поздней. До тех пор пока во главе государства оставался

¹⁴⁷ Grosse R. *Römische Militärgeschichte...* S. 50.

¹⁴⁸ *Notitia* называет всего 25 *legiones palatinae*, 13 из них находились на Востоке (ND, Or., V, 42–47; VI, 42–47; IX, 22) и 12 на Западе (ND, Oc., V, 145–156). Судя по названиям, значительная часть *legiones palatinae* ведет свое происхождение от легионов, входивших в состав дунайской армии.

¹⁴⁹ Согласно данным *Notitia*, всего насчитывалось 109 подразделений *auxilia palatina*, 45 из них находились на Востоке (ND, Or., V, 48–66; VI, 48–67; VII, 35–37; IX, 23–29) и 66 на Западе (ND, Oc., V, 157–222; VII, 73).

¹⁵⁰ *Notitia* насчитывает 24 палатинских вексиляции, из них 14 были на Востоке (ND, Or., V, 26–32; VI, 27–33; VIII, 24–27) и 10 на Западе (ND, Oc., VI, 42–52).

¹⁵¹ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. V. С. 63. Главное отличие *palatini* от *comitatenses* В. И. Холмогоров видит именно в более варварском составе: «Таким образом, при совершенно одинаковой организации, “гвардию” (*palatini*) отличает от остальных частей полевой армии (*comitatenses*) именно наличие более варварского состава как в рядах ее пехоты — легионов и самостоятельных *auxilia*, так и в рядах конницы — *vexillationes*» (Там же. С. 65).

человек, сведущий в военном деле, *comitatus imperatorius* в значении гвардейских подразделений, следовавших за императором во время военных кампаний, был необходимой составляющей армии. После того как императоры перестали лично командовать войсками, комитат должен был полностью утратить свое военное значение. Это способствовало тому, что обозначение *comitatensis* стало почетным званием (подобно использовавшемуся ранее званию «преторианский»), которое стали давать отборным подразделениям армии, размещенным в провинциях¹⁵². Данное обстоятельство объясняет появление подразделений комитатенсов, дислоцированных в приграничных районах¹⁵³. *Palatini* также превратилось в почетный титул, дававшийся отличившимся подразделениям, уже никак не связанным со службой при дворце¹⁵⁴.

Третью группу военнослужащих, которую также принято считать частью мобильной армии, образовывали *pseudocomitatenses*. Мы мало что знаем об этой категории войск. Сам термин *pseudocomitatenses* впервые официально засвидетельствован в уже упоминавшемся указе 365 г. (CTh, VIII, 1, 10), из которого явствует, что псевдокомитатенсы подчинялись общеармейскому командованию. А. Х. М. Джонс полагает, что название *pseudocomitatenses* получили пограничные войска, выведенные из областей, которые уступили персам после неудачного похода императора Юлиана¹⁵⁵. Впрочем, согласно данным *Notitia Dignitatum* (ND, Or., VII, 50), статус *pseudocomitatensis* имел Второй Армянский легион (*II Armeniaca*), входивший

в состав гарнизона Безабды. Это подразделение было полностью уничтожено персами в 359 г. Таким образом, приходится признать, что псевдокомитатенсы, по крайней мере на Востоке, существовали еще до передачи персам месопотамских провинций.

Существует мнение, что появление псевдокомитатенсов было связано с образованием региональных полевых армий, которые укомплектовывались не только подразделениями комитатенсов, но и отдельными отрядами пограничных войск, получавших в этом случае статус *pseudocomitatenses*¹⁵⁶. С. Мак-Дауэлл считает, что *pseudocomitatenses* — это пограничники-лимитаны, которыми пополняли полевую армию только в то время, когда она вела военные действия¹⁵⁷. Против подобных гипотез есть одно довольно веское возражение: если *pseudocomitatenses* принимали участие в походах, то почему, согласно данным *Notitia*, практически единственным типом воинских подразделений у них был легион¹⁵⁸, почему нельзя было выделить для поддержки действующей армии, скажем, отряды кавалерии или легкой пехоты?

По мнению Л. Варади, задачей *pseudocomitatenses* была защита стратегически важных коммуникаций и крепостей в определенном районе¹⁵⁹. Псевдокомитатенсы были размещены в городах, удаленных от границы, что отличало их от лимитанов, находившихся в приграничной полосе,

¹⁵⁶ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 209; Seeck O. Comitatus // RE. 1910. Bd. 4. S. 621.

¹⁵⁷ MacDowall S., Embleton G. Late Roman Infantryman. P. 4.

¹⁵⁸ Единственным исключением из этого правила является подразделение *auxilarii sagittarii* (ND, Or., VI, 69).

¹⁵⁹ Várady L. New Evidence on Some Problems of the Late Roman Military Organization // A. Ant. Hung. 1961. 9. P. 365.

¹⁵² Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 76, 143, 144.

¹⁵³ Ibid. P. 143.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 609.

и делало похожими на комитатенсов; однако в отличие от последних псевдокомитатенсы не принимали участие в военных операциях, чем и объясняется их название¹⁶⁰. Подобная теория противоречит сведениям наших источников. Аммиан, рассказывая о восточных делах, дает нам понять, что существовали две категории войск: к первой относились те подразделения, место дислокации которых было неизменным и которые образовывали постоянные гарнизоны стратегически важных городов и крепостей; это, например, касается Пятого Парфянского легиона, который обеспечивал охрану города-крепости Амида (Amm., XVIII, 9, 3; cf.: XX, 6, 8; XX, 7, 1); подразделения, относившиеся ко второй категории войск, хотя и имели определенные места дислокации, но в случае начала военных действий должны были оставить их и действовать в соответствии с имевшимися у них на этот счет предписаниями (Amm., XVIII, 5, 1)¹⁶¹. К этой группе относится легион Трикенсиманы (*Tricensimani*), прибывший в числе прочих подразделений на помощь Амиде (Amm., XVIII, 9, 3). Основываясь на данных *Notitia*, мы можем утверждать, что этот легион имел статус *pseudocomitatensis* (ND, Ос., VII, 108). Следовательно, псевдокомитатенсы, так же как и остальные воинские части, могли принимать активное участие в военных действиях. Остается предположить, что обозначение *pseudocomitatenses* также являлось почетным званием. Псевдокомитатенсы никогда не были связаны с дворцом или императором. Возможно, это были отборные армейские подразделения, не входившие

в состав гвардии, но имевшие те же привилегии, что и комитатенсы.

Существовала ли когда-нибудь особая императорская армия, все солдаты которой имели какой-то исключительный статус по отношению к военнотружающим региональных армий? Внешнеполитическая обстановка, складывавшаяся на границах империи в IV в., требовала, чтобы император постоянно находился во главе действовавшей военной группировки. Однако это не значит, что солдаты этой группировки были на каком-то особом положении. *De iure* император был главнокомандующим всех римских вооруженных сил, поэтому любое воинское подразделение могло войти в состав армии, которой он *de facto* командовал. Вряд ли при этом менялся статус воинской части.

В доадрианопольский период *comitatenses* и *palatini*, несшие службу при императорской особе, образовывали лишь незначительную часть римских вооруженных сил. Основная масса войск (*limitanei* и *ripenses*) была, как и прежде, размещена в приграничных районах. Выше мы уже отмечали, что в соответствии с сложившейся в науке традицией эти категории военнотружащих считаются полукрестьянской милицией. Заметим сразу же, что такое толкование основано на достаточно поздних императорских указах, содержащихся в кодексах Феодосия и Юстиниана. В Кодексе Юстиниана роль лимитанов¹⁶², которых предполагалось разместить на старых римских границах во вновь завоеванной Африке, определяется предельно ясно: они должны были защищать лагеря и приграничные города, а также обрабатывать свои земельные участки (CI, I, 27,

¹⁶⁰ Várady L. New Evidence... P. 365.

¹⁶¹ В этой связи становится совершенно понятно, почему, когда над Амидой нависла угроза персидской осады, под ее стенами тут же появилось шесть римских легионов.

¹⁶² Свое название лимитаны получили, возможно, потому, что находились в подчинении у *duces limitis* (*Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 144, n. 41*).

2, 8). Однако самое раннее упоминание о лимитанах как о «солдатах-землепашках» в юридических документах относится к 443 г. (Nov. Th., XXIV, 4). Поэтому возникает вопрос: можем ли мы говорить о широком применении системы военно-государственного землевладения в более ранний период, скажем в конце III в. или хотя бы в IV в.?

Сам термин *militia limitanea* впервые зафиксирован только в указе от 363 г. (CTh, XII, 1, 56)¹⁶³. Тем не менее существует гипотеза, что лимитаны как солдаты-земледельцы появились уже в первой половине III в. Подобное предположение основывается на известном пассаже, содержащемся в биографии Александра Севера: «...земли, которые были захвачены у врагов, он подарил пограничным дуксам и воинам, так чтобы они принадлежали им, если наследники их будут нести военную службу, и чтобы эти земли никогда не имели отношения к частным лицам, говоря, что они будут служить более внимательно, если станут защищать свои поля» (SHA, Alex. Sev., 58, 4)¹⁶⁴. Некоторые историки считают вполне вероятным появление лимитанов уже во времена Александра Севера¹⁶⁵. Другие полагают, что автором биографии допущена хронологическая ошибка и он переносит реалии собственного времени в более раннюю эпоху. А. Х. М. Джонс, например, вообще отвергает какую-либо историчность дан-

ного описания и утверждает, что, скорее всего, это только завуалированная рекомендация императору, как сократить военные расходы¹⁶⁶.

Е. П. Глушанин вполне справедливо замечает, что превращению солдат в земледельцев воспрепятствовал бы в первую очередь «корпоративный дух легионеров, согласно которому занятия трудоемкими мирными промыслами приличествовали рабам, но не военному и свободному человеку»¹⁶⁷. Так, например, император Проб, попытавшийся руками солдат осушить болота и насадить виноградники, заплатил за это своей жизнью ([Aur. Vict.], Epit., 37, 4). Поэтому любая попытка привязать солдат к земле неизбежно вызвала бы недовольство и открытый мятеж в военной среде. Впрочем, тот же Е. П. Глушанин допускает мысль, что на Востоке развитая система военно-государственного землевладения существовала уже со времен Диоклетиана¹⁶⁸. Одним из основных аргументов для него является следующее сообщение Малалы: «Диоклетиан возвел на лимесе форты, от Египта вплоть до персидских границ, разместив в них солдат лимитанов и поставив в провинциях дуксов, чтобы они с многочисленными войсками

¹⁶⁶ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 650.

¹⁶⁷ Глушанин Е. П. Генезис... С. 68. Превращение профессиональных военных в крестьян-милиционеров ни в коей мере не способствовало бы укреплению обороноспособности империи. Попытка перевести основную часть армии на самообеспечение могла быть сделана только в условиях, когда государство было более не в состоянии содержать своих солдат.

¹⁶⁸ Глушанин Е. П. Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. М., 1986. Т. XLVI. С. 203. Существует также мнение, что занятие сельским хозяйством имело лишь эпизодический характер и не могло обеспечить солдат необходимыми продуктами питания (MacMullen R. Soldier and civilian in the later Roman Empire. Cambridge: University Press, 1963. P. 151–153).

¹⁶³ В литературных источниках термин «limitanei» впервые упоминается в биографии Песценция Нигера (SHA, Pescen. Nig., 7, 7).

¹⁶⁴ «sola quae de hostibus capta sunt limitaneis ducibus et militibus donavit ita, ut eorum essent, si heredes eorum militarent nec umquam ad privatis pertinerent dicens, attentius eos militaturos si etiam sua cura defenderent».

¹⁶⁵ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 200; Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 37.

осуществляли охрану по эту сторону от фортов. И во славу Августа и Цезаря на сирийском лимесе были возведены стелы» (Malal., XII, 308)¹⁶⁹. Однако вряд ли мы можем считать, что в данном случае Малала говорит именно о солдатах-землепашцах. Это становится очевидным, если сопоставить его сообщение с рассказом Зосима. Последний таким образом характеризует укрепление границы Диоклетианом: «Диоклетиан, как мы уже об этом сказали, в своем предвидении укрепил все границы империи крепостями, гарнизонами и башнями. И, когда армия целиком была размещена там, доступ варварам на римскую территорию был закрыт, потому что везде они встречали войска, готовые отразить их натиск» (Zos., II, 34, 1–2)¹⁷⁰. Итак, согласно Зосиму, Диоклетиан разместил на границах *всю армию* (παντὸς τοῦ στρατιωτικοῦ κατὰ ταῦτα τὴν οἴκησιν ἔχοιτος). При этом, конечно, невозможно себе представить, что император пошел на то, чтобы превратить свою армию в полукрестьянскую милицию. Получается, что στρατιῶται λιμιτανέοι, о которых говорит Малала, — это солдаты, размещенные на лимесе, т. е. войска, подобные тем, что существовали в эпоху принципата, не имеющие ничего общего с солдатами, обрабатывавшими находившиеся в пограничной зоне земельные участки.

¹⁶⁹ «ἔκτισε δὲ καὶ εἰς τὰ λιμίτα κάστρα ὁ αὐτὸς Διοκλητιανὸς ἀπὸ τῆς Αἰγύπτου ἕως τῶν Περσικῶν ὄρων, τάξας ἐν αὐτοῖς στρατιώτας λιμιτανέους, προχειρισάμενος καὶ δοῦκας κατὰ ἐπαρχίαν ἐνδοτέρω τῶν κάστρων καθέζεσθαι μετὰ πολλῆς βοηθείας πρὸς παραφυλακὴν καὶ ἀνήνεγκαν τῷ βασιλεῖ τῷ καίσαρι στήλας ἐν τῷ λιμίτῳ τῆς Συρίας».

¹⁷⁰ «τῆς γὰρ Ῥωμαίων ἐπικρατείας ἀπανταχοῦ τῶν ἐσχατιῶν τῇ Διοκλητιανοῦ προνοίᾳ κατὰ τὸν εἰρημένον ἤδη μοι τρόπον πόλεσι καὶ φρουρίοις καὶ πύργοις διελημμένης, καὶ παντὸς τοῦ στρατιωτικοῦ κατὰ ταῦτα τὴν οἴκησιν ἔχοιτος, ἄπορος τοῖς βαρβάροις ἦν ἡ διάβασις, πανταχοῦ δυνάμειος ἀπαντώσης τοὺς ἐπιόντας ἀπόσασθαι».

Симптоматичным является тот факт, что у Аммиана нет никакого упоминания о солдатах-землепашцах. Как мы уже отмечали выше, вся римская армия делится для него на две части: на подразделения, состоящие при императоре, и на те, которые не входили в состав комитата. Иной дифференциации историк не знает. Аммиан вообще нигде не упоминает о том, что солдаты, охранявшие границу, занимались земледелием, и называет их просто *militēs stationarii* (Amm., XVIII, 5, 3; XXI, 3, 5). Упомянутая выше новелла Кодекса Феодосия (Nov. Th., XXIV, 4) требует, чтобы пограничные земли были переданы для обработки лимитанам независимо от того, кто ими завладел на момент издания данного постановления. Аммиан со своей стороны описывает интересный случай, позволяющий нам утверждать, что в середине IV в. на границах империи не существовало еще солдат-земледельцев. Протектор Антонин, замысливший бежать в Персию, чтобы не вызвать подозрения римских сторожевых постов, купил себе на берегу Тигра, на самой границе имение (Amm., XVIII, 5, 3). Следовательно, пограничные территории не обладали каким-то особым статусом (не были освобождены от налогов), они не обрабатывались лимитанами и находились в свободной купле-продаже.

Анонимный автор трактата «De rebus bellicis», современник Аммиана, дает нам дополнительную информацию, позволяющую усомниться в существовании в середине IV в. солдат-землепашцев. Аноним советует для укрепления обороноспособности империи поселить на границах «ветеранов, получивших императорские дары, чтобы и поля обрабатывались, и землепашцы благоденствовали: они будут удерживать границы, *обрабатывать те места, которые прежде защищали*; благодаря стремлению к труду из солдат они превра-

тяться в налогоплательщиков» (Anon., De reb. bell., 5, 7)¹⁷¹. По мнению Э. Жуффруа, такой совет демонстрирует, что в IV в. солдат-землепашцев уже не осталось¹⁷². Но если мы примем подобную точку зрения, то должны будем предположить, что за короткий период времени, от смерти Константина I и до момента написания трактата (т. е. приблизительно за 30 лет), какая-то часть армии была превращена в землепашцев, а затем эти землепашцы непонятно почему исчезли. Если бы, однако, последнее произошло, то этот факт должен был бы недвусмысленно продемонстрировать правительству недееспособность насаждаемой им системы и удержать его от повторения подобной ошибки в V в. Тем не менее указы Кодекса Феодосия наглядно свидетельствуют, что солдаты-землепашцы в это время существовали. Единственно правильный вывод, который мы можем сделать из совета анонима, следующий: в середине IV в. солдаты, защищавшие лимес, не были еще крестьянской милицией. Автор нигде не говорит о том, что лимитанам и во время службы приходилось обрабатывать землю. Напротив, в его словах звучит противопоставление: *arabunt quae dudum defenderant loca*. Как отмечает А. Барберо, у нас нет никаких источников, дающих основания полагать, что в IV столетии лимитаны, размещенные в европейских и азиатских провинциях империи, наделялись землями для обработки, на которых они проживали вместе со своими семьями. Более того, они, так же как и солдаты других подразделений, получали от государства ежемесячное продовольственное

содержание — *limitaneorum annonae*¹⁷³. К этому можно добавить, что совершенно необязательно видеть в солдате, занимавшемся земледелием, крестьянина-милиционера или нарушителя установленных законом положений. Законодательство Поздней Римской империи, напротив, допускало, чтобы солдаты владели землей, правда, на правах аренды (*conductio*) у гражданских лиц¹⁷⁴.

Служба в подразделениях лимитанов была для новобранцев предпочтительнее, поскольку такие воинские части постоянно находились в тех провинциях, где они были сформированы. Между 342 и 351 гг. один христианский священник обратился с просьбой к Флавию Абинейю, префекту алы, стоявшей в городе Дионисия в Фаюме, чтобы тот помог избежать призыва на военную службу брату его жены. Если же Абинейю не удастся сделать этого, то священник просил его не допустить, чтобы его шурин ушел на чужбину вместе с солдатами, «избранными в комитат» («τὸν ἐυεχόμενον εἰς κομητᾶτον») ¹⁷⁵. Чтобы повысить интерес сыновей куриалов к службе в подразделениях комитатенсов, в 363 г. Юлиан издал закон, согласно которому те из них, кто прослужил в армии 10 лет, освобождались от своих куриальных повинностей. Однако это освобождение не распространялось на тех, кто провел это время в подразделениях лимитанов (CTh, XII, 1, 56)¹⁷⁶.

¹⁷³ Barbero A. Barbari... P. 163.

¹⁷⁴ Pallagean E. L'impôt payé par les soldats au VI siècle // AFMA. P. 306.

¹⁷⁵ Barbero A. Barbari... P. 169, n. 10.

¹⁷⁶ «Qui nati origine curiali militare munus admauerunt, ubi x annorum stipendia confecta sunt, iussionum nostrarum auctoritate erunt curia immunes. Si vero intra decennium recens athuc erit ratio militiae limitanae, causa generis praeponderabit et originis: curiis enim adgregabuntur» («Куриалы, поступившие на военную службу и прослужившие десять лет,

¹⁷¹ «veteranos regiis donis opulentos et ad colendos agros adhuc praevalentes agricolas: habitabunt limites, arabunt quae dudum defenderant loca, et laborum desiderio potiti erunt ex milite collatores».

¹⁷² Jouffroy H. La defence des frontières: le point de vue du *De Rebus Bellicis* // RFS. P. 373.

Д. ван Берхем предположил, что солдатами-землепашцами была третья категория солдат, упомянутых в указе 325 г., — *alares* и *cohortales*¹⁷⁷. Подобный вывод подтверждается и данными *Notitia*, которая среди подразделений лимитанов, подчинявшихся комиту Тингитаны, перечисляет алы и когорты, ведущие свое происхождение со времен принципата и первой тетрархии (ND, Ос., XXVI, 13–20). Исследователь, однако, упускает из виду, что, согласно тому же указу Константина, *alares* и *cohortales* могли служить в комитате, что уже само по себе противоречит представлению о пограничных солдатах-земледельцах¹⁷⁸.

Впрочем, мы не можем утверждать, что военно-государственного земледелия не существовало в IV столетии вовсе. В империи имелся один обширный регион, для которого засвидетельствовано наделение лимитанов общественными землями, а также частичная замена регулярных войск поселенцами-варварами, обязанными не только возделывать отданные в их распоряжение пограничные территории, но и следить за сохранностью фортификационных сооружений и охранять границу. Таким регионом была Африка. Первое упоминание о наделении солдат гарнизона земель принадлежит Синезию, епископу Птоле-

силой наших постановлений объявляются свободными от куриальных повинностей. Если же в счет этого десятилетия была включена недавняя служба в лимитанах, то в этом случае предпочтение отдается роду и происхождению: такие будут причислены к куриям»).

¹⁷⁷ Берхем Д. ван. Римская армия... С. 137.

¹⁷⁸ «si ex comitatensi militia senectutis vel debilitatis causa dimissi fuerint». По всей видимости, даже в самом конце IV в. когорты, во всяком случае, некоторые из них, не утратили своей мобильности. Так, например, Клавдиан при перечислении войск, отправленных на подавление восстания Гильдона в Африке (398 г.), называет и две когорты: *Herculea* и *Iovia* (Claud., Gild., 418).

маиды¹⁷⁹. В письме, датированном 405 г., он порицает дукса Ливии Цереалиса за то, что тот незаконно присвоил себе земельные наделы, принадлежавшие местным солдатам, в обмен на освобождение последних от военной службы, не задумываясь о том, как эти люди, лишённые средств к существованию, смогут далее жить (Synes., Ер., 78). Таким образом, у нас есть основания полагать, что практика предоставления общественных земель солдатам была достаточно распространённой в этой провинции и, возможно, берет начало с конца IV столетия. Эдикт Гонория от 409 г. говорит о гентилах, которые были обязаны нести военную службу за право пользоваться землями приграничной полосы (CTh, VII, 15, 1)¹⁸⁰. А. Барберо, сопоставив этот указ с письмом Синезия, считает, что в данном случае речь идет об одной и той же категории военнослужащих. Сам Синезий делит солдат, охранявших провинцию,

¹⁷⁹ Barbero A. Barbari... P. 170.

¹⁸⁰ «Terrarum spatia quae gentilibus propter curam munitionemque limitis atque fossati antiquorum humana fuerant provisione concessa, quoniam comperimus aliquos retinere, si eorum cupiditate vel desiderio retinentur, circa curam fossati tuitionemque llimitis studio vel labore noverint serviendum, ut illi, quos huic operi antiquitas deputarat. Alioquin sciant haec spatia vel ad gentiles, si potuerint inventuri, vel certe ad veteranos esse non inmerito transferenda, ut hac provisione servata fossati limitisque, nulla in parte timoris esse possit suspicio» («Поскольку мы узнали, что некоторые удерживают земли, которые были человеколюбиво уступлены гентилам для обработки и укрепления лимеса и рва, прорытого древними, то, если эти земли удерживаются по их воле или желанию, пусть владеющие ими старанием и трудом возобновят заботу о рве и охрану лимеса, подобно тем, которых к данным обязанностям определила древность. В противном случае пусть они знают, что эти земли должны быть по справедливости переданы гентилам, если таковые смогут быть найдены, или по крайней мере ветеранам, чтобы после того, как будет сохранена забота о рве и лимесе, ни в какой части не было подозрения из-за страха»).

на чужеземцев (ξένοι) и местных (ἐνχώριοι, ἐπιχώριοι). Чужеземцы (фракийцы, маркоманны) не способны защитить страну и при нападении неприятеля могут лишь прятаться за стенами своих укреплений. Эти отряды Синезий без колебаний предлагает распустить. Подразделения из местных рекрутируются среди племен, населявших провинцию. Синезий упоминает об отряде балагритов, командира которых он называет филархом. Это были конные лучники *equites sagittarii indigenae*, многочисленные подразделения которых несли службу на африканской границе империи (Synes., Ep., 104; 132). Очевидно, именно их имеет в виду Аммиан, когда сообщает, что Феодосий Старший присоединил к римским войскам в Африке подразделения, состоявшие из местных жителей (Amm., XXIX, 5, 9)¹⁸¹.

Видимо, в Африке существовала уже сложившаяся система в широких масштабах привлекать туземные племена для охраны границы. Именно этим можно объяснить ту аномалию, которая существует в *Notitia Dignitatum* в отношении военной организации африканских провинций. Из четырех управляющих здесь только комит Тингитаны располагал воинскими силами, состоявшими из ал и когорт. Комит Африки и дуксы Триполитании и Мавретании имели в своем подчинении 36 препозитов лимеса (*praepositi limitis*), каждый из которых отвечал за охрану определенного пограничного сектора. Это позволяет предположить, что военную службу на африканском лимесе несли главным образом представители местных племен, которых императорская канцелярия причисляет к *gentiles*, а Синезий считает солдатами. Данный факт подтверждается также одним свидетельством, содержащимся в письме святого Августина, согласно которому де-

курионы и трибуны, которым поручена оборона лимеса, привлекают варваров для охраны караванов и урожая. Августин утверждает, что от этого зависит не только безопасность границы, но и целой провинции (Aug., Ep., 46–47)¹⁸². Сами препозиты лимеса и даже высшие военачальники, отвечавшие за безопасность африканских провинций, часто были вождями тех самых племен, которые охраняли римскую территорию. Так, например, было с Гильдоном, который являлся комитом Африки (*comes per Africam*) и осуществлял командование лимитанами¹⁸³.

Подразделения из местных жителей, поддерживавшие римские войска, существовали также и на восточной границе империи¹⁸⁴. Один такой кавалерийский отряд был придан в помощь гарнизону Амиды (Amm., XVIII, 9, 3)¹⁸⁵, другой — гарнизону Сингары (Amm., XX, 6, 8)¹⁸⁶. Если мы проведем аналогию с той системой, которая сложилась в Африке, то логично будет предположить, что *indigenae* получали за свою службу от правительства не столько жалованье¹⁸⁷ и продовольственное содержание, но главным образом не подлежащие налогообложению земельные наделы, и именно индигены и являлись

¹⁸² *Barbero A. Barbari... P. 173.*

¹⁸³ *Ibid. P. 175.*

¹⁸⁴ Прокопий Кесарийский подтверждает, что основная масса лимитанов была размещена в восточной части империи для отражения набегов персов и сарацин (Procop., HA, XXIV, 12).

¹⁸⁵ «indigenarum turma».

¹⁸⁶ «indigenae plures».

¹⁸⁷ Жалованье лимитанам выплачивалось вплоть до времен Юстиниана. Правда, при этом императоре выплаты происходили крайне нерегулярно. Если верить Прокопию Кесарийскому, то жалованье задерживали на 4–5 лет, «а когда у римлян с персами бывал мир, этих несчастных вынуждали отказываться в пользу казны от причитающегося им за условленное время жалованья под предлогом, что и они будто бы вкушают блага мира» (Procop., HA, XXIV, 13; пер. А. А. Чекаловой).

¹⁸¹ «indigena milite».

теми солдатами-землепашцами, о которых сообщают кодексы.

Этот вывод подтверждается и указами Юстиниана, изданными после отвоевания Северной Африки, когда на ее территории в различных городах были размещены римские гарнизоны. Часть из них была занята солдатами (*milites*), а часть лимитанами (CI, I, 27, 2, 13)¹⁸⁸. *Milites* входили в состав армии Велизария, отправленной на завоевания королевства вандалов. Возникает вопрос: из кого были сформированы отряды лимитанов? Может быть, из тех же самых *milites*? Это представляется маловероятным. Нетрудно заметить, что в тексте указа, сообщающего об обустройстве африканского диоцеза, звучит явное противопоставление солдат лимитанам. Последних законодатель не считает составляющей армии. Это следует также и из другого постановления Кодекса, согласно которому военную службу несут (*sub armis militant*) те, кто состоит в подразделениях, подчиненных военным магистрам, в одиннадцати дворцовых школах, а также федераты (CI, IV, 65, 35, 1)¹⁸⁹. Никто из солдат по доброй воле не согласился бы «лишиться своего военного пояса» (Просор., НА, XXIV, 8), да и правительству, учитывая его планы вторжения в Италию, не было никакого смысла сокращать и без того небольшую армию. Еще один указ Юстиниана об организации

оборонительной системы в Африке прямо свидетельствует о том, что лимитаны рекрутировались исключительно из числа местных жителей (CI, I, 27, 2, 8)¹⁹⁰.

Относительно солдат, охранявших речные границы империи (*ripenses*), можно с полной уверенностью утверждать, что их служба носила характер не более наследственный, чем служба солдат комитата. В соответствии с требованиями закона 372 г. сыновья ветеранов могли служить как в подразделениях *comitatenses*, так и в подразделениях *ripenses*. Все определялось исключительно физическими качествами новобранцев (CTh, VII, 22, 8). Нет также никаких оснований полагать, что *ripenses* были прикреплены к земле и должны были заниматься земледелием. Наши источники свидетельствуют, что на протяжении всего IV в. и даже в начале V в. римские войска, несшие охрану рейнской и дунайской границ, неоднократно покидали свои позиции. Вплоть до 365 г. *ripenses* находились на полном государственном обеспечении и только после этого года стали получать в течение девяти месяцев аннону (содержание) продуктами, а в течение трех месяцев — деньгами (CTh, VII, 4, 14)¹⁹¹. О поставках войскам, защищавшим дунайскую границу, не только обмундирования и оружия, но и провианта сообщает и Аммиан (Amm., XXII, 7, 7). Если мы будем рассматривать *ripenses* как солдат-землепашцев, самостоятельно обеспечивающих себя продуктами, то тогда будет непонятно, для чего были нужны правительственные поставки продовольствия: они просто не имели бы смысла.

Фемистий в своей речи, составленной в 369 г., дает наглядное представление о том, каковы были условия службы в по-

¹⁸⁸ «... quanti et qui milites in quibus locis vel civitatibus constituti sunt, et quanti limitanei in quibus locis vel limitibus constituti sunt» («... сколько и каких солдат в каких местах или городах было размещено, и сколько и в каких местах или пограничных районах было размещено лимитанов»).

¹⁸⁹ «milites autem appellamus eos, qui tam sub excelsis magistris militum tolerare noscuntur militiam quam in undecim devotissimis scholis taxati sunt, nec non eos, qui sub diversis optionibus foederatorum nomine sunt decorati». Прокопий также утверждает, что Юстиниан лишил лимитанов «и самого названия войска» (Просор., НА, XXIV, 14).

¹⁹⁰ «... de provinciis idonea corpora, aut de illis, quos antea milites habebant».

¹⁹¹ Глушанин Е. П. Пограничная армия... С. 201.

граничных войсках. Оратор утверждает, что в течение долгого времени правительство не уделяло должного внимания обороне дунайской границы: пограничные крепости приходили в упадок, воинские части были укомплектованы только наполовину, солдаты не получали необходимого довольствия и были вынуждены кормиться, отбирая продовольствие у крестьян. Однако благодаря вмешательству императора Валента ситуация изменилась кардинальным образом: форты и крепости были заново укреплены, были построены акведуки и продовольственные склады, улучшена система снабжения войск, а подразделения получили необходимые пополнения. Эти меры привели к тому, что солдаты вновь стали соблюдать дисциплину, а крестьяне избавились от своего страха перед военными (Them., Or., X). В речи Фемистия нет ни малейшего намека на земли, переданные для обработки *ripenses*.

К этому можно добавить, что, как явствует из закона Гонория 400 г., солдаты легионов *riparienses* могли быть переведены в другие подразделения, что опять-таки исключает их связь с землей (CTh, VII, 1, 18). Е. П. Глушанин приходит к вполне обоснованному выводу о том, что у нас нет оснований считать, что стоявшие на берегу Дуная войска в какой-либо форме практиковали в доадрианопольский период военно-государственное землевладение¹⁹².

Пехота береговых войск дунайских провинций, согласно данным *Notitia*, состояла из легионов (*legiones riparienses*) и ауксильев (*auxilia, auxiliares milites*); конница — из кунеев (*cunei equitum*) и эскадронов *equites* (ND, Or., XXXIX, 12–18; XL, 11–17; XLI, 12–19; XLII, 12–21; etc.). В *Notitia* не сохранилось сведений о тех подразделениях *ripenses*, которые защищали рейн-

скую границу. Установить это мы можем благодаря указу Валентиниана I от 375 г., который определяет береговые войска как *cunei equitum* и *auxilia* (CTh, VII, 13, 7)¹⁹³. Уже А. Альфельди высказал предположение, что подразделения береговых войск должны были представлять собой части «походной армии». Этой точки зрения придерживается и Е. П. Глушанин, который по крайней мере в *cunei equitum* склонен видеть «региональных *equites comitatenses*»¹⁹⁴.

Как было отмечено выше, в современной науке сложилось крайне негативное представление о качествах войск, защищавших речные и сухопутные границы империи. Принято считать, что это были второсортные воинские части, практически утратившие боеспособность¹⁹⁵. Однако нужно ли соглашаться с таким мнением?

¹⁹³ «Ii vero, qui in ripa per cuneos auxiliaque fuerint constituti...» («Те, которые в составе кунеев и ауксильев стоят вдоль берегов...»).

¹⁹⁴ Глушанин Е. П. Пограничная армия... С. 201; cf. Várady L. New Evidence... P. 373.

¹⁹⁵ Оценивая последствия военных реформ, проведенных в конце III — начале IV в., Д. ван Берхем приходит к неутешительному выводу: «Действительно, что характеризует новую организацию, так это полное отсутствие подвижности. Учитывая протяженность участков границы, число солдат и лошадей, которыми они располагали, было крайне незначительным, чтобы из них можно было создать резервы и использовать их в бою. В случае прорыва и вторжения останавливать и отбрасывать варваров за границу, а также преследовать их на их собственной территории должен был *comitatus*. Не способная к наступательным действиям армия *ripenses* представляла собой со времени правления Константина только заслон, состоявший из небольших отрядов, скрывавшихся за стенами своих крепостей» (Берхем Д. ван. Римская армия... С. 156). Аналогичного взгляда на пограничную армию придерживается и В. И. Холмогоров: «Единственной задачей *limitanei* была гарнизонная служба в пограничных укреплениях и защита границ от набегов варваров. Но их боеспособность при этом была так низка, что... и с этой весьма ограниченной задачей они не были в состоянии

¹⁹² Глушанин Е. П. Пограничная армия... С. 202, 203.

Аммиан, например, нигде не говорит о слабости пограничных войск. Более того, он даже утверждает, что солдаты, охраняющие берег Дуная, несут свою службу «бдительно и храбро» (Амм., XXII, 7, 7)¹⁹⁶. О бдительности стражи, охранявшей Рейн, наглядно свидетельствует тот факт, что она сумела задержать лазутчика, попытавшегося пересечь римско-германскую границу (Амм., XXI, 3, 5). Сама напряженная обстановка на границах препятствовала превращению *limitanei* и *ripenses* в крестьянскую милицию и заставляла правительство поддерживать их боеспособность на достаточно высоком уровне¹⁹⁷.

3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЛДАТ ОРУЖИЕМ, ОБМУНДИРОВАНИЕМ И ЛОШАДЬМИ

Система снабжения армии оружием и обмундированием сформировалась еще в конце III в. при Диоклетиане (283–305 гг.). В I–II вв. снабжение армии оружием и амуницией происходило двумя путями: боль-

шая часть вооружения производилась в оружейных мастерских, расположенных в местах постоянной дислокации воинских подразделений, другая часть изготавливалась гражданскими мастерами и поступала на военные склады. Благодаря тому что большинство легионов не меняло своих стоянок в течение первых двух веков империи, подобная система снабжения была вполне эффективной. Доказательством того, что при легионных лагерях существовали свои оружейные мастерские, служит перечень оружейных мастерских (*fabricae*), содержащийся в *Notitia* (ND, Or., 11; ND, Ос., 9). Внимательный анализ этого перечня позволяет сделать заключение, что, хотя мастерские появились при Диоклетиане, большинство, если не все они, находились там, где прежде были центры производства оружия¹⁹⁸. Чаще всего они размещались в крупных городах, дававших защиту от возможных нападений неприятеля, а также обеспечивавших их сырьем, рабочей силой и, что было особенно важно, средствами коммуникации, однако некоторые из оружейных находились в местах старых лагерей легионов, как, например, три мастерские в Паннонии: в Аквинке, Карнунте и Лавриаке.

Почему возникла необходимость в реорганизации системы снабжения оружием, просуществовавшей более двух столетий? На это были две основные причины. Во-первых, в период военной анархии, следовавшей вслед за смертью Александра Севера, большинство воинских частей пришло в движение, из многих легионов были выделены отдельные вексилляции, действовавшие самостоятельно вдали от своих лагерей, некоторые лагеря и форты были оставлены: одни — временно, другие — навсегда. В условиях постоянного пере-

справиться» (Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. VI. С. 79).

¹⁹⁶ «vigilanter ... et fortiter».

¹⁹⁷ «... Внешнеполитическая обстановка IV в., когда чуть ли не каждые десять лет происходили крупные военные конфликты с Ираном, заставляла держать войска в состоянии боеготовности, что практически несовместимо с земледелием. Расположение большинства легионов восточных провинций в городах тоже исключает солдатское сельское хозяйство в организованном широком масштабе. Из всего этого следует вывод, что пограничная армия дунайских и восточных провинций империи на протяжении всего IV в. представляла собой довольно боеспособную военную группировку, а не аграризирующую милицию» (Глушанин Е. П. Генезис... С. 130).

¹⁹⁸ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 89.

движения военные не имели возможности снабжать себя оружием сами и могли рассчитывать только на гражданское производство. Во-вторых, подобная реорганизация могла быть обусловлена тем, что большинство солдат оказались не в состоянии обеспечивать себя оружием на те деньги, которые они получали от государства.

Сеть оружейных мастерских (*fabricae*), созданная при Диоклетиане, охватила всю империю. Основным документом, подтверждающим существование таких мастерских, является упоминавшийся выше список в *Notitia*, где не только перечислены сами мастерские, но также указывается и вид военной продукции, производимой каждой из них. Всего *Notitia* называет 20 оружейных мастерских в западной части империи и 15 — в восточной. Они располагались в тех провинциях, где было сосредоточено большое количество войск, т. е. в прирейнской и придунайской областях и на всем протяжении восточной границы. Для каждого основного участка границы были два центра по производству вооружения¹⁹⁹. Это наглядно демонстрирует, что возникновение оружейных мастерских не было стихийным процессом, но являлось результатом намеренного планирования.

Наиболее распространенными были мастерские по производству щитов (*scutaria*) и защитного вооружения (*arma*). Они находились как в восточных, так и в западных провинциях. Мастерские, изготовлявшие луки (*arcuaria*) и стрелы (*sagittaria*), находились в западных провинциях. Такое положение объясняется, вероятно, тем, что на Востоке, который традиционно славился своими лучниками, не было нужды в централизованной организации производства луков и стрел. Этот вид оружия изго-

товлялся местными мастерами в соответствии с местными традициями. На Западе же таких традиций не существовало, а потому центральное правительство и позаботилось об организации там соответствующих мастерских²⁰⁰.

Неизвестно, в каких объемах выпускалось оружие и сколь часто оно заменялось. Поставки оружия находились сначала в ведении префекта претория, а в более поздний период — магистра официий²⁰¹.

За производство обмундирования для армии отвечали местные мастерские (ND, Or., XIII, 16; 17; ND, Ос., XI, 46–73). Существовали мастерские для изготовления шерстяной одежды (*gynaecia*) и льняных туник (*lynifia*). Краска для окрашивания тканей производилась в мастерских, называвшихся *bafia*²⁰². Анализ перечня этих мастерских позволяет предположить, что их местоположение было обусловлено рядом объективных факторов. Во-первых, размещением в пограничных провинциях большого количества воинских частей. Во-вторых, близостью административных центров и, наконец, географией сельского хозяйства (например, наличием овцеводства)²⁰³. Мастерские находились в ведении особых чиновников, называвшихся прокураторами (*procuratores gynaeciorum*,

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 624. Обеспечение солдат государственным оружием в Восточной империи прекратилось, по-видимому, уже в VI столетии. Поэтому автор «Стратегикона» предписывает, чтобы новобранцы являлись в армию со своим оружием, а солдаты вооружались в соответствии с отпускаемым им денежным содержанием (Maurg., Strat., I, 2; см.: Осаpec Ф. Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия) / Пер. с фр. А. В. Банникова. СПб.: Изд-во СПбГУ; Акра, 2007. С. 23, 71).

²⁰² Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 90.

²⁰³ Ibid.

¹⁹⁹ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 90.

procuratores lyniflorum, procuratores bafiorum). Прокураторы подчинялись комиту священных щедрот (*comes sacrarum largitionum*) (ND, Or., XIII; ND, Oc., XI)²⁰⁴.

О поставках обуви и другого снаряжения из кожи сведений почти не сохранилось. *Notitia* не упоминает государственных сапожных фабрик. Их отсутствие подтверждается также и тем, что уже к концу III в. специальной обуви военного образца, по-видимому, не было²⁰⁵. В этом случае обувь могла поступать из обычных обувных мастерских.

Кроме поставок из государственных мастерских существовала и другая система обеспечения армии обмундированием. Один египетский папирус свидетельствует, что на многих общинах лежала обязанность обеспечивать солдат одеждой. Этот налог назывался *vestis militaris* (CTh, VIII, 5, 33; VII, 6, 0)²⁰⁶. Он был часто связан с поставками лошадей, положениями, регулируемыми способы доставки грузов к месту нахождения военных (CTh, VIII, 5, 53) или денежных выплат солдатам (CTh, VII, 6, 4–5)²⁰⁷. Налог носил характер ежегодного и был

²⁰⁴ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 316. Кроме общественных мастерских, занимавшихся изготовлением обмундирования, существовали также и частные мастерские, находившиеся в ведении *procuratores rei privatae* (ND, Oc., XII, 26, 27; CTh, I, 32, 1), подчинявшихся комиту частных дел (*comes rei privatae*). Эти мастерские обслуживали потребности императорской фамилии («*procuratores rei privatae bafii et gynaecii, per quos et privata nostra substantia tenuatur...*»).

²⁰⁵ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 123.

²⁰⁶ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 315, n. 2; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 113, n. 60; Palme B. Die römische Armee von Diokletian bis Valentinian I. Die papyrologische Evidenz // ARDV. P. 107.

²⁰⁷ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 322.

приравнен к анноне²⁰⁸. Поставляемая таким образом одежда была трех типов: простые туники, широкие туники с длинными рукавами и плащи (*sticharion, chlamydes, pallia*)²⁰⁹. Подобная повинность лежала не только на египетских общинах, но и городах других провинций. Например, известно, что по названию карийского города *Алабанда* были названы туники красного цвета (*alabandica*), предназначенные для определенных воинских частей²¹⁰.

За поставки обмундирования отвечал управляющий провинции (*vicarius*) (CTh, XI, 15, 10)²¹¹. Закон 365 г., адресованный на имя префекта претория Италии, устанавливает новую систему, предписывая проконсулу Африки каждый год выбирать поставщика среди *principales* или *honorati*, за исключением дворцовых служителей либо членов оффиция (CTh, VII, 6, 1 = XII, 6, 4). Однако в 412 г. решено было вернуться к старому порядку и вновь поручить поставки обмундирования оффицию наместника (CTh, XII, 6, 31)²¹². В Египте ответственными были куриальные эпимелеты, в то время как транспортировка была возложена на куриалов²¹³.

Vestis militaris вносилась с начала индикта 1 сентября и заканчивала собираться 1 апреля (CTh, VII, 6, 2)²¹⁴. Все собранное перевозилось в местные хранилища (*thesauri*) (CTh, VIII, 5, 48) или же отсы-

²⁰⁸ CTh, XI, 9, 1; XIII, 5, 14: *annona*; VII, 6, 3: *annua solutio*; XI, 9, 2: *annua exactio*.

²⁰⁹ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 316; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 113.

²¹⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 113, n. 61.

²¹¹ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 315.

²¹² Ibid. P. 316.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ В 368 г. (Ibid).

лалось правителем провинции непосредственно в воинские подразделения, используя для этого повозки государственной почты (*cursus publicus*) (СTh, VIII, 5, 33). В случае военной необходимости правительство могло потребовать также и экстраординарных поставок (Аmm., XXI, 6, 7)²¹⁵.

С конца IV в. поставки обмундирования стали переводить в денежную форму. Закон 396 г. предписывает выплачивать солдатам, размещенным в Иллирике, за одну хламиду по одному солиду вместо $\frac{2}{3}$, как это было прежде (СTh, VII, 6, 4)²¹⁶. Другой закон от 423 г. (СTh, VII, 6, 5) приказывает производить оценку *vestis militaris* и $\frac{5}{6}$ от стоимости одежды выдавать деньгами солдатам, а $\frac{1}{6}$ — рабочим ткацких мастерских²¹⁷. Поставки в армию обмундирования просуществовали в Восточной империи как минимум до середины VI в., поскольку указы Кодекса Феодосия, касающиеся *vestis militaris*, были внесены в Кодекс Юстиниана (СTh, VII, 6, 2–5 = СI, XII, 39, 1–4)²¹⁸.

²¹⁵ «vestem armaque exhibens».

²¹⁶ «Fortissimis militibus nostris per Illyricum non binos tremisses pro singulis chlamydidibus, sed singulos solidos dari praecipias».

²¹⁷ Одна шестая часть, которую получали ткачи, соответствовала, по всей видимости, их личным расходам, связанным с обеспечением армии обмундированием. Та же самая система в 375 г. была введена и в отношении рекрутов, которые получали 6 солидов на приобретение обмундирования и другие расходы («sex tironi gratia vestis ac sumptuum») (СTh, VII, 13, 7, 2) (*Delmaire R. La caisse des largesses sacrées...* P. 317, п. 4).

²¹⁸ *Ibid.* P. 318. Даже в конце VI в. государство брало на себя частичное обеспечение солдат обмундированием. Автор «Стратегикона» уделяет достаточное внимание тому, какого типа одежду должны иметь всадники и пехотинцы (Maur., *Strat.*, I, 2; XII, 1). Очевидно, что основные элементы обмундирования солдаты и в это время продолжали получать от государства. На свои средства они приобретали только нательное белье (*Осаpec Ф. Византийская армия...* С. 74).

В Поздней империи государственные поставки лошадей для армии осуществлялись в различных формах. Регулярные, происходившие каждый год (СTh, XI, 17, 3)²¹⁹, были возложены на всех налогоплательщиков. Такие поставки носили название *equi militares canonici*. В середине IV в. лошадей получали из Испании (Аmm., XX, 8, 13) или Сардинии (Аmm., XXIX, 3, 5) и, вероятно, из Африки, которая снабжала государство лошадьми еще в начале V в. В соответствии с законом Валентиниана I и Валента лошадей для армии отбирали только определенного сложения и возраста (СTh, VI, 31, 1). Качества животных проверял чиновник в должности конюшего (*strator*) (СTh, VI, 31, 1; Аmm., XXIX, 3, 5). Ответственным за поставки лошадей в войска был управляющий императорских конюшен, имевший звание *comes stabuli*.

Лошадей изымали у населения, которое облагалось специальным налогом, по типу анноны. Если провинциалы не желали отдавать лошадей, то они могли внести определенную денежную сумму²²⁰. Процедура оценки лошадей (*adaeratio*) была введена, очевидно, с середины IV в., однако первоначально она не была обязательной²²¹. В 367 г. императоры Валентиниан I и Валент сделали *adaeratio* обязательной в императорских доменах и назначили за каждую лошадь цену в 23 солида (СTh, XI, 17, 1). В 401 г. *adaeratio* была введена в Африке. Согласно первому закону (СTh, XI, 17, 2), каждая лошадь оценивалась

²¹⁹ «quam formam quodannis observari praecipimus». Тем не менее Я. Ле Бозк подвергает сомнению регулярный характер подобных поставок и считает, что они могли осуществляться по мере необходимости (*Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 118).

²²⁰ *Джонс А. Х. М. Гибель античного мира...* С. 311.

²²¹ *Delmaire R. La caisse des largesses sacrées...* P. 321.

в 20 солидов, из которых по 7 должны были получать всадники (*contubernales*). В соответствии со вторым законом с каждой лошади *comes stabuli* должен был получать по 2 солида (CTh, XI, 17, 3), а всадник по 7. Наконец, третий закон, появившийся в марте того же года, адресованный населению провинции (*provincialibus provinciae proconsularis*), упраздняет выплаты в пользу комита конюшни и определяет цену каждой лошади в 18 солидов для Проконсульской Африки и Нумидии и в 15 солидов для Бизанцены и Триполитании (CTh, XI, 1, 29).

Видимо, полностью обеспечить армию лошадьми государство было не в состоянии, поэтому оно поощряло развитие частного, в том числе ветеранского, коневодства. В соответствии с законом Константина от 326 г. новобранец, прибывший в армию со своей лошадью, сразу зачислялся в кавалерию (CTh, VII, 22, 2, 1). В соответствии с другим законом того же года новобранец, прибывший в армию с двумя лошадьми или же с лошадью и рабом, получал звание цирцитора и две анноны (CTh, VII, 22, 2, 2). Резервную лошадь солдаты должны были покупать сами. По мнению А. Х. М. Джонса, 7 солидов, которые государство выдавало каждому всаднику, предназначались именно для этого²²². Чтобы обеспечить армию дополнительным количеством лошадей, государство ввело специальную повинность для привилегированных групп населения (*honorati*), которые также были обязаны выполнять данную повинность. К подобным категориям относились все лица, достигшие определенного сана. Поставки такого типа были введены, очевидно, при Константине. С 319 г. они назывались *repraesentatio equorum* или *equi solemnes* (CTh, VI, 35, 2).

²²² Джонс А. Х. М. Гибель античного мира... С. 311.

Закон 373 г. (CTh, XIII, 3, 2) определяет их как повинность, возложенную на сенаторов, комитов и лиц, имевших звание *perfectissimi*. Согласно закону 369 г., каждые 5 лет президы должны были отправлять в армию по 2 лошади, а комиты — по 3 (CTh, VII, 23, 1).

Наряду с поставками, имевшими регулярный характер, государство могло в особых случаях потребовать у населения дополнительного количества лошадей для нужд армии. Такая повинность могла быть возложена либо на всех налогоплательщиков, либо на *honorati*, как это часто бывало в связи с поставкой рекрутов (CTh, VI, 23, 2)²²³. Серия законов Кодекса Феодосия свидетельствует, что некоторые лица даже в экстренных случаях освобождались от подобных обязанностей. Закон от 410 г., например, освобождает от поставок лошадей и всего остального, необходимого для армии, тех, кто несет воинскую службу при дворцовых казнохранилищах (CTh, VI, 26, 15)²²⁴.

4. УСЛОВИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Требования, предъявляемые к физическим качествам новобранцев. В римской армии всегда существовали определенные критерии, по которым отбиралась годная для службы молодежь. Согласно закону

²²³ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 322.

²²⁴ Закон о поставках лошадей не вошел в Кодекс Юстиниана, поскольку в это время лошадей получали главным образом из императорских доменов, находившихся на территории Малой Азии (Ibid.). В конце VI в. солдаты, по-видимому, должны были сами обеспечивать себя лошадьми (Осапес Ф. Византийская армия... С. 23).

326 г., рекруты не могли быть моложе 20 лет и старше 25 лет (СTh, VII, 22, 2 рг.). В 353 г. призывной возраст был снижен до 19 лет; сыновья ветеранов, уклонявшиеся от службы, считались военнообязанными до 35-летнего возраста (СTh, VII, 13, 1; XII, 1, 35).

Особые требования предъявлялись в отношении роста новобранцев. По сообщению Вегеция, для всадников и для первых когорт легиона хорошим считался рост в 6 футов (177,42 см) или по крайней мере в $5^{10/12}$ фута (172,49 см) (Veg., I, 5). Однако в IV в. н. э., когда не было такого тщательного отбора новобранцев, как прежде, минимальный рост рекрутов был установлен в $5^{7/12}$ фута (165,1 см) (СTh, VII, 13, 3). К концу IV в., когда рекрутов стало катастрофически не хватать, критерии отбора новобранцев снизились еще больше. Поэтому Вегеций вообще советует обращать внимание не столько на рост, сколько на силу новобранцев (Veg., I, 5).

Принесение присяги. Поступив в армию, человек некоторое время считался рекрутом (*tiro*)²²⁵. В это время он не имел полного жалования солдата. Если подразделение получало рекрутов больше, чем это было необходимо, то такие новобранцы считались сверхштатными (*supernumerarii*) и выступали в качестве слуг у офицеров (Veg., II, 20)²²⁶. Они должны были вноситься в списки основного состава по мере его убыли в результате болезней или смерти.

²²⁵ Согласно утверждению Иоанна Лидийца, рекрутами назывались те новобранцы, которые по причине бедности были вынуждены выполнять роль слуг у солдат во время начального периода своей службы (Iohan. Lyd., De magistrat., I, 47, 3). Иоанн, по-видимому, допускает ошибку, путая рекрутов со сверхштатными.

²²⁶ Любопытным является тот факт, что сверхштатные существовали в воинских частях даже во времена Вегеция («quos nunc supernumerarios vocant»).

Анонимный автор трактата «De rebus bellicis» предлагает в каждое из подразделений добавить по 50–100 таких рекрутов (Anon., De reb. bell., 5, 8).

В течение трех или четырех месяцев новобранцы обучались различным военным упражнениям (Veg., II, 5). После этого им выжигались особые метки на коже, и новобранцы заносились в списки подразделения (Veg., II, 5). Далее следовало принесение военной присяги (*sacramentum*). Дословный текст ее нам неизвестен, однако благодаря данным, содержащимся у Аммиана и Вегеция, мы можем получить достаточно ясное представление о нем. Вегеций по этому поводу сообщает следующее: «они клянутся богом, Христом, Святым Духом и величием императора, каковое вслед за Богом род людской должен уважать и чтить... Воины клянутся, что они будут усердно делать все, что прикажет император, и никогда не бросят военную службу и не откажутся принять смерть ради римского государства» (Veg., II, 5; пер. С. П. Кондратьева)²²⁷. Такая присяга могла приноситься только после правления Феодосия I, в период, когда христианство одержало уже решительную победу над язычеством. В середине IV в. н. э. текст присяги был, безусловно, иным и, вероятно, с незначительными изменениями воспроизводил *sacramentum* более ранней, возможно еще дохристианской, эпохи. Аммиан следующим образом описывает принесение армией присяги на верность императору Юлиану: «... когда было приказано, чтобы все торжественно присягнули на его имя, приблизив мечи к своим шеям, солдаты со страшными заклятиями

²²⁷ «iurant autem per deum et Christum et sanctum Spiritum et per maiestatem imperatoris, quae secundum deum generi humano diligenda et colenda... Iurant autem milites omnia se strenue facturos, quae praeceperit imperator, numquam deserturos militiam nec mortem recusaturos pro Romana res publica».

принесли торжественные клятвы, что все невзгоды ради него перенесут до последнего издыхания, если этого потребует необходимость...» (Amm., XXI, 5; 10; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

После принесения присяги, когда рекрут становился солдатом, он получал освобождение от налогов на себя лично. Прослужив 5 лет, комитатенсы получали освобождение также для своих отца, матери и жены (CTh, VII, 13, 7. 3); *ripenses* после пятилетней службы получали освобождение только для жены (CTh, VII, 13, 6 pr.; 7. 3).

Денежное и продовольственное содержание. Начиная с III в. римский солдат получал от государства содержание двух видов: регулярное жалование в денежной форме (*stipendium*) и продовольственные пайки (*annona*)²²⁸. Согласно мнению А. Х. М. Джонса, размер *stipendium* не изменился со времен Северов: легионеры получали 600 денариев в год, столько же солдаты ал и $\frac{2}{3}$ этой суммы пехотинцы когорт (т. е. 400 денариев). Р. Дункан-Джонс полагает, что всадники и легионеры получали по 1800 денариев²²⁹.

Продовольственная часть солдатского содержания находилась в ведении префекта претория. Монетный кризис, потрясший империю в III в., привел к тому, что значение анноны все более возрастало²³⁰. Пайки состояли первоначально только из масла²³¹. В IV столетии к маслу добавились другие продукты: зерно, мясо (свежая телятина

или свинина), вино, соль (Amm., XXIV, 2, 3), творог, уксус и яйца для приготовления поски²³² (SHA, Nadr., 10, 2). Во время военной кампании вместо хлеба частично выдавались сухари и кислое вино, а пропорция солонины увеличивалась²³³. Паек, установленный в 360 г., включал запас печенья на 2 дня, хлеба на 1, вина, винограда и телятины на 2 дня, соленой свинины на 1 день²³⁴. Кроме своих собственных рационов солдаты могли получать также рационы на свои семьи.

Паек, получаемый военнотружущим, возрастал по мере того, как он продвигался по службе. В приведенной ниже таблице показано, как происходило распределение аннон в зависимости от званий²³⁵.

Таблица I

Распределение продовольственного содержания военнотружущих

Звание	Количество аннон
pimicerius	5
senator	4
ducenarius	3,5
centenarius	2,5
biarchus	2
circitor	2
eques/miles	1
tiro	1

При Диоклетиане жалование и аннона выдавались 3 раза в год: в январе, мае

²²⁸ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 311; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 177, n. 39.

²²⁹ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 178, n. 41.

²³⁰ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 311.

²³¹ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 178.

²³² Напиток из воды, уксуса и яиц.

²³³ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 628.

²³⁴ Ibid. P. 628; Джонс А. Х. М. Гибель античного мира... С. 312.

²³⁵ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 85.

и сентябре²³⁶. Определить размер жалования и анноны можно лишь приблизительно. В одном из египетских папирусов, датированном 300 г., прокуратор Нижней Фиваиды Аврелий Исидор предписывает военным властям Панопольского нома выдать в январские календы жалование и продовольственное содержание всадникам Первой алы иберов, находившейся тогда в Тмосе. Солдаты должны были получить 7 мириад денариев и 3500 аттиков²³⁷; кроме того, в качестве анноны за прошедшие четыре месяца (с сентября 299 г.)²³⁸ им полагалось еще 2 мириады денариев и 3600 аттиков (P. Pan., n. 2, 36–42)²³⁹. Следовательно, натуральная часть составляла около трети от получаемого солдатом от государства содержания. В том же папирусе отмечены суммы, выплаченные солдатам других подразделений: 65 тыс. денариев солдатам когорты и 343 300 денариев легионерам. К сожалению, в папирусе нет никакого указания на то, сколько человек служило в каждой из упомянутых военных частей. Тем не менее если мы предположим, что численность одной алы в этот период составляла 320 человек, то в таком случае в течение года каждый солдат данного подразделения должен был получить приблизительно 700 денариев; солдат когорты, если ее состав оставался равным 500 человек, должен был получать около 400 денариев; что же касается легионе-

ров, то ввиду того, что нам неизвестна численность отряда, который они образовывали (скорее всего, около 1200 человек)²⁴⁰, то мы можем только предположить, что их *stipendium* было как минимум не ниже жалования всадников алы.

За выплату жалования отвечали чиновники финансового ведомства, выдававшие его, если верить Аммиану, каждому солдату в отдельности (Amm., XXVI, 8, 6) либо через командиров подразделений (Amm., XXVIII, 6, 17). Впрочем, более вероятным представляется, что раздачу жалования в каждой воинской части осуществляли особые лица, на которых была возложена финансовая ответственность (*actuarii, numerarii, rationarii*)²⁴¹.

Деньги, предназначенные для выплат военным, хранились в региональных казначействах (*thesauri*). Конвоировали их к месту расположения войск *bastagarii*, положение которых было не очень завидным, поскольку некоторые из них пытались, несмотря на запрещения, поступить на службу в армию. Командиры подразделений, принимавшие таких лиц, должны были выплачивать фиску за каждого *bastagaria* по одной либре золота (CTh, X, 20, 11).

Каково бы ни было номинальное денежное довольство солдат, его реальный размер падал с падением покупательной способности денария. По ценам, отмеченным в эдикте Диоклетиана, на все годовое содержание можно было купить только 2 модия зерна, а действительные цены были еще выше²⁴². Кроме того, что размеры

²³⁶ Chastagnol A. Le Bas-Empire. Paris: Armand Colin, 1991. P. 240, n. 2.

²³⁷ 1 аттик = 1 денарию. Семь мириад = 70 тыс. Таким образом, всадники алы должны были получить 73 500 денариев.

²³⁸ Аннона выплачивалась обычно продуктами, но в данном случае ее по каким-то причинам предпочли выплатить в денежном эквиваленте.

²³⁹ Таким образом, солдаты данного подразделения должны были получить в общей сложности 9 мириад денариев и 7100 аттиков (97 тыс. денариев).

²⁴⁰ Относительно численности различных подразделений римской армии в этот период см. ниже: гл. IV. 1. Численность и структура различных подразделений.

²⁴¹ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 315.

²⁴² Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 623.

жалованья были весьма невелики, выплачивалось оно правительством крайне нерегулярно. Например, солдаты цезаря Юлиана не получали ни жалованья, ни донатива за все то время, пока велись военные действия в Галлии (355–358 гг.) (Амм., XVI, 9, 6)²⁴³.

Обучение. Мы достаточно хорошо знаем, как проходило обучение солдат в период Ранней империи, однако нам практически ничего неизвестно о том, как готовили солдат в позднюю эпоху. Предложенная Т. Моммзеном схема, когда одна часть армии состоит из полукрестьянской милиции («пограничные войска»), а другая — из варваров, плохо поддающихся обучению военным приемам («полевая армия»), совершенно исказила представление последующих исследователей по многим вопросам, связанным с организацией армии Поздней империи. Это, в частности, касается и вопроса об обучении новобранцев воинским приемам. «Относительно обучения войск, — пишет В. И. Холмогоров, — даже Гроссе, считающий, что и в этой области сохранились “староримские традиции”, может указать только на обучение пехотных солдат так называемой *pyrricha militaris* — военному танцу или, скорее, парадной маршировке под музыку, а всадников — *armatura equestris*, конному бегу, бывшему, в сущности, видом цирковых упражнений. Эти скудные указания говорят, следовательно, лишь о парадных упражнениях, обучение которым распространялось, вероятно, лишь на самую незначительную часть армии, ближе всего связанную с двором, иными словами, на солдат императорской гвардии. Гроссе вынужден признать, что указаний на другие военные упражнения, более применимые

в военной обстановке, чем парадная маршировка, он у Аммиана не нашел. Гроссе и не мог, разумеется, найти таких указаний, так как варварских солдат полевой армии, которых невозможно было подчинить дисциплине в строю во время похода, тем более нельзя было заставить проходить систематическое военное обучение; солдат же пограничных войск (в рядах которых, как известно, также было значительное количество варваров), этих полукрестьян-полусолдат, нельзя даже назвать армией в точном смысле этого слова, — ведь части этой армии собирались в свои укрепления лишь в случае непосредственной военной опасности»²⁴⁴. В. И. Холмогоров приходит к выводу, что военное обучение, в смысле «строевая подготовка целых частей армии», в позднеримский период прекратило свое существование²⁴⁵. Среди должностей командного состава, по словам ученого, исчезли те, которые непосредственно были связаны с обучением солдат (очевидно, имеется в виду, прежде всего, должность центуриона). Все это привело к тому, что «рекрут в Поздней империи мало чем отличался от “старослуживого” солдата»²⁴⁶. Я. Ле Бозк также считает, что главной проблемой позднеримской армии было не отсутствие солдат, а отсутствие хороших солдат²⁴⁷. Ухудшение профессиональных качеств рядового состава было вызвано, по его мнению, упадком всей системы обучения и военной подготовки. Причиной того, что существовавшие прежде правила оказались забытыми, стало исчезновение из армии офицеров сенаторского происхожде-

²⁴⁴ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 71 сл.

²⁴⁵ Там же. С. 72.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ «En fait, ce qui manquait, ce n'était pas les soldats, mais les bons soldats» (*Le Bohec* Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 144).

²⁴³ В этой связи характерным является эпизод, когда один из солдат просит у Юлиана денег, чтобы побриться (Амм., XVII, 9, 7).

ния и гибель большого числа опытных центурионов во время бурных событий III в.²⁴⁸

Следует ли согласиться со столь критическим мнением, высказанным различными исследователями? Военный кризис III в., несомненно, оказал сильнейшее влияние на процесс подготовки солдат. Однако это не означает, что в армии перестали обучать новобранцев и тренировать остальной личный состав. Такие занятия, несомненно, проводились, поскольку при каждом военном лагере существовал особый плац — *campus*. Одна из надписей, датированная 288 г., обнаруженная в Колибрассе в Анатолии, свидетельствует, что солдаты Первого Понтийского легиона срыли холм, чтобы разбить в этом месте *campus* (AE, 1972, 636). В Паризиях — штаб-квартире Юлиана — также существовал плац, где проводились военные упражнения (Amm., XXI, 2, 1)²⁴⁹. Сам Юлиан должен был начать свою военную карьеру с курса обучения приемам владения оружием (Amm., XVI, 5, 10). И наконец, размеренное движение под звуки флейт (Amm., XVI, 5, 10) было не «парадной маршировкой», а упражнением, которое помогало солдатам идти, сохраняя боевой порядок. Аммиан сообщает, что во время сражения римляне двигались медленным шагом под звуки военной музыки в анапестическом такте (Amm., XXIV, 6, 10). При этом совершенно ясно, что осуществлять подобное движение могли только хорошо обученные солдаты. Согласно Аммиану, для войск проводились ежедневные тренировочные занятия (Amm., XIV, 11, 3)²⁵⁰. Сравнивая римских солдат с аламаннами, историк утверждает, что хотя германцы были выше

и сильнее римлян, последние превосходили их своей опытностью (Amm., XVI, 12, 47)²⁵¹. В другой раз он прямо говорит, что римляне были лучше обучены военному делу, нежели варвары, полагавшиеся исключительно на свою храбрость (Amm., XXVII, 10, 13)²⁵². Согласно Зосиму, Валент перед началом войны с готами уделил особое внимание подготовке солдат (Zos., IV, 10, 3). В 378 г., накануне битвы при Адрианополе, Себастиан проводил постоянные тренировки своего отряда (Zos., IV, 23, 3). Даже Вегетий, писавший несколько позже Аммиана и отразивший в своем труде состояние глубокого упадка современной ему военной системы, заявляет, что военные занятия проходят и в его время (Veg., I, 13), что солдаты совершают упражнения на поле (*campicursiones*) (Veg., III, 4), а обучение их возложено на кампидокторов (кампигенов) (Veg., II, 7). Таким образом, можно сделать вывод, что и в начале V в. старые римские традиции обучения солдат воинскому искусству еще не умерли окончательно: центурионов заменили кампидокторы, и обучение новобранцев воинским приемам по-прежнему продолжалось. Это подтверждается также и Зосимом, согласно которому Генерид, бывший в 408 г. военным магистром Далмации, постоянно заставлял свои войска заниматься боевой подготовкой (Zos., V, 46, 5).

Дисциплина. Рассматривая вопрос о состоянии дисциплины в армии этого периода, В. И. Холмогоров выносит всей позднеимперской военной системе безапелляционный и суровый приговор: «Итак, ни в рядах полевой армии, ни тем более у пограничных войск нельзя заметить в IV в. и подобия той железной дисциплины, которая в предшествующие века давала такое

²⁴⁸ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 18.

²⁴⁹ «scutum variis motibus exerceretur in campo».

²⁵⁰ «cotidiana pro ludia exercitus».

²⁵¹ «milites usu nimio dociles».

²⁵² «hinc arte belli doctior miles, inde licet feroces sed incauti barbari».

решающее преимущество римским войскам над их противниками-варварами; лишь численное превосходство и известное, еще уцелевшее превосходство в организации могло теперь обеспечивать Риму его победы»²⁵³. Различные источники (Аммиан Марцеллин, Зосим, Кодекс Феодосия и др.) действительно дают нам повод говорить об упадке воинской дисциплины в армии в период Поздней империи. Аммиан с горечью говорит о разнузданности солдат (*intemperantia militis*), об их склонности к возмущению и бунту (Амм., XVI, 12, 14). В его тексте, так же как и в других литературных источниках, можно найти множество примеров в подтверждение этого. Зосим рассказывает о солдатах трапезунтского гарнизона, которые были охвачены ленью, пьянством и проводили время в пирах и удовольствиях и даже не пожелали подняться на городские стены, когда городу угрожал неприятель (Zos., I, 33, 1–2). При Сингаре (348 г.) император Констанций II потерпел поражение лишь по той причине, что, принужденный требованиями солдат, начал сражение накануне ночи (Oros., VII, 29, 6; ср.: Eutrop., X, 10, 1). Также подчиняясь требованию солдат, римское командование было вынуждено вступить в сражение под Аргенторатом и под Адрианополем. Юлиан был провозглашен императором только потому, что солдаты отказались подчиниться полученному ими приказу Констанция II и отправиться на Восток, чтобы участвовать в войне против персов (Амм., XX, 1–4). Когда поднял восстание Прокопий, на его сторону перешли не только дезертиры всех мастей, но и отдельные воинские части и даже те войска, которые были посланы правительством на подавление этого мятежа (Амм., XXVI, 7, 14–17).

²⁵³ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 71.

Позднеримские армии часто страдали от своеволия солдат и их склонности к грабежам. Так, Юлиан в 359 г. не отважился вести свою армию через земли союзных племен, испугавшись, чтобы воины «по своей дикости» (*per incivilitatem militis*) не начали грабежа и тем самым не нарушили бы договор о союзе (Амм., XVIII, 2, 7). Во время персидского похода Юлиан вынужден был с отрядом легковооруженных объезжать свою армию и, чередуя убеждения и угрозы, удерживать солдат от самовольных попыток уйти подальше от армии, вероятно, опять же с целью грабежа (Амм., XXIV, 1, 13). Вообще, как кажется, корысть стала одним из главных мотивов, заставлявших солдат нарушать свой долг²⁵⁴. В речи, которую произносит перед своей армией Юлиан, он напоминает им о том, что корыстолюбие часто было губительно для римских солдат (Амм., XXIII, 5, 21).

Валентиниан I предпринял решительные шаги, чтобы укрепить пошатнувшуюся воинскую дисциплину, и беспощадно карал солдат за их проступки (Амм., XXX, 9, 10). Однако и в его правление случаи нарушения дисциплины были не так уж редки. В 373 г. он не смог захватить аламаннского царька Макриана только потому, что вопреки его приказаниям солдаты подняли шум, принявшись жечь и грабить вражескую территорию (Амм., XXIX, 4, 5).

Нередки были случаи дезертирства и открытого перехода на сторону врагов. По мнению С. А. Лазарева, «полурегулярный характер» движения багаудов, определенно имевших военные навыки, объясняется тем, что в нем приняли широкое

²⁵⁴ Аммиан, например, пишет о Корнутах и Бракхиацах, что они не отличаются особенной верностью и за высокую плату их можно склонить к чему угодно (Амм., XV, 5, 30).

участие ветераны и дезертиры²⁵⁵. После подавления движения (286 г.), чтобы укрепить окончательно расшатавшуюся дисциплину, Максимиан провел во всех галльских подразделениях «чистку личного состава». Некоторые из воинских частей были подвергнуты повторной децимации. Иногда казнили по 200–300 чел. за раз²⁵⁶. Аммиан часто говорит о многочисленных *desertores* (Amm., XV, 10, 11; XVI, 12, 2; XVIII, 10, 1; XIX, 5, 5; XXV, 6, 6; 7, 1; cf.: Zos., IV, 23, 2). Я. Ле Бозк, обращаясь к этой проблеме, отмечает, что вплоть до времени Константина в юридических источниках не наблюдается ни малейших следов ухудшения состояния дисциплины по сравнению с периодом Ранней империи. И лишь потом законы пытаются восстановить в армии порядок²⁵⁷. Начало первой фазы ослабления дисциплины отмечено в 60-х гг. IV в.²⁵⁸ А. Х. М. Джонс, анализируя ряд законов Кодекса Феодосия, полагает, что большинство дезертиров были вновь призванными рекрутами, еще не добравшимися до своих частей²⁵⁹. Однако данные, содержащиеся у Аммиана, говорят нам о другом. Прибывший в 355 г. в Галлию Юлиан был озабочен тем, как вернуть солдат, покинувших свои лагеря (Amm., XVI, 3, 3). Во время персидского похода после переправы через реку Абору Юлиан приказал разобрать мост, чтобы солдаты не могли покинуть свои части (Amm., XXIII, 5, 4). Феодосий Старший, высадившись в Британии, немедленно издал приказ, которым он звал под знамена дезер-

тиров, обещая им безнаказанность (Amm., XXVII, 7, 10), а подавляя в Африке восстание Фирма, приказал сжигать дезертиров живыми или отрубать им правые руки (Amm., XXIX, 5, 31).

Адрианопольская катастрофа способствовала деморализации римской армии и породила новую волну дезертирств. Седьмая книга Кодекса Феодосия содержит не менее 19 статей, посвященных борьбе с дезертирством. Большая часть из них приходится на 379–383 гг.²⁶⁰ Путем самых решительных мер Феодосию как будто бы удалось восстановить на некоторое время дисциплину в армии, однако законы, изданные в 403, 406 и 412 гг., снова говорят о дезертирствах, что, несомненно, было отражением той драматической ситуации, в которой оказалась империя в период войны с готами Алариха.

Кроме случаев дезертирства, как мы уже отмечали, имели место и случаи прямого предательства, перехода на сторону противника. Аммиан неоднократно говорит о перебежчиках (*transfugae*), из-за которых никакие планы римского командования не оставались в тайне для врагов (Amm., XVIII, 6, 16; XXV, 5, 8; XXV, 7, 1; XXXI, 7, 7; XXXI, 15, 8; XXXI, 16, 1). В 359 г. в руки к магистру конницы Урзичину попался галльский солдат, который перешел на сторону персов и стал их лазутчиком (Amm., XVIII, 6, 16). При избрании императором Иовиана к персам бежал знаменосец легиона Иовианов и сообщил Шапуру все, что происходило в римском лагере (Amm., XXV, 5, 8). Во время восстания Фирма на сторону мятежников перешла четвертая когорта сагиттариев и часть Константинова легиона вместе с трибунами, один из которых возложил на голову

²⁵⁵ Лазарев С. А. Военное сословие в позднеримской империи // Античность и средневековые Европы: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1994. С. 121.

²⁵⁶ Там же. С. 122.

²⁵⁷ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 94.

²⁵⁸ *Ibid.* P. 94, n. 253.

²⁵⁹ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 618.

²⁶⁰ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 94.

Фирма вместо диадемы свою шейную цепь (Амм., XXIX, 5, 20). В самый разгар боя с правительственными войсками Фирм призывал римских солдат выдать ему магистра конницы Феодосия, и часть солдат, соблазненная этими речами, оставила поле боя (Амм., XXIX, 5, 49). Наконец, после поражения под Адрианополем на сторону готов перешли некоторые римские солдаты и *candidati* (Амм., XXXI, 15, 4; 8).

Недоверие правительства к своим войскам выразилось в практике клеймить солдат. Это делалось исключительно для того, чтобы иметь возможность разыскать их в случае побега. Восстановить дисциплину пытались путем применения самых страшных наказаний за нарушение воинского долга. Аммиан сообщает о смертной казни за трусость, проявленную в бою (Амм., XXIV, 3, 2), об отрубании правой руки (Амм., XXIX, 5, 22) или сожжении живьем за предательство (Амм., XXI, 12, 20)²⁶¹. Валентиниан I грозился продать в рабство солдат из подразделения Батавы, не проявившего себя должным образом во время сражения (Zos., IV, 9, 2). По-прежнему сохранялась практика децимации, или казнь каждого десятого солдата в запятнавшем себя подразделении (Амм., XXIV, 3, 2; Zos., V, 31, 2). Однако и эти жестокие меры не всегда приводили к ожидаемому результату.

Одной из главных причин, способствовавших тому, что нарушения дисциплины продолжались, была, по мнению Я. Ле Бозэка, недостаточная обученность войск²⁶². Наиболее распространенным является мнение, что упадок древней римской дисциплины был вызван прогрессив-

ной варваризацией, а точнее германизацией, армии²⁶³. Аммиан действительно приводит несколько случаев, связанных с предательством солдат и офицеров германского происхождения: в 354 г. многие полагали, что внезапное нападение аламаннов на римские владения было вызвано предательством высокопоставленных аламаннских офицеров на римской службе; Аммиан называет имена комита доместиков Латина, трибуна конюшни Агилона и трибуна skutариев Скудилона (Амм., XIV, 10, 8); в 357 г. дезертир-аламанн сообщил своим соплеменникам, что у Юлиана всего 13 тыс. солдат, и это известие подтолкнуло их к тому, чтобы дать римлянам генеральное сражение (Амм., XVI, 12, 2); в 371 г. по обвинению в переписке с враждебным Риму царьком Макрианом и варварской знатью был казнен знатный аламанн Гортарий, получивший от Валентиниана I военное командование (Амм., XXIX, 4, 7); в 377 г. один из лентиензов, служивший в гвардии Грациана, находясь в отпуске на родине, рассказал, что император ведет свою армию на помощь Валенту во Фракию, побудив тем самым своих соплеменников вторгнуться в провинцию Реция (Амм., XXX, 10, 3); после победы над армией Валента, когда готы осадили Адрианополь, отряд римской пехоты в 300 человек открыто перешел на их сторону; Аммиан не говорит, что это были германцы, но, вероятнее всего, именно этническое родство с победителями сыграло определяющую роль в данной измене (Амм., XXXI, 15, 4); также германцами, по-видимому, были те *кандидаты* римской службы, которых готы подослали в осажденный Адрианополь, для того чтобы они подожгли какую-либо его часть (Амм., XXXI, 15, 8).

²⁶¹ Особой строгостью в отношении рядового состава отличался император Валентиниан I, который карал даже за незначительные нарушения (Амм., XXVII, 9, 4; XXX, 5, 3).

²⁶² *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 94.

²⁶³ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 162.

Вместе с тем Аммиан нигде не говорит о ненадежности германских солдат, противопоставляя их солдатам-римлянам. А. Х. М. Джонс полагает, что опасность использования в армии германцев была невелика, поскольку они не были объединены национальным чувством²⁶⁴. Отдельные племена постоянно враждовали друг с другом и даже внутри племенных групп шло соперничество кланов. Кроме того, большинство германцев во время службы в римской армии полностью ассимилировались²⁶⁵. Сохранилась надгробная стела одного римского солдата франкского происхождения, который характеризует себя следующим образом: *Francus ego civis, Romanus miles in armis* (CIL, XIII, 3576). Два понятия *Francus civis* и *Romanus miles* на деле не были взаимоисключающими. Можно было поддерживать связь со своими соплеменниками, и это никак не отражалось на лояльности солдата по отношению к империи.

К этому нужно добавить, что подавляющая часть германцев, служивших в римской армии, проживала непосредственно на римской территории. Рекруты, набранные среди таких племен, должны были быть уже в достаточной степени романизированы и относиться как к врагам ко всем тем, кто нападал на римскую Галлию. А. Х. М. Джонс считает, что все германские солдаты неплохо знали латынь. Это было необходимо хотя бы для того, чтобы совершить обряд принесения присяги. Германские офицеры владели латынью в совершенстве и свободно участвовали в дискуссии во время заседания консистории. За долгие годы службы многие из них даже будто бы забывали свой родной язык. Когда Юлиан хотел

отправить офицера послом к царю аламаннов Гортарию, он выбрал трибуна Гариобода, т. к. тот «хорошо знал варварский язык» (Амм., XVIII, 2, 2)²⁶⁶. Как отмечает А. Х. М. Джонс, подобное утверждение позволяет предположить, что другие офицеры Юлиана знали его плохо²⁶⁷. Даже те из солдат-варваров, которые являлись представителями племен, живших за пределами Римской империи, должны были попадать под культурное и моральное влияние римской цивилизации. За 20–25 лет службы эти германцы вполне романизировались и, теряя свои племенные связи, становились законопослушными гражданами империи. Данное обстоятельство позволяет А. Х. М. Джонсу утверждать, что, несмотря на сообщаемые Аммианом случаи измены, нельзя говорить о ненадежности германских солдат²⁶⁸.

Что же толкало солдат к грабежам мирного населения, возмущениям, открытому бунту и дезертирству? Все эти явления, бывшие симптомами ослабления воинской дисциплины, можно объяснить вполне объективными причинами. Прежде всего, это очень тяжелые условия службы и невыполнение правительством своих обязательств по отношению к солдатам. Даже тогда, когда правительство уделяло необходимое внимание их положению, не было никакой гарантии в том, что рядовые получали все, что им положено. Солдатское жалованье разворовывалось, обеспечение продовольствием, обмундированием и оружием также было далеко от идеального. Повсеместным явлением стала так называемая *stellatura* — удержание офицерами части солдатского

²⁶⁴ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 621.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ «sermonis barbarici perquam gnarus».

²⁶⁷ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 622.

²⁶⁸ Ibid. P. 621.

рациона. Фемистий в одной из своих речей сообщает, что многие из солдат до прихода к власти Валента вообще не имели ни оружия, ни униформы (Them., Or., X, 135d–136d). Либаний утверждает, что командиры присваивают себе все, что посылает солдатам правительство, а последние ходят голодные, не имеют одежды и обуви (Lib., Or., II, 3769). В 366 г. Валентиниан I послал нотарию Палладия выплатить жалованье африканским войскам. Правивший тогда в Африке дукс Роман посоветовал офицерам легионов тайно передать нотарию большую часть предназначенных для раздачи денег, с тем чтобы тот представил императору отчет, благоприятный для Романа. Так и было сделано. До рядовых солдат деньги не дошли. При таких условиях службы невозможно было требовать от солдат слепого повиновения приказам командиров. В биографии Александра Севера дается завуалированный совет, как упрочить воинскую дисциплину. В уста императора автор вкладывает следующие слова: «Воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе». Нищенство (*mendicitas*), поясняет далее автор биографии, доводило вооруженного человека «до самых отчаянных поступков» (SHA, Alex. Sev., 52, 3)²⁶⁹.

Еще одним негативным фактором, отразившимся на состоянии воинской дисциплины, явилась провинциализация армии. Поскольку солдаты стали набираться из жителей тех мест, где были расквартированы воинские части, то в случае военной опасности они могли покидать свои посты и смешиваться с местным населением²⁷⁰.

²⁶⁹ «ad omnem desperationem vocaret».

²⁷⁰ Уотсон Д. Римский воин / Пер. с англ. А. Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2010. С. 170.

Однако стоит ли на основании вышеприведенных фактов говорить о полном отсутствии дисциплины в позднеримских войсках и, как следствие этого, об их невысокой эффективности и отрицать (вслед за О. Зееком и Г. Дельбрюком) превосходство в этом отношении армии Поздней империи над варварами? Думается, что нет. Изменников и дезертиров было достаточно и у германцев, а чрезвычайная жестокость персидских законов против дезертировавших солдат свидетельствует о том, что и в их войсках эта проблема была далеко не последней (Amm., XXIII, 6, 81). Мы даже не можем утверждать, что в III–IV вв. дисциплина в армии ослабела по сравнению с тем, какой она была в период принципата. В I–II вв. было достаточно солдатских бунтов, которые выливались в кровопролитные гражданские войны. Нередко уже известие о смерти императора служило поводом к восстанию. Так, например, сообщая о мятеже паннонских легионов (14 г.), Тацит пишет, что он вспыхнул «внезапно», «без каких-либо новых причин, кроме того что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне» (Tac., Ann., I, 16; пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского). Почти одновременно с паннонскими подняли мятеж и германские легионы (Tac., Ann., I, 31). При этом гнев солдат оказался направленным прежде всего на своих непосредственных командиров — центурионов, которых избивали плетью и кидали в Рейн (Tac., Ann., I, 32). Частые мятежи солдат в I в. стали причиной того, что само понятие о воинской дисциплине потеряло всякий смысл. Это стало типичным для римских армий, расположенных практически во всех провинциях империи. Относительно сирийских войск Тацит сообщает, что у них разложение дисциплины было особенно ошутимым уже в начале I в., в на-

местничество в Сирии Гнея Пизона (17 г.) (Тас., *Ann.*, II, 55)²⁷¹. Спустя полвека, во времена Нерона, наместник Сирии Корбулон столкнулся с той же проблемой и сильно страдал от небоеспособности сирийских легионов, которые, обленившись за время мира, отказывались выполнять лагерные обязанности. «Хорошо известно, — сообщает Тацит, — что в этой войске не были редкостью ветераны, ни разу не побывавшие в боевом охранении или ночном дозоре, разглядывавшие лагерный вал и ров как нечто невиданное и диковинное, отслужившие свой срок в городах, не надевая ни шлемов, ни панцирей, щеголеватые и падкие до наживы» (Тас., *Ann.*, XIII, 35; пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского).

К концу правления Флавиев проблема дисциплины в армии по-прежнему оставалась нерешенной. В 97 г. в результате солдатского мятежа был «захвачен в плен» и «лишен свободы» император Нерва (Plin., *Pan.*, 6). Плиний Младший называет Траяна исправителем воинской дисциплины (Plin., *Pan.*, 6)²⁷². Тем не менее после смерти своего предшественника Адриану вновь пришлось восстанавливать в армии дисциплину (SHA, *Nadr.*, 10, 5).

²⁷¹ «...терпя праздность и распушенность в лагере, распушенность в городах, бродяжничество и своеволие воинов в сельских местностях, он довел войско до такого всеобщего разложения, что получил от толпы прозвище “Отца легионов”» (пер. А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского).

²⁷² «Как прекрасно, что дисциплину, в лагерях пошатнувшуюся и почти совсем упавшую, ты снова восстановил, преодолев пороки предшествующего поколения: лень, упрямство и нежелание повиноваться... в забросе были военные упражнения и не только дух, но и сами тела воинов изнеживались, да и мечи от неупотребления тупились и покрывались ржавчиной. А вожди наши страшились козней не столько со стороны чужеземных царей, как от своих же командиров, и вооруженных рук не врагов, а своих собственных соратников» (Plin., *Pan.*, 18; пер. В. С. Соколова).

Аммиан часто жалуется на насилие солдат над мирным населением. Но разве в I или II в. подобного не происходило? Бесчинства, которые творила армия Отона, проходя по Италии, привели к тому, что мирные жители вынуждены были взяться за оружие, чтобы хоть как-то защитить себя (Тас., *Hist.*, II, 12, 13). В 68 г. армия вителлианцев вступила на территорию союзных тревиров и остановилась в городе Диводуре. Несмотря на оказанный им прекрасный прием, солдаты с оружием в руках бросились на мирных жителей и стали убивать их «не ради добычи, не из желания пограбить, а движимые лишь иступлением и яростью» (Тас., *Hist.*, I, 63; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек). В результате этой резни погибло около 4 тыс. чел. После окончательной победы над партией Отона вителлианцы сделались хозяевами Италии и использовали свое положение исключительно для того, чтобы грабить гражданское население²⁷³. Не отличались в лучшую сторону от своих противников и солдаты флавианской партии. Чего только стоит разрушение Кремоны в 68 г., когда солдаты сожгли дотла этот италийский город и полностью перебили все население (Тас., *Hist.*, III, 33)²⁷⁴! После окончательной победы над Вителлием солдаты Веспасиана

²⁷³ «Между тем Италия терпела беды и страдания еще худшие, чем во время войны. Рассыпавшиеся по колониям и муниципиям вителлианцы крали, грабили, насильовали; жадные и продажные, они любыми правдами и неправдами старались захватить побольше и не щадили ни имущества людей, ни достоинства богов... командиры понимали, что находятся во власти солдат, и не решались запрещать им что бы то ни было» (Тас., *Hist.*, II, 56; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек).

²⁷⁴ «...в гражданской войне не берут пленных, раз их нельзя продать» (Тас., *Hist.*, II, 44; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек). Отметим, что воины Юлиана были гораздо более сдержанными даже в отношении населения захваченных ими персидских областей.

вели себя не лучше своих предшественников²⁷⁵. Вообще то, что характеризует армию империи в период гражданских войн, сопровождавших падение династии Юлиев-Клавдиев и приход к власти Флавиев, — это грубое господство распоясавшейся солдатчины. Солдаты забыли о самом понятии дисциплины и привыкли разговаривать с полководцами языком угроз (Тас., Hist., IV, 34). Они «предпочитали обсуждать приказы командиров, вместо того чтобы выполнять их» (Тас., Hist., II, 39; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек). Неугодных им военачальников они самовольно свергали, заключали в тюрьмы, лишали жизни (Тас., Hist., II, 12; 26; 29; 36; IV, 27; 36). «Поражение или победа — все теперь вызывало у солдат одно желание: поскорее расправиться со своими командирами» (Тас., Hist., IV, 36; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек). После победы под Кремоной Антоний, командовавший флавианской армией, чтобы поддержать мятежные настроения солдат, разрешил им самим избирать центурионов; «в результате избранными оказались отъявленные смутьяны. Теперь уже не солдаты подчинялись командирам, а командиры зависели от произвола солдат» (Тас., Hist., III, 49; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек).

Не редки были и случаи дезертирства. Так, Тацит пишет, что когда некий человек низкого происхождения выдал себя за Нерона, то вокруг него тут же собралась толпа бродяг из беглых солдат. Прибыв на

остров Цитну, он уговорами присоединил к своему отряду находившихся там в отпуске солдат восточных легионов (Тас., Hist., II, 8). В конце II в. масштабы дезертирства приняли столь широкий характер, что с дезертирами пришлось уже вести настоящую войну (SHA, Comm., 16, 2; SHA, I Pescen. Nig., 3, 4).

Что же касается открытой измены, случаи которой были описаны у Аммиана, то все они блекнут на фоне принесения в 70 г. всеми римскими войсками, расположенными по берегам Верхнего Рейна, присяги на верность вождям мятежных галлов. Их примеру последовали солдаты Пятого и Пятнадцатого легионов, осажденные в Старых лагерях (Тас., Hist., IV, 59). Шестнадцатый легион вместе со своими вспомогательными войсками также перешел на сторону врага (Тас., Hist., IV, 62). Таким образом, утверждение Я. Ле Боэка, что в римской армии вплоть до времен Константина царил железная дисциплина, является весьма спорным. Дисциплина в римской императорской армии всегда была далека от идеала, и в этом отношении IV в. мало чем отличается от эпохи принципата²⁷⁶.

Религия. В IV столетии в военной среде все более широкое распространение получает христианская религия. Если верить Созомену, то христианские священники и дьяконы существовали в римских воинских частях уже со времен Константина (Soz., I, 8). Этот факт отрицается некоторыми современными исследователями,

²⁷⁵ «Казалось будто город захвачен врагами; отовсюду неслись стоны и жалобы; люди с сожалением вспоминали о наглых проделках солдат Отона и Вителлия, вызывавших у них в свое время такую ненависть. Полководцы флавианской партии сумели разжечь гражданскую войну, но оказались не в силах справиться с победившими солдатами» (Тас., Hist., IV, 1; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек).

²⁷⁶ «В действительности еще и в раннем Риме дисциплина легионов, как показал В. Мессер, часто была далека от того рисуемого традицией идеала, который некритически воспринимался учеными Нового времени. Не лишена оснований и мысль о том, что суровость наказаний в ранней римской армии позволяет говорить скорее о слабости дисциплины, нежели о ее крепости» (Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Акра, 2006. С. 279).

поскольку в начале IV в. количество христиан в армии еще намного уступало количеству язычников, и было маловероятно, чтобы Константин пошел на то, чтобы насаждать в армии христианство и вызвать этим неудовольство у основной массы солдат²⁷⁷. Другие допускают возможность того, что государство специально содержало военных священников на свои средства, чтобы привлечь в армию христиан²⁷⁸. Количество солдат-христиан было намного больше в восточной половине империи²⁷⁹. Это объясняется тем, что на Западе среди солдат было много германцев (аламаннов, франков и др.), которые продолжали придерживаться традиционных культов, в то время как на Востоке в армию попадало большое количество готов, принявших христианство в арианской форме²⁸⁰.

В середине IV в. распространение среди солдат христианства стало оказывать заметное влияние на моральное состояние армии. Примеры, подтверждающие это, можно найти в тексте Аммиана. Так, в 368 г. аламаннский царек Рандон смог совершить грабительский рейд на Могонциак, потому что город был оставлен гарнизоном, справлявшим Пасху (Amm., XXVII, 10, 1–2)²⁸¹. В 370 г. нотариус Палладий, находившийся в тюрьме, покончил с собой, чтобы избежать суда, воспользовавшись тем, что его стража оставила свой пост, чтобы в христианский праздник отправиться в церковь (Amm., XXVIII, 6, 27).

Наградная система. В армии Поздней империи существовала целая система поощрений и наград как солдат, так и офицеров. Уже начиная с эпохи Северов на-

градой за храбрость были продвижение по службе или же денежные подарки²⁸². Продвижение по службе было главной наградой за заслуги. Впрочем, далеко не всегда новые звания получали те, кто был этого достоин. Часто это делалось «по тайным проискам» (*ambitio clandestina*) и чьей-либо рекомендации (Veg., II, 3). Аммиан сообщает, что к моменту прихода Юлиана к власти из-за подобной порочной системы солдаты низших рангов давно уже не видели ни наград, ни повышений (Amm., XX, 5, 7–8). Юлиан пытался бороться с подобной практикой и обещал давать повышения в звании только в соответствии с заслугами (Amm., XX, 5, 7).

Для солдата открывалось три возможности продвижения по службе. Он мог быть переведен из провинциального подразделения в подразделение комитата. После этого его могли перевести из менее престижной воинской части в более престижную, например в одну из дворцовых школ. Наконец, он мог получить повышение в звании, оставаясь в своем подразделении²⁸³. Поднимаясь по служебной лестнице, солдат не должен был обязательно получать последовательно все звания. Так, например, известно, что будущий цезарь Максимиан Дайя начал службу рядовым, потом достиг звания протектора, а затем и трибуна. Стратегий, служивший рядовым в дворцовых войсках, сразу был возведен в звание сенатора (Amm., XXVI, 6, 5).

Денежные раздачи были весьма распространенной системой поощрений, позволявшей легко добиться расположения солдат. Наиболее распространенной формой подобных поощрений были выплаты *donativa*. В современной историографии

²⁷⁷ Haensch R. La christianisation de l'armée romaine // ARDV. P. 526, n. 9; P. 527.

²⁷⁸ Ibid. P. 526.

²⁷⁹ Ibid. P. 527, n. 13.

²⁸⁰ Ibid. P. 527, n. 14.

²⁸¹ «Mogontiacum praesidiis vacuum cum expeditis».

²⁸² Feugère M. Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris: Errance, 1993. P. 66.

²⁸³ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 84. \

существуют две точки зрения, касающиеся того, что представляли собой донативы. Одни исследователи полагают, что эти выплаты были столь же фиксированными и регулярными, как и выплаты жалования. По мнению А. Х. М. Джонса, донатив выдавался на дни рождения и прихода к власти императоров, а также на их консульства. Например, уже упомянутый прокуратор Нижней Фиваиды Аврелий Исидор предписывает властям Панополя выдать препозиту отряда конных лучников, дислоцированному в Потекопте, донатив по случаю годовщины прихода к власти Диклетиана 30 мириад денариев и такую же сумму по случаю дня рождения этого императора (P. Pan., n. 2, 161–167)²⁸⁴.

Легионеры и другие войска первого класса получали по 1250 денариев на каждый юбилей августа и половину на юбилей цезаря. Это составляло 7500 денариев в год плюс деньги, выданные в годы, когда императоры были консулами. Вспомогательные войска получали только 250 денариев на юбилей августа (т. е. 1250 денариев в год). Самыми важными денежными доходами солдат были донативы по случаю прихода императора к власти и на 5-летний юбилей его правления. Размер первого составлял 5 солидов и фунт серебра (всего 9 солидов)²⁸⁵. Впервые эта цифра упоминается Аммианом в рассказе о провозглашении Юлиана августом (360 г.) (Amm., XX, 4, 18). Выплата донатива в размере пяти солидов по случаю 5-летия правления впервые упоминается при Анастасии (Marcell., Chron., an. 500). Согласно утверждению Прокопия Кесарийского, вплоть до времен Юстиниана донативы

такого размера выплачивались каждому солдату каждые пять лет. Этот обычай был отменен Юстинианом (Procop., HA, XXIV, 27–9)²⁸⁶.

По мнению других исследователей, выплата донативов не имела строго регулярного характера. *Donativa* выдавались на юбилей прихода императора к власти и особенно на 5, 10 и 20-ю его годовщины²⁸⁷. Но донативы могли также выплачиваться и в некоторых других случаях, например, при вступлении императора в должность консула, в ознаменование одержанной победы, за проявленные усердие и храбрость во время военной кампании (Amm., XXIV, 3, 3; Zos., III, 13; 18) или просто в январские календы²⁸⁸. Солдаты имели, таким образом, возможность получить донатив в различной ситуации, и они не стеснялись требовать его²⁸⁹.

Если верить утверждению Созомена, то донативы выдавались всегда на праздники, в дни рождения императоров и основания столиц (Soz., V, 17). Поэтому, по всей видимости, подобного рода выплаты носили фиксированный характер, что, однако, не исключало возможности дополнительных денежных раздач.

Кроме повышения по службе и денежных премий в каком-то виде сохранялась

²⁸⁴ Всего 65 тыс. денариев. Если численность данного отряда составляла 500 всадников, то каждый солдат должен был получить в данном случае по 130 денариев.

²⁸⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 628.

²⁸⁶ «Существовал обычай, чтобы каждые пять лет василевс одаривал каждого солдата определенным количеством золота. И каждые пять лет посланные во все уголки римской державы лица вручали каждому солдату по пять золотых статов. И не сделать этого было никогда и никоим образом нельзя. С тех пор как этот человек стал управлять государством, он ничего подобного не сделал и не собирался делать, хотя уже прошло тридцать два года, так что люди до некоторой степени уже и забыли об этом деле» (пер. А. А. Чекаловой).

²⁸⁷ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 178.

²⁸⁸ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 314.

²⁸⁹ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 178.

и старая римская система наград, сформировавшаяся еще во времена республики. Известно, что она функционировала на протяжении всей эпохи принципата вплоть до прихода к власти Септимия Севера²⁹⁰. Хотя в наших источниках нет указаний на то, что она оставалась неизменной и на протяжении III в., однако свидетельства авторов IV в. позволяют утверждать, что по крайней мере некоторые из существовавших прежде наград сохранились. Так, Вегетий говорит о *torquati duplares* и *torquati simplares*, т. е. солдатах, награжденных за доблесть золотыми ожерельями (*torques*) (Veg., II, 7)²⁹¹. Такие же золотые ожерелья раздавал император Феодосий I своим готским солдатам (Zos., IV, 40, 8). Если верить Аммиану, то во время персидского похода Юлиан награждал солдат, ворвавшихся первыми в осажденную Майозамальху, осадными венками (Amm., XXIV, 4, 24). После одного крупного сражения с персами он раздал морские, гражданские и лагерные венки (Amm., XXIV, 6, 15)²⁹². Впрочем, М. Фожер полагает, что *dona militaria* времен принципата уже не использовались в эпоху Поздней империи и награды, раздаваемые Юлианом, были лишь искусственной попыткой возродить отжившие традиции²⁹³. На это можно возразить, что если бы солдаты ожидали за свои подвиги только деньги и повышения, то они не поняли бы новшеств Юлиана и, вне всякого сомнения, выразили бы свое недовольство. Но раздаваемые императором венки не вызывали у них никакого

удивления, и это свидетельствует в пользу того, что подобные награды казались им вполне естественными. Думается, что и сам Аммиан обязательно обратил бы внимание своих читателей на попытку Юлиана возродить старую систему поощрений, если бы таковая имела место быть.

Конечно же, прежняя римская система наград не могла остаться неизменной. Проникновение в армию большого количества германцев оказало сильное влияние и на нее. Так, в списке наград появились *brachalia* — браслеты, которые носили солдаты дворцовых школ, кандидаты и федераты (Iohan. Lyd., De magistrat., III, 44, 52)²⁹⁴. В качестве наград могли выступать также плащи, вышитые золотом туники и золотые и серебряные украшения (*barbarica*), такие как кольца, фибулы, пояса. Они либо выдавались за проявленную храбрость, либо были только отличительной особенностью солдат и офицеров, служивших в гвардейских подразделениях (*protectores* или *candidati*)²⁹⁵.

Продолжительность службы и привилегии ветеранов. Продолжительность службы до отставки варьировалась в зависимости от статуса отряда, в котором служил солдат. При Диоклетиане солдаты легионов и вексилярций получали почетную отставку (*honesta missio*) после 20-летней службы²⁹⁶. Срок службы в когортах и алах был более продолжительным. При Константине в легионах и вексилярциях *riparienses* до *honesta missio* служили 24 года (CTh, VII, 20, 4). Это были минимальные сроки, по прошествии которых человек мог уйти в отставку. Впрочем, многие предпочитали оставаться в армии

²⁹⁰ Feugère M. Les armes... P. 66.

²⁹¹ Такие золотые ожерелья первоначально носили исключительно галлы (Polyb., II, 29, 8; 31, 5; Liv., VII, 10, 11). Впоследствии они стали наградой для римских солдат как доля из захваченной добычи (Suet., Aug., 43; SHA, Max., 3, 5).

²⁹² «navalibus donavit coronis et civicis et castrensibus».

²⁹³ Feugère M. Les armes... P. 66.

²⁹⁴ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 95, n 274.

²⁹⁵ Delmaire R. La caisse des largesses sacrées... P. 314; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 96.

²⁹⁶ Берхем Д. ван. Римская армия.... С. 122.

и на более продолжительный период. Анонимный автор указывает, что унтер-офицеры и офицеры, получавшие до пяти аннон, имели тенденцию оставаться в армии очень долго, а надписи упоминают людей, которые служили по 40 лет²⁹⁷.

После выхода в отставку солдаты получали от государства разнообразные привилегии. Кодекс не содержит каких-либо общих положений, касающихся этого пункта. Привилегии, дарованные тем или иным императором ветеранам своей армии, сообщаются в виде указа *ad hoc*²⁹⁸. Время от времени привилегии варьировались в зависимости от продолжительности службы, ранга и статуса подразделения. Только сопоставив все императорские указы между собой, можно понять общую тенденцию дарованных привилегий.

Все ветераны имели иммунитет от подушного обложения (*capitatio*). Иногда ветеран получал такое освобождение и для жены, но это зависело от выслуги лет

²⁹⁷ Необходимо учитывать, что размер солдатского жалованья варьировался в зависимости от выслуги лет. Нагляднее всего об этом сообщает Прокопий Кесарийский: «По закону солдатское жалованье выплачивается не всем подряд одинаково, но молодым и только начинавшим военную службу плата была меньше, уже испытанным и находящимся в середине солдатских списков — выше. У состарившихся же и собирающихся оставить службу жалованье было еще более высоким, с тем чтобы они впоследствии, живя уже частной жизнью, имели для существования достаточно средств, а когда им случится закончить дни своей жизни, они в качестве утешения смогли бы оставить своим домашним что-то из своих средств. Таким образом, время, постоянно позволяя воинам более низших ступеней восходить на места умерших и оставивших службу, регулировало на основе старшинства получаемое каждым от казны жалованье» (Просор., НА, XXIV, 2–4).

²⁹⁸ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 42.

и вида войск, где проходила его служба²⁹⁹. Анализ дарованных привилегий наглядно показывает, что правительство стремилось сделать ветеранов земледельцами³⁰⁰. Кодекс не содержит упоминаний о выплате ветеранам какого-либо вознаграждения (*praemia*)³⁰¹. Государство также не брало на себя заботы об обеспечении ветеранов землей, однако законодатель оставлял им возможность занимать необработанные и никому не принадлежащие участки, признавая право собственности на эти территории за тем, кто возьмет на себя их обработку. Чтобы привлечь ветеранов к земледелию, законодатель обещает ветеранам иммунитет от разнообразных повинностей (*munera*). В соответствии с указом Константина от 325 г. те ветераны, которые пожелали бы заниматься сельским хозяйством на пустующих землях, получали их навечно в собственность свободными от налогообложения; для обзаведения необходимым хозяйственным инвентарем им выдавалась сумма в 25 тыс. фоллов; кроме этого, они получали пару быков и 100 модиев различных посевных культур (СTh, VII, 20, 3)³⁰². Судя по количеству семен-

²⁹⁹ В соответствии с законом 311 г. солдаты, которые прослужили в легионах и вексиляциях 20 лет или были уволены в отставку из-за ран, получали иммунитет для своих жен, а те, кто отслужил 24 года, получали иммунитет даже на четырех человек (*capita*) (СTh, VII, 20, 4). Ветеран получал освобождение от налогов на то имущество, которым владел на момент отставки; однако он был обязан платить налог на землю, которую он приобрел, будучи уже гражданским лицом (*Chastagnol A. L'impôt payé par les soldats au IV siècle // AFMA. P. 292*).

³⁰⁰ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство... С. 150.

³⁰¹ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 42.

³⁰² Этот закон был подтвержден указом Валентиниана I и Валента от 364 г., за тем исключением, что 100 модиев семян получали, выходя в отставку,

ного зерна, земельные владения были весьма значительными — около 20 югеров пахотной земли³⁰³. Такая политика правительства должна была способствовать сохранению свободного землевладения и обеспечить армии необходимый приток новобранцев³⁰⁴.

Кроме этого, государство не препятствовало ветеранам заниматься торговлей. Уже Константин даровал ветеранам освобождение от таможенных пошлин (CTh, VII, 20, 2, 1). Валентиниан I и Валент распространили эту привилегию на всех солдат (CTh, XI, 12, 3). В 366 г. они подтвердили ее для ветеранов и их сыновей (CTh, VII, 20, 9)³⁰⁵. Ветераны получали также освобождение от *хрисаргира*, введенного Константином в 312–320 гг. для всех торговцев³⁰⁶. Согласно постановлению 320 г., ветераны, избравшие занятие торговлей, имели иммунитет от этого на-

лога на сумму до 100 фоллов (CTh, VII, 20, 3). Позднее, возможно уже при Константине, они получили полное освобождение от него. Это было подтверждено в 366 г. Валентинианом I и Валентом (CTh, VII, 20, 9). Однако закон 385 г. ограничивает освобождение, предоставляемое ветеранам, суммой в 15 солидов (CTh, XIII, 1, 14).

протекторы; остальные ветераны получали только по 50 модиев (CTh, VII, 20, 8).

³⁰³ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* P. 636.

³⁰⁴ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство... С. 152. Однако, несмотря на все эти льготы, большинство ветеранов предпочитало заниматься торговлей.

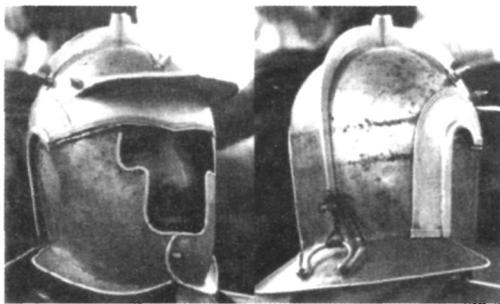
³⁰⁵ «Remotis iniuriis iussimus veteranis nostris vel adgnatis licere emere vendere negotiari: quos secundum veterem consuetudinem parentum nostrorum ab omni munere universisque redivibus auri argentique, sed et portorii indemnes esse oportet» («После того как были устранены несправедливости, мы повелеваем, чтобы нашим ветеранам или их детям было позволено покупать, продавать и заниматься торговлей: надлежит, чтобы они в соответствии со старым обычаем наших предков были свободны от всякой повинности и всех выплат в золоте, серебре, а также и в виде пошлин»). Это освобождение было отменено после 438 г., поскольку закон о нем не был повторен в Кодексе Юстиниана; пассаж в законе CTh, XI, 12, 3, касающийся солдат, опущен в соответствующем законе CI, IV, 61, 6. (Delmaire R. *La caisse des largesses sacrées...* P. 325).

³⁰⁶ Delmaire R. *La caisse des largesses sacrées...* P. 325.

ВООРУЖЕНИЕ, ОБМУНДИРОВАНИЕ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ЗНАМЕНА

1. ВООРУЖЕНИЕ

Относительно изменений римского вооружения. Когда речь заходит о римском вооружении эпохи Поздней империи, ряд специалистов считают возможным говорить о революционных изменениях, и даже более того — о полном разрыве с существовавшей прежде традицией. В. И. Холмогоров полагает, что в IV в. «характерно-римское национальное оружие» совершенно исчезает из употребления¹. Вместе с тем широкое применение находят виды

Шлем типа *Heddernheim* (Peterson D. *La légion romaine hier... et aujourd'hui*. Paris: Histoire & Collections, 1992. P. 34)

¹ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XI. С. 59.

оружия, заимствованные римлянами в III–IV вв. у восточных народов или германцев².

Археологические находки, изображенные на погребальных стелах и триумфальных арках свидетельствуют о появлении в позднеримский период новых форм шлема, панциря, щита, а также новых видов наступательного оружия.

Элементы вооружения, характерные для римского легионера эпохи принципата, постепенно выходят из употребления уже в северовскую эпоху. Получивший ранее широкое распространение «галльский шлем» типа *Weisenau* уступает место шлему типа Хеддернхайм (*Heddernheim*), который полностью закрывал голову и лицо солдата, оставляя открытыми лишь глаза, нос и рот³.

Основным видом доспеха легионера конца I в. была, как кажется, *lorica segmentata*. Она продолжала использоваться на протяжении всей первой половины III в.⁴ Солдаты на арке Септимия Севера изображены по большей части в подобных панцирях. Однако археологические находки свидетельствуют, что по сравнению с предыдущим периодом *lorica segmentata* претерпевает определенные изменения. Образующие ее пластины становятся шире, соответственно меняется и их количество⁵. Наряду с *lorica segmentata*

² Там же. С. 63.

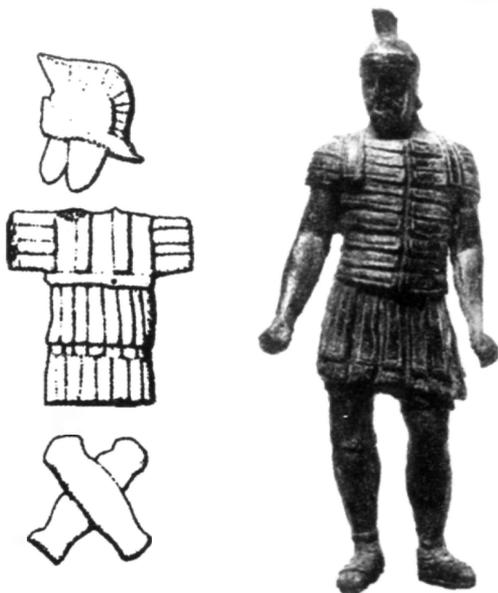
³ Gilbert F. *Légionnaires et auxiliaires sous le Haut-Empire romain*. Paris: Errance, 2006. P. 104.

⁴ Feugère M. *Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain*. Paris: Errance, 1994. P. 151; Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 112, n. 50.

⁵ Этот тип лорики получил название *Newstead* (Le Bohec Y. *L'armée romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle»*. Paris: Rocher, 2009. P. 47). В I–II вв. использовались лорики типа *Corbridge A* и *B*. Лорика *Corbridge A* состояла из 40 различных пластин, а *Corbridge B* — из 38 (Peterson D. *La légion romaine, hier... et*

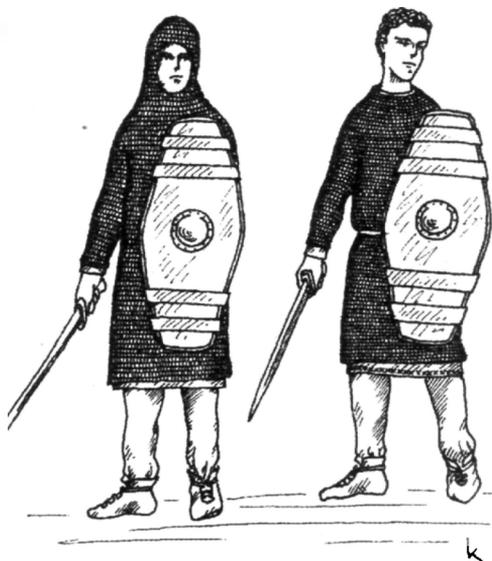
Вооружение центуриона Северия Аккепта, изображенное на его погребальной стеле (III в.)
(Feugère M. Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris: Errance, 1993. P. 134)

Бронзовая статуэтка солдата (III в.)
(Feugère M. Les armes... P. 129)

широко используются кольчуги, чешуйчатые панцири, а также панцири мускульного типа.

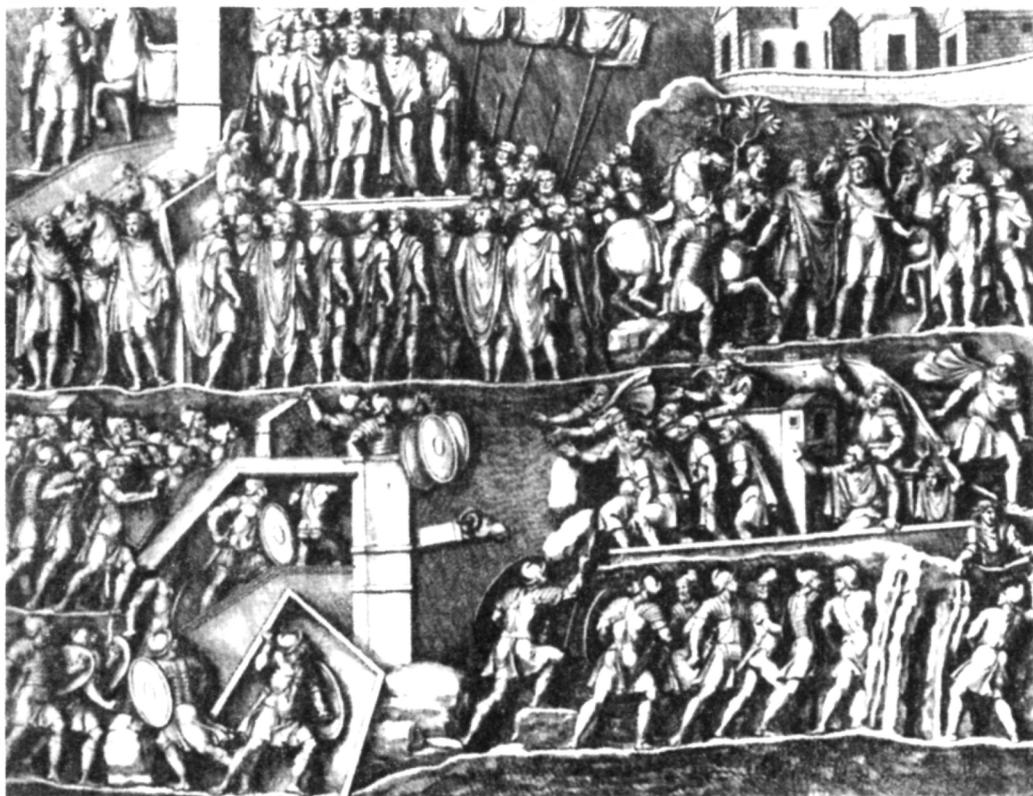
Четырехугольный полуцилиндрический *scutum*, который был основным видом щита римского легионера во II в., применялся и в первой половине III в., о чем свидетельствуют фрагменты трех щитов и один почти целый экземпляр, обнаруженные в Дура-Европос⁶. Вместе с тем уже рельефы на колонне Марка Аврелия и на триумфальной арке Септимия Севера изображают легионеров с неболь-

Солдаты в кольчугах различного типа (по фреске в синагоге из Дура-Европос).
Рис. И. В. Кирсанова

aujourd'hui. Paris: Histoire & Collections, 1992. P. 22).

⁶ James S. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928–1937. Final Report VII. The arms and Armour and other Military Equipment. London, 2004. P. 183.

Прорисовка рельефа на арке Септимия Севера
(Badel Ch., Béranger A. L'empire romain au III siècle après J.-C. Condé-sur-Noireau: SEDES, 1998. P. 83)

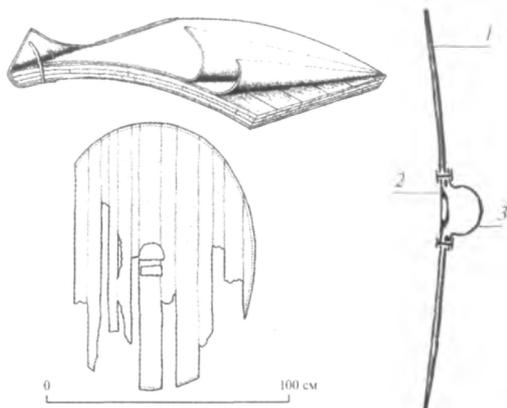
шими овальными или гексагональными щитами⁷.

⁷ Овальные щиты (*clypei*), найденные в Дура-Европос, были слегка выгнутой формы, длиной 1,07–1,18 и шириной 0,92–0,97 м. Они изготавливались из 12–15 деревянных планок толщиной 8–12 мм. В качестве материала использовался тополь. Для дополнительной защиты руки, несущей щит, с наружной стороны по центру щита крепилась бронзовая или железная куполообразная выпуклость (*umbo*). Многочисленные экземпляры умбонев диаметром от 0,185 до 0,220 мм также были обнаружены при раскопках. Щиты покрывались с обеих сторон кожей, после чего на них наносился рисунок (*scutorum insignia*), для того чтобы определить часть, в которой служил солдат. Экземпляры щитов из Дура-Европос отличаются

В III–II вв. до н. э. поножи служили важной частью вооружения римского легионера, но позднее они выходят из употребления, что, по всей видимости, было следствием появления в армии большого щита (*scutum*)⁸. Замена skutума небольшими овальными и круглыми щитами

очень богатой и изысканной раскраской. На них изображены эпизоды Троянской войны, сражения греков с амазонками, а также изображение некоего бога. Вполне возможно, что эти щиты предназначались для военных парадов или для спортивных состязаний.

⁸ Nischer E. von. Die Zeit des stehenden Heeres // Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 410.

Конструкция римского щита из Дура-Европос
(*Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military
Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome.
London: Batsford, 1993. P. 151*):

1 — щит; 2 — рукоятка; 3 — умбон

способствовала тому, что на вооружении римского легионера вновь появляются поножи, которые в I–II вв. носили только центурионы⁹.

Традиционные виды наступательного оружия римского легионера продолжают использоваться на протяжении всей северовосточной эпохи. Солдаты Септимия Севера, изображенные на его триумфальной арке, вооружены гладиусами¹⁰, которые подвешены у них на правом боку. Тем не менее археологические находки свидетельствуют, что уже с конца II в. все большее распространение получает длинный и узкий меч спата (*spatha*)¹¹.

Pilum был на вооружении римского легионера еще в середине III в. Множество образцов позднеримских пилумов

⁹ Впрочем, М. Фожер отмечает, что на некоторых рельефах эпохи Траяна легионеры изображены носящими поножи (*Feugère M. Les armes... P. 136*).

¹⁰ Длина клинков мечей легионеров к концу I в. составляла 40–55 см (*Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 233*).

¹¹ *Feugère M. Les armes... P. 147*.

Солдаты дунайских легионов
(по изображениям на арке Септимия Севера).
Рис. И. В. Кирсанова

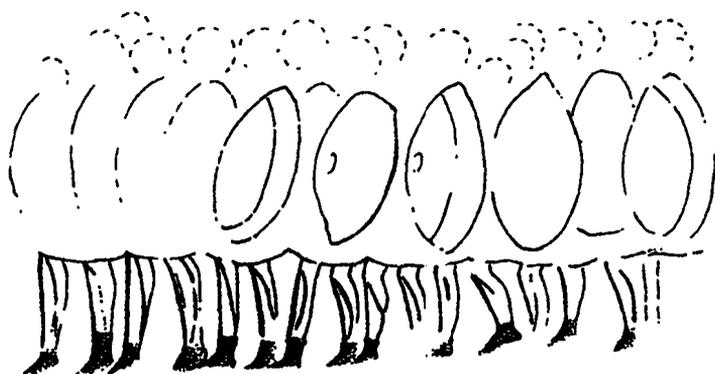
было найдено вдоль рейнской границы¹². Пилумы III в. претерпели некоторые изменения по сравнению с пилумами Ранней империи. Например, наконечник пилума из Заальбурга крепился к древку с помощью специального утолщения в отличие от пилумов предыдущих веков, металлическая часть которых крепилась внутрь древка¹³.

На нескольких погребальных рельефах, относящихся к III в., изображены пилумы, под пирамидальным утолщением которых, служащим для крепления наконечника к древку, находятся два или даже три металлических шара. На сегодняшний день, однако, у нас нет археологических свидетельств, подтверждающих существование аналогичных пилумов¹⁴.

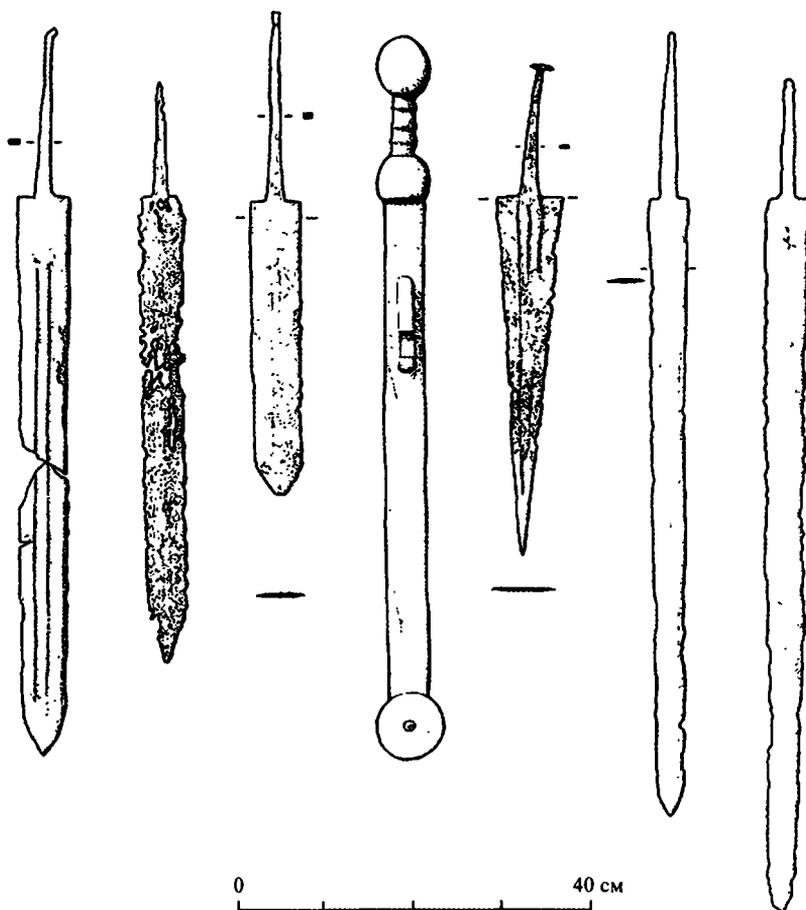
¹² *Ibid. P. 168*.

¹³ *Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 123–124; Feugère M. Les armes... P. 168*.

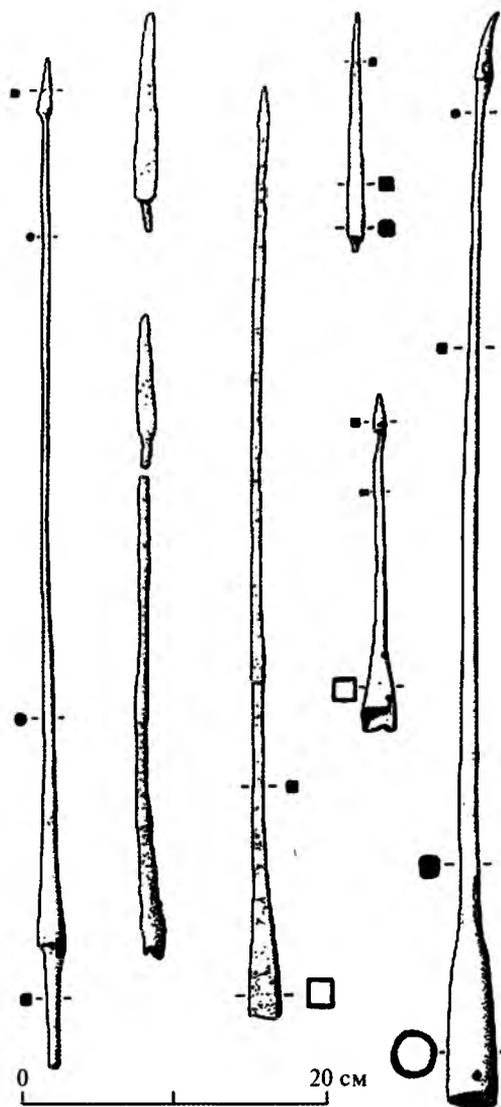
¹⁴ *Feugère M. Les armes... P. 169*.

Прорисовка изображения на фреске из синагоги из Дура-Европос (на ногах солдат видны поножи) (Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. The Later Empire. Gloucestershire: Tempus Publishing Ltd, 2001. P. 46)

Различные типы мечей, использовавшиеся в первой половине III в. (Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 127)

Пилумы первой половины III в.
(Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 123)

Наряду с пилумами в северовский период получают все более широкое распространение копья. Согласно утверждению Геродиана, уже при Септимии Севере его солдаты-иллирийцы были воору-

Преторианец М. Аврелий Лукиан. III в.
(Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 125)

жены дидолиями — копьями, имеющими наконечники на обоих концах древка (Herod., II, 13, 4).

Отказ от некоторых традиционных видов оружия или доспехов и замена их заимствованными у соседних народов были вызваны целым комплексом причин. Эти изменения начали происходить уже с конца II в. и были спровоцированы изменениями приемов ведения боя¹⁵. Другой важной причиной, повлекшей за собой появление в римской армии чуждых ей видов вооружения, была ее провинциализация. Система поместного набора привела к тому, что всякая национальная связь между отдельными легионами была

¹⁵ Об этом см. ниже: гл. V. 3. Тактические приемы.

утрачена, что не замедлило отразиться на их вооружении¹⁶. М. Фожер обратил внимание на то, что поздние изображения пилумов, относящиеся к первой половине III в., встречаются только на погребальных стелах преторианцев и происходят непосредственно из Рима. Это позволило ему предположить, что *pila*, использование которых всегда было чуждо *неримлянам*, так и остались национальным оружием италийцев¹⁷. Результатом демоманизации (провинциализации) армии явилось то, что италийская оружейная традиция перестала повсеместно определять характер римского вооружения, превратившись лишь в одну из нескольких традиций, которые оказывали на него влияние. Особенно велика была в этом отношении роль балканских провинций — Иллирии и Паннонии. Во второй половине III в. именно за счет них в основном комплектовались верные Риму войска. Следствием этого стало появление на вооружении римской армии плюмбаты и полуспаты. В жизнеописании Александра Севера сохранилось интересное указание на то, что римские легионы утратили полное единообразие в вооружении. Автор жизнеописания говорит, что Александр создал отборное войско (фалангу) в 30 тысяч человек, которое состояло из шести легионов, имевших *одинаковое вооружение* (SHA, Alex. Sev., 50, 5)¹⁸. Подобное утверждение свидетельствует о том, что другие легионы имели какое-то иное вооружение.

Большое влияние на римское вооружение оказали, конечно же, и события чисто политического характера. Перипетии вто-

рой половины III в., когда отдельные части единой прежде империи обособились и, порой на продолжительное время, превратились в независимые и, как правило, враждебные Риму государства, послужили причиной того, что местные оружейные традиции, выполнявшие ранее вспомогательные функции, получили мощный импульс для быстрого развития в ущерб чуждой им римской традиции. На Востоке, всегда испытывавшем сильное парфяно-сасанидское влияние, стали развиваться виды войск, традиционные для этого региона: пехота и конница, вооруженные различными видами стрелкового оружия, а также сверхтяжелая кавалерия, состоявшая из эскадронов катафрактариев-клибанариев¹⁹. Это способствовало распространению в римской армии композитных шлемов, торакса, маники и лука восточного образца. В галльских провинциях, где сильно было германское влияние, произошло заимствование некоторых видов вооружения германцев (секира, наконечники стрел и копий с двумя зазубринами). Относительное единообразие, существовавшее в римской армии в первые два века империи, исчезло совершенно. С этого времени различие между воинскими частями западных и восточных провинций начинает чувствоваться весьма сильно. Это различие наглядно отражено в имеющихся у нас источниках. Уже по одному внешнему виду того или иного подразделения можно

¹⁶ Холмогоров В. И. Основные черты развития римской армии в первые века империи (до середины III века) // Арх. СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 48. С. 52.

¹⁷ Feugère M. Les armes... P. 169.

¹⁸ «ex sex legionibus similitum armorum».

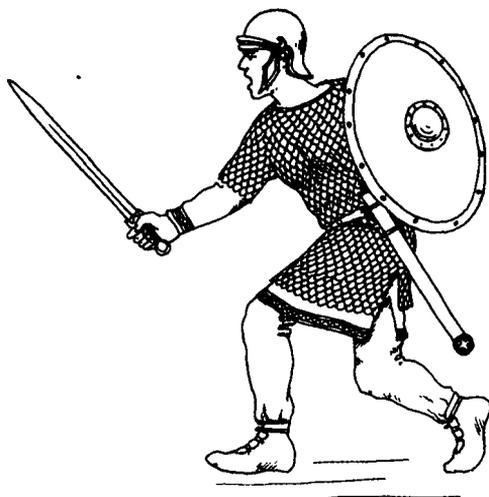
¹⁹ Армия Зенобии, распространившей свою власть над Египтом и всем Востоком вплоть до Галлатии (Zos., I, 50, 1), состояла из легковооруженных пехотинцев-лучников (SHA, Claud., XXV, 7, 5: Omnes sagittarios... Zenobia possidet) и катафрактариев (Zos., I, 50, 3–4). Лициний в борьбе с Константином также полагался на свою панцирную конницу (Pan. Lat., X(4), 24, 2–5). Важную роль катафрактарии играли и в армии Констанция II. Естественно, что для вооружения подобных армий требовались мастера, способные изготавливать необходимое оружие.

было определить, в каком регионе оно было сформировано и вооружено. Так, Аммиан отмечает, что после смерти Юлиана при выборе нового императора участвовали представители от двух армий (Amm., XXV, 5, 2)²⁰, а Клавдиан говорит о двух «несхожих ратях» (т. е. западной и восточной), оказавшихся в 396 г. под командованием Стилихона (Claud., Ruf., 2, 104, 105)²¹.

Централизованная система производства оружия, утвержденная Диоклетианом, еще более способствовала дальнейшим изменениям. Оружейные мастерские были сориентированы, как отмечалось, на выпуск строго определенной продукции, однако каноны, согласно которым она изготавливалась, очевидно, не были определены. Поэтому каждая *fabrica* делала оружие или доспехи в соответствии с местными традициями, и мастерская, находившаяся, например, в какой-нибудь восточной провинции, могла производить чешуйчатые доспехи и композитные шлемы, тогда как мастерская из западной провинции, продолжая греко-римские традиции, изготавливала кольчуги и панцири мускульного типа. Это неизбежно вело к окончательному исчезновению единообразия в вооружении, единообразия, поддерживавшегося прежде исключительно доминированием итальянской оружейной традиции. Сама армия в результате введения государственных оружейных мастерских еще более утратила свои «националь-

Воины в шлемах с плюмажами, изображенные на триумфальной арке Константина.
Рис. И. В. Кирсанова

Преторианец
(по рельефу на арке Константина).
Рис. И. В. Кирсанова

²⁰ «utriusque exercitus consociata suffragia legitimum principem declarabunt».

²¹ И на восток обращает свой путь, ведя за собою Галльскую мощь и восточную мощь, две несхожие рати.
(Пер. М. Л. Гаспарова)

Рельеф на триумфальной арке Константина (Mattesini S. *Les légions Romaines. L'armement à travers mille ans d'histoire.* Rome: Gremese, 2006. P. 204)

ные» римские черты, полностью превратившись из римской в «имперскую».

Шлемы. В позднеримский период существовали самые различные образцы шлемов. На триумфальной арке Константина изображены воины в шлемах, похожих на те, что использовались во времена принципата. Они имеют нащечники и украшены небольшими плюмажами. Преторианцы, с которыми сражаются солдаты Константина, изображены в шлемах аналогичного образца, но без плюмажей.

По мнению некоторых исследователей, рельефы на арке Константина не отражают реалий своего времени: скульпторы в данном случае погрешили против истины и умышленно архаизировали изображения солдат, уподобляя их вооружение классическим образцам²². Однако ряд деталей,

несомненно относящихся к поздней эпохе («паннонские» шапки, длинные штаны, большие овальные щиты), заставляют все-таки отказаться от мысли об архаизации и признать, что по крайней мере в начале IV в. образцы шлемов, продолжавших аттическо-италийские традиции, еще не вышли из употребления.

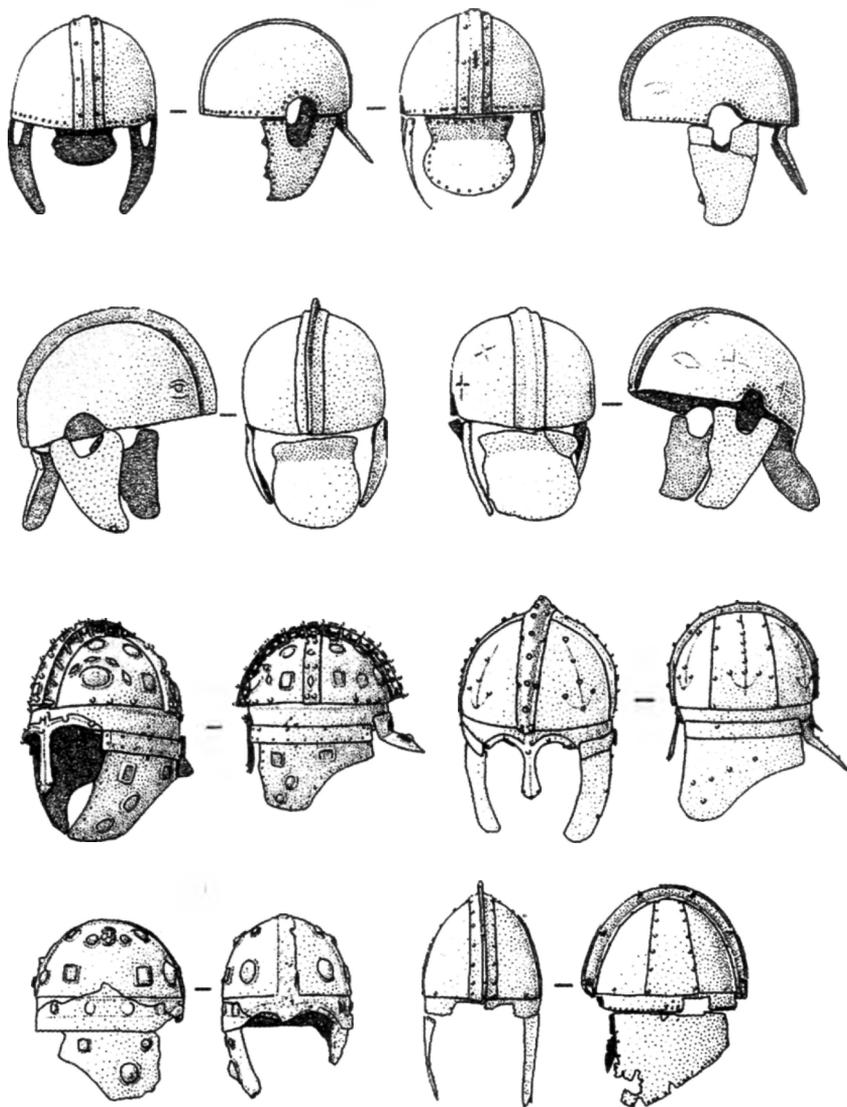
Шлемы, отличные от описанных выше, защищают головы солдат, изображенных в сцене осады крепости. Они имеют почти правильную полусферическую форму. Нашечники и плюмажи отсутствуют.

Широкое распространение в эпоху Поздней империи получили композитные шлемы, неизвестные ранее в италийской традиции. Временем появления таких шлемов в римской армии можно считать начало II в., когда были сформированы подразделения катафрактариев, вооруженных по образцу сарматов.

Композитные шлемы можно разделить на два основных типа. Шлемы первого типа состояли из двух полусфер, крепившихся к узкой полоске гребня, которая тянулась от лицевой к затылочной части каски. Шлемы второго типа изготавливались из нескольких пластин, соединявшихся между собой. Как правило, такая конструкция характерна для касок конической формы. К шлему могли добавляться тыльник и нащечники, которые изготавливались отдельно и обычно крепились кожаными или льняными ремнями либо с помощью шарниров. В нащечниках, посередине их верхнего ребра, располагались ушные отверстия. Отдельные шлемы были снабжены дополнительной защитой в виде Т-образной назальной пластины. Такая пластина, однако, была весьма непрочной и служила, скорее, для того, чтобы отклонить удар, чем для того, чтобы смягчить его²³. Сборка отдельных деталей шлема осуществля-

²² MacDowall S., *Hook Ch.* Late Roman Cavalryman, 236–565 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1995. P. 20.

²³ Feugère M. Casques antiques... P. 149.

Различные типы композитных шлемов IV — начала V в.
(Feugère M. Casques antiques... P. 142)

лась на последнем этапе перед креплением кожаной подбивки²⁴. Шлемы могли и не иметь подбивки. В этом случае воин носил на голове шерстяной подшлемник (*cento*) (Amm., XIX, 8, 8).

Некоторые шлемы имели плюмажи (*cristae*) (Amm., XVI, 10, 8; XX, 11, 21; XXIV, 6, 16). Шлемы рядовых пехотинцев, как правило, не имели никаких украшений. Шлемы офицеров или всадников могли быть богато украшены. В языческую эпоху на них делались изображения львов или

²⁴ Feugère M. L'armement... P. 274.

богини Виктории²⁵. Шлемы высших офицеров покрывались позолоченными серебряными листами и были украшены драгоценными камнями (Амм., XXVII, 10, 11)²⁶.

Большинство обнаруженных в результате археологических раскопок шлемов

Реконструкция римского композитного шлема IV в. из Интерсизы (Венгрия)

Назначение гребня на шлеме не совсем понятно. Предполагается, что он был отличительным знаком центурионов. Подобная гипотеза основана на сообщении Вегеция, согласно которому центурионы носили железные шлемы, на которых были посеребренные гребни, «чтобы свои скорее их узнавали» (Veg., II, 16). Корпус шлема украшают языческие символы — глаза и полумесяцы. Возможно, они связаны с культом Митры (*Alexandra A., Gilbert F. Légionnaires, auxiliaires et fédérés sous le Bas-Empire romain. Paris: Errance, 2009. P. 47*). Способ крепления нашечников и тыльника к корпусу является гипотетическим

Реконструкция шлема типа *Berkasovo I*, обнаруженного в Сербии. Шлем был украшен драгоценными камнями и, вероятно, принадлежал офицеру в ранге трибуна

датируются IV или началом V в. Определенно датированный III в. экземпляр был обнаружен при раскопках в крепости Дура-Европос. Он состоит из двух полушфер и имеет Т-образную назальную пла-

Реконструкция римского композитного шлема IV в., сделанная на основе экземпляра, обнаруженного в Интерсизе (Венгрия)

²⁵ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 113.*

²⁶ *Ibid.*

Реконструкция римского
композитного шлема IV в.

стину. На верхушке шлема располагается цилиндрическая выпуклость, предназначенная для крепления плюмажа. К шлему крепились кольчужная сетка, прикрывавшая шею. Этот шлем принадлежал, по всей видимости, персидскому воину, погибшему при захвате крепости, — факт, наглядно свидетельствующий в пользу парфяно-сасанидского происхождения позднеимперских композитных шлемов.

Панцири и кольчуги. В III–IV вв. меняются типы кольчуг и панцирей, использовавшихся римлянами. *Lorica segmentata* совершенно выходит из употребления во второй половине III в.²⁷ Основным видом доспеха становится кольчуга, или *lorica hamata*. Кольчуги времен Поздней империи отличались большим разнообразием. Были кольчуги короткие, длинные, без рукавов, с рукавами до локтя, с рукавами

до запястья. В манускрипте *Vergilius Vaticanus* (Cod. Lat., 3225) изображены воины в кольчугах с капюшонами²⁸.

На миниатюре в *Notitia Dignitatum* (ND, Ос., IX) представлены виды вооружения, изготовливавшиеся в западных оружейных мастерских (*fabricae*). Среди прочего присутствуют также две длиннопольные кольчуги с рукавами по локоть. Возможно, они

Реконструкция шлема,
найденного в Дейре
(Нидерланды)

Корпус шлема был сделан из шести железных пластин, покрытых серебряными листами (толщиной в 0,75 мм), которые затем были позолочены. На шлеме была сделана надпись: «Stablesia VI». Вероятно, этот шлем принадлежал офицеру одного из кавалерийских подразделений, называвшихся «Stablesiani» (*Feugère M. Les armes... P. 244; Goldsworthy A. The Complete Roman Army. London: Thames & Hudson, 2003. P. 202; Mattesini S. Les légions Romaines. L'armement à travers mille ans d'histoire. Rome: Gremese, 2006. P. 176*)

²⁷ *Feugère M. Casques antiques... P. 151; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 112, n. 50.*

²⁸ Изображение в манускрипте датируется предположительно IV в. (*Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 148; Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 27, 33; Feugère M. Les armes... P. 245*).

Воины в кольчугах с капюшонами.
Изображение в манускрипте *Vergilius Vaticanus*
(Cod. Lat., 3225) (*Bishop M. C., Coulston J. C. N.*
Roman Military Equipment... P. 148)

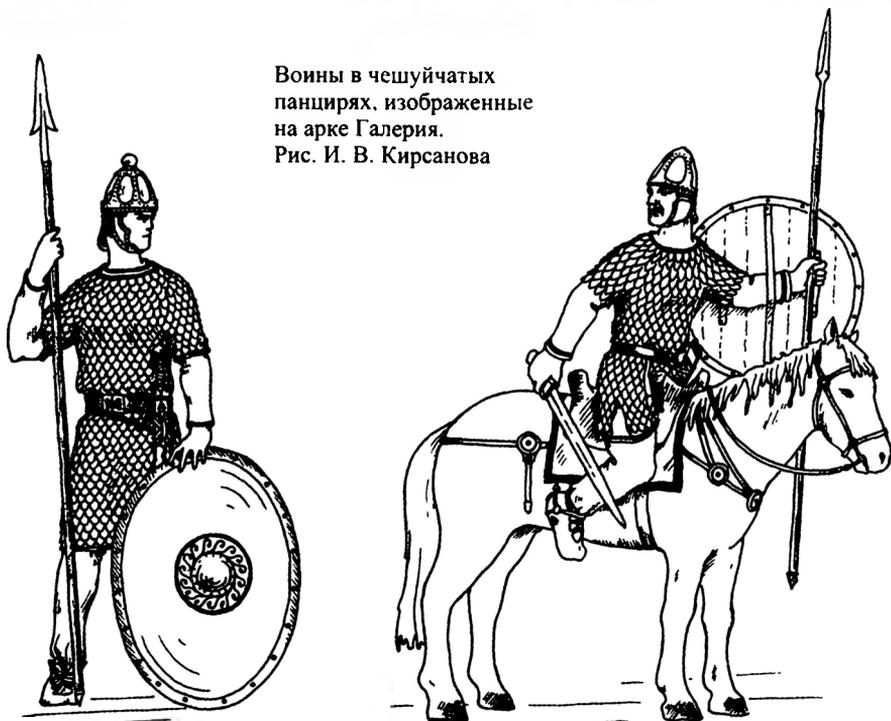
Прорисовка рельефа
(возможно, с арки Диоклетиана в Риме), изображающего
двух солдат конца III — начала IV в., один из которых
представлен в кольчуге, другой — в чешуйчатом панцире.
Музей Кьярамонти, Ватикан (*Stephenson I. P. Roman*
Infantry Equipment. P. 35)

предназначались для всадников, так как были открыты спереди на уровне бедер, что делалось для того, чтобы воину легче было садиться на лошадь.

Чешуйчатый панцирь (*lorica squamata*), использовавшийся уже в период принципата, продолжал употребляться и в III–IV вв. Он представлял собой доспех, сделанный из железных или бронзовых чешуек, пришитых на кожаную основу. В панцири такого типа облачены некоторые воины, изображенные на арке Галерия в Салониках, а также преторианцы на арке Константина.

Реконструкция,
представляющая офицера в ранге трибуна:
на его голове шлем типа *Berkasovo I*. Корпус
защищает короткий чешуйчатый панцирь
с воротником. Из-под панциря видны пteryги
торакомаха

Воины в чешуйчатых панцирях, изображенные на арке Галерия.
Рис. И. В. Кирсанова

Не вышли из употребления и панцири мускульного типа. В них, например, облачены тетрархи, образующие скульптурную группу церкви Св. Марка в Венеции. Подобные панцири носят солдаты, изображенные на рельефах триумфальных арок Галерия и Константина. Аммиан сообщает, что панцири (вероятно, мускульного типа) императорских комитатенсов «блистали золотом и красками» (Амм.,

Реконструкция, представляющая тяжеловооруженного римского воина первой половины IV в.:

на его голове шлем типа *Berkasovo II* (начало — середина IV в.). Корпус защищает короткая кольчуга, рукава и низ которой окаймлены полосами из бронзовых колец. Подобный элемент украшения можно увидеть на миниатюре в *Notitia Dignitatum*. Из-под кольчуги видны пteryги торакомаха. Меч-спата висит на портупее.

Римский офицер IV в.
в панцире мускульного типа.
Рис. И. В. Кирсанова

XXXI, 10, 14)²⁹. К этому можно добавить, что стилизованное изображение подобных кирас присутствует также на миниатюре в *Notitia Dignitatum*.

Поножи. В IV столетии поножи стали неотъемлемой частью защитного вооружения римского воина (Anon., *De reb. bell.*, 15, 3)³⁰. Поножи носили не только

²⁹ «arma imperatorii comitatus auro colorumque micantia».

³⁰ «ferratis ocreis inductis». Косвенным образом факт ношения поножей подтверждается и Аммианом, который упоминает, что солдаты в знак одобрения слов императора ударяли «с сильным грохотом» («horrendo fragore») щитами по коленям (Amm., XV, 8, 15). Представляется более вероятным, что грохот происходил от ударов щитами не по коленям, а по металлическим поножам, прикрывавшим ноги солдат. Отметим, что поножи необязательно

пехотинцы, но и кавалеристы. Согласно утверждению Вегеция, в римской армии существовала особая категория всадников, отличительным признаком которых было именно ношение поножей (Veg., II, 1)³¹.

Щиты. Четырехугольный, полуцилиндрический *scutum*, который был основным видом щита римского легионера во II в., применялся, как отмечалось выше, еще в первой половине III в. Однако позднее, как в кавалерии, так и в пехоте, римляне начинают использовать щиты овальной, круглой или гексагональной формы. В IV столетии наиболее распространенными были овальные щиты³². Судя по сохранившимся изображениям, щиты IV в. были несколько шире, чем в предыдущую эпоху³³.

Аммиан, упоминая о римских щитах, называет их либо *scuta*, либо *clypei*, при этом речь у него всегда идет о щите круглой или овальной формы (Amm., XXI, 2, 1). Такой щит, как и прежде, изготавливался из нескольких скрепленных между собой дощечек. К плоскости щита крепились рукоять (*ampla*) (Amm., XXI, 2, 1). Аммиан сообщает, что римские щиты были широкие (*patula*) и выпуклые (*incurva*) (Amm., XXIV, 6, 7). Они обтягивались кожей, благодаря чему солдаты могли использовать их при переправе через довольно опасные реки (Amm., XXIV, 6, 7). Реже исполь-

зательно должны были изготавливаться из металла. Автор «Стратегикона», например, допускает, чтобы поножи изготавливались не только из железа, но и из дерева (Maur., *Strat.*, XII, 2).

³¹ В пехоте поножи продолжали использовать и в V в. В VI столетии, согласно утверждению автора «Стратегикона», поножи носили только в пехоте, преимущественно солдаты первого и последнего рядов (Maur., *Strat.*, XII, 2).

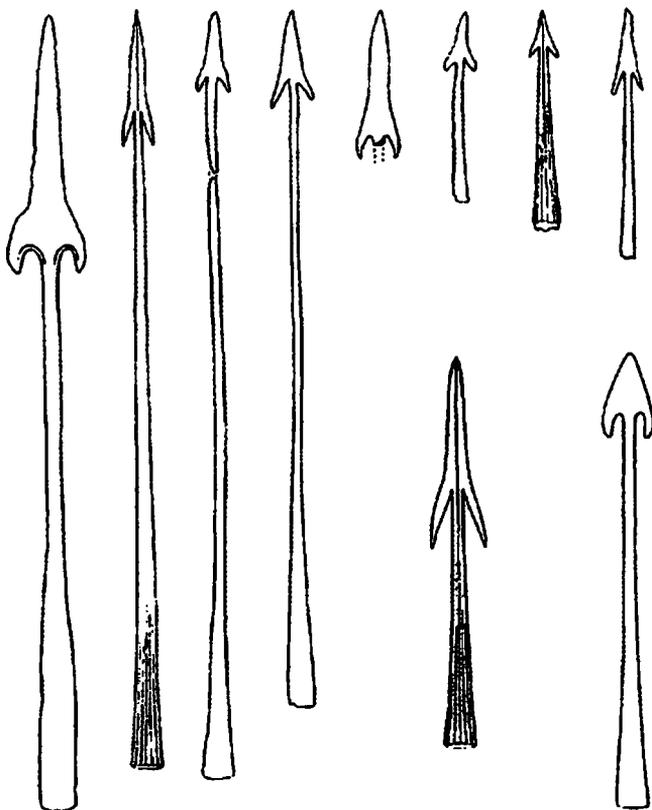
³² Southern P., Dixon K. R. *The Late Roman Army*. London: B. T. Bastford Ltd, 1996. P. 99.

³³ Feugère M. *Les armes...* P. 246.

Различные типы наконечников
позднеримских копий
(Feugère M. *Les armes...* P. 236)

зовались четырех- или шестиугольные щиты³⁴. На поверхности щитов рисовали какие-нибудь аллегорические фигуры или абстрактные изображения, бывшие эмблемой воинской части, в которой служил солдат.

Копья и дротики. С конца II в. основным наступательным оружием римского легионера становится копье. Длина позднеримских копий слегка превышала 170 см, поскольку на рельефах, видно, что копье лишь ненамного выше солдата, который его держит³⁵. В рукопашном бою сражались, прежде всего, копьями и только после того, как они ломались, обнажали мечи (Amm., XXXI, 13, 5). На основании археологических данных можно заключить, что в позднюю эпоху использовались следующие типы наконечников: длинный и тонкий, широкий в основании, узкий в основании, расширяющийся к середине, наконечник с двумя зубринами. Предполагается, что, в то время как широкий наконечник был более удобен для рукопашного боя, узкий тип наконечников мог быть разработан специально для метательного оружия³⁶. На миниатюре в *Notitia Dignitatum* имеется изображение копья с раздвоенным наконечни-

ком. По мнению В. И. Холмогорова, такое копье могло применяться для стягивания неприятеля с коня³⁷.

Pilum, являвшийся традиционным оружием римского легионера на протяжении предыдущих столетий, во второй половине III в. вышел из употребления. Впрочем, Вегеций утверждает, что пилумы хотя и редко, но все же используются и в его время (Veg., I, 20). При этом он заявляет, что в современную ему эпоху пилум получил название *spiculum* (Veg., II, 15). Тем не менее в данном случае мы не должны впадать в заблуждение. Из описания,

³⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 112.

³⁵ *Ibid.* P. 109.

³⁶ *Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army.* P. 112.

³⁷ В. И. Холмогоров называет его «кавалерийским гарпуном» (Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XI. С. 62).

данного Вегецием, становится ясно, что речь идет не о классическом римском пилуме, а о более тяжелом, чем получившие широкое распространение пльомбаты и верутумы метательного копья. «Пилумы», которые видел Вегеций, имели трехгранный наконечник длиной от $\frac{9}{12}$ фута до 1 фута (22, 18–29, 57 см) (Veg., I, 20; II, 15) и древко длиной в $5\frac{1}{5}$ фута (162,64 см) (Veg., II, 15). Нигде нет ни слова о том, что наконечник соединялся с древком посредством тонкого металлического стержня³⁸. Термин *spiculum* Вегеций использует достаточно широко. Это не только особое метательное копье (Veg., IV, 28), но и стрелы, пускаемые различного вида боевыми машинами (карробаллистами, онаграми, скорпионами или манубаллистами). Изменялись лишь размеры спиккулума; его форма, судя по всему, оставалась постоянной (Veg., III, 24; IV, 22).

Аммиан неоднократно употребляет слово *spiculum*, но лишь в одном случае мы можем, как кажется, утверждать, что речь идет о метательных копьях, подобных тем, о которых сообщает Вегеций. Описывая битву при Аргенторате, Аммиан отмечает, что с той и с другой стороны «непрерывно летели спиккулумы, вертумы и окованные железом стрелы» (Amm., XVI, 12, 46)³⁹. В остальных случаях *spiculum* у Аммиана это либо стрела (в том числе стрела метательной машины) (Amm., XXIV, 4, 16; XXV, 1, 13; 17), либо наконечник стрелы лука или баллисты (Amm., XIX, 2, 9; XXIII, 4, 2; 14; XXXI, 2, 9).

³⁸ Археологические находки свидетельствуют о том, что в III–II вв. до н. э. длина металлического стержня пилума сильно варьировалась (от 15 до 95 см) (Feugère M. Les armes... P. 102). Для периода принципата характерны пилумы с длиной стержня от 60 до 90 см (Ibid. P. 166).

³⁹ «*spicula tamen vertaque missilia non cessabant ferrataeque arundines fundebantur*».

Наиболее распространенным дротиком, использовавшимся в IV в., был верутум (*verutum*). По свидетельству Вегеция, верутум под названием *verriculum* был известен еще во времена принципата (Veg., II, 15). Верутум представлял собой дротик с железным трехгранным наконечником длиной в $\frac{5}{12}$ римского фута (ок. 12 см); длина древка составляла 3,5 фута (ок. 103 см) (Veg., II, 15). В IV в. верутум применяли как римляне, так и варвары (сарматы-лимиганты, готы и, очевидно, другие племена германцев) (Amm., XIX, 11, 11; XXXI, 7, 12).

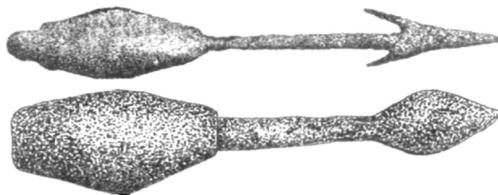
Новым видом метательного оружия была так называемая пльомбата (*plumbata*), или маттиобарбула (*mattio-barbula*), неизвестная в эпоху Ранней империи. В 1992 г. археологами на территории Бретани, в верховье Рейна, на Дунае и в районе Аквилеи было обнаружено 42 пльомбаты. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что пльомбата не была заимствована у германцев, как это иногда считается, а является исконно римским видом оружия. Так, например, М. Фожер, считает, что появление пльомбаты в римской паноплии не должно считаться чем-то неожиданным. Он предлагает рассматривать ее как логическое продолжение эволюции классического пилума. В качестве доказательства своей точки зрения исследователь указывает на то, что уже для эпохи Ранней империи засвидетельствованы пилумы, имеющие груз в виде сферической массы наверху древка⁴⁰. Р. Гроссе, опираясь на сообщение Вегеция, что пльомбаты были основным оружием двух иллирийских легионов, делает вывод, что пльомбата была оружием иллирийского происхождения⁴¹. Легионы Маттиобарбулов, получившие позже название Иовианов и

⁴⁰ Feugère M. Les armes... P. 237.

⁴¹ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 20.

Геркулианов⁴², носили в своих щитах по пять плюмбат и поражали ими врагов, как утверждает автор «Эпитомы», прежде чем те подходили на расстояние полета дротика или стрелы (Veg., I, 17)⁴³. Плюмбата, вероятно, не получила широкого распространения в римской армии ни в III, ни в IV вв. Как явствует из замечания Вегеция, Иовианы и Геркулианы были в III в. особыми легионами, вооружение которых отличалось от вооружения остальных римских подразделений. Автор трактата «De rebus bellicis» воспринимает плюмбату как некое нововведение, поэтому считает нужным подробно рассказать о ней и о способах ее использования. Аммиан ничего не говорит об этом оружии, но однажды упоминает о *praepilata missilia*, которыми римляне забросали в начале сражения своих противников (Amm., XXIV, 6, 10). Возможно, здесь речь идет именно о плюмбатах.

Согласно утверждению анонимного автора «De rebus bellicis», существовало два вида плюмбаты *plumbata tribolata* и *plumbata mamillata*. *Plumbata tribolata* изготавливалась по образцу стрелы (*in modum sagittae*) (Anon., De reb. bell., 10, 2). Наконечник был точно такой же формы, как наконечник охотничьего копья (*venabulum*). Он переходил в металлическую трубку (*fistula*), с помощью которой крепился

Плюмбата мамиллата
(Stephenson I. P. Romano-Byzantine Infantry
Equipment. Gloucestershire: Tempus Publishing
Ltd, 2006. P. 118)

к древку. На некотором расстоянии от наконечника на трубке крепился свинцовый груз с шипами. Для увеличения скорости полета плюмбаты на древке, на некотором расстоянии от конца, фиксировалось оперение. Из описания следует, что воин, метавший плюмбату, держал ее за самый конец древка, вероятно, наконечником вверх (Anon., De reb. bell., 10, 3). Бросок мог быть сделан только с близкого расстояния, практически в упор (Anon., De reb. bell., 10, 1)⁴⁴. В случае если плюмбата не попадала в цель и падала на землю, она все равно представляла опасность для противника, так как он мог поранить ноги об ее острые шипы, один из которых всегда был направлен вверх (Anon., De reb. bell., 10, 1). На сегодняшний день не существует археологических находок, подтверждающих существование такого вида оружия⁴⁵.

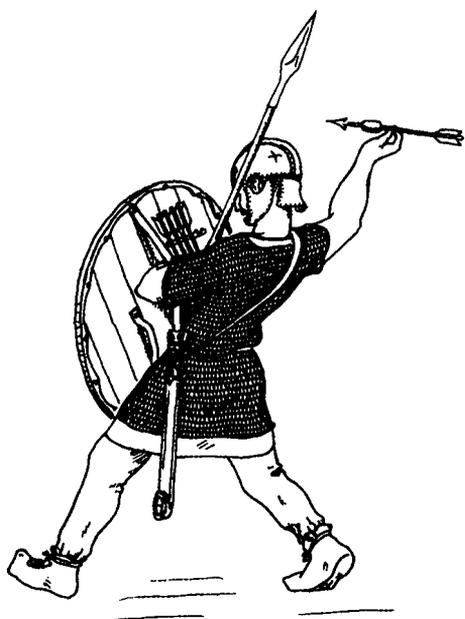
Plumbata mamillata, по всей вероятности, соответствовала маттиобарбулам Вегеция. Название *mamillata* (от *mamillanus* — «набухший») объясняется, надо думать, формой свинцового груза, который находился посередине древка. Наконечники плюмбат такого типа, обнаруженные при раскопках, обычно имеют две

⁴² Об этих легионах см. ниже: гл. V. 6. Иовианы и Геркулианы. История двух легионов Поздней империи.

⁴³ Вегеций называет плюмбату *matthiobarbula* или *martiobarbula* (марсова борода). Подобное название не засвидетельствовано другими позднеримскими источниками. О *маттиобарбулах* говорится только в XII книге «Стратегикона». Вполне возможно, что Вегеций в данном случае просто использует слово, имевшее хождение в солдатской среде, как это он делает неоднократно в ходе своего изложения. Сам он, говоря о маттиобарбулах, уточняет: «...они называются плюмбатами» («*quas plumbatas nominant*») (Veg., III, 14).

⁴⁴ «*in hostem comminus vadit*».

⁴⁵ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 114.

Метание плюмбаты.
Рис. И. В. Кирсанова

Изображение лучника в манускрипте
Virgilius Romanus (V в.) (*Stephenson I. P.*
Romano-Byzantine Infantry Equipment. P. 124)

зазубрины⁴⁶. Длина наконечника — около 12 см⁴⁷. Как и триболата, плюмбата мамиллата имела хвостовое оперение. Согласно расчетам современных исследователей, плюмбата мамиллата металась на расстояние от 30 до 60 м, а при использовании специального ремня — от 70 до 80 м⁴⁸. Применение подобного оружия не требовало от воина большой физической силы или умения, как это было в случае с традиционными пилумами, однако благодаря меньшему весу плюмбаты увеличивалась дальность броска, а за счет свинцового груза возрастала ее убойная сила.

Лук. Гораздо большее применение, чем ранее, находит в римской армии в IV в. лук. Позднеримский лук был восточного происхождения и принадлежал к композитному типу луков⁴⁹. Составные части лука крепились к центральной части с помощью клея и сухожилий. Центральная часть изготавливалась из твердого и гибкого дерева. Она покрывалась пластинами из оленьего рога. Это делалось для придания луку большей гибкости и увеличения дальности стрельбы. Вегций утверждает, что лучники стреляли в цель с расстояния в 600 шагов (177,42 м) (*Veg.*, II, 23). Однако, по всей видимости, речь в данном случае идет не о прицельной стрельбе, а о максимальной дальности полета стрелы. Когда лук не использовали, с него снимали тетиву, чтобы он сохранял свой естественный изгиб. Чтобы вновь натянуть тетиву, лучник использовал известный по многочисленным скиф-

⁴⁶ *Feugère M.* Les armes... P. 236 s.

⁴⁷ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 110.

⁴⁸ *Southern P., Dixon K. R.* The Late Roman Army. P. 114.

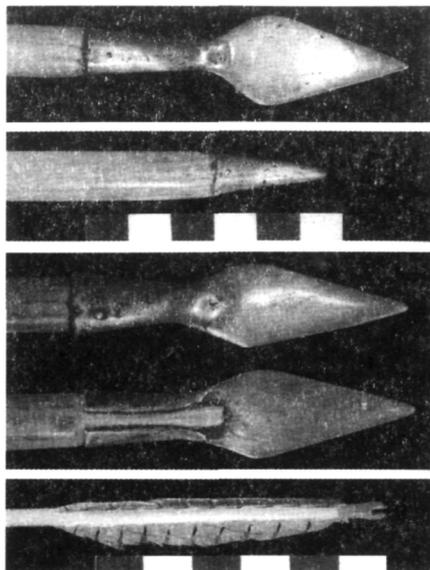
⁴⁹ *Feugère M.* Les armes... P. 211; *Southern P., Dixon K. R.* The Late Roman Army. P. 116; *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 110.

ским изображениям прием: сгибал лук, держа его под ногой⁵⁰.

Стрелы, как и в более раннюю эпоху, имели трехгранный наконечник⁵¹. Такой тип наконечника был характерен для римских стрел уже в III в.⁵² Тем не менее в IV в. получают распространение также узкие и плоские наконечники германского образца. Другим широко использовавшимся типом наконечника был наконечник с двумя зазубринами, также заимствованный у германцев. На древках стрел были указаны имя владельца и подразделение, в котором он служил⁵³.

Насколько мы можем судить по скульптурным изображениям, римские колчаны были цилиндрической формы. Колчаны конных лучников крепились обычно с правой стороны седла позади всадника. Пехотинцы носили колчаны на перевязи⁵⁴.

Известно, что XII книга «Стратегикона», посвященная пехоте, содержит материал гораздо более архаичный, чем все предыдущие книги⁵⁵, и поэтому может отражать некоторые реалии, относящиеся к V или даже IV в. Среди различных видов оружия в «Стратегиконе» упоминается одно устройство для стрельбы из лука, которое вполне могло использоваться и в позднеримский период. Согласно утверждению автора трактата, пехотинцу надлежало иметь «токсофареты»⁵⁶, носимые

Различные типы наконечников стрел, использовавшихся в IV в. (Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. Colour plates 19–22)

Конный лучник.
Современная реконструкция

⁵⁰ Feugère M. Les armes... P. 212.

⁵¹ Ibid.

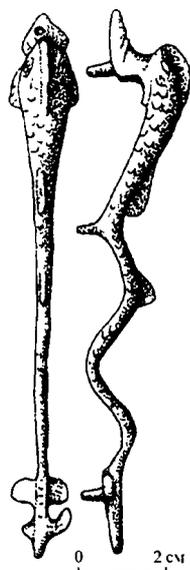
⁵² Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 117.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. P. 118.

⁵⁵ Кучма В. В. Введение // Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. С. 19–20.

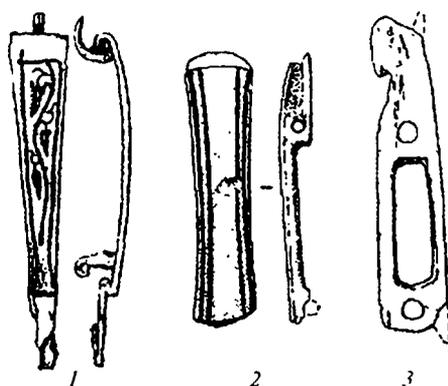
⁵⁶ Токсофаретой (тоξοφάρετα) назывались одновременно лук и колчан, ставшие символом военной службы в византийской армии, поскольку лук в VI в. считался основным оружием византийского воина. (Осарес Ф. Византийская армия... С. 67).

Медная скоба
в виде фигурки дельфина

за плечами, с большими колчанами, вмещающими по 30 или 40 стрел; малые щиты; деревянные соленарии с малыми стрелами и малыми колчанами, с помощью которых ведется обстрел с дальней дистанции из луков, беспокоящий врагов. Бериты или дротики склавинского типа, имеющиеся у тех, которые не умеют стрелять из лука или, возможно, не имеют луков; марсо-

барбулы, носимые в кожаных футлярах, пращи» (Maur., Strat., XII, 5). Данное описание породило две основные версии того, что представляли собой соленарии (ед. ч. *σωληναρίον*). Многие специалисты хотели бы видеть в соленарии византийский вариант арбалета. Другие принимают его за некое устройство, присоединявшееся к луку и позволявшее пускать небольшие стрелы на расстояние, превышавшее обычную дальность стрельбы⁵⁷. Первая гипотеза представляется неубедительной. Во-первых, понятно, что было бессмысленно вооружать одного и того же воина луком и арбалетом: от подобного громоздкого снаряжения было бы мало пользы, поскольку оно препятствовало бы солдату эффективно использовать какой-либо из этих видов оружия по отдельности. Во-вторых, тех новобранцев, которые не умели стрелять из лука или не имели луков, автор трактата предлагает вооружать различными дротиками, ничего не говоря

Скобы для крепления портупей
к ножнам меча:

1 — железная; 2 и 3 — из оленьего рога (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 67; Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions (IV au VI siècle apr. J.-C.) Paris: Errance, 2001. P. 125*)

о соленариях, что представляется странным, если последние действительно были неким подобием арбалетов, ведь ничего не мешало тем, у кого не было лука, обзавестись арбалетами и выучиться умело пользоваться ими.

Соленарии, согласно приведенному в трактате описанию, служили для метания коротких стрел, с помощью которых велся обстрел противника на расстоянии, превышавшем дальность полета обычной стрелы, причем этот обстрел осуществлялся из луков. Данное обстоятельство указывает, что соленарий был не самостоятельным видом оружия, а лишь неким приспособлением к луку. Соленарий мог представлять собой определенного размера трубку с прорезью для тетивы. Вероятно, что и само слово *σωληναρίον* происходит от *σωλήν* — труба, желоб, канал. Подобное устройство позволяло вести стрельбу укороченными стрелами. Такие небольшие снаряды обладали значительно меньшим весом и гораздо лучшими аэродинамическими характеристиками по сравнению со

⁵⁷ Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. С. 205, примеч. 1.

Фалера для крепления ремня портупей и декоративное украшение портупей:

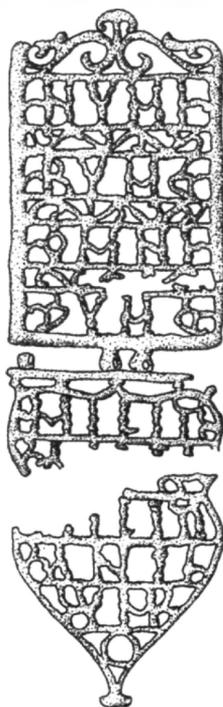
в центре фалеры стилизованное изображение орла. Полоса, охватывающая внутренний круг, прорезана надписью: «OPTIME MAXIME CON[SERVA]»

Фалера из собрания В. С. Голенищева:

размеры: общий диаметр — 70 мм; диаметр внутреннего круга — 45 мм. В центре диска изображена волчица, кормящая Ромула и Рема. Наверху — две орлиные головы. Охватывающая внутренний круг полоса прорезана надписью: «LEGVIFERRFCFEL», т. е. leg(ioni) VI ferr(atae) f(ideli) c(onstanti) fel(icitate), свидетельствующей, что эта фалера принадлежала легионеру из Шестого Железного легиона. Задняя часть диска плоская и снабжена полукруглой вертикально расположенной скобой (Ростовцев М. Фрагмент римского легионного знамени // ЖМНП. СПб., 1908. Новая серия. № 14.

Отд. 5. Апрель. С. 129–130)

Ажурная накладка, украшавшая портупею:

надпись на прямоугольной части накладки: «NUMERUM OMNIUM». Надпись на концевой части декоративной накладки: «MILITANTIVM». Общий смысл надписи на фалере и ажурной накладке: «Храни [Юпитер] наилучшим и наидостойнейшим образом всех тех, кто несет военную службу» (Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 70, 71)

стрелами нормальных размеров. Использование соленария позволяло значительно увеличить дальность прицельной стрельбы.

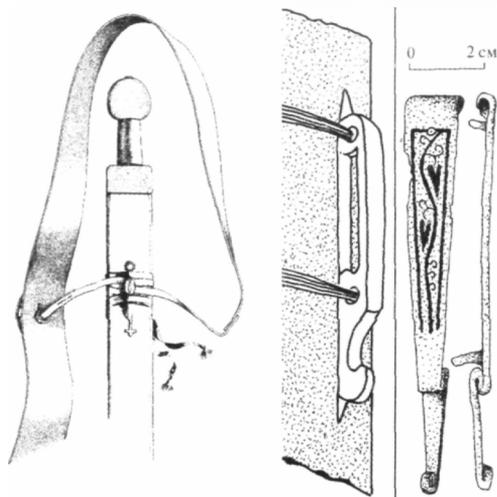
При необходимости вести стрельбу навесом лучник мог убрать соленарий и стрелять обычным способом, используя стрелы стандартной длины.

Мечи. Во второй половине III в. гладиус (*gladius*) — традиционный меч римского легионера — окончательно вытесняется спатой (*spatha*)⁵⁸. Спата была тяжелее,

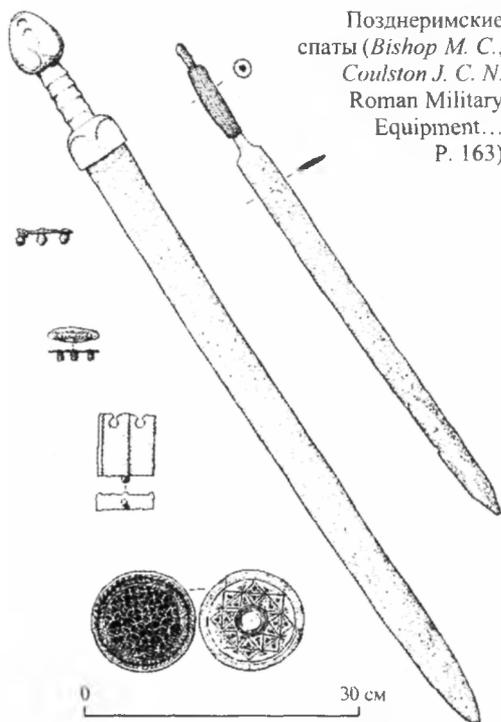
чем гладиус, что потребовало внесения изменений в способ ношения меча. Подвесное кольцо было заменено полосковыми ножнами, которые держались на портупее либо крепились к поясному ремню; спату носили на левой, а не на правой, как ранее, стороне.

Позднеримская спата имела обоюдоострое широкое лезвие, слегка сужающееся к острию, обычно с двумя кровостоками. Длина лезвия составляла 60–70 см, ширина — 5–6, общая длина была 70–90 см. Спаты часто имеют клейма, расположенные в верхней части клинка, на которых указаны имена мастеров-оружейников, изготовивших эти мечи. Некоторые оружейники предпочитали ставить клейма в виде разнообразных розеток. На других клеймах изображены персонажи греко-римской мифологии: Марс, Минерва, Виктория и т. п.

⁵⁸ Feugère M. Les armes... P. 147.

Способы крепления ножен меча к портупее (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 73*)

Позднеримские спаты (*Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 163*)

Крестовина меча, служившая для защиты руки, делалась из железа, бронзы, дерева или кости. Она имела форму прямоугольника или полуовала. Рукоятка изготовлялась из слоновой кости или дерева. Она могла быть простой, со спиральными изгибами или ребристой. Рукоятка заканчивалась навершием. Наиболее общая форма навершия — эллиптическая. Часто встречается также форма в виде орлиной головы⁵⁹. Изображения мечей с подобным навершием можно видеть на многих надгробных стелах, саркофагах или императорских статуях. Спаты описанного типа явились прообразом мерovingских и каролингских мечей⁶⁰.

Ножны мечей, если судить по сохранившимся фрагментам, изготавливались из дерева, а затем покрывались кожей⁶¹. Их нижний конец обычно имел металлическую оправку, служившую для придания ножнам большей прочности. Обычная форма такой оправки для III в. была круглой, германского типа⁶². В IV в. появляется новый тип ножен, представленный на скульптурах тетрархов из Венеции и на надгробной стеле сигнифера Лепонция. Оконечность ножен этого типа заключалась в бронзовую четырехугольную оправку, крепящуюся тремя бронзовыми гвоздями. Этот тип ножен был проще в изготовлении, и, вероятно, его появление связано с учреждением при Диоклетиане государственных оружейных мастерских (*fabricae*).

Вегетий упоминает о существовании коротких мечей, которые он называет *semispathae* (полуспаты). Автор «Эпито-

⁵⁹ *Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 164.*

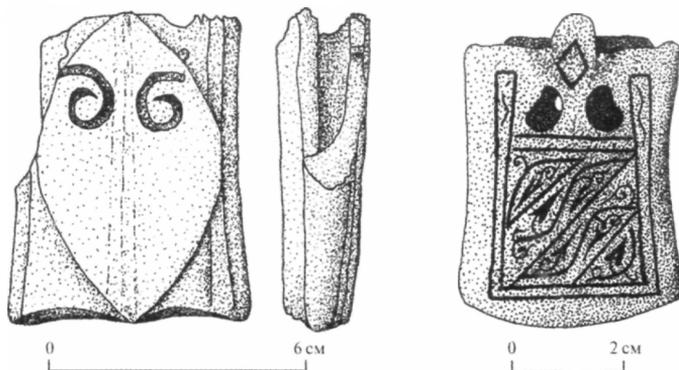
⁶⁰ *Feugère M. Les armes... P. 246.*

⁶¹ *Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 104.*

⁶² *Ibid. P. 109.*

Варианты металлических оправок ножен позднеримских мечей (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 66*)

мы» является нашим единственным источником, свидетельствующим о том, что вместе с длинным мечом в позднюю эпоху римляне также использовали короткий меч. Ф. Ришардо полагает, что в данном случае Вегеций попросту стремился как можно точнее реконструировать вооружение легионеров времен Ранней империи и называл полуспатовой кинжал, который в его время уже вышел из употребления⁶³. Тем не менее у нас есть определенные свидетельства, позволяющие утверждать, что полуспата не была изобретением Вегеция. Во-первых, на миниатюре в *Notitia Dignitatum* (ND, Ос., IX) рядом с длинным мечом изображен более короткий меч, который, по всей вероятности, и был полуспатовой. Во-вторых, в рыцарском романе X в. «Валтариус» (*«Waltharius»*), который восходит к более раннему утраченному оригиналу, рассказывается, как главный герой, спасаясь бегством из лагеря Аттилы, вооружается «на паннонский манер»: на левый бок он вешает длинный меч (спату), а на правый — полуспату⁶⁴. Х. Найкель, первым обративший внимание на этот источник, полагает, что в данном случае под полуспатовой мы должны понимать скорее германский скрамасакс, чем короткий меч; но для такой интерпретации нет достаточных оснований⁶⁵. К этому можно до-

Тетрархи. Скульптурная группа из Венеции.
Фотография автора

⁶³ *Richardot Ph. Hiérarchie militaire et organisation légionnaire chez Végèce // HRAR. P. 411.*

⁶⁴ *Lebedynsky I. Armes... P. 148.*

⁶⁵ *Ibid.*

Надгробный рельеф, изображающий воина с секирой (Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment... P. 168)

Пехотинец и всадник с секирой.
Рис. И. В. Кирсанова

бавить, что существование полуспаты подтверждено, как кажется, и археологически: Я. Лебединский отмечает, что в одном из германских захоронений, относящихся к эпохе Великого переселения народов, рядом с длинным мечом был обнаружен более узкий и короткий меч,

который он склонен идентифицировать с полуспатой⁶⁶.

Секиры. Оружием, совершенно чуждым традиционной римской паноплии, являлись боевые секиры (*securus*), которые использовались римлянами уже с III в.⁶⁷

Вероятно, этот вид оружия был заимствован ими у германцев. Аммиан дважды говорит об использовании римлянами боевых топоров. Описывая осаду Амиды, он рассказывает о двух галльских отрядах, которые, прежде чем совершить ночное нападение на врага, «подпоясались секирами и мечами» (Амм., XIX, 6, 7)⁶⁸. Еще один пример, когда в бою использовались секиры, мы находим в описании сражения при Адрианополе (Амм., XXXI, 13, 3).

В военных целях использовалась и двуострая секира (*bipennis*)⁶⁹, о которой упоминают как Аммиан, так и Вегеций⁷⁰. Последний советует применять такую секиру в морском сражении, чтобы перерубать канаты, которыми крепились рули вражеских кораблей (Veg., IV, 46). Но сам автор «Эпитомы» относит двуострую секиру к плотницкому инструменту (Veg., II, 25; III, 6). Аммиан со своей стороны всего один раз говорит об использовании двуострой секиры, и из его описания также следует, что она не являлась боевым оружием (Амм., XXVI, 8, 10). Тем не менее на некоторых рельефах, а также на миниатюре в *Notitia Dignitatum* обоюдоострая секира представлена среди других элементов вооружения.

⁶⁶ Lebedynsky I. Armes... P. 148.

⁶⁷ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 116.

⁶⁸ «securibus gladiisque succincti».

⁶⁹ У Вегеция — *bipennis*.

⁷⁰ Вегеций следующим образом описывает это оружие: «Bipennis est securis habens ex utraque parte latissimum et acutissimum ferrum» («Двуострая секира — это секира, имеющая с обеих сторон очень широкое и острое лезвие») (Veg., IV, 46).

Декоративный фриз, изображающий римское вооружение (мускульный панцирь, копье, щит и двуострую секиру). IV в. Страсбургский музей. Фотография автора

Наряду с секирами в сражении могли использоваться также и палицы. Например, согласно утверждению Зосима, дубинки и палицы находили широкое применение во вспомогательных отрядах палестинцев (Zos., I, 52, 4; cf.: Pan. Lat., X, 24, 3)

Другие виды оружия. Кинжал (*pugio*), широко распространенный в эпоху принципата вид оружия, продолжали использовать практически на протяжении всего III в.⁷¹ Однако в IV в. он утрачивает свое значение. По мнению М. Фожера, кинжал выходит из употребления со времени правления Диоклетиана. Доказательством этому является отсутствие изображений кинжалов на надгробных рельефах. Не существует также и археологических находок кинжалов, относящихся к постдиоклетиановскому периоду⁷². Впрочем, по-видимому, кинжалы остались на вооружении, однако изменилось их предназначение: теперь их использовали не столько в рукопашной схватке, сколько для умерщвления пленных и раненых⁷³.

⁷¹ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 112.

⁷² Feugère M. L'armement... P. 273.

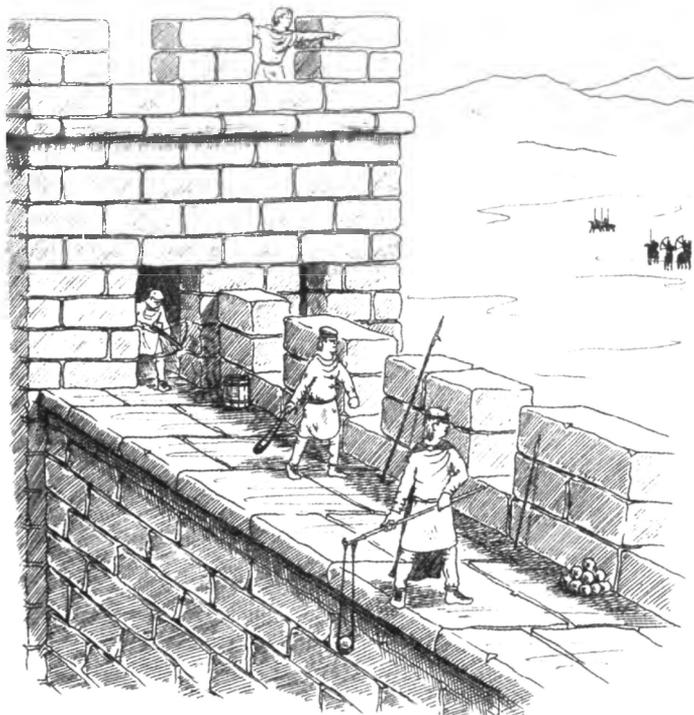
⁷³ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 111, n. 31.

Солдат с обоюдоострой секирой (по рельефу на арке Галерия). Рис. И. В. Кирсанова

В IV столетии в полевых условиях праща стала применяться гораздо реже, чем это было раньше. Аммиан лишь однажды дает понять, что во время сражения были использованы пращи (Амм., XXXI, 7, 14). При этом остается непонятно, кем именно применялось это оружие — римлянами или их противниками. В остальных случаях, когда историк упоминает пращу, она используется осажденными защитниками городов: дважды речь идет о применении пращей персами (Амм., XXIV, 2, 15; 4, 16) и лишь однажды Аммиан говорит о римлянах (Амм., XXVI, 8, 8). Зосим, утверждает, что при осаде Пирисаборы (363 г.) римляне использовали пращи для обстрела защитников крепости (Zos., III, 18, 3).

Преклоняясь перед воинским искусством древних, Вегеций весьма высоко

Воин с фустибалом. Рис. И. В. Кирсанова

оценивает эффективность применения пращей на полях сражений и даже рекомендует обучать искусству владения подобным оружием всех новобранцев (Veg., I, 16)⁷⁴. Впрочем, хотя автор «Эпитомы» неоднократно советует использовать пращников в открытом поле (Veg., II, 15; III, 14), все-таки он приходит к мысли, что пращами необходимо защищать прежде всего форты и города (Veg., I, 16; III, 3).

Пращи изготавливались из льна или конского волоса, причем предпочтение отдавалось последнему. Согласно Вегецию, из пращей метали камни (Veg., III, 14). Аммиан говорит о специальных (оче-

видно, свинцовых) пулях (*glandes*) (Amm., XXVI, 8, 8).

Кроме пращников (*funditores*) Вегеций упоминает также *fundibulatores*, т. е. воинов, вооруженных метательными шестами (*fustibali*). Несмотря на то что *fustibalus* был известен еще в эллинистические времена, у нас нет никаких указаний на то, что он когда-либо применялся римлянами. «Эпитома» — наш единственный источник, доказывающий, что по крайней мере в начале V в. этот вид оружия находил свое применение.

Согласно описанию Вегеция, фустибал представлял собой шест длиной 4 фута (ок. 120 см), посередине которого привязывалась кожаная праща. Принцип действия фустибала Вегеций сравнивает с принципом действия онагра (Veg., III, 14). Фустибалы, как и пращи, применялись

⁷⁴ Интересно, что автор «Стратегикона», опираясь, очевидно, на авторитет Вегеция, советует всех пехотинцев вооружать пращами как линейную пехоту (ὀπλίτης, σκούτατος, ἀριάτος), так и легкую (ψιλός, ἀκούτιστής, τοξότης) (Maur., Strat., XII, 4, 5).

прежде всего для защиты городов (Veg., III, 3). В то же время Вегеций считает, что их возможно использовать и в открытом поле (Veg., II, 15; III, 14).

2. ОБМУНДИРОВАНИЕ

Значительные изменения произошли не только в вооружении римского воина, но и в его обмундировании. И здесь мы наблюдаем тот же самый процесс, что и в случае с оружием: традиционные, «национальные» элементы обмундирования уступают место заимствованным у соседних народов. Знаменитые римские калиги — военные сандалии, подбитые гвоздями, исчезают, как кажется, во второй половине III в. Археологические находки позволяют предположить, что в период Поздней империи произошел отказ от стандартизации и в армии использовалась обувь самых различных стилей, зависевших от местных условий⁷⁵. Широкое распространение получили *кампаги* (*campagi*), или сокки (*socci*), как предпочитает называть солдатскую обувь Аноним (Анон., *De reb. bell.*, 15, 4)⁷⁶. Они представляли собой кожаные башмаки с ременной шнуровкой. Кампаги могли быть полуоткрытыми или полностью закрытыми, напоминающими высокие (до уровня лодыжек) ботинки. Они имели толстую подошву из трех слоев кожи, подбитую гвоздями⁷⁷. Чтобы защитить ноги от соприкосновения с обувью, надевали носки. Несколько экземпляров подобного элемента военного костюма

было обнаружено в Египте. Они сделаны из шерсти, окрашенной в голубой, красный, оранжевый и зеленый цвета⁷⁸.

Другим наиболее заметным нововведением в костюме римского воина являются длинные и широкие шерстяные штаны, заимствованные римлянами у германцев. Штаны в римской армии носились и ранее. В I в. штаны (вероятно, кожаные, длиной немного ниже колена) обычно носили кавалеристы. На колонне Траяна изображены носящими штаны не только всадники, но и ауксилиарии. Legionеры, судя по всему, штаны еще не носили. К концу II в. штаны носит уже и легионная пехота. На триумфальной арке Септимия Севера римские воины представлены в коротких, плотно облегающих ноги штанах. Вероятно, со второй половины III в. входит в обычай и ношение длинных шерстяных штанов⁷⁹. Впрочем, это коснулось главным образом частей, расположенных на западе империи. Представляется, что главным мотивом для введения этого элемента обмундирования было не столько появление большого числа германцев на римской службе, сколько суровые погодные условия: в позднюю эпоху римской армии неоднократно приходилось вести военные действия в самый разгар зимы. На Востоке ношение штанов не стало повсеместным⁸⁰. К тому же официальная власть даже еще в самом конце IV в. воспринимала штаны как варварское заимствование, и потому император Гонорий специальным указом запретил их ношение в Риме (CTh. XIV, 10, 2)⁸¹.

⁷⁵ Southern P., Dixon K. R. *The Late Roman Army*. P. 124.

⁷⁶ «soccis etiam hoc est calciamentis».

⁷⁷ Alexandra A., Gilbert F. *Légionnaires, auxiliaires et fédérés...* P. 51; Summer G. *Roman Military Clothing (2) AD 200–400*. Oxford: Osprey Publishing Ltd. 2003. P. 36.

⁷⁸ Alexandra A., Gilbert F. *Légionnaires, auxiliaires et fédérés...* P. 58–59; D'Amato R., Summer G. *Roman Military Clothing (3) AD 400–600*. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. P. 18.

⁷⁹ Southern P., Dixon K. R. *The Late Roman Army*. P. 123.

⁸⁰ На арке Галерия, например, изображены солдаты, не носящие штанов.

⁸¹ «usum tzangarum adque bracarum intra urbem venerabilem nemini liceat usurpare» («никому не до-

Всадник. Мозаика из императорской виллы в Пьядза Армерина (Сицилия) (MacDowall S., Embleton G. Late Roman Infantryman, 236–556 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. P. 28)

Рельеф на триумфальной арке Константина, представляющий солдат в паннонских шапках. Фотография автора

Для дополнительной защиты голени использовали длинную льняную полосу материи, подобную обмоткам солдат в армиях времен Первой мировой войны⁸².

Нововведением, чужеродным для римской армии, были и так называемые «паннонские» шапки (*pilei*), ношение которых было общепринятым вплоть до начала V в. (Veg., I, 20)⁸³. Вегеций сообщает, что они делались из кожи (Veg., I, 20). Впрочем, в одном из эдиктов Диоклетиана есть указание на то, что *pilei* изготавливались из овечьей шерсти⁸⁴. Эти шапки имели круглую форму и были похожи на кубанки.

Традиционными для римского военного костюма остались, пожалуй, только туника и плащ. Туники изготавливались из

шерсти или льна. Шерстяные туники были обнаружены при раскопках в Дура-Европос, о льняных упоминает Аммиан (Аmm., XIX, 8, 8). Покрой туник был одним и тем же в течение всего периода империи. Изменения происходили только в количестве декоративных элементов, украшавших их. Длина туник доходила до колен воина.

Обычно туники имели длинные рукава. Изображения на туниках делались из окрашенной в пурпурный цвет шерсти. Они, как правило, представляли собой двойную декоративную тесьму на манжетах рукавов, а также охватывающую ворот двойную или

зволюется носить парфянскую обувь и штаны в черте досточтимого города»).

⁸² Alexandra A., Gilbert F. *Légionnaires, auxiliaires et fédérés...* P. 80.

⁸³ Уже к концу III в. ношение *pilei* было настолько широко распространено в римской армии, что их носили даже высшие военачальники, как свидетельствует об этом скульптурная группа из Венеции, изображающая тетрархов.

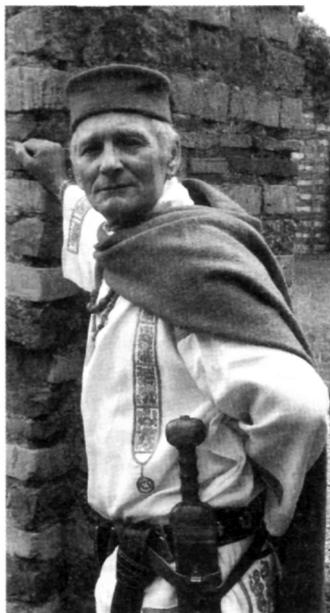
⁸⁴ Southern P., Dixon K. R. *The Late Roman Army*. P. 123.

Декоративное украшение на рукаве туники

Мозаики из императорской виллы в Пьядза Армерина (Сицилия)
(*Goldsworthy A. Les guerres romaines 281 av. J.-C. — 476 ap. J.-C. /*
Trad. de l'anglais par Muriel Pécastaing-Boissière. Paris: Autrement, 2001.
P. 170, 171)

Современные
реконструкции позднеимператорского обмундирования

Современная реконструкция:
торакомах (субармалис)

тройную тесьму, концы которой спускались до середины груди. В IV в. на туниках появляются украшения в виде кругов с большим количеством разнообразных изображений. Они располагались на плечах туники и в ее нижней части, по одному кругу с каждой стороны, спереди и сзади. Эти украшения либо вышивались на ней окрашенной шерстью, либо изготавливались отдельно, а затем пришивались⁸⁵. Как правило, туники были белыми, однако могли использоваться и другие цвета, особенно красный. По свидетельству автора биографии Клавдия II, будущий император ежегодно получал две «красные военные туники» (SHA, Claud., 14, 5)⁸⁶. Возможно, что туники красного цвета предназначались только для вое-

начальников. Белые туники обычно окаймлялись пурпурной полосой. В биографии Аврелиана говорится, что этот император якобы дал воинам туники, которые вместо пурпурных имели несколько цветных шелковых полос (от одной до пяти) (SHA, Aurel., 46, 6). Впрочем, по всей видимости, подобное утверждение автора биографии является вымыслом.

Поверх туники надевалась рубаха из войлока, шерсти или льна, защищавшая тело воина от соприкосновения с кольчужой (панцирем)⁸⁷. Она называлась «торакомах» (*thoracomachus*) (Anon., De reb. bell., 15, 1). Это был достаточно плотный вид одежды около 2 см толщиной (Anon., De re strategica, 16). Чтобы торакомах не намокал во время дождя, сверху его дополнительно обшивали кожей. В источниках существует и другое название для носившейся под доспехами рубахи — *subarmalis*⁸⁸. Существовала ли какая-либо разница между *thoracomachus* и *subarmalis*, неизвестно. Возможно, субармалис был подобен кожаной рубахе с птеругами, которую носили уже во времена поздней республики и принципата. Это был почетный вид военной одежды, указывающий на высокий статус ее владельца. Если верить автору жизнеописания Аврелиана, то в награду за свои подвиги будущий император получил и субармалис (SHA, Aurel., 13, 3)⁸⁹.

Начиная с III в. солдаты часто изображаются носящими плащ (*sagum*), заканчивающийся ниже колена и нередко имеющий бахрому по нижней кромке. Плащ крепился застежкой на правом плече, оставляя правую сторону тела открытой. Длина плащей, как и их украшения, ме-

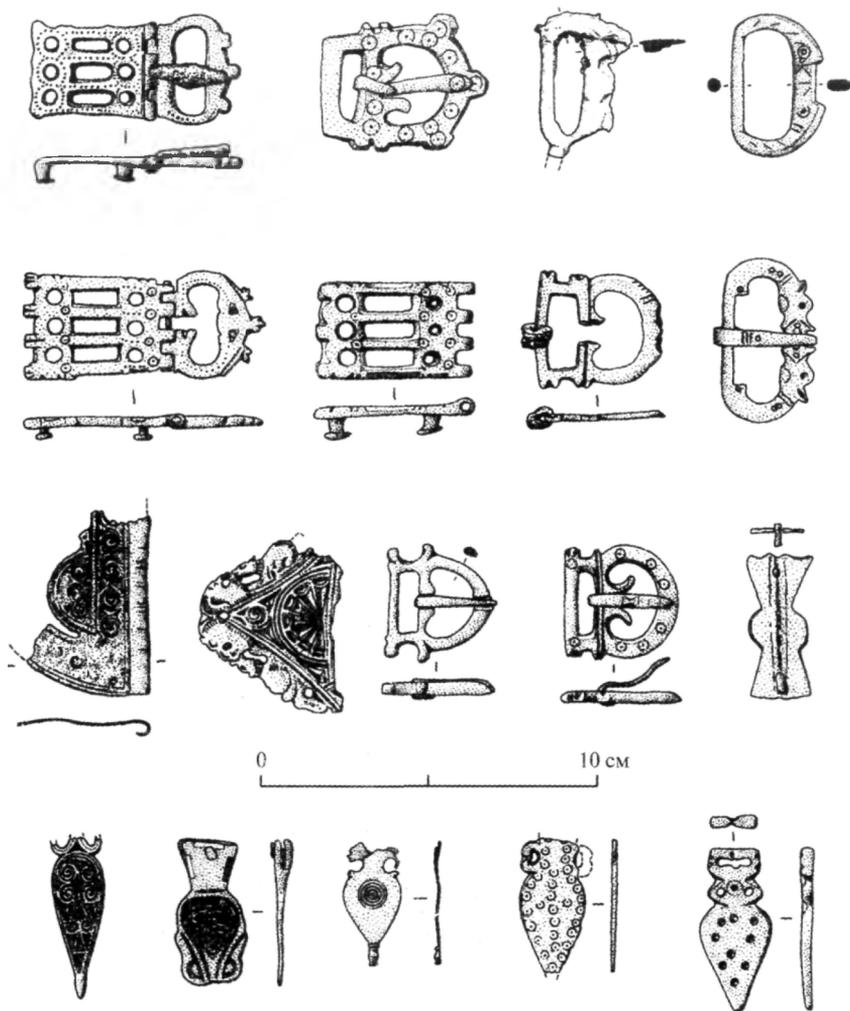
⁸⁷ Summer G. Roman Military Clothing... P. 37–38.

⁸⁸ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 113, n. 62.

⁸⁹ «subarmalem profundum».

⁸⁵ Summer G. Roman Military Clothing... P. 7–9.

⁸⁶ «tunicas russas militares».

Детали военных позднеримских поясов, обнаруженные в Северной Галлии
(Feugère M. L'armement... P. 277)

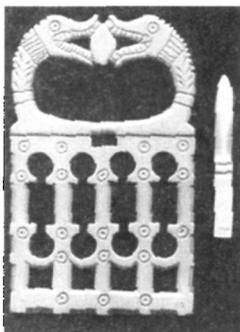
нялись, вероятно, в зависимости от ранга их обладателя⁹⁰. В зимнее время носили плащи из толстой материи, в летнее — из тонкой (SHA, Trig. tyr., 23, 5).

Застежки плащей были серебряными у рядовых и золотыми у офицеров. Авре-

лиан, как утверждает автор его биографии, будто бы позволил рядовым, как и офицерам, носить застежки из золота (SHA, Aurel., 46, 5).

Особым элементом обмундирования был пояс (*cingulum*), украшенный металлическими бляхами различной формы (полукруглыми или четырехугольными). В III в. украшения на поясе были еще достаточно немногочисленными. В IV столетии

⁹⁰ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. P. 123; Summer G. Roman Military Clothing... P. 10–12.

Зооморфная пряжка военного пояса. Современная реконструкция

Cingulum. Современная реконструкция

их количество значительно возрастает. Во второй половине IV в. пояс становится более широким — до 10–12 см; в качестве украшений на нем появляются декорированные пластины, а бляхи приобретают зооморфную форму⁹¹.

3. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

В эпоху республики и принципата музыканты (*aeneatores*), в обязанности которых входила передача приказов в лагере или во время сражения, делились на *tubicines* (трубачей), *bucinatores* (горнистов) и на *cornicines* (подававших сигналы при помощи рога)⁹². Подобное деление продолжало сохраняться и в период Поздней империи. Но в это время в армии, как кажется, находит гораздо более широкое применение, чем раньше, *lituus* — небольшой, загнутый кверху, сигнальный горн. Этот музыкаль-

ный инструмент чаще остальных упоминается Аммианом (Amm., XIV, 7, 21; XVI, 10, 9; XIX, 2, 12; XIX, 11, 15; 6, 10; XXII, 2, 3; XXIII, 5, 15; 4, 1; XXVI, 10, 10; XXVIII, 1, 14; XXIX, 1, 14; XXXI, 7, 10; 13, 1). Его использовали для подачи сигналов о выступлении армии в поход (Amm., XXIV, 4, 1), о начале сражения (Amm., XXIII, 5, 15) и о прекращении боя (Amm., XIX, 11, 15). Характерным является тот факт, что в более раннюю эпоху горны (*litui*) использовались главным образом в кавалерии. В пехоте сигналы подавались трубами. Однако неясно, вкладывал ли Аммиан в используемый им термин (*lituus*) какое-либо конкретное специальное значение. Вообще создается впечатление, что выражение *signo per lituos dato* («когда затрубили горны») стало для него обычным клише, означающим начало или прекращение военных действий. Поэтому историк может использовать его не только в отношении римской армии, но также и в отношении противников римлян, например, готов (Amm., XXXI, 7, 10).

Описание других основных типов музыкальных инструментов, использовавшихся в познюю эпоху, дает нам Вегеций. Это были прямая медная труба (*tuba*), *bucina* — медная труба, «свернутая в виде

⁹¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 114.

⁹² *Ibid.* P. 89, n. 153.

Римский бронзовый горн (*lituus*)
(Feugère M. Les armes... P. 69)

кружка»⁹³, и *cornus*, представлявший собой рог зубра, обложенный серебром (Veg., III, 5). Эти инструменты были традиционными для римской армии. О прямых трубах (*tubae*) сообщает также и Аммиан (Amm., XVI, 12, 7; 27). Их использовали, для того чтобы давать сигнал к сбору армии⁹⁴.

Медные инструменты подавали сигнал, который Аммиан называет *classicum*⁹⁵. Не нужно думать, что для Аммиана это был какой-то особый вид сигнала. Он использует слово *classicum* в обобщенном значении, называя так сигнал, призывающий войско на сходку (Amm., XXI, 5, 1)⁹⁶, сигнал к началу боя (Amm., XXIV, 6, 11), сигнал, приказывающий остановиться и разбить лагерь (Amm., XXIV, 8, 7)⁹⁷.

Буцины у Аммиана также служат для того, чтобы подать сигнал к началу боя (Amm., XXI, 12, 5; XXIV, 5, 9; XXVII, 2, 5; XXXI, 6, 2)⁹⁸ и к переправе через реку (Amm., XXV, 8, 2). Скорее всего, как и в случае с *litui*, мы имеем здесь дело с особенностями литературного стиля Аммиана, использующего разнообразные названия музыкальных инструментов лишь для придания большего изящества своему слогу. Необычным по сравнению с предыду-

щим периодом является, пожалуй, только появление в римской армии флейт, под звуки которых солдаты маршировали в строю (Amm., XVI, 5, 10; XXIV, 6, 10).

4. ЗНАМЕНА

Если музыкальные инструменты, использовавшиеся в армии, оставались в принципе неизменными, то этого нельзя сказать в отношении римских знамен — одного из основных инструментов, служивших для передачи приказов во время сражения. Традиционная форма римских штандартов нам хорошо известна благодаря целому ряду изображений на надгробных стелах и монетах. На протяжении первых двух веков существования империи они были теми же, что и ранее, изменяясь лишь в деталях. Обычно римское воинское знамя (*signum*) представляло собой копье, под самым наконечником которого крепилась поперечная перекладина. С концов перекладины свешивались пурпурные ленты, заканчивавшиеся серебряными листьями плюща. Под перекладиной крепилась табличка с надписью, указывающей, какой воинской части принадлежит знамя, несколько серебряных фалер, серебряный полумесяц и небольшая выгнутая книзу рукоятка. Нижний конец штандарта имел металлическое острие, позволявшее воткнуть древко знамени в землю. Над поперечной перекладиной могли крепиться

⁹³ «bucina quae in semet aereo circulo flectitur».

⁹⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 88, n. 158.

⁹⁵ *Ibid.* P. 88.

⁹⁶ «classico ad contionem exercitu convocato».

⁹⁷ «revocantibus agmina classicis».

⁹⁸ Amm., XXVII, 6, 2: «signo itaque per bucinas dato cum pede conlato res agi coepisset»; XXXI, 6, 2: «iussisque bellicum canere bucinis».

Фрагмент надгробия сигнифера Лепонция (IV в.). На заднем плане виден штандарт с фигурой петуха. Страсбургский музей. Фотография автора

позолоченные изображения руки или венка. Иногда рука или другие почетные символы вставлялись в венок. Обычно их крепили под острием копья. Начиная с эпохи Марка Аврелия, под фалерами появляется изображение животного, являвшегося эмблемой подразделения. Большинство животных — знаки зодиака. Со времен Септимия Севера эта эмблема перемещается вверх древка, заменяя собой острие копья⁹⁹.

Сохранились ли традиционные римские *signa* в IV в.? Аммиан очень часто упоминает штандарты, использовавшиеся римлянами в период Ранней империи. Иногда он даже перечисляет их все вместе: орлы легионов, значки манипул и *vexilla*, использовавшиеся в кавалерийских отрядах¹⁰⁰. Однако не стоит заблуждаться по этому поводу, поскольку в данном случае Аммиан вновь прибегает к литературному клише. Известные нам изображения позднеримских знамен этого периода отличаются большим разнообразием. Здесь присутствуют сарматские

«драконы», кельтское соляное колесо, иллирийский солнечный диск, германская руническая символика и фигуры различных животных¹⁰¹.

В то же время в IV столетии весьма распространенным остается традиционное для римской армии изображение Победы (Виктории). На некоторых барельефах, в частности на триумфальных арках Галерия, Диоклетиана и Константина, можно увидеть штандарт, который венчает фигура Победы (Виктории), держащей в одной руке венок, а в другой — пальмовую ветвь¹⁰². Вероятно, и «орел» (*aquila*) продолжал оставаться главным знаменем некоторых легионов, ведущих свое происхождение со времен принцепата (Veg., II, 13). Клавдиан, например, называет «орлов» в числе других штандартов, которыми дефилирующие под стенами Константинополя войска приветствовали в 397 г. императора Аркадия (Claud., Epithalamium, 193).

Широкое распространение получает «дракон» (*draco*), который первоначально был военным значком парфянов, обозначающим отряд в 1000 чел. (Luc., Quomodo historia conscribenda sit, 29). На колонне Траяна несущими *draco* изображаются даки. Около 175 г. в римской армии появляется отряд сарматов, которые использовали дракона в качестве штандарта¹⁰³. От сарматов его заимствовали уже сами римляне.

Наглядное описание драконов мы находим у Аммиана: «Вслед за длинным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикреп-

¹⁰¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. В. И. Уколовой; общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. М.: Прогресс, 1987. С. 154.

¹⁰² Alexandra A., Gilbert F. Légionnaires, auxiliaires et fédérés... P. 47.

¹⁰³ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476). Paris: Economica, 2005. P. 10.

⁹⁹ Ростовцев М. Фрагмент римского легионного знамени. С. 133.

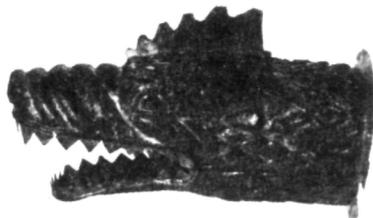
¹⁰⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 88.

Рельеф на арке Константина, изображающий война с буциной (второй справа), а также двух сигниферов, один из которых держит штандарт с фигурой Победы (крайний слева), а второй орла (?) (второй слева). Фотография автора

Прорисовка изображений драконов на колонне Траяна
(Lebedynsky I. Armes... P. 204)

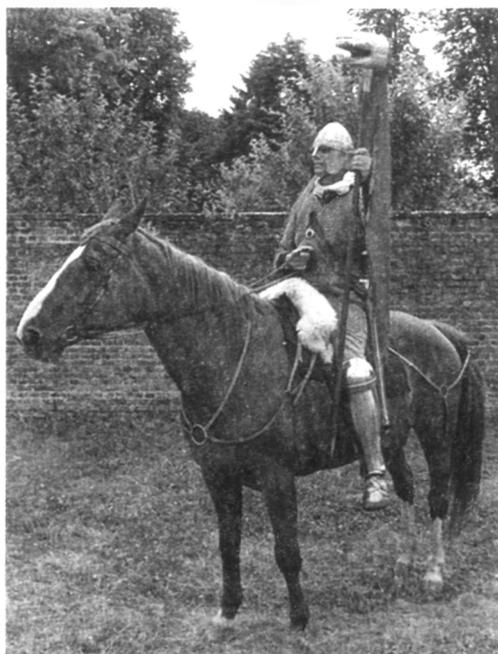

Бронзовая голова римского штандарта в виде дракона
(Feugère M. Les armes... P. 58)

ленных к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами» (Аmm., XVI, 10, 7; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Голова «дракона» изготавливалась из бронзы и затем золотилась. Прекрасно сохранившаяся бронзовая голова «дракона» III в. была найде-

на вблизи укрепления Нидербайбер, находившегося на германской границе.

Хвостовая часть штандарта делалась из окрашенной в пурпур материи, на которой вышивались золотом чешуйки. Юлиан, будучи еще цезарем и ведя войну против германцев, использовал «дракона» в качестве знамени главнокомандующего (Аmm., XVI, 12, 39). Став императором, он продолжал пользоваться *draco* как главным

Драконарий.
Современная реконструкция

штандартом армии и символом верховной власти, отвергнув почитавшийся со времен Константина *labarum*¹⁰⁴. После гибели Юлиана «дракон» не был исключен из числа римских боевых значков и по-прежнему пользовался почетом. Клавдиан говорит о «драконах» как о значках восточных отрядов, отосланных Стилихоном на родину в 397 г. (Claud., Ruf., 2, 364–365)¹⁰⁵. Вегеций утверждает, что в его время «дракон» был знаменем отдельных когорт (Veg., II, 13).

Должность драконария могла быть возложена на офицера в ранге гастата или центуриона, отличительным знаком кото-

¹⁰⁴ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 10–11.

¹⁰⁵ ...а над ними в утихом
Ветре обвисли на копьях
грозившие недругам змеи.
(Пер. М. Л. Гаспарова)

рого была золотая цепь. Такие офицеры подчинялись *magister draconum*¹⁰⁶.

Вексиллум (*vexillum*) представлял собой прямоугольный кусок материи с бахромой вдоль нижней кромки, который крепился на поперечной перекладине к древку копья. Единственный известный экземпляр вексиллума, датированный III в., был обнаружен в Египте и в настоящее время хранится в Москве в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. На холстяной материи золотом вышито изображение богини Виктории на шаре, держащей в правой руке лавровый венок, а в левой — пальмовую ветвь. Вексиллум был эмблемой когорты вплоть до II в., а во времена Поздней империи стал знаменем кавалерийских частей¹⁰⁷. Вегеций свидетельствует, что в современную ему эпоху знамя кавалерийских частей стало называться *flammula*, вытеснив прежнее *vexillum* (Veg., II, 1). Однако, очевидно, это было не так, и старое название не исчезло совершенно с появлением нового термина, поскольку сам Вегеций называет ниже *vexilla* рядом с *flammulae* (Veg., III, 5).

Imagines, или изображения императоров, появляются еще в период принципата и сохраняются вплоть до позднего времени как самостоятельные знамена (Iul., Ad Ath., 7, 32).

В 312 г. Константин учредил новую эмблему императорской власти — *labarum*, ставшую одновременно (поскольку в III–IV вв. императоры лично возглавляли армии) главной эмблемой армии. Согласно сообщению Сократа Схоластика, накануне битвы с войсками Максенция при Мульвиновом мосту (28 октября 312 г.) Константину было ведение: «... в полуденные часы дня, когда солнце начинало уже склонять-

¹⁰⁶ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 89, n. 173.

¹⁰⁷ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 9.

Вексиллум с изображением богини Виктории на шаре. Рисунок золотом на холсте. III в. н. э. Москва, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

ся, узрел он на небе крестовидный столб света с надписью: «сим победиши»» (Socrat., I, 2). Ночью Константину будто бы явился во сне Иисус Христос и «приказал устроить знамя по образцу виденного знамения, чтобы в нем иметь как бы готовый трофей над врагами» (Socrat., I, 2; Soz., I, 3).

Некоторые современные исследователи полагают, что изначально символ, принятый Константином, мог иметь языческое происхождение и был связан, например, с культом Аполлона. Недаром же существовало предание, что в начале похода в Италию этот бог явился Константину и обещал ему свое покровительство¹⁰⁸. Христианские писатели античности увидели в этом знамении две перекрещенные греческие буквы X и P, образующие монограмму Христа, а божество, которое якобы явилось императору во сне, посчитали самим Христом.

Возможно также, что название нового штандарта и сам символ, идентичный по форме греческой букве X, — кельтского происхождения. Существует гипотеза, что Константин увидел изображение лабарума в руке статуи одного из кельтских богов. Создав свой собственный штандарт по образцу увиденного им скульптурного изображения, Константин тем самым как бы отождествил себя с божеством, что обес-

печило ему поддержку галльских солдат, составлявших значительную часть его армии. Уже позднее на лабарум были перенесены христианские символы¹⁰⁹.

Есть также мнение, что Константин умышленно избрал себе знак, который

Монета с изображением лабарума

¹⁰⁸ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 31, n. 35.

¹⁰⁹ *Hatt J.-J. Celtic Symbols // The Conversion of Constantine / Ed. by John W. Eadie.* NY: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 34–37.

Император
с лабарумом в руке.
Деталь диптиха
Гонория
(Stephenson. I. P.
Romano-Byzantine
Infantry Equipment.
P. 95)

Знаменосец с лабарумом.
Рис. И. В. Кирсанова

мог быть воспринят одними как христианский символ, другими — как языческий¹¹⁰. Поэтому все солдаты Константина, язычники и христиане, в день битвы изображали знак, увиденный их полководцем, на

своих щитах, а он сам — на своем шлеме¹¹¹. Чтобы не стояло за легендой о видении Константина, она имеет под собой какую-то реальную основу, поскольку на монетах, выпущенных уже во времена правления его сыновей, изображена монограмма Христа и выбита надпись «IN HOC SIGNO VICTOR ERIS»¹¹².

Новое знамя представляло собой тот же вексиллум, имевший, однако, наверху в виде перекрещенных букв X и P, а на полотнище — вышитый золотом девиз Константина: «IN HOC SIGNO VINCES» (или «IN HOC SIGNO VINCAS», или «IN NOMINE XRI VINCAS SEMPER»). Юлиан, как мы отметили выше, отказался почитать лабарум главным штандартом армии и приказал убрать с него христианскую символику (Soz., V, 17)¹¹³. После гибели Юлиана лабарум должен был снова появиться на полях сражений. Однако Вегеций, посвящая свой труд христианскому императору, не называет лабарум в числе штандартов, использовавшихся в его пору в римской армии. Возможно, это вызвано тем, что лабарум не обозначал какую-либо конкретную часть и был не столько армейским знаменем, сколько личным знаменем императора, указывающим на его присутствие во главе армии во время кампании¹¹⁴. Этим можно объяснить и сравнительно быстрое исчезновение лабарума, поскольку уже с конца IV в. императоры перестали лично принимать участие в военных операциях¹¹⁵. По сообщению Сократа Схоластика, лабарум Константина и в его время хранился в императорском дворце (Socrat., I, 2).

¹¹¹ Ibid. P. 32.

¹¹² Ibid. P. 31, n. 34.

¹¹³ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 10.

¹¹⁴ Ibid. P. 11–12.

¹¹⁵ Ibid. P. 12.

¹¹⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 31, 32.

СВЕРХТЯЖЕЛАЯ КАВАЛЕРИЯ, МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОСАДНАЯ ТЕХНИКА, ФЛОТ

1. СВЕРХТЯЖЕЛАЯ КАВАЛЕРИЯ

Столкновения с парфянами, сарматами и персами заставили римлян уделить внимание созданию в собственной армии отрядов кавалерии сверхтяжелого типа. Первое регулярное подразделение, состоящее из панцирных всадников — катафрактариев, было создано при императоре Адриане¹. Считается, что римские катафрактарии были первоначально вооружены по образцу сарматской конницы и, вполне вероятно, что все они были сарматскими наемниками. О том, что представляли собой первые панцирные всадники на римской службе, мы можем судить благодаря описанию сарматских катафрактариев, сделанному Тацитом. «Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет ничего хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами,

¹ *Feugère M.* Les armes... P. 184.

которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может» (Тас., Hist., I, 79; пер. Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек). Ниже Тацит замечает, что у сарматов было не принято пользоваться щитами.

Название катафрактарии происходит от греческого катафра́κτος — «покрытые панцирями». Впрочем, это не единственный термин, использовавшийся в античных источниках для обозначения кавалерии сверхтяжелого типа. Другие названия панцирных всадников — это «клибанарии» (*clibanarii*) и «катафракты» (*catafracti*, *catafracti equites*). По мнению М. Спейдела, *catafractarii* — это обобщенное наименование панцирных всадников, в то время как «клибанарии» — термин более узкий, использовавшийся исключительно в отношении парфянских, персидских и пальмирских всадников, которые на деле также являлись катафрактариями². А. М. Хазанов полагает, что термин «катафрактарии» в III–V вв., как правило, использовался для обозначения вспомогательных частей римской армии, вербовавшихся на Востоке, тогда как «клибанариями» называли отря-

² *Speidel M.* Catafractarii Clibanarii and the Rise of the Later Roman Mailed Cavalry: a Gravestone from Claudiopolis in Bithynia // *Epigraphica Anatolica*. 1984. Bd. 4. S. 151–156. — Если судить по названиям подразделений клибанариев в *Notitia Dignitatum*, то многие из них действительно были сформированы из парфян, пальмирцев и персов (*secundi clibanarii Palmyreni, primi clibanarii Parthi, secundi clibanarii Parthi, quarti clibanarii Parthi, Persae clibanarii*).

Сарматские катафрактари. Рельеф на колонне Траяна (*Feugère M. Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain. Paris: Errance, 1994. P. 146*)

ды собственно римской и сасанидской конницы³. С точки зрения В. П. Никонорова, катафрактариями в античных источниках назывались подразделения только римской сверхтяжелой кавалерии⁴, в то время как катафрактими именовали панцирных всадников в селевкидских, парфянских и персидских армиях⁵. Ввиду того что катафракты и клибанарии имели аналогичное вооружение, оба эти термина

³ Хазанов А. М. Катафрактари и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 181.

⁴ Никоноров В. П. Вступительное слово // Хазанов А. М. Избранные научные труды: в 3 т. Т. I. Очерки военного дела сарматов / Пол. ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. С. 8.

⁵ Там же. С. 7. — Отметим, что персидских всадников Аммиан всегда называет либо *cataphracti* (Амм., XXV, 3, 4; XXIX, 1, 1), либо *cataphracti equites* (XVIII, 8, 7; XXV, 6, 2).

можно рассматривать практически, как синонимы⁶.

Этимология термина *clibanarius* различна. Считается, что он имеет парфяно-сасанидское происхождение. Греческое κλίβανος или латинское *clibanus* означает «печка», «жаровня для выпечки хлеба». Ф. Ришардо отмечает, что подобная аналогия прослеживается между персидским словом *tanur* (печка) и однокоренным с ним *tanurigh* (воин)⁷. Предполагается, что *clibanarius* является латинской калькой персидского *tanurigh*. Аналогия кажется вполне уместной для облаченного в тяжелые доспехи воина, сражавшегося в условиях жаркого климата Востока. Тем не менее В. П. Никоноров полагает, что

⁶ Никоноров В. П. Вступительное слово. С. 7.

⁷ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 278.

Реконструкция, представляющая сарматского катафрактария (по рельефу на колонне Траяна) (Lebedynsky I. *Armes...* P. 194)

Персидский клибанарий. Изображение из Дура-Европос (III в.) (Bishop M. C., Coulston J. C. N. *Roman Military Equipment...* P. 157)

латинское *clibanus* или *clivanus* нужно понимать не в смысле «печь», а в значении «более защищающий (полный)» доспех по сравнению с обычной кольчугой (*lorica*)⁸.

Подразделения клибанариев были включены в состав римской армии, по видимому, в достаточно поздний период. Их появление обычно связывают с именем Александра Севера, в биографии которого сообщается, что, уничтожив 10 тыс. персидских клибанариев, этот император вооружил персидским оружием своих всадников (SHA, Alex. Sev., 56, 5)⁹. Однако вряд ли мы должны полагаться на это свидетельство автора IV в. уже хотя бы потому, что сама биография Александра Севера является вымышленной. По мнению В. П. Никонорова, наиболее вероятным временем появления клибанариев

в римской армии является эпоха правления Диоклетиана, когда были образованы государственные мастерские, изготавливавшие оружие, в том числе и для клибанариев (*fabricae clibanariae*)¹⁰. Впрочем, достаточно веских оснований, для того чтобы увязывать появление клибанариев в римской армии с учреждением государственных оружейных мастерских, у нас нет. *Clibanariae* могли быть образованы и в более поздний период. Отметим, что самым ранним источником, упоминающим о клибанариях, является панегирик Назария, произнесенный в честь императора Константина I 1 марта 321 г. (Pan. Lat., X(4), 22, 4)¹¹. Клибанарии составляли главную силу армии Лициния и затем были включены в состав армии самого Константина (Pan. Lat., X(4), 23, 4)¹². Тем не менее в IV столетии термин «клибанарии» казался еще чужеродным нововведением. Именно

⁸ Nikonorov V. P. *Cataphracti, Cataphractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of their Identifications* // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 133.

⁹ Feugère M. *Les armes...* P. 184.

¹⁰ Nikonorov V. P. *Cataphracti...* С. 132.

¹¹ «clibanariis in exercitu nomen est».

¹² «Catafractos equites, in quibus maximum steterat pugnae robur, ipse tibi sumis».

поэтому Аммиан, рассказывая о дефилировавших по Риму всадниках Констанция II, поясняет, что это были «катафракты, которых называют клибанариями» (Амм., XVI, 10, 8)¹³, точно так же и автор биографии Александра Севера, писавший приблизительно в то же самое время, считает необходимым указать своему читателю, что клибанарии — это персидское название катафрактариев (SHA, Alex. Sev., 56, 5)¹⁴.

Основываясь на этих свидетельствах литературных источников, многие исследователи полагают, что существенной разницы между катафрактариями и клибанариями не было, а сами эти термины были взаимозаменяемыми¹⁵. Однако уже то внимание, которое Аммиан уделяет описанию вооружения всадников Констанция, свидетельствует, что их вид вызывал удивление и казался новым и необычным. Вряд ли историку понадобилось с таким же старанием описывать катафрактариев, подразделения которых уже давно существовали в римской армии.

Если мы обратимся к *Notitia Dignitatum*, то увидим, что статус клибанариев был выше статуса катафрактариев. У клибанариев одно подразделение было *schola* (ND, Or., VI, 8), пять — вексилляциями комитатенсов (ND, Ос., VI, 67 = VII, 185; ND, Or., VII, 34; V, 40; VI, 40; VII, 31) и три палатинскими вексилляциями (ND, Or., V, 29; VI, 32; VII, 32). Катафрактарии же были либо *comitatenses* (ND, Or., VI, 35; VII, 200; VIII, 29; VI, 36; V, 34; VII, 25), либо *limitanei* (ND, Or., XXXIX, 16). Этот факт позволил предположить, что клибанарии могли иметь вооружение лучшее, нежели катафрактарии¹⁶. По мнению

Ф. Альтхайма, катафрактарии носили короткий панцирь, доходивший всадникам до уровня бедра, в то время как клибанарии были покрыты латами с ног до головы. К тому же лошади катафрактариев не имели бронированных попон, клибанарии же сражались верхом на лошадях, полностью защищенных доспехом¹⁷. К подобному мнению склоняется и В. П. Никоноров¹⁸. М. Фожер полагает, что разница между катафрактариями и клибанариями определялась только лишь наличием или отсутствием бронированных попон у лошадей¹⁹. С точки зрения Дж. Кулстона, различие между катафрактариями и клибанариями заключалось в вооружении самих всадников: у катафрактариев были щит и копье, а у клибанариев — лук и копье²⁰. Несмотря на то что А. М. Хазанов весьма скептически отнесся к подобной гипотезе²¹, определенное подтверждение ей можно найти в тексте Аммиана. Из описания битвы при Аргенторате, которое дает нам историк, можно заключить, что подразделение катафрактариев, принимавшее участие в бою, сражалось лишь оружием ближнего боя, у всадников, возможно, были щиты²², а их кони не имели бронированных попон²³. С другой сторо-

¹⁷ Altheim F. Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1952. Bd. II. S. 138.

¹⁸ Никоноров В. П. Вступительное слово. С. 8.

¹⁹ Feugère M. Les armes... P. 184.

²⁰ Coulston J. C. Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // The Defence of the Roman and Byzantine East. Oxford: B.A.R., 1986. P. 63.

²¹ «Такое утверждение противоречит всем известным нам источникам, как письменным, так и археологическим, и с ним невозможно согласиться» (Хазанов А. М. Катафрактарии... С. 181, примеч. 10).

²² Когда германцы атаковали римскую кавалерию, то та встретила их заслоном из щитов («scutorum obicibus») (Амм., XVI, 12, 36).

²³ Аммиан пишет, что во время кавалерийской схватки германские пехотинцы могли, «незаметно

¹³ «cataphracti equites, quos clibanarios dictitant».

¹⁴ «catafractarios, quos illi clibanarios vocant».

¹⁵ MacDowall S., Hook Ch. Late Roman Cavalryman... P. 18.

¹⁶ Ibid. P. 19.

ны, нам известно, что главным оружием персидских клибанариев был лук. Даже в римской армии существовало одно подразделение клибанариев-лучников (ND, Ос., VI, 67 = VII, 185)²⁴.

В. П. Никоноров поддерживает мнение Дж. Кулстона и считает, что клибанарии имели на вооружении копьё, луки и мечи²⁵, а кроме того, в комплекс защитного вооружения катафрактвов-клибанариев могли входить и щиты²⁶. Аммиан по крайней мере однажды упоминает о персидских катафрактах, укрывших своего царя от стрел стеной из щитов (Amm., XX, 7, 2)²⁷.

А. М. Хазанов склонен полагать, что хотя изначально между катафрактариями и клибанариями существовали определенные отличия, однако со временем они должны были стереться²⁸. Представляется, однако, более вероятным, что произошло не стирание различий, а замена старого вооружения катафрактариев на более совершенное вооружение персидского образца. *Notitia Dignitatum* упоминает четыре оружейные мастерские, изготавливавшие снаряжение для клибанариев (ND, Ор., IX, 22; 26; 28; ND, Ос.,

подкрадываясь по земле» («*humi occulte reptantem*»), поражать римских коней ударом в бок («*latere forato iumentum*»). Если бы кони были защищены броней, то этот прием не имел бы успеха.

²⁴ *Equites sagittarii clibanarii*.

²⁵ Никоноров В. П. Вступительное слово. С. 7.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ «*oportus armorum in modum testudinis contextum abscessit innoxius*».

²⁸ «Различия в вооружении между катафрактариями и более поздними клибанариями также несущественны. Доспех клибанария был более совершенным и покрывал все тело всадника целиком, а не только его наиболее уязвимые части. Доспех лошади также был сложнее, хотя и легче, и применялся чаще, чем в предшествующее время. Во всяком случае, качественного характера эти отличия не имели» (Хазанов А. М. Катафрактарии... С. 183).

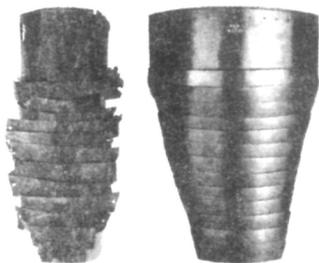
XI, 33), и ни одной, которая изготавливала бы оружие и снаряжение для катафрактариев. Трудно предположить, что достаточно сложное вооружение катафрактариев могло изготавливаться в обычных мастерских (*loricariae*). Сам факт, что в *Notitia* нет указаний на существование каких-либо оружейных, производивших доспехи для катафрактариев, лучше всего свидетельствует в пользу того, что подобные доспехи изготавливались в *clibanariae*. Даже термин «катафрактарии» постепенно выходит из употребления. Уже Вегетий, попытавшийся описать в своем трактате все когда-либо использовавшиеся виды оружия и роды войск, говорит о *catafracti equites* и клибанариях (Veg., III, 23), однако ни разу не упоминает о катафрактариях.

Несмотря на то что различия в вооружении катафрактариев и клибанариев (катафрактвов) в середине IV в. были еще весьма заметны, однако для историков все три термина были, как кажется, равнозначны. Необычные доспехи клибанариев могли заставить античного автора указать на их персидское происхождение, однако это не значило, что он видел в них особую категорию войск: клибанарии, в его понимании были теми же самыми катафрактариями или катафрактами. Именно поэтому Аммиан может свободно использовать все три названия, говоря об одном и том же воинском подразделении. Так, например, он утверждает, что, направляясь к театру военных действий в Галлии, Юлиан взял с собой катафрактариев (Amm., XVI, 2, 5); накануне сражения при Аргенторате Аммиан говорит нам уже о клибанариях (Amm., XVI, 12, 22); во время боя — о *cataphracti equites* (Amm., XVI, 12, 38); после окончания сражения он вновь называет воинов Юлиана катафрактариями (Amm., XVII, 12, 63).

Римский клибанарий.
Современная реконструкция

Расцвет римской сверхтяжелой кавалерии происходит при Констанции II. Многолетние безуспешные войны с персами, которые вел этот император, продемонстрировали, что панцирные всадники могли достаточно эффективно действовать на полях сражений. Поэтому вполне естественным

Набедренник из металлических пластин, обнаруженный в Шотландии, и его реконструкция (MacDowall S., Hook Ch. Late Roman Cavalryman... P. 17)

было желание Констанция усилить свою армию, включив в ее состав подразделения клибанариев, вооруженных по персидскому образцу. Согласно утверждению Юлиана, он сначала будто бы сам облачился в доспех клибанария, чтобы лично оценить все его достоинства, и лишь потом принял решение о создании новых подразделений. Именно появление большого числа отрядов клибанариев позволило Юлиану назвать Констанция создателем панцирной кавалерии, которой якобы не было у его предшественников (Iul., Ad Const., 30, 15)²⁹.

В правление Констанция были сформированы также и новые эскадроны катафрактариев. Это стало возможным после победы императора над сарматами и поселения их на территории империи, прежде всего, в Галлии. Исследователями уже давно было отмечено, что часть известных нам подразделений катафрактариев носит галльские (кельтские) названия (*Biturigenses*, *Ambianenses*, *Albigenses*). Эти отряды, несомненно, были набраны Констанцием из числа сарматских поселенцев³⁰.

Появление в римской армии клибанариев произвело достаточно сильное впечатление на современников. До нас дошло сразу четыре описания их вооружения, составленных именно в это время. Уникальные находки, сделанные при археологических раскопках в Дура-Европос³¹, и иконографические свидетельства позволяют нам дополнить литературные источники и детально реконструировать доспехи кли-

²⁹ Вероятно, те подразделения клибанариев, которые были сформированы в начале IV в., ко времени Констанция уже прекратили свое существование.

³⁰ MacDowall S., Hook Ch. Late Roman Cavalryman... P. 19.

³¹ Среди прочего там были обнаружены две бронированные попоны, а также рисунок парфянского или, возможно, персидского клибанария, датируемый II — первой половиной III в. (Feugère M. Les armes... P. 184, 186).

банариев. Голову всадника покрывал металлический шлем, вероятно, композитного типа; лицо защищала железная маска, воспроизводившая черты человеческого лица; маска имела смотровые и дыхательные отверстия (Amm., XXV, 1, 12)³². Клибанарии носили особый вид панциря, явно восточного происхождения, который наши источники называют *thorax* (θώραξ) (Amm., XVI, 10, 8). Торакс изготавливался из бронзовых или железных четырехугольных пластинок, соединявшихся так, что одна накладывалась на другую (Heliod., Aethiop., IX, 15). Он был открыт спереди на уровне бедер, чтобы всаднику было легче садиться на лошадь³³.

Руки клибанария, от запястий до плеч, защищались маникой (*manicae*) — особыми рукавами из металлических полос³⁴; кисти рук — кольчужными рукавицами или перчатками, оставлявшими пальцам возможность свободно двигаться (Iul., Ad Const., 30, 38); на ногах всадника были набедренники из металлических полос³⁵, подобные манике; ступни, очевидно, тоже были закрыты металлическими пластинами, поскольку Юлиан утверждает, что никакая часть тела клибанария не оставалась открытой (Iul., Ad Const., 30, 38). Все части доспеха соединялись друг с другом с помощью металлических колец (Iul., Ad Const., 30, 38).

Клибанариями становились люди, наделенные большой физической силой. Однако даже они из-за тяжести вооружения

³² *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 74.

³³ Торакс считался престижным видом доспеха. Прекрасно отполированный (*polito faberrime*) железный *thorax* был преподнесен в подарок императору Валентиниану I (Amm., XXIX, 3, 4).

³⁴ *Manicae* представлена также на миниатюре в *Notitia Dignitatum* (ND, Oc., IX: «Insignia viri illustris magistri officiorum»).

³⁵ *MacDowall S., Hook Ch. Late Roman Cavalryman...* P. 17.

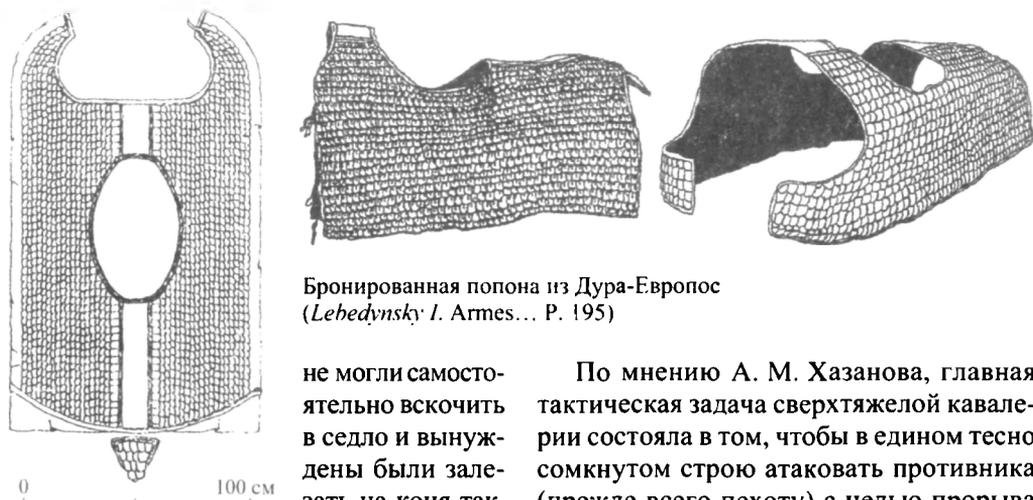

Римский клибанарий.
Рис. И. В. Кирсанова

Вооружение клибанария было настолько тяжелым, что он не мог сесть на лошадь без посторонней помощи.

Рис. И. В. Кирсанова

Бронированная попона из Дура-Европос
(Lebedynsky I. Armes... P. 195)

не могли самостоятельно вскочить в седло и вынуждены были залезать на коня так, как это было принято у персов (*more Persarum*), т. е. при помощи слуги³⁶.

Конь клибанария, как и всадник, был полностью облачен в доспехи. Бронированная попона закрывала его корпус, голову защищал металлический налобник. По утверждению Гелиодора, даже на ногах лошади имелись поножи (Heliod., Aethiop., IX, 15). Впрочем, более вероятным представляется свидетельство Назария, согласно которому ноги коня частично закрывались бронированной попоной (Pan. Lat., X(4), 22, 4)³⁷.

Главным наступательным оружием римского клибанария было длинное копье (κοῦτός), которое всадник держал обеими руками³⁸. Его длина достигала 4–4½ м³⁹. Удар копья мчащегося на полном скаку закованного в броню воина был настолько мощным, что два противника могли быть сброшены на землю за раз (Heliod., Aethiop., IX, 15). Кроме копья всадники были вооружены также мечами (Heliod., Aethiop., IX, 15).

По мнению А. М. Хазанова, главная тактическая задача сверхтяжелой кавалерии состояла в том, чтобы в едином тесно сомкнутом строю атаковать противника (прежде всего пехоту) с целью прорыва (реже охвата) его боевых порядков⁴⁰. Плотный строй давал возможность наилучшим образом использовать преимущества вооружения панцирных всадников и сводил до минимума его недостатки, главным из которых была их слабая маневренность. Отдельный клибанарий (катафрактарий) был весьма уязвим и сброшенный на землю становился легкой добычей врага⁴¹. Этот вывод подтверждается, как кажется, и описанием, которое дает нам в своем панегирике Назарий: «Они используют следующий способ сражения: когда они атакуют вражеский строй, то врезаются в него и, будучи неуязвимыми, опрокидывают без колебания все, что им противостоит» (Pan. Lat., X(4) 23, 4)⁴². Впрочем, вряд ли можно представить себе ситуацию, чтобы кони, погоняемые своими всадниками, бросились на фалангу пехотинцев, ошестившуюся копьями. Я. Ле Бозк отмечает, что катафрактарии могли достигнуть определенного успеха, опрокинув первый ряд легио-

³⁶ Кардини Ф. Истоки... С. 156.

³⁷ «demissa lorica et crurum tenuis pendens».

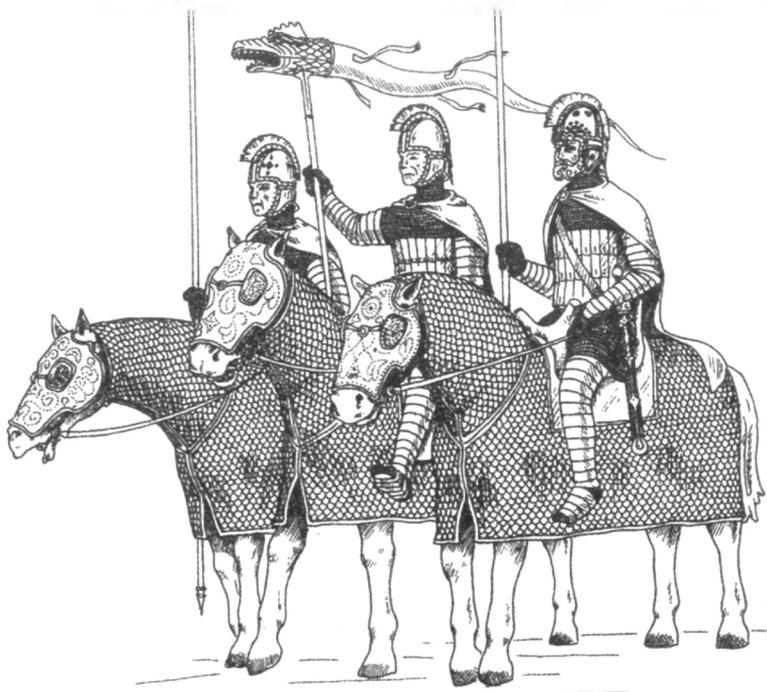
³⁸ «sarisas, hoc est longissimos contos» (Veg., III, 23).

³⁹ Хазанов А. М. Катафрактарии... С. 182.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 183.

⁴² «His disciplina pugnandi, ut, cum aciem arietauerint, seruent impressionis tenorem et immunis vulnerum quidquid oppositum sine haesitatione perrumpant».

Римская панцирная кавалерия.

Рис. И. В. Кирсанова

неров, но затем их лошади поневоле должны были остановиться, поскольку у них не было никакой возможности перевести дыхание и это обрекало их седоков на верную гибель⁴³.

Ф. Кардини приходит к выводу, что сверхтяжелая кавалерия могла применяться только на равнинной местности и только для прорыва передовой линии строя неприятеля, подвергнувшегося уже обстрелу со стороны лучников, другими словами, для борьбы с рассредоточенными силами пехоты. Против стоящих в тесном строю тяжеловооруженных пехотинцев атака панцирной кавалерии была бы безрезультатной⁴⁴.

⁴³ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 126, 127.

⁴⁴ Кардини Ф. Истоки... С. 156.

Тем не менее описание, которое оставил нам Аммиан, позволяет утверждать, что задачей панцирной кавалерии была борьба не только с пехотой, но и с кавалерией противника. Говоря о сражении при Аргенторате (357 г.), историк утверждает, что в столкновении германцы были бесстрашны против римских катафрактариев. Поэтому, используя свой традиционный прием, они разместили среди всадников легковооруженных пехотинцев (Амм., XVI, 12, 22). В самый разгар боя римские кавалеристы храбро сражались, сохраняя тесный боевой строй (Амм., XVI, 12, 37). Затем на поле битвы катафрактарии, не совсем понятно зачем, перестроили свои ряды. В это время их командир получил ранение, а один из всадников, упав с лошади, был раздавлен тяжестью собственного вооружения (Амм., XVI, 12, 38). Это

привело к тому, что римляне неожиданно обратились в беспорядочное бегство⁴⁵. Однако поддержанные пехотой и вдохновленные словами подоспевшего Юлиана, они снова выстроили боевую линию и продолжили сражение (Амм., XVI, 12, 39). Описание Аммиана показывает, во-первых, что катафрактары были вполне грозной силой, с которой германская конница не могла справиться в одиночку; во-вторых, катафрактары, не смотря на малую маневренность, были способны совершать на поле боя какие-то перестроения боевого порядка; и, в-третьих, катафрактарий не был совершенно неуязвим в своей броне, и германцы, вооруженные мечами и копьями, могли нанести ему серьезное ранение: командир катафрактариев оказался среди четырех погибших в этой битве офицеров (Амм., XVI, 12, 63).

Справедливости ради, надо отметить, что эффективность использования катафрактариев (клибанариев) на полях сражений вызывала сомнения уже в древности. Так, например, Вегеций, для которого панцирные всадники стали, очевидно, уже историей, сообщает, что хотя катафрактаты и защищены от ран, однако вследствие тяжести своего вооружения они могут легко попасть в плен, будучи пойманными арканами (Veg., III, 23). По-видимому, такой вывод автора «Эпитомы» был следствием неудачных столкновений римлян с аланскими и гуннскими всадниками, использовавшими в бою арканы (Амм., XXXI, 2, 9).

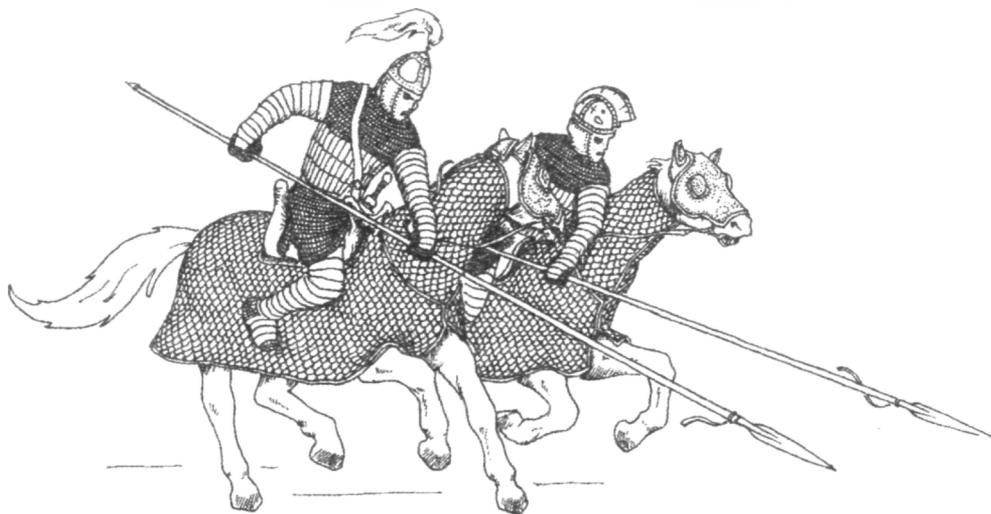
Проанализировав свидетельства литературных источников, Ф. Ришардо приходит к выводу, что применение сверхтяжелой кавалерии на полях сражений было

больше данью военной моде, чем следствием тактического прогресса. Это был престижный род войск, служивший якобы для императорской пропаганды военной мощи государства. В бою же он приносил мало пользы, особенно против «решительно настроенной» пехоты⁴⁶. Со столь категоричным мнением трудно согласиться. Как известно, панцирные всадники были очень важной составляющей персидской армии, и, следовательно, невозможно представить себе, что их роль ограничивалась лишь пропагандой военной мощи персидского царя. Сверхтяжелая кавалерия зародилась на Востоке еще во времена Ахеменидского владычества, поэтому было бы слишком смело утверждать, что род войск, просуществовавший несколько столетий, был совершенно бесполезен в бою. Большое количество частей клибанариев и катафрактариев, входивших в состав римских вооруженных сил, говорит также за то, что в военных операциях им отводилась весьма важная роль. Клибанарии, по крайней мере в восточной армии, оставались одним из основных видов войск вплоть до конца IV в. Описывая восточные подразделения, возвратившиеся в 397 г. из Италии, Клавдиан сообщает именно о клибанариях:

...а с другой стороны за всадником всадник
Рвущимся вскачь скакунам уздает
горячие губы.
Воин над головой потрясает перьями шлема,
И на плечах у него железными красками
блещет,
Переливаясь, дрожащая сталь:
из выгнутых полос
Латы, скрепляясь, облегли живые члены,
и с ними
Двигутся — страшно смотреть! —
как будто стальные фигуры

⁴⁵ По утверждению Либания, римские всадники обратились в бегство из-за трусости знаменосцев (Lib., Or., XVIII, 58; 66).

⁴⁶ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 285.

Панцирные всадники во время атаки.

Рис. И. В. Кирсанова

Тронулись с мест, и металл задышал
человечьим дыханьем.
Тот же убор одел и коней: железный очелок
Грозен врагу, а железным бокам
не опасны удары.

(Claud., Ruf., 2, 353–262;
пер. М. Л. Гаспарова)

Вместе с тем, вряд ли можно согласиться и с той восторженной оценкой, которую дал сверхтяжелой кавалерии А. М. Хазанов, считавший ее достойной альтернативой римской тяжеловооруженной пехоте⁴⁷. У нас нет ни одного свидетельства источников, позволяющего утверждать, что панцирные всадники были способны успешно противостоять линейной пехоте. Можно,

⁴⁷ «В битве с катафрактариями римский тяжелый пехотинец, доселе непобедимый, лишился большинства своих преимуществ. Тяжелая конница оказалась единственным родом войск, способным противостоять легиону, и притом не эпизодически, а постоянно. Если легион был высшим достижением античной военной мысли в отношении пехоты, то катафрактары были тем же в отношении кавалерии» (Хазанов А. М. Катафрактары... С. 184).

конечно, вспомнить о битве при Каррах, в которой римская армия понесла тяжелое поражение от парфян, имевших в своих рядах большое количество катафрактариев. Однако не будем при этом упускать из виду тот факт, что парфяне одержали победу лишь благодаря взаимодействию сверхтяжелой кавалерии и лучников и что от парфянских луков римляне пострадали куда больше, чем от копий катафрактариев. Напротив, можно привести гораздо больше примеров, показывающих бессилие панцирных всадников в борьбе против тяжеловооруженной пехоты⁴⁸. Так,

⁴⁸ Одно из первых столкновений римлян с катафрактариями произошло во время войны с армянским царем Тиграном (69 г. до н. э.). В этом бою Лукулл приказал своим солдатам бить мечами вражеских всадников по не защищенным броней ногам. Впрочем, надобности в этом не оказалось, так как противник, не дожидаясь нападения римлян, обратился в бегство (Plut., Luc., 28). В 68 г. н. э. вспомогательными войсками Третьего легиона был полностью уничтожен девяти тысячный отряд сарматских катафрактариев, вторгшихся в провинцию Мезия (Tac., Hist., I, 79). Отметим, справедливости

в битве при Турине (313 г.) Константин приказал своим воинам расступиться, чтобы пропустить и окружить катафрактари-ев Лициния. Последние в результате оказались в ловушке, так как из-за тяжести своего вооружения были неспособны повернуть коней, чтобы вновь атаковать неприятеля. После этого пехотинцы Константина перебили всех катафрактариев, не потеряв ни одного человека (Pan. Lat., X(4), 24, 2–5). Восточный поход Юлиана наглядно показал, что персидские клибанарии были не в состоянии бороться с римской пехотой. Аммиан утверждает, что после многократных поражений, понесенных от римлян, персидские всадники боялись вступить с ними в правильный бой (Amm., XXV, 1, 12–19; 6, 2; XXV, 3, 1). Единственное нападение персидской кавалерии, принесшее ей относительный успех, было сделано в тот момент, когда армия Юлиана совершала переход. Персы атаковали неожиданно, одновременно с трех сторон. Их клибанариям удалось отбросить левое крыло римской армии, но Аммиан нигде не сообщает, что персы прорвали римские боевые порядки. Так или иначе, поле боя осталось за римлянами. Их противники потеряли множество солдат и своих главных командиров (Amm., XXV, 3, 13).

Гораздо большего успеха добивались катафрактарии в столкновениях с вражеской конницей. В битве при Каррах, например, галльские всадники, несмотря на проявленные ими чудеса храбрости, оказались бессильны против закованных в броню парфян. Но даже в кавалерийском сражении панцирные всадники не всегда оказывались победителями. В случае если их противник обращался в притворное отступление, используя тактику изматывания,

ради, что в последнем сражении римлянам сильно помогли условия местности.

он мог одержать победу, поскольку под тяжестью собственного вооружения и закованного в броню всадника лошадь катафрактария была в состоянии выдержать марш-бросок не более чем на 200–500 м⁴⁹. Такую тактику применили против пальмирцев маврские и иллирийские всадники Аврелиана: измотав преследовавших их противников, они затем неожиданно атаковали их и окончательно опрокинули (Zos., I, 50, 4).

А. М. Хазанов ошибается, полагая, что катафрактарии пережили падение Западной Римской империи и продолжили свое существование в эпоху раннего Средневековья⁵⁰. Воины времен Юстиниана имели мало общего с панцирной кавалерией античности. Вооружением и тактикой ведения боя они гораздо больше напоминали гуннов, чем катафрактари-ев или клибанариев. Согласно Прокопию, главным наступательным оружием современного ему воина был лук. Кроме луков всадники были вооружены мечами и копьями, а также имели особые щиты без рукояти, которые они носили за спиной на ремне (Procop., BP, I, 12–15). И самое главное: юстиниановы воины могли спешиваться и сражаться в правильном пешем строю (Procop., BG, VIII, 35), чего невозможно представить в случае с античными панцирными всадниками⁵¹. Если и говорить о «высшем достижении античной военной мысли» в отношении кавалерии, то здесь скорее нужно вспомнить о гуннах, использовавших не только оружие дальнего боя (лук), но и оружие применявшееся в рукопашных схватках (копье, меч) (Amm.,

⁴⁹ Кардини Ф. Истоки... С. 156.

⁵⁰ Хазанов А. М. Избранные научные труды: в 3 т. Т. I: Очерки военного дела сарматов / Под. ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. С. 169.

⁵¹ Всадники времен Маврикия также могли сражаться в пешем строю (Maur., Strat., VIIIb, 85).

XXXI, 2, 9). При этом гунны носили тяжелое защитное вооружение (шлемы и панцири), и их кавалерия, несомненно, должна считаться тяжеловооруженной. Именно гунны подвели финальную черту под существованием панцирной кавалерии античности. На Западе она исчезла уже во времена Вегеция⁵², и тем не менее последний полагает, что благодаря тем заимствованиям, которые были сделаны римлянами у готов, аланов и гуннов (Veg., I, 20), современная ему конница намного превосходит ту, что существовала прежде (Veg., III, 26).

Подводя итог всему сказанному, мы можем отметить, что появление катафрактариев как у противников римлян, так и в их собственной армии не привело к революции в военном деле. Катафрактарии и более поздние клибанарии несомненно представляли собой реальную военную силу и могли быть с успехом использованы на полях сражений. Однако они не были тем универсальным родом войск, который мог принести победу в любой ситуации. Они не могли сражаться на равных с тяжелой пехотой и были не приспособлены к преследованию отступающего противника. Ответ на вопрос о том, насколько оправданно было применение панцирной конницы, по-видимому, был найден уже Вегецием, полагавшим, что делом полководца является принятие решения о том, каких всадников против каких отрядов вражеской кавалерии ему следует выставить (Veg., III, 16)⁵³.

⁵² Поэтому автор «Эпитомы» достаточно смутно представляет себе, каково было ее назначение. Например, Вегеций советует использовать клибанариев для борьбы со слонами (Veg., III, 24), что, конечно же, является ничем не подкрепленной теорией.

⁵³ «alii contra alios dimicant melius, et qui fortiores vicerant».

2. МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ

О том, какие типы метательных машин использовали римляне в IV столетии, мы знаем в основном благодаря свидетельствам Аммиана и Вегеция, а также по некоторым уникальным археологическим находкам. Аммиан подробно говорит о баллисте и онагре и вскользь упоминает о «более легких» баллистах (*leviores ballistae*) и катапультах. В свою очередь, Вегеций сообщает об аркубаллисте, манубаллисте (которая, вероятно, была аналогична «более легким» баллистам Аммиана), карробаллисте, баллисте и онагре.

Arcuballista, или арбалет. Господствовавшая в позднеримском военном деле тенденция как можно шире применять различные виды метательного оружия, способствовала тому, что во второй половине IV столетия в римской армии получают широкое распространение арбалеты. Римский арбалет представлял собой несколько видоизмененный вариант греческого гастрофета⁵⁴. Археологические находки свидетельствуют, что арбалеты римляне начали использовать уже в III в. До нашего времени сохранились два погребальных рельефа из области Верхней Луары, на которых изображен римский арбалет⁵⁵. Первый из рельефов был найден в 1831 г. при раскопках в городе Полиньяк (Южная Франция), а другой — при раскопках римской виллы близ города Пюи. Впрочем, в III в. арбалет использовался, по всей видимости, еще как охотничье оружие⁵⁶.

⁵⁴ Chevedden P. E. *Artillery in Late Antiquity: Prelude to the Middle Age // The Medieval City under Siege*. Woodbridge: Suffolk and Rochester, 1995. P. 145–146.

⁵⁵ Feugère M. *Les armes...* P. 214; Stephenson I. P. *Romano-Byzantine Infantry Equipment*. P. 129.

⁵⁶ Feugère M. *Les armes...* P. 214.

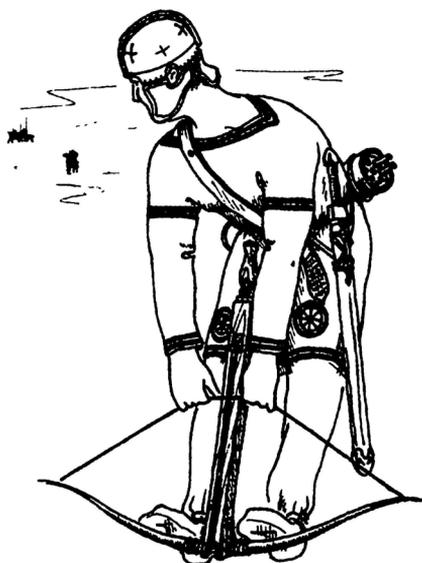
Аркубалиста.
Изображение на надгробном рельефе
(Stephenson I. P. Romano-Byzantine Infantry
Equipment. P. 131)

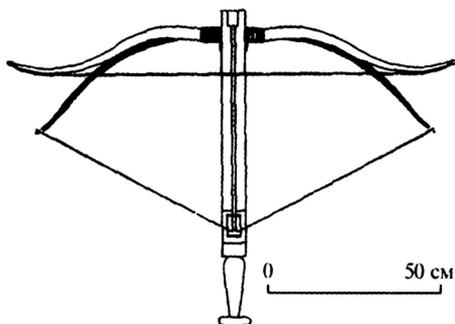
Аркубалиста и колчан.
Изображение на надгробном
рельефе (Stephenson I. P.
Romano-Byzantine Infantry
Equipment. P. 130)

Римский арбалет представлял собой композитный лук, который крепился на деревянном лафете в форме вытянутого бруска длиной около 70 см. Посередине лафета имелся желоб для стрелы. Лафет оканчивался небольшой (ок. 20 см) рукояткой, служившей прикладом. Натянутая тетива удерживалась обычным курком, который приводился в движение нажатием на спусковой крючок. Дальность прицельной стрельбы из арбалета составляла около 75 м⁵⁷. Максимальная дальность полета стрелы была намного больше, чем у луков. Однако арбалеты имели и два крупных недостатка: они были тяжелее обычных луков и процесс их перезарядки требовал гораздо больше времени. К тому же сам стрелок, лишенный

Дальность прицельной стрельбы из арбалета составляла около 75 м⁵⁷. Максимальная дальность полета стрелы была намного больше, чем у луков. Однако арбалеты имели и два крупных недостатка: они были тяжелее обычных луков и процесс их перезарядки требовал гораздо больше времени. К тому же сам стрелок, лишенный

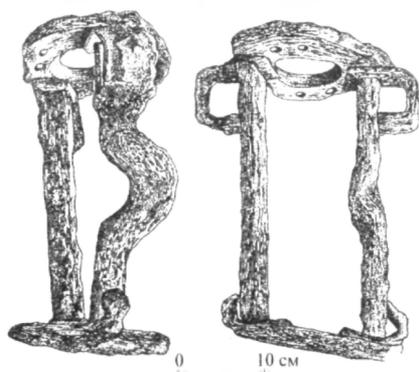

Предположительный способ зарядания
арбалета. Рис. И. В. Кирсанова

Реконструкция римского арбалета
(Feugère M. Les armes... P. 214)

⁵⁷ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine...
P. 294.

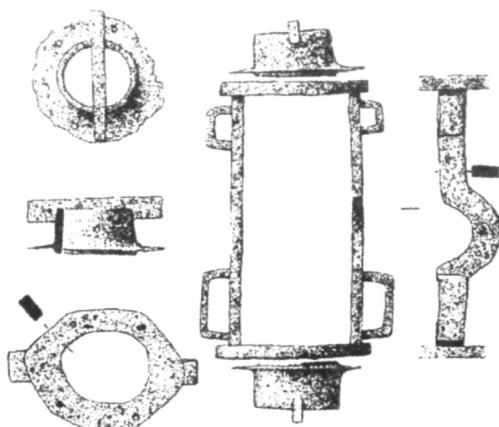

Две натяжные рамы (*kambestria*) от манубаллисты. Найдены в Орсове (Румыния) (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 93*)

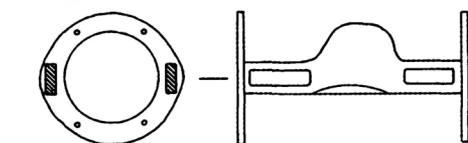
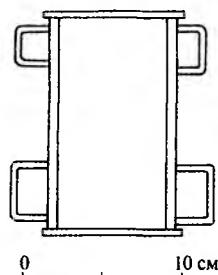
защитного вооружения, становился, когда он перезаряжал арбалет, удобной мишенью для противника.

По мнению Ф. Ришардо, широкое использование арбалета в конце IV в. свидетельствует о том, что значительно улучшилось защитное вооружение варваров, атаковавших империю вдоль рейнско-дунайской границы. Особенно заметным это должно было стать после битвы при Адрианополе, когда готы, гунны и аланы получили в свое распоряжение большое количество римского вооружения⁵⁸.

Манубаллиста. Другой военной машиной индивидуального использования была ручная баллиста (*manubalista*)⁵⁹. Относительно манубаллист Вегеций замечает, что ранее они назывались скорпионами (*Veg., IV, 22*). Однако манубаллиста, судя по всему, отличалась от скорпиона гораздо меньшими размерами. При раскопках поздне-римского форта в г. Горнее (Румыния) были обнаружены натяжные рамы (*kam-*

Натяжная рама (*kambestria*) и две втулки (*modioli*) от манубаллисты. Найдены в Лионе (Франция) (*Feugère M. Les armes... P. 218*)

Натяжная рама от манубаллисты (*kambestria*). Найдена в Горнее (Румыния) (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 94*)

bestria) от римских манубаллист конца IV в.⁶⁰. Размеры рам были 13,3, 13,7 и 14,4 см в высоту. В находящейся поблизости Орсове была найдена более крупная

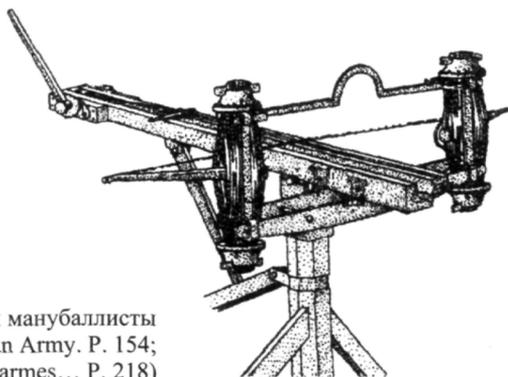
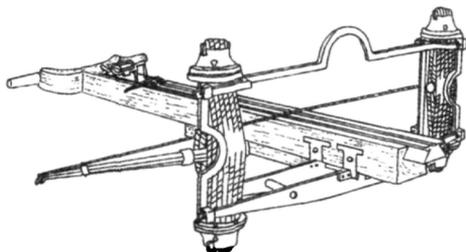
⁵⁸ *Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 294.*

⁵⁹ *Stephenson I. P. Romano-Byzantine Infantry Equipment. P. 137-140; Chevedden P. E. Artillery in Late Antiquity... P. 149-151.*

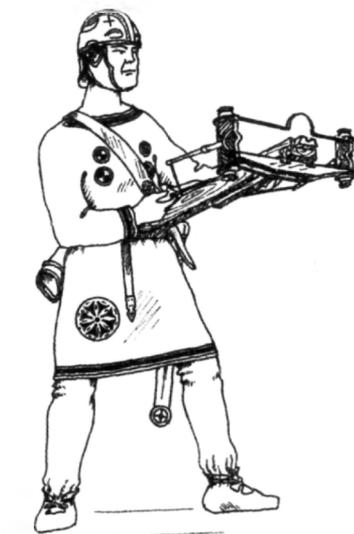
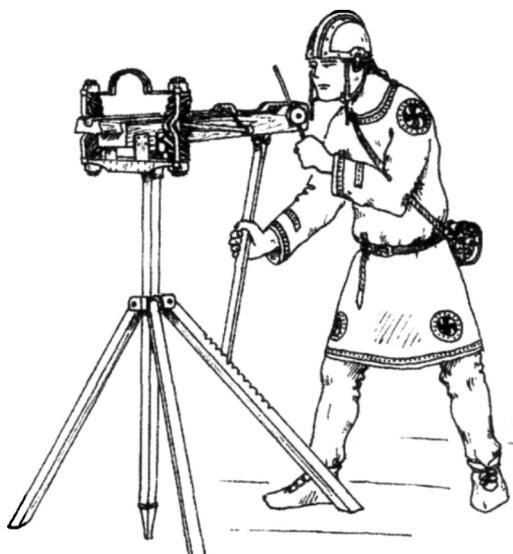
⁶⁰ *Feugère M. Les armes... P. 248.*

Распорка (*kamarion*) от манубаллисты. Найдена в Орсове (Румыния) (*Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 95*)

Варианты реконструкции манубаллисты (*Southern P., Dixon K. P. The Late Roman Army. P. 154; Feugère M. Les armes... P. 218*)

Два возможных способа стрельбы из манубаллисты.

Рис. И. В. Кирсанова

рама 36 см высотой. Манубаллисты, которым принадлежали эти *kambestria*, были не больше позднеантичных арбалетов, а потому вполне могли обслуживаться одним баллистарием.

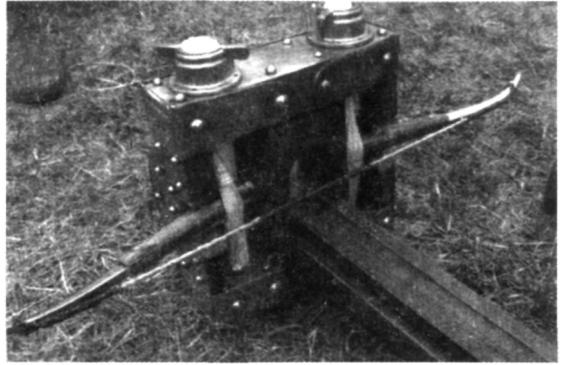
Несмотря на свои скромные размеры, манубаллиста была достаточно мощным

оружием. Согласно испытаниям, проведенным в 1979 г., манубаллиста могла метать стрелы на расстояние до 285 м⁶¹. Аммиан описывает, как во время осады

⁶¹ *Peterson D. La légion romaine, hier... et aujourd'hui. Paris: Histoire & Collections, 1992. P. 62.*

персами Амиды в город проник отряд персидских лучников в 70 чел. Захватив одну из башен, персы стали расстреливать сверху защитников города. Против них римляне развернули пять легких баллиств, т. е., вероятно, манубаллиств, с помощью которых быстро уничтожили весь персидский отряд, причем, как отмечает Аммиан, стрелы баллиств пронзали иногда по два человека за раз (Амм., XIX, 5, 6).

Баллистарии. На одном из рельефов арки Константина изображены два пешехода в странных головных уборах цилиндрической формы, которые фиксируются с помощью ремней, пропущенных под подбородком солдат. Самым удивительным является то, что эти головные уборы, которые, очевидно, являются вариантом «паннонских» шапок, обложены небольшими, не более 20 см в длину, болтами, имеющими на одном конце оперение и шарообразное утолщение

Манубаллиста.
Современная реконструкция

посередине. Болты удерживаются с помощью ремня, охватывающего шапку солдата. Правые руки солдат согнуты в локте; левые — согнуты в локте, отведены назад и подняты до уровня плеча. К сожалению, рельеф поврежден, и мы можем лишь предполагать, чем вооружены эти воины.

Битва при Мульвиевом мосту. Рельеф на арке Константина.
Фотография автора

Изображение карробаллисты
на колонне Траяна
(*Goldsworthy A. The Complete Roman Army.*
P. 181)

Определенно это не был лук: не говоря уже о болтах на шапках, кисти рук обоих солдат изображены слишком близко друг к другу, чтобы мы могли представить человека, готовящегося пустить стрелу из лука. В том, что оружие было представлено в заряженном состоянии, не возникает сомнения: в руке одного из стрелков виден некий достаточно крупный предмет, имеющий, судя по положению кисти, форму пистолетной рукоятки. Характерно, что указательный палец воина согнут, как будто бы он лежит на спусковом крючке. Учитывая все вышеизложенное, мы должны предположить, что в данном случае на барельефе изображены баллистарии, вооруженные ману- или аркубаллистами.

Карробаллиста (carroballista). Карробаллиста была машиной того же типа, что и манубаллиста, но более крупных размеров, и помещалась на двухколесной телеге, запряженной парой мулов или лоша-

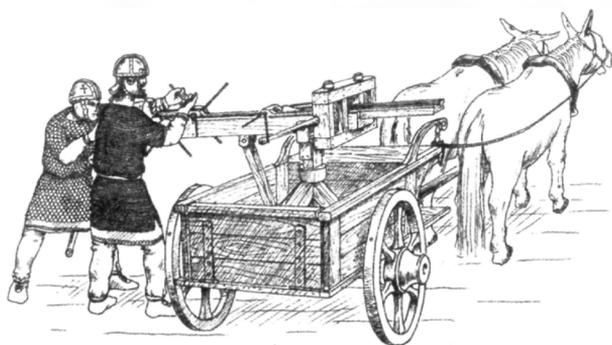
дей⁶². Карробаллиста появилась еще во времена Траяна и продолжала использоваться в IV — начале V в. (*Veg.*, III, 24). Эту машину применяли в полевых условиях, а также для охраны военных лагерей. Карробаллисты, очевидно, несколько различались размерами; по крайней мере Вегетий допускает существование крупных карробаллист, предназначенных для метания больших стрел (*spicula*) (*Veg.*, III, 24).

Катапульта. По свидетельству Аммиана, в IV в. римляне продолжали использовать катапульти. Однако не совсем понятно, какой смысл вкладывает историк в термин «катапульта». Мы можем только сделать вывод, что катапульти Аммиана были машинами, отличными от баллист (*Амм.*, XXIV, 2, 13), и что принцип их действия был основан на использовании энергии крученых воловьих жил (*Амм.*, XV, 12, 1)⁶³. Неясно, в чем была разница между катапультами и баллистами. Возможно, в IV в. она определялась исключительно размерами: катапульти были меньше баллист и занимали в этом отношении промежуточное положение между ними и манубаллистами⁶⁴.

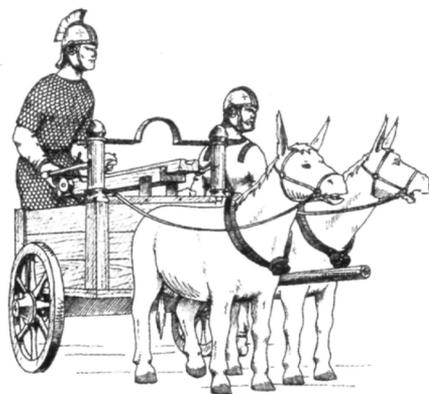
⁶² *Chevedden P. E. Artillery in Late Antiquity...* P. 147.

⁶³ *Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment.* P. 92–96; *Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army.* P. 152.

⁶⁴ Для Витрувия термин «катапульта» являлся обобщенным названием машин определенного типа. Поэтому баллисты и скорпионы, различавшиеся между собой только размерами, он называет катапультами («*Catapultarum rationes e quibus membris et proportionibus componantur dixi*») (*Vit.*, X, 10, 6). С. Цибульский полагает, что катапульти и баллисты относились к двум разным классам военных машин. Первые стреляли в горизонтальном направлении (*оруга еврѣтова*), вторые — под углом (*оруга полѣтова*). Первые были стрелометательными машинами, вторые могли метать не только стрелы, но и камни (*Цибульский С. Боевые машины.* СПб., 1895. С. 11–12). Впрочем, данные наших источников по-

Возможные варианты реконструкции позднеримской карробаллисты.
Рис. И. В. Кирсанова

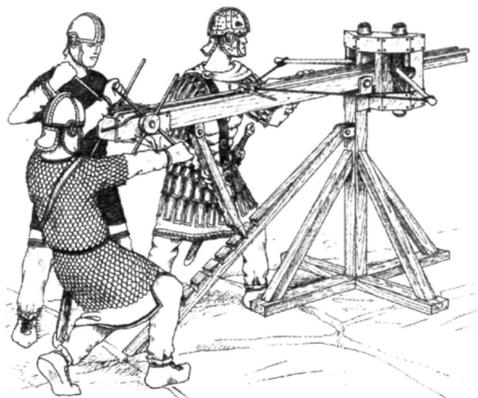
Баллиста. Самыми мощными метательными машинами в позднеримское время были баллиста и онагр (Veg., IV, 29)⁶⁵. Ниже мы приводим описание баллисты, оставленное нам Аммианом. «Между двумя столбами приделывается большая крепкая полоса железа, вытянутая наподобие большого правила; к средней, цилиндрической части ее прилаживается далеко выступающий четырехугольный брус, в котором проделан прямой узкий канал. В этой части к брусу прикреплена толстая веревка из крученых жил, и он непосредственно соединен с двумя воротами. Около одного из последних становится наводящий, который осторожно кладет в углубление дышла деревянную стрелу с прикованным к ней большим железным наконечником. Когда это сделано, стоящие по обеим сторонам сильные люди быстро закручивают ворота. Когда верхушка дойдет до конца веревок, стрела от внутреннего толчка летит так быстро, что ее едва может различить глаз, рассыпая иногда искры от чрезвычайной скорости. Часто случается,

что, прежде чем бывает видна стрела, ощущение боли дает знать о смертельной ране» (Amm., XXIII, 4, 1–3; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Описание достаточно сжатое и мало-понятное. Однако дополнить и прояснить его поможет нам «Эпитома» Вегеция. Последний сообщает ряд важных деталей, касающихся конструкции баллист. Во-первых, баллисты метали снаряды, используя энергию крученых жил животных (Veg., IV, 9; 22). Во-вторых, баллисты могли при-

звolyют утверждать, что катапульты, так же как и баллисты, могли использоваться для метания камней (Caes., BC., II, 9). К тому же остается непонятым, как баллисты, метавшие стрелы вверх под углом в 45°, могли быть использованы для того, чтобы стрелять вниз (об этом см. ниже).

⁶⁵ Stephenson I. P. Romano-Byzantine Infantry Equipment. P. 142.

Баллиста. Рис. И. В. Кирсанова

Карробаллиста.
Современная реконструкция

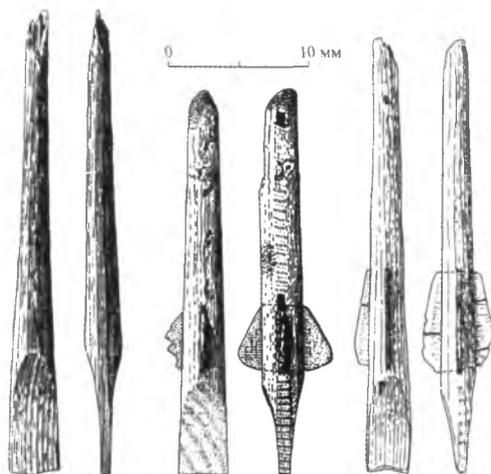

(Veg., IV, 22). Большие баллисты использовались для метания особых зажигательных снарядов — маллеол и фаларик (Veg., IV, 18). Согласно утверждению Зосима, стрела, выпущенная баллистой, могла пронзить разом двух, трех и более человек (Zos., III, 21, 2).

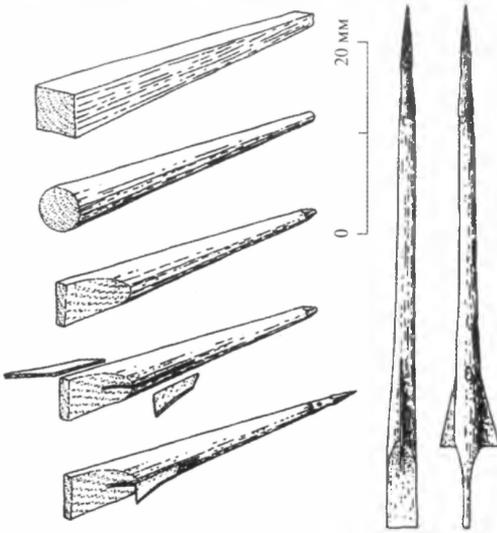
Как выглядели стрелы (*болты*), метавшиеся баллистами и катапультами, можно доста-

точно отчетливо представить благодаря дошедшим до нас описаниям и археологическим находкам. Прокопий говорит, что стрела баллисты была вдвое короче стрелы лука и в четыре раза больше по толщине. Вместо оперения она была снабжена тонкими деревянными пластинками. Стрела, выпущенная баллистой, летела вдвое быстрее стрелы, выпущенной из обычного лука (Procop., BG, V, 21). Болты, идентичные данному Прокопием описанию, были обнаружены при раскопках римской крепости Дура-Европос.

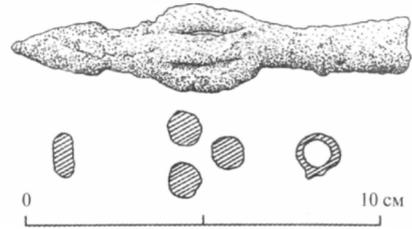
Команда, обслуживавшая баллисту, состояла из трех человек: одного наводящего и двух его помощников, которые натягивали зарядный механизм (Amm., XXIII, 4, 1). Опытный баллистарий мог поразить цель, находящуюся вне поля досягаемости стрел, выпущенных из лука. Так, во время осады Амиды, когда царь хионов Грумбат со своим окружением приблизился к стенам для ведения переговоров, его сын был тут же убит выстрелом из баллисты (Amm., XIX, 1, 7). Конструкция баллисты, очевидно, давала возможность посылать снаряды не только в прямом направлении, но и вниз; по крайней мере Аммиан утверждает, что при осаде Амиды персы, установив на своих подвижных башнях баллисты, могли,

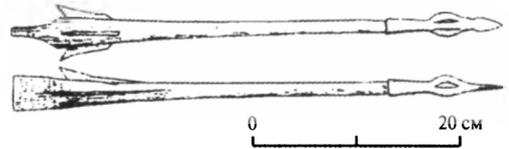
Болты, обнаруженные при раскопках в Дура-Европос (James S. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928–1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment. London: The British Museum Press; A Division of the British Museum Company Ltd, 2004. P. 212, 223)

Реконструкция болта из Дура-Европос
(James S. The Excavations at Dura-Europos...
P. 212)

Наконечник болта от баллисты, обнаруженный при раскопках в Дура-Европос (Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 96, 97)

Реконструкция болта, обнаруженного при раскопках в Дура-Европос (Feugère M. Les armes...
P. 220)

стреляя вниз, поражать защитников города (Amm., XIX, 7, 5)⁶⁶.

Онагр. Онагр, в соответствии с описанием Аммиана, был устроен следующим образом. «Скорпион, который в настоящее время называют онагром⁶⁷ (онагр — дикий осел), имеет такую форму. Вытесывают два бревна из обыкновенного или каменного дуба и слегка закругляют, так что они подымаются горбом; затем их скрепляют наподобие козлов для пиления и пробурывают на обеих сторонах большие дыры; через них пропускают крепкие канаты, которые дают скрепу машине, чтобы она не разошлась. В середине этих канатов воздымается в косом направлении деревянный стержень наподобие дышла. Прикрепленные к нему веревки так его держат, что он

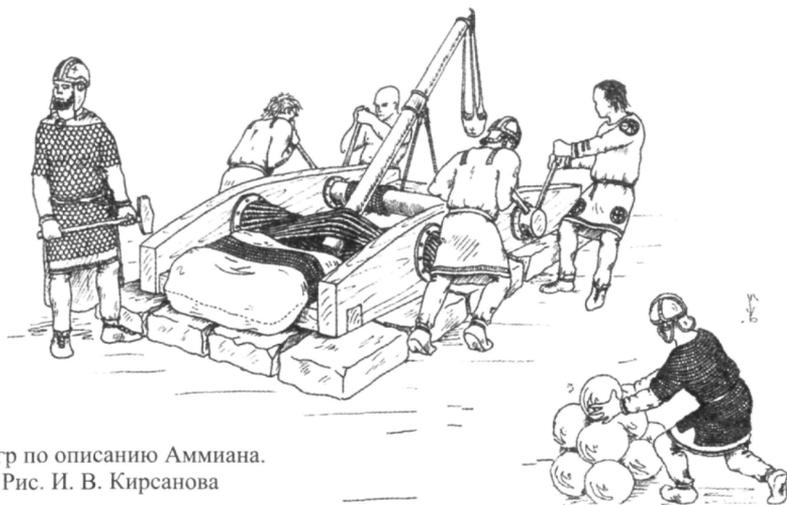

Болт от баллисты, обнаруженный при раскопках в Дура-Европос (Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. P. 96)

может подниматься наверх и опускаться вниз. К его верхушке приделаны железные крючки, на которых вешается пеньковая или железная праща. Под этим деревянным сооружением устраивается толстая подстилка, набитый искрошенной соломой тюфяк, хорошо укрепленный и положенный на груду дерна или на помост, сложенный из кирпича. Если же поместить эту машину прямо на каменной стене, то она расшатает все, что находится под нею, не из-за своей тяжести, но от сильного сотрясения. Когда дело доходит до боя, в пращу кладут круглый камень и четыре человека по обеим сторонам машины быстро вращают навойни, на которых закреплены канаты, и отгибают назад стержень, приводя его

⁶⁶ «hostiles ballistae ferratis inpositae turribus in humiliora ex supernis valentes».

⁶⁷ Судя по этому замечанию Аммиана, классические скорпионы в позднюю эпоху уже вышли из практического употребления, уступив место более компактным манубаллистам.

Онагр по описанию Аммиана.
Рис. И. В. Кирсанова

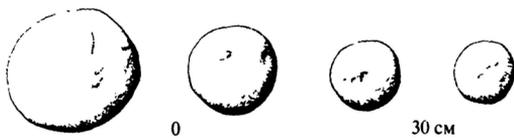
почти в горизонтальное положение. Стоящий возле машины рослый командир орудия выбивает тогда сильным ударом железного молота ключ, который удерживает все связи машины. Освобожденный быстрым толчком стержень отклоняется вперед и, встретив отпор в эластичном тюфяке, выбрасывает камень, который может сокрушить все, что попадется на его пути.

Эта машина называется *tormentum*, так как напряжение достигается закручиванием (*torquere*), — скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, ибо дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими грудь своих преследова-

телей или, пробив кости черепа, размозжают голову» (Амм., XXIII, 4, 4–7; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Вегеций говорит, что вес камней, которые бросал онагр, был пропорционален толщине и величине его канатов (Veg., IV, 22). Онагры были в состоянии уничтожать не только живую силу противника, но и разрушать его боевые машины (Veg., IV, 22). Аммиан описывает, как при осаде Амиды римляне своими онаграми разбивали скрепы персидских подвижных башен, после чего те рассыпались на отдельные части (Амм., XIX, 7, 7).

Археологические находки свидетельствуют, что вес камней, использовавшихся в качестве снарядов, колебался от 40 до 80 кг⁶⁸. М. Фожер полагает, что наиболее частое применение находили ядра, весившие от 3 до 26 кг⁶⁹. Кроме каменных ядер в IV столетии в качестве снарядов могли использовать горшки с зажигательной смесью⁷⁰.

Каменные ядра от римских онагров, обнаруженные в Дура-Европос (Bishop M. C. and Coulston J. C. N. Roman Military Equipment. P. 141)

⁶⁸ Richardot Rh. La fin de l'armée romaine... P. 259.

⁶⁹ Feugère M. Les armes... P. 222.

⁷⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 111, n. 37.

Подводя итог, можно отметить, что в эпоху Поздней империи римская артиллерия достигла определенного прогресса по сравнению с предыдущим периодом. Хотя не появилось принципиально новых военных машин, однако машины, существовавшие ранее, были усовершенствованы, что должно было отразиться на точности и, возможно, на дальности стрельбы. В целом можно выделить два основных направления в развитии позднеримской артиллерии. Во-первых, создание или совершенствование небольших метательных машин, обслуживать которые как в полевых условиях, так и при обороне крепостей был в состоянии всего лишь один человек. Это — стрелометательные машины, такие как аркубаллиста, манубаллиста и карробаллиста; все они использовались для борьбы с живой силой противника. Во-вторых, создание мощных стрело- и камнеметательных машин, таких как онагры, баллисты и катапульты, предназначенных не только для уничтожения живой силы противника, но и для ведения осадной войны.

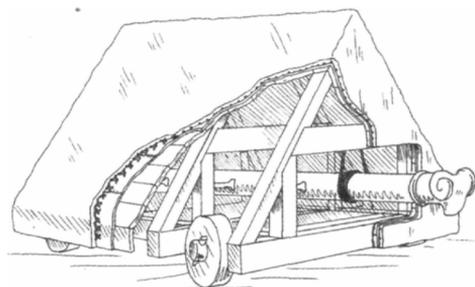
3. ОСАДНАЯ ТЕХНИКА

Таран. Аммиан и Вегеций подробно рассказывают о различных типах осадных машин. Практически все они традиционны и применялись еще в период республики. При штурме укреплений, как и прежде, широко использовали тараны. Более или менее детальное описание тарана дает нам Аммиан. «Выбирают высокую ель или ясень и обивают один конец на достаточном протяжении толстым железом, придав ему форму бараньего лба, откуда происходит название этой машины; бревно подвешивают на поперечных балках, окованных железом, удерживая его в равновесии между ними. В соответствии с величиной бревна при-

ставляют к нему определенное число людей, которые то оттягивают его назад, то со всей силы толкают затем на сокрушение того, что находится впереди, наподобие того как наскакивает и отступает баран. От частых ударов, как от одного за другим удара молнии, сооружения дают трещины и расшатанные стены обрушиваются. Эта машина, если она приведена в действие со всей силой, лишает прикрития защитников, приводит к концу осады и открывает самые укрепленные города» (Амм., XXIII, 4, 8–9; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Тараны могли быть самого различного размера. Персидский таран, с помощью которого римляне пытались штурмовать Безабду, был настолько велик, что при виде его гарнизон готов был капитулировать (Амм., XX, 11, 11). По сообщению Проккопия, под навесом тарана могло находиться не менее 50 чел. (Просор., BG, V, 21).

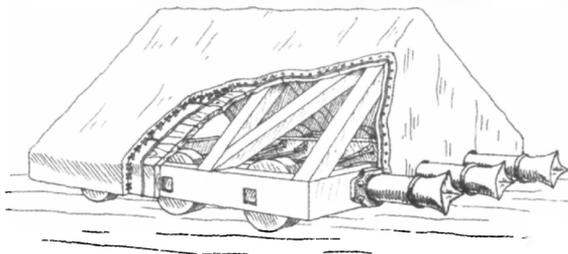
Псевдогелепола. Согласно сообщению Аммиана, при штурме городов часто использовали другую машину, которую он ошибочно называет «гелеполой»⁷¹. «Сооружают ее таким образом: сбивают огромный штурмовой щит⁷² из толстых досок,

Таран. Рис. И. В. Кирсанова

⁷¹ Рассказывая об осаде персидской крепости Пирисаборы, Аммиан вновь говорит о постройке гелепола (Амм., XXIV, 2, 18, 19). Однако на этот раз из текста становится ясно, что речь идет о подвижной башне.

⁷² У Аммиана «testudo» — черепаха.

Псевдогелепола по описанию Аммиана. Рис. И. В. Кирсанова

скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетением из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, каким живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись внутри в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы» (Amm., XXIII, 4, 8–9; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Невозможно понять, существовало ли в действительности странное сооружение, описанное Аммианом, или же это чисто теоретическое построение, которое историк мог позаимствовать из не дошедшего до нас трактата императора Юлиана, посвященного военной механике⁷³.

Если следовать логике описания, то эта «гелепола» в отличие от тарана предназначалась для нанесения всего одного-един-

ственного удара по наименее прочному участку стены. Чтобы удар был эффективным, она должна была двигаться со сравнительно большой скоростью. Солдаты, находившиеся внутри машины, толкали ее вперед, упираясь руками в натянутые поперек канаты. Эти последние должны были смягчить силу отдачи после нанесенного по стене удара и предохранить тем самым людей от получения травм.

Подвижные башни. Весьма распространенным при ведении осадной войны в IV столетии было использование подвижных башен (*turres ambulatoriae*). Такая башня была построена по приказанию Юлиана во время осады персидской крепости Перисаборы (Amm., XXIV, 2, 19; Zos., III, 18, 3). Высота подвижных башен варьировалась и зависела от высоты стен, которую она всегда должна была превышать, чтобы нападавшие, находясь в более выгодном положении, были способны сверху обстреливать оборонявшихся. Чтобы увеличить высоту башни, внутри ее могли дополнительно устанавливать небольшую башенку, выдвигавшуюся при помощи канатов и блоков (Veg., IV, 19). Башни обивались досками, а затем покрывались шкурами (Procop., BG, V, 21). Это делалось для защиты от зажигательных снарядов, бросавшихся со стен осажденными. При осаде Амиды персы соорудили четыре подвижные башни, фронтальная сторона которых была обита железными листами (Amm., XIX, 5, 1). На нижнем этаже башни размещался таран, в середине — перекидной мост, наверху устанавливались метательные машины⁷⁴.

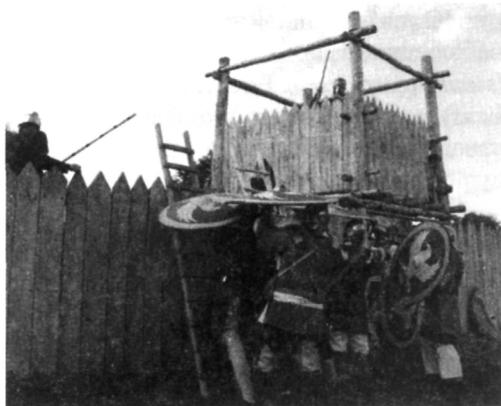
⁷³ О том, что Юлиан написал трактат о военных машинах сообщает Иоанн Лидиец (Iohan. Lyd., *De magistrat.*, I, 47). См.: *Sabbah G. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires* // ARDV. P. 34.

⁷⁴ На каждой из персидских башен, построенных во время осады Амиды, было установлено по одной баллисте (Amm., XIX, 5, 1).

Передвижные щиты (plutei). В IV в. широкое применение находят осадные передвижные щиты — плутеи. Они плелись из хвороста и покрывались коврами или сырыми кожами. Плутеи передвигались на трех небольших колесах, одно из которых находилось посередине, а два других спереди. Благодаря такому расположению колес их можно было повернуть в любую сторону (Veg., IV, 15). Плутеи имели множество отверстий, через которые осаждающие, приблизившись к стенам, могли обстреливать противников. Такие щиты римляне использовали при осаде Безабды, пытаясь приблизиться к крепостным стенам (Amm., XX, 11, 9). Впрочем, в IV в. римляне часто пытались подойти на близкое расстояние к стенам вражеского укрепления без каких-либо осадных приспособлений, просто выстраиваясь черепахой. Так было в первый день осады Безабды (Amm., XX, 11, 8) и при осаде Пирисаборы (Amm., XXIV, 2, 14). Если при этом удавалось подойти вплотную, то кирками, секирами и ломками солдаты пытались разрушить стены или открыть ворота (Amm., XX, 11, 21; XXIV, 2, 15). И только после того, как эта попытка оканчивалась неудачей, они приступали к строительству осадных орудий.

Против осадных машин использовались, как правило, различные зажигательные снаряды. Наиболее распространенными были маллеолы и фаларики (Amm., XXI, 12, 10; Veg., IV, 18). Маллеолами назывались зажигательные стрелы (Veg., IV, 18). О способе их изготовления подробно рассказывает Аммиан: «К камышовому древку стрелы приделывается ниже острия коробка из железной проволоки, похожая по форме на женскую прялку, которой ткут полотняную пряжу; пустой ее желудочек со множеством мелких отверстий заполняется горючим материалом, закладывается также и фитиль. Если выпустить ее осторожно из слабо натянутого лука — фитиль тухнет от быстро-

го полета — и она вонзится во что-нибудь, то разгорается; от брызг воды пламя становится еще сильнее, и нет иного способа потушить огонь, как засыпать его песком» (Amm., XXIII, IV, 14–15; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Аммиан утвер-

Штурм укрепления без использования специальной техники

ждает, что маллеолы могли дополнительно обливать смолой и обвязывать камышом, тростником и другим горючим материалом (Амм., XXI, 12, 10).

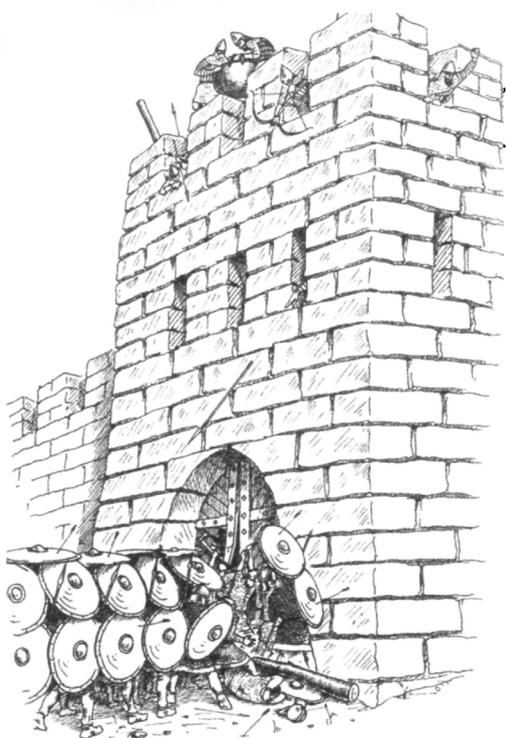
Фаларика представляла собой копье, между трубкой наконечника и древком которого наносились сера, асфальт, смола и наматывалась пакля, пропитанная нефтью (Veg., IV, 18).

Против таранов использовали специальные матрасы (*centones*) из мягкого материала, которые устанавливали в тех местах, где бил таран. Иногда таран захватывали особой петлей или железными ножницами (*forvex*). При этом его либо переворачивали, либо поднимали так, что он уже не мог бить (Veg., IV, 22).

4. ФЛОТ

Организация флота в период принципата. В результате победы при Акции (31 г. до н. э.) в руки Октавиана попало 300 кораблей противника (Plut., Anton., 68). Октавиан воспользовался этими судами для того, чтобы образовать постоянно действующие военные эскадры. Базой для первого военного флота империи стал Форум Юлия⁷⁵. Главной задачей флота было наблюдение за побережьем Лигурийского (*sinus ligusticus*) и Галльского (*sinus gallicus*) заливов. Однако этот флот просуществовал очень недолго и прекратил свое существование уже к 70 г.⁷⁶

Гораздо большее значение приобрели флоты, размещенные в Равенне и Мизене. Равеннский флот, размещенный напротив иллирийского побережья, должен был обеспечивать безопасность мореплавания в бас-

Римляне штурмуют персидскую крепость.
Рис. И. В. Кирсанова

сейне Адриатического и Ионийского морей. Мизенский флот, находившийся на севере Неаполитанского залива, осуществлял контроль над западным побережьем Италии, Мессинским проливом и близлежащими островами⁷⁷. Помимо своих главных баз каждый из двух флотов имел определенное количество стоянок (*stationes*), где находились небольшие эскадры, состоявшие из нескольких кораблей. Оба флота получили статус преторианских (*classes praetoriae*), что должно было подчеркивать ту важную роль, которую они играли в оборонительной системе Италии⁷⁸.

⁷⁵ Rougé J. La marine dans l'antiquité. Vendôme: Presses Universitaires de France, 1975. P. 129–130.

⁷⁶ Ibid. P. 130.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel modo classico. Bologna: Il Mulino, 2002. P. 138.

Кроме Равеннского и Мизенского флотов существовали также провинциальные флоты, значение которых было несравненно меньшим. Александрийский флот, собранный Августом из остатков флота Лагидов, должен был обеспечивать полицейский контроль на Ниле. Сирийский флот (*classis Syriaca*), также, по-видимому, созданный Августом, имевший базу в Селевхии Пиэрии — порте Антиохии, должен был обеспечивать безопасность мореплавания в районе побережья Малой Азии и Сирии-Палестины. Упоминания об этом флоте исчезают в источниках в конце II в.⁷⁹ Понтийский флот (*classis Pontica*) был образован Нероном в 64 г., когда было ликвидировано вассальное Понтийское царство. Главной базой флота стал Кизик. Кроме того, его отдельная эскадра стояла в Требизонде⁸⁰. Последнее упоминание об этом флоте относится к временам Каракаллы или Элагабала⁸¹. Два небольших флота охраняли африканское побережье. При Марке Аврелии был создан Ливийский флот (*classis Libica*). Однако нам неизвестно ни где была его база, ни когда он прекратил свое существование⁸². Возможно, это был не флот, а всего лишь сформированная на короткий промежуток времени эскадра⁸³. Очевидно, из кораблей Александрийского и Сирийского флотов в Цезарее был сформирован Мавретанский флот (*classis Mauretana*)⁸⁴, насчитывавший не более 13 либурн⁸⁵. В задачу этого флота входило наблюдение за побережьем Мавретании. В III столетии в источниках

нет более упоминаний ни об одном из африканских флотов⁸⁶.

При Калигуле был учрежден, а при Клавдии получил свою окончательную организацию, Британский флот (*classis Britannica*). Его главная база находилась на континенте в Гезориаке, однако флот имел множество *stationes*, расположенных на побережье Британии⁸⁷.

На Рейне и Дунае, ставшими границами империи, были образованы речные флоты: *classis Germanica* (на Рейне), *classis Pannonica* (на Среднем Дунае), *classis Moesica* (на Нижнем Дунае)⁸⁸.

Во главе флотов находились префекты всаднического ранга. По крайней мере со времен Нерона помощником префекта был субпрефект (*subpraefectus*), также принадлежавший к всадническому сословию⁸⁹. Командиром отдельной эскадры был наварх. Общее техническое командование флотом осуществлял *nauarchus princeps*⁹⁰. *Триерарх*, чье звание приравнялось к званию центуриона, командовал одним кораблем. В подчинении у триерарха находились *classarii* — военные моряки.

Реорганизация флота в период правления Диоклетиана. В эпоху кризиса III в. римский флот переживает период временного упадка. Правительство оказалось неспособным выделять на его содержание необходимые средства, предпочитая уделять все внимание обороне сухопутных границ⁹¹. Слабость римского флота стала очевидна уже в 260 г., когда франки, совершив разбойничий рейд, прошли Галлию и обосновались в Таррагоне, на северо-востоке Испании. Отсюда в течение

⁷⁹ Gilli G. La flotta e la difesa del basso impero // Atti della Accademia Nazionale dei lincei. Ser. VIII. Vol. I. Fascicolo 1. Roma, 1946. P. 4.

⁸⁰ Rougé J. La marine... P. 132.

⁸¹ Gilli G. La flotta... P. 4.

⁸² Rougé J. La marine... P. 132.

⁸³ Gilli G. La flotta... P. 4.

⁸⁴ Rougé J. La marine... P. 132.

⁸⁵ Gilli G. La flotta... P. 4, n. 14.

⁸⁶ Ibid. P. 5, n. 1.

⁸⁷ Rougé J. La marine... P. 132.

⁸⁸ Ibid. P. 133.

⁸⁹ Ibid. P. 137.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 17.

Римский военный корабль.
Изображение на монете
Аллекта

Римский военный корабль.
Изображение на медальоне
Константина

власть Максенция и принял участие в войне против Константина.

Для того чтобы сломить власть британских узурпаторов, тетрархам пришлось создать в противовес их военно-морским силам свой собственный флот. Это стало возможным после того, как оказался отвоеван Гезориак⁹⁵. Однако морской битвы между правящим тогда в Британии Аллектом

двенадцати лет они, используя захваченные римские суда, совершали грабительские набеги вплоть до берегов Африки (Oros., VII, 41, 2).

Во времена тетрархии Караузий отложился от империи и провозгласил себя императором в Британии. Флот сделался опорой его власти — недаром античные авторы наградили узурпатора прозвищем «архипират»⁹². Караузий имел хорошие морские базы не только в Британии, но и на континенте, где его войсками был захвачен важнейший на атлантическом побережье город-порт Гезориак⁹³. Монеты с изображениями военных кораблей, выпущенные узурпатором, свидетельствуют о больших усилиях, направленных им на укрепление морского могущества Британии.

Диоклетиан предпринял решительные меры для поддержания боеспособности военно-морских сил. Известно, что, несмотря на свою беспомощность в годы кризиса, Мизенский флот не исчез к концу III в. При тетрархии он продолжил свое существование и был реорганизован Диоклетианом⁹⁴. Позднее он перешел под

и Констанцием Хлором не состоялось: туман помог кораблям Констанция избежать встречи с неприятелем и благополучно преправить на остров римские войска. Мы не знаем, что стало дальше с флотом, созданным Караузием. Возможно, он был разделен на несколько небольших эскадр, которые были размещены в различных портах Ла-Манша и Северного моря.

Не менее энергичные шаги были предприняты Диоклетианом и для усиления речных флотов. Археологически засвидетельствовано, что на левом берегу Дуная при нем было возведено множество укрепленных пристаней, представлявших собой четырехугольник, три стороны которого были окружены стенами, а одна открывалась на реку⁹⁶. На Рейне также были созданы многочисленные эскадры, несшие здесь патрульную службу уже в начале IV в. (Pap. Lat., VII (6), 13, 1)⁹⁷. Согласно свидетель-

⁹⁵ Ibid. P. 142.

⁹⁶ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 205.

⁹⁷ В кодексах упоминаются еще несколько флотов, существовавших в позднеантичное время (например, *classis Carpathica* (CTh, XIII, 5, 32; CI, XI, 2, 4) или *classis Seleucena*, который упоминается всего один раз в указе от 369 г. (CTh, X, 23, 1; CI, XI, 13, 1)), которые, однако, представляли собой не военные, а транспортные эскадры, перевозившие продовольствие.

⁹² Rougé J. La marine... P. 142.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Rougé J. La marine... P. 143.

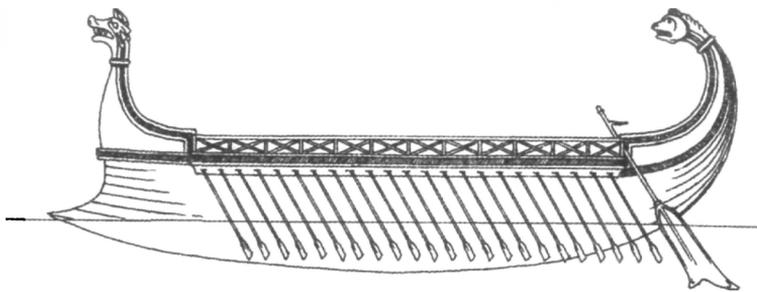
ству Иоанна Лидийца, во времена правления Диоклетиана во флоте служило 45 562 солдат (Iohan. Lyd., *De magistrat.*, I, 27).

Военно-морской флот в IV столетии. После покорения Римом Средиземноморья морской флот утратил свое боевое значение. В IV в. он главным образом осуществлял перевозку сухопутных войск.

Так, в 324 г. корабли морского флота были использованы для переправы армии Константина из Фракии на Боспор (Excerpta Val., 5, 28), силами британского флота (*classis Britannica*) дважды (в 360 и 368 гг.) римские войска были переброшены в Британию (Amm., XX, 1, 3; XXVII, 8, 6).

Notitia говорит о существовании Венетского флота (*classis Venetum*), имевшего базу в Аквилее (ND, Ос., XLII, 4), Равеннского (*classis Ravennatum*) (ND, Ос., XLII, 7) и Мизенского флотов (ND, Ос., XLII, 11). Кроме этих постоянно существовавших флотов *ad hoc* (например, во время гражданской войны) могло строиться большое количество военных кораблей. Так, готовясь к борьбе с Лицинием, Константин приказал заложить гавань в Фессалонике, где было построено более 200 кораблей (Zos., II, 22, 1). Египтяне, финикийцы, киприоты, карийцы и другие народы, населявшие восточные провинции империи, собрали для его противника более 300 кораблей (Zos., II, 22, 2).

Трудно сказать, какие суда использовались в позднеримский период для ведения морских операций. Вегетий утверждает, что существовало два основных типа военных кораблей: либурны и лусории (Veg., II, 1). Первые предназначались для действий на море, вторые несли патруль-

Реконструкция римского военно-морского корабля.

Рис. И. В. Кирсанова

ную службу на Рейне и Дунае. Относительно либурн Вегетий сообщает, что они были заимствованы римлянами у либурнов, живших на побережье Далмации (Veg., IV, 33). Эти корабли якобы отлично зарекомендовали себя в сражении при Акции (31 г. до н. э.) и поэтому послужили образцом для позднейших кораблей римского морского флота. Впрочем, вряд ли мы можем утверждать, что либурны имели какое-то решительное тактическое превосходство над триерами или пентерами. Из описания битвы при Акции, которое нам дает Плутарх, видно, что судьба сражения долгое время оставалась неопределенной. Кораблям Антония приходилось сражаться не столько с противником, сколько с неблагоприятным ветром. Их неповоротливость и медлительность объяснялись более отсутствием необходимого количества гребцов, чем какими-то недостатками конструкции (Plut., Anton., 62)⁹⁸. Хотя пентеры Антония и не могли набрать необходимого разгона для нанесения таранного удара, однако и корабли Октавиана были не в состоянии нанести ощутимого вреда неприятелю. «Суда Цезаря, — пишет Плутарх, — не только избе-

⁹⁸ «...суда большей частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву» (пер. С. П. Маркиша). Cf.: Plut., Anton., 65.

гали лобовых столкновений, страшись непробиваемой медной обшивки носа, но не решались бить и в борта, ибо таран разламывался на куски, натываясь на толстые четырехгранные балки кузова, связанные железными скобами» (Plut., Anton., 66; пер. С. П. Маркиша). «Плавающие крепости» Антония могли противостоять трем или даже четырем кораблям Октавиана, и борьба при этом шла с помощью различных метательных и зажигательных снарядов и больше походила «на бой у крепостных стен» (Plut., Anton., 66).

Даже предательство 60 египетских кораблей, которые по приказу Клеопатры в разгар сражения обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь строй сражающихся судов Антония, не привело к немедленной победе флота Октавиана. Моряки и солдаты Антония еще долго сопротивлялись и после того, как место сражения покинул сам главнокомандующий. В итоге флот Антония был не столько уничтожен, сколько попросту прекратил борьбу (Plut., Anton., 68)⁹⁹. Что же касается либурн, то отметим, что у нас нет никаких свидетельств, позволяющих предполагать, что они были единственным или преобладающим типом кораблей, которые находились в распоряжении Октавиана. О либурнах, принимавших участие в сражении при Акции, Плутарх упоминает лишь однажды, причем нельзя сказать, что их действия в отношении судов неприятеля были особенно удачными. Когда не-

сколько либурн настигло корабль Клеопатры, то оказалось, что никакого вреда причинить ему они не могут. По приказу Антония корабль царицы развернулся к преследователям носом и отогнал их (Plut., Anton., 67).

Тем не менее битва при Акции оказала огромное влияние на дальнейшую историю римского военно-морского флота. Но вытеснение либурнами остальных типов кораблей не связано с их удачными действиями в данном морском сражении. Даже если бы победа досталась Антонию, то это не привело бы к принципиально иному положению дел, и пути развития римского морского флота остались бы теми же. После того как Рим сделался безраздельным хозяином Средиземноморья, строительство мощных военных судов стало просто бессмысленным. Во-первых, это было дорого; во-вторых, для обслуживания таких кораблей требовалось очень большое количество людей¹⁰⁰, которых необходимо было кормить и содержать, что опять-таки требовало больших финансовых затрат; в-третьих, единственным противником римской державы на море отныне могли быть только пираты, а для борьбы с ними были нужны не тихоходные «плавающие крепости», а легкие и маневренные суда, способные настичь любой пиратский корабль. Скорость и малые размеры — вот основные достоинства либурн, сделавшихся на некоторое время основным типом кораблей римского воен-

⁹⁹ К началу войны флот Антония насчитывал 500 судов (Plut., Anton., 61). Из них 200 кораблей были выставлены Клеопатрой (Plut., Anton., 56). Накануне битвы при Акции Антоний распорядился сжечь все египетские корабли, кроме 60 наиболее боеспособных (Plut., Anton., 64). Эти последние, как мы отметили, оставили флот Антония. Таким образом, получается, что из 300 кораблей противника Октавиану не удалось потопить ни одного... По крайней мере, так утверждает Плутарх.

¹⁰⁰ Плутарх достаточно подробно рассказывает о том, с какими трудностями пришлось столкнуться Антонию в тот момент, когда он пытался снабдить свои корабли необходимым количеством гребцов: «А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того "многогосударственной" Греции ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу» (Plut., Anton., 62; пер. С. П. Маркиша).

но-морского флота. Аппиан утверждает, что римляне стали называть либунами легкие и быстроходные суда с двумя рядами весел, поскольку именно суда такого типа использовали иллирийские пираты, хозяйничавшие в Ионийском море и на островах (App., Illug., I, 3)¹⁰¹. Длина либуры варьировалась от 24 до 30 м¹⁰². О количестве экипажа на римской либурне периода принципата мы можем судить на основании одного эпизода, о котором рассказывает Тацит в «Жизнеописании Агриколы» (Tac., Agric., 28). Когорта (т. е. ок. 500 чел.) восставших узипов захватила три либуры, на которых она пыталась бежать из Британии. Таким образом, на борту одной либуры могло находиться около 170 чел., включая гребцов.

Если верить Вегецию, то еще в начале V в. римский военно-морской флот состоял из судов, строившихся по образцу далматинских либурн (Veg., IV, 33). Правда, мы едва ли можем утверждать, что «либуры» IV в. действительно имели хоть какое-то отдаленное сходство с либурами времен Августа или Траяна. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что в IV в. название «либура» превратилось в *terminus technicus* для любого военно-морского корабля¹⁰³. Например, Евтропий утверждает, что на пятом году первой Пунической войны римляне «впервые сражались на кораблях, укрепленных рострами, которые называют либурами» (Eutrop., II, 20, 1)¹⁰⁴.

¹⁰¹ Возможно, название «либура» вытеснило использовавшееся прежде «бирема», и римляне стали называть либурами любой корабль с двумя рядами весел.

¹⁰² Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 207.

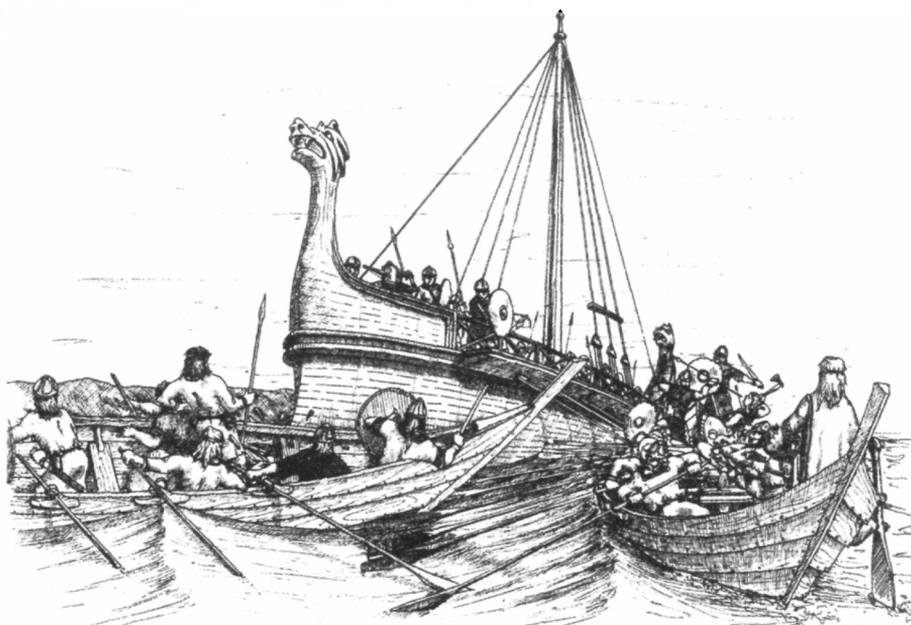
¹⁰³ Scheffer J. De Militia Navali Veterum Libri Quatuor. Ad Historiam Graecam Latinamque utiles. Uppsala: J. Jansson, 1654. P. 97–99.

¹⁰⁴ «in mare demicaverunt, paratis navibus rostratis, quas Liburnas vocant».

Тем не менее Полибий говорит о римских кораблях этой поры как о пентерах и гептерах, построенных по образцу карфагенских (Polyb., I, 20, 15). Зосим сообщает, что либуры по быстроходности были равны пентерам и уступали в этом отношении триерам (Zos., V, 20, 4). Однако, как явствует из указания самого же Зосима, под либурами он имеет в виду гептеры, давно вышедшие из употребления и построенные в начале V в. лишь благодаря подробному описанию, оставленному все тем же Полибием (Zos., V, 20, 4). Вегеций считает либурами не только корабли с одним или двумя рядами весел, но и те, которые имели три, четыре и даже пять рядов весел. Впрочем, здесь Вегеций солидарен с Зосимом: такие большие корабли были в начале V в. уже чем-то необычным. Поэтому автор «Эпитомы» просит своего читателя не удивляться и добавляет, что в битве при Акции были и более крупные суда, имевшие по шесть и более рядов (Veg., IV, 37).

Итак, можно сделать вывод, что превращение Рима в единственную морскую державу Средиземноморья способствовало вытеснению больших судов кораблями с одним или двумя рядами весел, получившими общее название «либуры», которое стало употребляться впоследствии для любого военно-морского корабля. Вместе с тем относительно реальной силы либуры никогда не строилось особых иллюзий. Так что в те моменты, когда в империи вспыхивали гражданские войны, предполагавшие столкновения на море, одно- и двухрусные либуры уступали место либурам с тремя, четырьмя, пятью и даже шестью рядами весел.

Наряду с либурами морской флот Поздней империи располагал и разведывательными кораблями — скафами (*scafae exploratoriae*) (Veg., IV, 37). Скафы были, по всей видимости, заимствованы

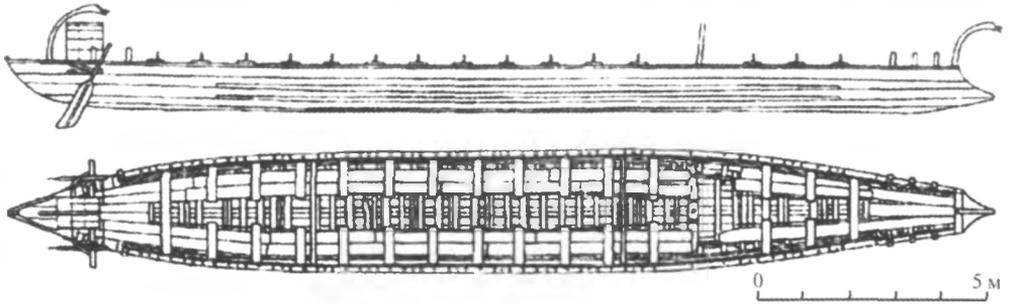
Сражение римского военного корабля с саксонскими пиратами.

Рис. И. В. Кирсанова

римлянами у бриттов (Veg., IV, 37). Они представляли собой небольшие суда, имевшие по двадцать гребцов на каждом борту (Veg., IV, 37). Корпуса скаф, паруса и корабельные снасти, — все окрашивалось краской цвета морских волн; даже форма моряков была такого же цвета (Veg., IV, 37). Скафы предназначались для того, чтобы совершать внезапные нападения на неприятеля и препятствовать подвозу провианта к неприятельским кораблям.

Римский морской флот еще долго оставался безраздельным хозяином Средиземного моря, поэтому и Вегетий, писавший уже в начале V в., сообщает, что море давно спокойно для римлян, а с варварами сражаться приходится только на суше (Veg., IV, 31). Такое положение дел сохранялось до того момента, пока в Африке не обосновались вандалы и не создали свою морскую державу.

Речной флот. Несравненно большее значение в оборонительной системе империи отводилось речному флоту. Флот нес патрульную службу на Дунае на протяжении всего IV в. Даже после битвы при Адрианополе он продолжил свое существование, и когда в 386 г. варвары попытались переправиться на римский берег, то были оставлены при помощи кораблей (Zos., IV, 38–39; Claud., IV Cons., v. 616–637). В начале V в. правительство продолжало уделять дунайскому флоту самое пристальное внимание. Вегетий заявляет, что в его время корабли продолжают бдительно патрулировать Дунай (Veg., IV, 44). Указ Феодосия II от 412 г. предписывает провести реорганизацию флотилий Мезии и Скифии. Предполагалось, что в Мезии будет находиться 100 патрульных кораблей вместо 10, а в Скифии — 125 вместо 15. Ежегодно Мезия должна была производить 10 патрульных

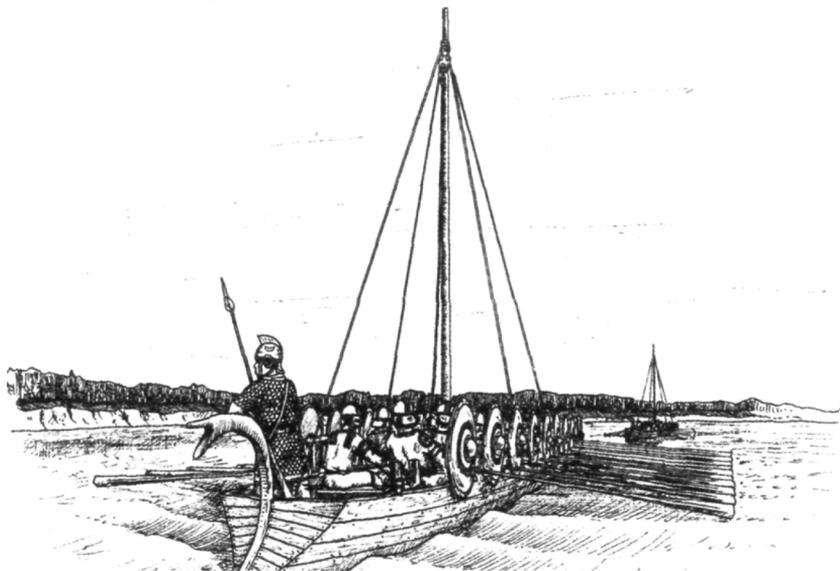
Реконструкция лусории из Майнца (тип А).
(Himmler F. M. *Naves lusoriae* — Flusskriegsschiffe der Spätantike // *РЕМА*. 2005. 2. P. 155)

кораблей, а Скифия — 12. Сверх того, указ требовал, чтобы в Мезии ежегодно изготавливалось 4 корабля, называвшихся *iudiciariae*, и 10 кораблей, называвшихся *agrarienses*, а в Скифии 5 и 12 кораблей соответственно. Указ предписывал дуксам обеих провинций следить за тем, чтобы корабли имели должное оснащение и необходимое количество экипажа (СTh, VIII, 17, 1–2).

Рейнский флот находился в цветущем состоянии вплоть до середины IV в. Но во время войны Магненция с Констанцием II (350–353 гг.) он приходит в полное расстройство. Когда Юлиан прибыл в Галлию, то на Рейне оставалось всего 40 кораблей (Amm., XVIII, 2, 12). В течение первых двух лет своей деятельности Юлиан увеличил численность флота до 200 кораблей, а затем всего за 10 месяцев выстроил еще 400 судов (Iul., Ad Ath., 280a). Набеги германцев на Галлию, последовавшие после смерти Юлиана, показали, однако, что даже такого количества кораблей все равно было недостаточно для того, чтобы надежно закрыть границу. Последним известным нам императором, державшим флот на Рейне, был Валентиниан I (Symmach., *Laudatio ad Valentinianum*, I, 28). После 375 г. в источниках нет более никаких упоминаний о флоте на Рейне. Нет ни одного император-

ского эдикта, говорящего о восстановлении Рейнского флота, подобного эдиктам, направленным на поддержание флота на Дунае. Очевидно, что начавшийся уже при Грациане период распада римской военной системы на Западе привел к тому, что лишенный попечения правительства флот прекратил свое существование к концу IV в. В *Notitia* также ничего не говорится о рейнских эскадрах. Зато в ней есть сведения об эскадрах на внутренних реках Галлии. Характерно, что одна из эскадр была размещена в провинции Новемпопулана, которая находилась на границе с Испанией¹⁰⁵. Существование подобных флотилий было бы совершенно излишним, если бы корабли продолжали патрулировать Рейн. С другой стороны, появление внутренних эскадр стало насущной необходимостью после 406 г., когда варвары прорвали границу и проникли до самых отдаленных галльских провинций.

¹⁰⁵ В подчинении у дукса Белгики Второй был *classis Sambricae in loco Quartensi sive Hornensi* (ND, Ос., XXXVIII, 8); роданский флот имел базу в Виенне или Арелате (*classis fluminis Rhodani, Viennae sive Arelati*) (ND, Ос., XLII, 14); еще одна эскадра размещалась в Эбрудуне (*classis barcariorum*) (ND, Ос., XLII, 15); в Лугдунской Первой в Кабаллодуне была база *classis Araricae* (ND, Ос., XLII, 21); в провинции Новемпопулана стоял *classis Anderetianorum* (ND, Ос., XLII, 23).

Римские патрульные корабли на Рейне.
Рис. И. В. Кирсанова

Если в отношении военно-морских кораблей можно сказать, что позднеимское судостроительство переживает определенный регресс, то с речными судами складывается совсем иная ситуация. Вегеций сообщает, что частое применение речных эскадр привело к тому, что в его время для развития речного флота было сделано больше открытий и усовершенствований, «чем могла бы похвастаться древность» (Veg., IV, 46)¹⁰⁶.

Речной флот состоял из легких судов, называвшихся лусориями (*lusoriae*) (Veg., IV, 46). Лусория была кораблем очень небольшим. Аммиан отмечает, что 40 лусорий смогли перевезти по Рейну всего 300 солдат (Amm., XVIII, 2, 11–12). Благодаря археологическим находкам из Майнца, относящимся к концу IV в., мы можем представить себе, как выглядели римские лусории. Это был корабль длиной до 20 м

и шириной около 3 м. Он приводился в движение с помощью небольшого паруса и двадцати шести гребцов, находившихся на его борту. Лусория могла развивать скорость до 18,5 км/ч.¹⁰⁷ Форштевень давал лусории возможность таранить вражеское судно. Ряд шитов, располагавшихся на каждой стороне корабля, обеспечивал дополнительную защиту экипажу¹⁰⁸.

Был еще один тип корабля, также известный по находкам из Майнца. Он представлял собой быстроходное транспортное судно, использовавшееся, вероятно, для перевозки грузов, например осадных орудий, и транспортировки войск¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Himmler F. M. *Naves lusoriae* — Flusskriegsschiffe der Spätantike // RĚMA. 2. 2005. P. 155.

¹⁰⁸ Haywood J. *Dark Age Naval Power. A Reassessment of Frankish and Anglo-Saxon Seafaring Activity*. London: Routledge, 1991. P. 46–47.

¹⁰⁹ Richardot Ph. *La fin de l'armée romaine...* P. 205.

¹⁰⁶ «quam uetus doctrina monstrauerat».

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИИ И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

1. ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА РАЗЛИЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Относительно терминологии. Наши литературные источники охотно используют термины и выражения, ставшие в позднеантичную эпоху уже архаизмами, но считавшиеся более уместными для использования их в литературной речи¹. Поэтому прежде чем говорить о численном составе различных воинских частей, входивших в состав позднеримской армии, зададимся вопросом о том, всегда ли мы можем, опираясь на сочинения позднеантичных авторов, правильно определить, о каких именно подразделениях идет речь в том или ином случае. В. И. Холмогоров отмечает, что важной особенностью источников интересующего нас периода является «крайняя сбивчивость, неясность и подчас даже противоречивость военной терминологии»². Поэтому,

¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 67.

² Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XI. С. 35. В. И. Холмогоров весьма скептически относится к любым попыткам внести ясность в вопрос, касающийся структуры и численности подразделений армии Поздней империи: «...Приходится признать, что

не учитывая эту особенность, можно легко встать на путь «совершенно произвольных обобщений». Если мы обратимся к нашему основному литературному источнику — «*Res gestae*» Аммиана Марцеллина, то заметим, что последний постоянно употребляет традиционную для римской армии военную терминологию и часто упоминает о легионах, ауксилиях, когортах, центуриях, манипулах и турмах. Однако имеют ли для него все эти понятия тот же смысл, который они имели прежде?

Начнем с определения значения терминов *auxilia* и *milites auxilarii*, поскольку, как кажется, только для них у Аммиана существуют более или менее определенные указания, позволяющие ответить на вопрос, что имеет в виду историк всякий раз, когда их использует. Из замечаний, содержащихся в тексте его труда, мы можем заключить, что ауксилиарии отличались от остальных солдат римской армии: они были менее дисциплинированы и с презрением относились к различного рода фортификационным рабо-

на этом пути исследователя ждут неизбежные неудачи, неудачи тем большие, чем с большей настойчивостью будет такой исследователь, увлеченный примером современных армий, в своей работе стремиться к исчерпывающе-точным выводам. Те приемы исторического исследования, которые приводили к таким плодотворным результатам в отношении армии Ранней империи, когда термины «легион», «когорта», «ала» являлись понятиями вполне определенными и неизменными, приводят к сомнительным выводам и часто несомненным натяжкам, когда эти приемы с той же последовательностью применяются и к армии IV в. Разумеется, тщательное исследование может дать и давало уже весьма ценные результаты, но тем важнее определить ту границу, на которой необходимо остановиться. Именно поэтому детальное рассмотрение отдельных частей римской армии IV в. может стремиться лишь к приблизительно-точным выводам и этими выводами удовлетворяться» (Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XI. С. 38 сл.).

там (Amm., XVIII, 2, 6)³. Таким образом, для Аммиана ауксиллии — это подразделения, укомплектованные солдатами, стоящими в культурном плане на более низкой ступени развития, чем солдаты других подразделений армии. Прежде всего речь идет о галлах и германцах. В любом случае, дикость нравов (*barbara feritas*) (Amm., XX, 4, 6) и тех, и других позволяет Аммиану называть их варварами.

Если в отношении ауксилиий в тексте Аммиана существует некоторая определенность, то найти ее в отношении использования термина *legio* нам не удастся. При ближайшем рассмотрении выясняется, что Аммиан может называть легионами подразделения, которые в *Notitia Dignitatum* числятся среди воинских частей, не имевших этого статуса. Так, Аммиан упорно называет легионами Йовиев и Викторов (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7), упоминает даже об их орлах, являвшихся штандартами исключительно легионов (Amm., XXVI, 7, 17); тем не менее *Notitia* определяет эти подразделения как *auxilia palatina*⁴. *Preventores* у него это тоже легион, а по данным *Notitia* это подразделение имело статус *milites* (ND, Ос., XL, 19). Более того, однажды Аммиан называет легионом даже кавалерийский отряд: рассказывая о победе в 374 г. армянского царя Папа, он сообщает, что римляне тут же бросили в погоню за беглецами «легион», который быстро настиг армянских всадников (Amm., XXX, 1, 7). Можно предположить, конечно же, что во всех этих случаях мы имеем дело с простыми неточнос-

тями или ошибками Аммиана⁵, но более вероятным представляется другое объяснение: «легион» не имел для него какого-то специального значения; данным словом историк обозначал, как правило, любое подразделение пехоты римской армии. В подтверждение этого приведем несколько примеров. Во время осады персами Амиды в числе защитников последней оказалось два галльских подразделения *Magentiaci* и *Decentiaci*, которые Аммиан называет легионами (Amm., XVIII, 9, 3). Эти два «легиона» очень сильно отличались от всех остальных, защищавших город. Они были искусны в сражении в открытом поле, но не умели ни обслуживать боевые машины, ни выполнять фортификационные работы. К тому же галльские солдаты не желали подчиняться приказам своих командиров и даже грозились их убить (Amm., XIX, 5, 2–3; 6, 3–5). Получается, что вели они себя, как и солдаты галльских ауксилиий, находившихся под командованием Юлиана. И если Аммиан счел нужным подчеркнуть, что только *milites auxiliiarii* с презрением относятся к выполнению строительных работ, то естественно будет предположить, что два упомянутых им подразделения были ауксалиями. В битве при Аргенторате, когда римская конница стала отступать, она, по словам Аммиана, была прикрыта «легионами» (Amm., XVI, 12, 37)⁶. Однако римский боевой строй в этом сражении образовывали по большей части отряды *auxilia*: Аммиан называет Корнутов и Бракхиаатов, которые сначала приняли удар наступавших алеманнов, а затем на помощь им подошли Батавы и Регии. Из всех этих подразделений только Регии были легионом (ND, Ос.,

³ «auxiliiarii milites semper munia spernentes huius modi».

⁴ *Iovii*: ND, Or., XXXIX, 21; ND, Ос., V, 23 = 168 = VII, 16; V, 36 = 184 = VII, 42; ND, Ос., V, 64 = 212 = VII, 76; *Victores*: ND, Or., XXXIX, 21; ND, Ос., V, 22 = 63; 18; ND, Ос., VII, 17; V, 37 = 185 = VII, 126.

⁵ Например, в эпизоде с царем Папом, чтобы избежать смысловой неувязки, достаточно поменять слово «легион» на «турма».

⁶ «gremio legionum protecti fixerunt integrato proelio gradum».

V, 80 = 229 = 32). После гибели Юлиана во время персидского похода для выбора нового императора, согласно Аммиану, были приглашены командиры легионов и турм (Amm., XXV, 5, 1)⁷. Если в этом случае «легионы» — это только легионы, то тогда возникает вопрос, а куда же девались ауксиллии? Ведь нам хорошо известно, что в восточном походе участвовало большое количество ауксиллий, и прежде всего это касается галльских частей, провозгласивших Юлиана императором. Очевидно, что без командиров западных подразделений никакого избрания императора произойти не могло. Естественно предположить, что Аммиан говорит не о трибунах легионов и турм, но о трибунах пехотных и кавалерийских подразделений.

Возможно даже, что использование термина *легион* в отношении кавалерийской части не было ошибочным в глазах историка. Греческие авторы периода принципата называли римские легионы тагмами (τάγματα)⁸. В более поздний период термин *тагма* в этом значении выходит из употребления. Как отмечает Созомен, римские «легионы» (τάγματα) в его время стали называться просто «числами» (ἀριθμοὺς) (Soz., I, 8)⁹. Именно *аритмами* называет Юлиан пехотные подразделения¹⁰, в то время как *тагмами* кавалерийские отряды (Iul., Ad Ath., 280d)¹¹. По всей видимости, это и ввело в заблуждение Аммиана, который воспользовался в данной

части своего повествования каким-то греческим источником и, будучи прекрасно знаком с греческой исторической литературой, сохранил за греческим τάγμα уставшее уже в его эпоху значение *legio*.

Теперь относительно термина *numerus*, который очень часто использует Аммиан. В эпоху принципата это слово имело два значения: общее и социальное. С одной стороны, так называлось любое воинское подразделение, а с другой — отряд, который не являлся ни легионом, ни когортой, ни алой¹². Во II–III вв. *numerus* — специальный термин, использовавшийся для обозначения частей, сформированных из варваров и не соответствовавших римской военной организации¹³. Численность и вооружение этих отрядов были весьма разнообразными. Иногда это были пехотные подразделения, иногда — кавалерийские¹⁴. Регулярные подразделения и *numeri* резко отличались друг от друга. Задачей последних была охрана тех провинций, где они были набраны. Командовали такими отрядами офицеры, присылаемые из легионов¹⁵.

Одним из характерных признаков провинциализации римской армии является тот факт, что нумеры были приравнены к регулярным воинским частям. При Александре Севере исчезают различия в организации регулярных подразделений и *numeri*. Тенденции подобного рода четко

¹² Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 25.

¹³ Ibid. S. 26.

¹⁴ Например, Гигин говорит об отряде кантабров в 700 человек и отряде герулов в 800 человек (Hugin., De mun. castr., 30). Хотя он не называет эти отряды нумерами, однако, по всей видимости, речь идет именно о них. В жизнеописании Аврелиана говорится о 300 итирейских стрелках, 600 армянах, 150 арабах, 200 сарацинах и 400 «ауксиллиариях» из Месопотамии (SHA, Aurel., 11, 3). Несомненно, что все эти отряды мы должны квалифицировать как *numeri*.

¹⁵ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 26.

⁷ «advocatusque legionum principis et turmarum».

⁸ Горончаровский В. А. К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 296.

⁹ «τὰ Ῥωμαίων τάγματα ἄ νῦν ἀριθμοὺς καλοῦσιν».

¹⁰ «ἀριθμοὺς τῶν κρατίστων πεζῶν». Эти значения закрепились за данными терминами и в византийской армии VI в.

¹¹ «ἰππέων τάγματα δύο».

прослеживаются в терминологии авторов IV в., в соответствии с которой *numerus* употребляются только в обобщающем значении. Это обобщающее значение приобрело характер официального: согласно *Notitia Dignitatum*, каждый солдат «служит в нумерах» (*in numeris militat*) (ND, Or., V, 67; VIII, 54, IX, 49).

У Аммиана *numerus* — это любое воинское подразделение (Amm., XXVI, 5, 3; XXVII, 10, 6)¹⁶. Историк использует его для обозначения легионов (Amm., XXIX, 3, 7)¹⁷, ауксилиев (Amm., XXIV, 4, 23; XXV, 10, 9; XXVII, 8, 7)¹⁸ и кавалерийских отрядов (Amm., XXV, 1, 7)¹⁹.

Столь же широкий смысл вкладывает Аммиан и в другие традиционные для римской армии обозначения воинских отрядов. При этом использование им терминов *manipulus*, *centuria* или *cohors*, по-видимому, является главным образом данью традиции. Именно поэтому Аммиан часто, желая подчеркнуть, что в том или ином случае были собраны все наличные воинские силы, перечисляет непосредственно друг за другом центурии, манипулы и когорты (Amm., XVII, 13, 25; XXI, 13, 9; XXIII, 5, 15; XXVI, 2, 3). Вместе с тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что когда Аммиан использует каждый из этих терминов в отдельности, они приобретают значение, отличное от традиционного.

Manipulus не имеет для Аммиана какого-то специального значения: он может называть манипулами как римские, так и

¹⁶ Amm., XXVI, 5, 3: «militaris partiti numeri»; XXVII, 10, 6: «cum Illyriis et Italicis numeris».

¹⁷ «ex Iovianorum numero».

¹⁸ Amm., XXIV, 4, 23: «Exsuperius de Victorum numero miles»; XXV, 10, 9: «Erulorum e numero miles»; XXVII, 8, 7: «Cum consecuti Batavi venissent et Heruli Iovique et Victores, fidentes viribus numeri».

¹⁹ «Tertiacorum equestris numerus».

персидские отряды пехоты (Amm., XIX, 1, 10; 6, 9; 7, 6; XXIV, 6, 8)²⁰. Упоминание о центуриях в отдельности от манипулов и когорт редко встречается в тексте «Res gestae» (Amm., XXIV, 6, 9; XXV, 3, 4), и о них никогда не говорится как о самостоятельно действующих подразделениях. Когорта (*cohors*) является одним из самых наиболее часто используемых Аммианом обозначений воинских подразделений. Анализируя случаи употребления им этого термина, мы можем выделить две характерные особенности:

1) Аммиан употребляет его исключительно в отношении подразделений римской армии;

2) когорты для него — это либо обобщенное название воинских частей (Amm., XXVII, 10, 7; XXX, 10, 1; XXXI, 7, 4; XXXI, 10, 6), либо отряды кавалерии (Amm., XIV, 2, 12; XXIV, 5, 10).

Если Аммиан использует термин *cohors* в значении «отряд всадников», то в этом случае он становится у него синонимом турмы. Так, мы узнаем, что под Сирмием Юлиан обнаруживает два Констанциевых легиона и одну когорту лучников (Amm., XXI, 11, 2). Чуть ниже выясняется, что трибун турмы всадников Нигрин, недовольный отправкой этих подразделений в Галлию, подбивает их на восстание. Таким образом, становится ясно, что, во-первых, когорта была кавалерийской, а во-вторых, что Аммиан не видит особой беды в том, чтобы назвать ее турмой. Еще один пример. Во время персидского похода Юлиана авангард римской армии составляли три турмы всадников, выполнявших функции разведчиков (Amm., XXIV, 3, 1; cf.: Zos., III,

²⁰ Вегетий, со своей стороны, сообщает, что в его время манипулами стали называться контубернии (*contubernia*) (Veg., II, 13). Но Аммиан, как кажется, не смешивает эти два понятия (Amm., XIX, 1, 10).

19, 1); далее Аммиан называет эти три турмы уже тремя когортами разведчиков (Amm., XXIV, 5, 5)²¹.

Термин *turma* в IV в. давно утратил свой прежний узкоспециальный смысл. Аммиан использует это слово для обозначения кавалерийских отрядов независимо от их типа и вооружения (Amm., XVI, 12, 7; XVIII, 6, 16; 9, 4)²². Это могут быть как эскадроны римской конницы, так и конницы германцев (Amm., XV, 4, 9) или персов (Amm., XXIII, 3, 4; XXV, 1, 4). Кроме того, как это ни парадоксально, Аммиан однажды позволяет себе называть турмами и пехотные части (Amm., XXVI, 7, 9)²³.

Еще менее определенный смысл имеет у Аммиана термин *cuneus*, а также образованное от него наречие *cuneatim*. Обычно первое слово понимают как «клин», т. е. боевое построение в форме клина, а второе — «по клиньям». Если же речь идет о воинской части, то в данном случае словом *cunei*, как это принято считать, обозначали особые кавалерийские эскадроны, структура и численный состав которых нам неизвестны. Посмотрим теперь, какое значение этот термин имеет у Аммиана. *Cuneus* у него может обозначать группу невооруженных лиц, не имеющих никакого отношения к армии (Amm., XV, 7, 4); шайки разбойников-исавров (Amm., XIX, 13, 1; XXVII, 9, 6); отряды римской кавалерии (Amm., XVI, 11, 5)²⁴, в том числе и катафрактариев (Amm., XXVIII, 5, 6); отряды римской пехоты (Amm., XXV,

1, 17); отряды римской армии вообще (Amm., XVII, 12, 9; XX, 11, 6; XXIV, 1, 3); отряды пехоты германцев (Amm., XVI, 12, 20); отряды варваров вообще (Amm., XVII, 12, 1; XXVII, 2, 4); отряды персидской кавалерии (Amm., XVIII, 8, 9; XXIV, 5, 5). Другими словами, *cuneus* у Аммиана является синонимом слов *globus* или *manus* в смысле «толпа», «отряд» и не имеет никакого специального военного значения. Хотя в ряде случаев Аммиан, несомненно, использует наречие *cuneatim*, в смысле «построение по клиньям» (Amm., XXX, 1, 5), оно может быть употреблено им и в смысле «поотрядно» (Amm., XXVII, 1, 1).

Итак, к чему же мы пришли в результате анализа терминологического ряда, используемого Аммианом для обозначения подразделений различного типа? Наиболее широкое значение имеет термин *cuneus*, означающий любое воинское подразделение: как пехотное, так и кавалерийское, как римское, так и германское или персидское. Несколько более узкий смысл вкладывает Аммиан в слово *manipulus*: это римское или неримское пехотное подразделение, не являющееся самостоятельной тактической единицей. *Cohors* — пехотное или кавалерийское подразделение римской армии. *Turma* — обобщенное наименование любого кавалерийского отряда; лишь однажды (возможно, вследствие ошибки) турмами были названы пехотные подразделения. *Numerus* — любое подразделение пехоты и кавалерии римской армии. *Legio* — обобщенное название любого подразделения римской пехоты²⁵. Наконец, *auxilia* —

²¹ «tres procuratorum cohortes».

²² Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 48.

²³ «concitatae equitum peditumque turmae».

²⁴ Когда Аммиан говорит о кунеях как об отрядах конницы, то в этом случае «*cuneus*» у него синонимичен понятию «*turma*». Именно поэтому однажды он использует оба термина для обозначения одного и того же отряда (Amm., XXXI, 16, 5; XXXI, 16, 6).

²⁵ В эпизоде с побегом армянского царя, как уже отмечалось выше, не исключена возможность ошибки Аммиана, хотя можно допустить, что в погоню за царем была отправлена не одна *turma*, а несколько (по-видимому, две или три), которые составили отряд, численно равный пехотному под-

подразделение римской пехоты, состоящее из солдат-галлов или германцев.

Поразительная неточность в вопросе военной терминологии, которая наблюдается у Аммиана, уже давно отмечалась исследователями, занимающимися вопросами, связанными с позднеримской военной организацией. Э. Нишер объясняет ее стремлением историка разнообразить свой стиль или же простой беспечностью²⁶. Мнение Э. Нишера кажется вполне справедливым. Обратим внимание на то, к чему призывает Аммиан грядущих продолжателей его исторического труда: «...советую придать языку более высокий стиль» (Amm., XXXI, 16, 9)²⁷. Именно о красоте стиля заботился Аммиан, работая над своим сочинением. Поэтому, чтобы избежать повторений в тексте одних и тех же терминов, он старался заменять их словами, имеющими для него синонимичное значение. Например, в эпизоде с наказанием нескольких кавалерийских отрядов, проявивших трусость при столкновении с противником, Аммиан последовательно использует термины *numerus*, *turma* и даже *vexillatio* (который у него в тексте встречается первый и последний раз), хотя ясно, что речь идет о кавалерийских подразделениях одного и того же типа (Amm., XXV, 1, 7–9). Таких примеров у Аммиана можно найти множество, и касаются они не только обозначений воинских частей. Возможно, мы должны вспомнить, что историк позиционировал себя как продолжатель труда Тацита. Именно этим нужно объяснять его нарочитое стремление к использованию тех самых военных терминов, которые присутствуют в сочинениях его знаменитого

разделению, что и позволило Аммиану назвать его «легионом».

²⁶ Nischer E. von. Die Quellen für das spätrömische Heerwesen // APh. 1932. Vol. 53. S. 25–27.

²⁷ «procludere linguas ad maiores moneo stilos».

предшественника и которые в IV столетии либо уже вышли из употребления, либо изменили свой смысл.

Однако нельзя решительно все списать на особенности стиля писателя. Ведь «неточность» в вопросе военной терминологии была присуща не только ему, но и другим позднеантичным авторам. Зосим, например, делит всю римскую пехоту на *τάγματα*, состоящие из римлян, и такие же отряды, состоящие из варваров (Zos., IV, 7, 1), а кавалерийские подразделения называет илами (*ἱλαί*) (Zos., III, 13, 1). Характерно, что даже Юлиан не считает нужным проводить какую-либо классификацию между подразделениями различного типа и предпочитает называть их, как уже отмечалось выше, *ἀρίθμοι*. Поэтому мы должны предположить, что неразборчивость Аммиана в отношении терминов порождена не только и не столько стилистическими приемами самого историка, сколько объективными реалиями IV в.

Казалось бы, в подобной ситуации нечего и пытаться внести какую-либо ясность в вопрос о численности различных позднеримских подразделений. По-видимому, В. И. Холмогоров, полагающий, что исчерпывающе точного ответа на него получить не удастся, недалек от истины. Соглашаясь с подобной точкой зрения, все же изложим те выводы, к которым мы пришли, анализируя как скупые данные источников, так и соображения, высказанные нашими предшественниками.

Численность кавалерийских подразделений. Численность позднеримских кавалерийских отрядов сильно варьировалась. Папирусы, датируемые 297–300 гг., называют эскадроны по 116, 118 или 121 чел.²⁸; в биографии Аврелиана упоминается отряд

²⁸ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 272.

из 800 катафрактариев (SHA, Aurel., 11, 3–4). Зосим говорит об отряде в 600 всадников (Zos., III, 3, 4). Кроме того, существовали различные типы кавалерийских подразделений: *turmae*, *alae*, *cohortes*, *vexillationes*, *scholae*, *cunei* и *equites*. Некоторые из этих терминов, как мы уже видели, были для Аммиана взаимозаменяемы, что, вероятно, должно свидетельствовать о том, что обозначенные ими отряды численно практически не различались. Иоанн Лидиец дает следующие цифровые данные для кавалерийских частей: *ala* — 600 всадников; *vexillatio* — 500 всадников; *turma* — 500 конных лучников (Iohan. Lyd., De magistrat., I, 46). Однако, конечно же, несравненно более надежную информацию по этому вопросу мы можем почерпнуть из трудов Аммиана и Зосима. Согласно утверждению первого, две турмы из Иллирика, захваченные в плен персами в 359 г., составили вместе около 700 всадников (Amm., XVIII, 8, 2). Таким образом, мы можем предположить, что одна турма насчитывала около 350 чел. Зосим говорит, что во время персидского похода Юлиана римская разведка состояла из 1500 легковооруженных всадников под командованием Луциллиана (Zos., III, 14, 1; 16, 2). Эти разведчики образовывали три эскадрона (турмы или когорты) (Amm., XXIV, 3, 1; Zos., III, 19, 1). Поскольку Зосим дает эту цифру при описании начальной фазы похода, то мы можем предположить, что убыль личного состава в подразделениях была еще минимальной и они были практически полностью укомплектованы. Следовательно, одна турма в данном случае составляла 500 всадников. Еще один пример. Когда армянский царь Пап бежал из римского плена, за ним отправили 1000 легковооруженных лучников под командованием двух офицеров (Amm., XXX, 1, 11). Ввиду того что преследовать нужно было кавалерийский отряд, естественно будет

предположить, что римские лучники являлись всадниками. И вновь мы видим, что речь идет о двух эскадронах по 500 человек, каждый из которых находится под началом одного командира.

Таким образом, у нас есть вполне определенные свидетельства о существовании в IV в. двух типов кавалерийских подразделений, различавшихся численно: были «турмы» по 350 всадников и «турмы» по 500 всадников. Обратим внимание, что эскадроны по 500 чел., упомянутые в наших источниках, всякий раз состоят из легковооруженных всадников (очевидно, лучников). По всей вероятности, это — не простое совпадение, и в позднеримской армии действительно были многочисленные отряды конных стрелков. Но неясно, называлось ли такое подразделение «турмой», как утверждает Иоанн Лидиец.

Согласно сведениям наших источников, алы сохранились в позднеантичную эпоху. *Notitia* насчитывает 65 ал, которые были дислоцированы в пограничных районах. О нормативной численности ал мы можем судить на основании надписи ChLA, XVIII, 600, в которой перечислен командный состав Третьей алы ассирийцев (*ala III Assyriorum*). Если мы предположим, что каждая из десяти турм, входивших в состав этой алы, состояла, как и во времена принципата, из 32 всадников, то получится, что численность всего отряда была около 320 всадников. Впрочем, мы не можем утверждать, что структура этой алы была типичной для позднеримской армии. Возможно, количество турм, образовывавших алы, а также количество солдат в каждой турме могли весьма сильно варьироваться. Согласно утверждению Вегеция, в его время алы стали называться вексилляциями (Veg., II, 1). Это должно означать, что разница между двумя типами подразделений постепенно стерлась и старый термин вышел из употребления.

Первое упоминание о вексилляциях в значении самостоятельных кавалерийских частей встречается в двух указах 293 г. (CI, VII, 64, 9; X, 55, 3)²⁹. О численности этих эскадронов у нас нет никаких сведений, кроме цифры, которую приводит Иоанн Лидиец. Т. Моммзен³⁰ и Р. Гроссе³¹ принимают ее и полагают, что *vexillatio* насчитывала 500 всадников. Согласно мнению других исследователей, опирающихся на более поздние византийские источники, одна вексилляция должна была насчитывать всего 300 человек³².

Теперь относительно численности схол. Т. Моммзен, основываясь на данных времени Юстиниана, считает, что она равнялась 500 чел.³³ Впрочем, расчеты Т. Моммзена носят чисто формальный характер: он опирается на сообщение Прокопия Кесарийского, утверждающего, что во времена Юстиниана охрану императорского дворца несли 3500 схолариев (Просор., НА, XXIV, 15, 19); поскольку, согласно данным *Notitia*, в Восточной империи было семь схол (ND, Or., XI, 4–10), то получается, что в каждой школе было по 500 чел.

Насколько мы можем судить на основании одного из указов Кодекса Юстиниана от 530 г. (CI, IV, 65, 35, 1), гвардия при этом императоре насчитывала 11 схол. Стало быть, попытка Т. Моммзена опереться в своих расчетах на данные *Notitia* и сообщение Прокопия выглядит заведомо

несостоятельной. Если же мы сопоставим данные Прокопия с тем, что говорит Кодекс, то получим, что в каждой из 11 схол насчитывалось около 318 всадников. Отметим, что приблизительно такой численности (360 чел.) был отряд, который отправил Констанций II вместе с цезарем Юлианом в Галлию (Iul., Ad Ath., 277d; Lib., Or. 18, 37; Zos., III, 3, 2). Что это было за подразделение, не указывается, однако можно почти не сомневаться, что это были солдаты из палатинских схол, сопровождавших Констанция³⁴. Мы даже можем утверждать, что это были *Scutarii*, поскольку вторая из имевшихся в распоряжении Юлиана схол (*Gentiles*) находилась в Галлии до того, как Юлиан был назначен цезарем (Amm., XV, 5, 6). Вероятнее всего, Гентилы составляли почетный эскорт Сильвана, предыдущего командующего армией, так же как потом школа Скутарию образовала эскорт самого Юлиана. Таким образом, мы можем считать, что обычный состав одной школы был 300–360 чел.³⁵

Численность кунеев Р. Гроссе принимает равной 500 всадникам³⁶. Вместе с тем, как отмечает В. И. Холмогоров, данное предположение «основано лишь на стремлении этого автора к исчерпывающим характеристикам отдельных соединений»³⁷. Л. Варади, опираясь на сооб-

²⁹ «in legione vel vexillatione»; «tam legionarii milites quam etiam equites in vexillationibus constituti» (Лазарев С. А. Военная организация... С. 109).

³⁰ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 257.

³¹ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 51.

³² Лазарев С. А. Военная организация... С. 112, примеч. 2.

³³ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 224. Точку зрения Т. Моммзена приняли О. Зеек (Seeck O. Scholae palatinae // RE. 1923. Bd. 2a. S. 621–624) и Р. Гроссе (Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 94).

³⁴ Drew-Bear T., Zuckerman C. Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin // ARDV. P. 427.

³⁵ Небольшое увеличение штатного состава школы не должно вызывать недоумения, поскольку в элитные подразделения, несшие службу при особе императора, могли набирать и большее количество солдат. Анонимный автор «De rebus bellicis» прямо говорит, что в некоторых отрядах существует избыточное число солдат (*numerosior miles*) (Анон., De reb. bell., 5, 4).

³⁶ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 53.

³⁷ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. VI. С. 92.

щение Зосима о том, что 5 отрядов из Далмации, посланные в 409 г. для борьбы с Аларихом, насчитывали в сумме 6 тыс. солдат (Zos., V, 45, 1), приходит к выводу, что речь в данном случае идет о кавалерийских кунях и, следовательно, в одном подразделении этого типа должно было изначально быть 1200 чел.³⁸ Вряд ли у нас есть основания видеть в отправленных из Далмации войсках кавалерийские подразделения. Ведь в данном случае Зосим говорит о *τάγματα*, а не об *ἵλαι*³⁹.

Отсутствие каких-либо данных мешает нам даже приблизительно определить численность эскадронов *equites*. Т. Моммзен⁴⁰, а вслед за ним и Р. Гроссе⁴¹ принимают численность этих отрядов равной 500 всадникам. Но такое предположение основано лишь на аналогии, которую они проводят с алами и вексилляциями⁴². По мнению В. И. Холмогорова, само название *equites* (всадники) указывает на «крайнюю неопределенность и неустойчивость их численного состава»⁴³. Л. Варради полагает, что во второй половине IV в. наиболее вероятная численность кавалерийских отрядов, в том числе и отрядов *equites*, не должна была превышать 300 человек⁴⁴.

Численность легионов. К сожалению, относительно того, какова была численность легионов Поздней империи, у нас нет никаких более или менее точных данных. По этому вопросу было высказано

большое количество гипотез. Были предложены цифры от 200–400 чел.⁴⁵, до 2–3 тыс. чел.⁴⁶

Т. Моммзен считает, что численность позднеримских легионов составляла 1000 солдат. Основанием для такой гипотезы служит тот факт, что в более ранний период в легионе, насчитывавшем в среднем 6 тыс. чел., было 6 трибунов. При этом известно, что в IV в. командирами легионов были именно трибуны. Таким образом, согласно гипотезе Т. Моммзена, легионы Поздней империи возникли в результате простого дробления старых легионов принципата на шесть частей⁴⁷. Мнение Т. Моммзена поддержал и Р. Гроссе⁴⁸.

А. Х. М. Джонс также склонен думать, что численность позднеримских легионов полевой армии не превышала 1 тыс. чел. Причину уменьшения численного состава легионов он видит в том, что во время кризиса III в. из них для создания временных экспедиционных сил были выведены отдельные подразделения (*vexillationes*).

⁴⁵ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 68; Vogler Ch. Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // HRAR. P. 391.

⁴⁶ Wolfram H. L'armée romaine comme modèle pour l'Exercitus barbarorum // ARB-AFAM. P. 13. По мнению Я. Ле Боэка, практически вплоть до конца IV в. некоторые легионы насчитывали по 3 тыс. чел. (Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 70).

⁴⁷ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 215.

⁴⁸ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 34. — «Признание за легионом полевой армии численности в 1000 человек является в глазах большинства историков единственным достоверным фактом, имеющимся в нашем распоряжении, при рассмотрении организации позднеримского легиона. Отсутствие прямых свидетельств по внутренней структуре легиона, по мнению многих исследователей, делает невозможным его объективное описание» (Lazarev C. A. Военная организация... С. 118–119).

³⁸ Várady L. New Evidence... P. 370.

³⁹ «πέντε τῶν ἀπὸ Δελατίας στρατιωτικὰ τάγματα».

⁴⁰ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 255.

⁴¹ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 54.

⁴² Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. VI. С. 96, примеч. 1.

⁴³ Там же. С. 96.

⁴⁴ Várady L. New Evidence... P. 371.

Хотя численность вексиляций, по всей видимости, варьировалась, тем не менее отдельные вексиляции носят название «тысячные» (*miliariae*). Этот факт позволил А. Х. М. Джонсу предположить, что таков был обычный численный состав подобного рода подразделений⁴⁹. При Диоклетиане некоторые вексиляции окончательно утратили связь со своими легионами и превратились в самостоятельные подразделения, имевшие постоянное место дислокации в различных провинциях⁵⁰. Так, например, вексиляции из легионов Пятого Македонского (*V Macedonica*) и Тринадцатого Сдвоенного (*XIII Gemina*), составлявшие, вероятно, часть экспедиционного корпуса Диоклетиана в Египте в 295 г., в *Notitia Dignitatum* названы уже как легионы⁵¹. Часть вексиляций вошла в императорский комитат. Другая часть была присоединена к региональным армиям⁵². Таким образом, по мнению А. Х. М. Джонса, «полевые легионы» должны были насчитывать по 1 тыс. чел., в то время как старые легионы, ведущие свое происхождение со времен принципата и размещенные на границах, сохранили половину или даже две трети своего первоначального состава (т. е. их численность могла доходить до 4 тыс. чел.), поскольку большинство из них сократилось только на 2–3 вексиляции⁵³.

Согласно мнению Г. Вольфрама, уменьшение численности легионов произошло постепенно, и еще в середине IV в. легионы насчитывали по 2 и даже по 3 тыс. чел.⁵⁴. В доказательство он приводит перевод Библии на готский язык, сделанный

около 350 г., указывая, что в одном месте этого перевода легионом назван отряд в 2 тыс. демонов⁵⁵.

Л. Варади, сопоставив сообщения Клавдиана и Орозия, касающиеся подавления восстания Гильдона, — первый перечисляет подразделения, принявшие участие в этой экспедиции (Claud., Gild., 418–423), а второй указывает, что численность отправленного воинского контингента составила 5 тыс. чел. (Oros., VII, 36, 6), — с перечнем военных частей в *Notitia Dignitatum*, приходит к выводу, что в экспедиционном корпусе приняло участие три легиона по 1200 чел. в каждом и три отряда *auxilia* по 500 человек в каждом⁵⁶.

О. Шмитт берет за основу для своих расчетов свидетельство Иоанна Малалы, утверждающего якобы, что во время персидского похода Юлиана авангард римлян составляли два легиона — Ланциарии и Маттиарии, общая численность которых равнялась 1500 чел. Указание Малалы, как отмечает О. Шмитт, относится к начальной фазе Персидской войны, а это значит, что отдельные подразделения не понесли еще ощутимых потерь и их реальный численный состав был близок к номинальному. Таким образом, численность одного легиона О. Шмитт определяет в 750 человек⁵⁷.

Ф. Ришардо, очевидно, понимая бесперспективность подобных расчетов, лишь сопоставляет перечень воинских частей, размещенных, согласно *Notitia*, в Африке, с теми малыми цифрами, которые приводит нам Аммиан, рассказывающий об африканской экспедиции Феодосия Старшего. В результате исследователь заключает, что максимальная численность легионов африканского гарнизо-

⁴⁹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 680.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. P. 681.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Wolfram H. L'armée romaine... P. 13.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Várady L. New evidence... P. 367 f.

⁵⁷ Schmitt O. Stärke... S. 95.

на не должна была превышать 400 человек⁵⁸.

Те скурые фрагментарные данные, которые донесли до нас источники, относящиеся к IV в., действительно не позволяют поставить точку в вопросе о численности легионов во второй половине IV в. Более того, данные эти носят подчас весьма противоречивый характер, что, конечно же, создает лишь дополнительные трудности. Как кажется, общепризнанным является факт уменьшения численного состава легионов в последние два века существования империи. Наиболее ярким для исследователей доказательством этого служит персидская осада Амиды (359 г.), когда в стенах города собралось 20 тыс. чел., в числе которых были гражданские лица (жители города и беженцы), две кавалерийские части и семь пехотных подразделений, которые Аммиан называет легионами (Amm., XIX, 2, 14). Некоторые данные источников позволяют утверждать, что численность легионов была большей, нежели 1 тыс. чел., как считал Т. Моммзен. К примеру, император Грациан во время войны с лентиянами приказал взять из каждого легиона по 500 человек, чтобы штурмовать высоты (Amm., XXXI, 10, 13)⁵⁹. По всей видимости, и в данном случае Аммиан имеет в виду не легионы, а пехотные подразделения вообще независимо от их статуса, т. е. всю римскую пехоту, составлявшую основную часть армии Грациана. Если мы допустим, что все пехотные подразделения насчитывали по 1 тыс. чел., тогда придется признать, что для штурма одной высоты был выделен отряд, немногим меньший половины армии. Более вероятным представляется, что «легионы»

Грациана насчитывали как минимум по 1500 солдат. О пяти отрядах из Далмации, образовывавших корпус в 6 тыс. чел., мы уже упоминали выше.

Теория А. Х. М. Джонса относительно существования «пограничных» легионов по 3–4 тыс. чел., выглядит слишком искусственно и не подтверждается данными наших источников. Если мы обратимся к тексту Аммиана, то увидим, что гарнизоны отдельных крепостей образовывали один, два или даже три легиона. Так, гарнизон Сингары состоял из двух легионов: Первого Флавиева (*I Flavia*) и Первого Парфянского (*I Parthica*), а также кавалерийского отряда (Amm., XX, VI, 8). Первый Парфянский был создан еще во времена принципата. Таким образом, если мы будем следовать логике А. Х. М. Джонса, то должны предположить, что гарнизон одной пограничной крепости насчитывал как минимум 4000–4500 солдат, а это равняется $\frac{1}{3}$ армии, защищавшей Галлию, и чуть меньше того контингента, который был послан в Африку на подавление восстания Гильдона. Гарнизон Безабды, которую Аммиан классифицирует всего лишь как *munimentum*, составляли три легиона: Второй Флавиев (*II Flavia*), Второй Армянский (*II Armeniaca*), Второй Парфянский (*II Parthica*), а также отряд лучников (Amm., XX, 7, 1). Второй Парфянский опять же является одним из «старых» легионов эпохи принципата. Следовательно, гарнизон Безабды должен был насчитывать как минимум 5500 солдат. Не много ли для одной крепости? По меркам Поздней империи это — целая армия.

Информацию, казалось бы, более или менее точную о численности легионов мы могли бы получить, сопоставив вслед за Л. Варади сообщение Клавдиана о подразделениях, принявших участие в подавлении восстания Гильдона (Claud., Gild.,

⁵⁸ *Richardot Ph. La fin de l'armée romaine...* P. 68.

⁵⁹ «per legiones singulas quingenteni leguntur».

418–423), с сообщением Орозия об общей численности отправленного корпуса (Oros., VII, 36, 6). Однако это оказывается не так просто, поскольку, даже используя данные *Notitia*, мы не в состоянии однозначно распознать по названиям, приводимым Клавдианом, тип каждого из подразделений (легион, ауксулия и т. д.), принявших участие в экспедиции. Уверенный тон Л. Варади объясняется лишь желанием опереться на заранее определенные цифры: 1200 чел. для легионов и 500 чел. для ауксулий.

Существуют ли цифровые данные, указывающие на то, что численность пехотных подразделений могла быть и значительно ниже 1 тыс. чел.? Пожалуй, наши источники приводят только один пример такого рода, правда относится он к началу V в.: согласно Зосиму, в 410 г. на помощь Гонорию с Востока пришли 6 подразделений, насчитывавших в сумме 4 тыс. воинов (Zos., VI, 8, 2; cf.: Soz., IX, 8)⁶⁰. При равной укомплектованности этих отрядов мы получим по 666 солдат в каждом⁶¹.

Что же касается сообщения Иоанна Малалы, на котором базируется гипотеза О. Шмитта, то, чтобы не быть голословными, позволим себе привести его полностью: «...προηγεῖσθαι αὐτῶν προσκουλάτορας προσέταξεν ἄνδρας γενναίους ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν λαγκιάρων καὶ ματτιάρων χιλίους πεντακοσίους, κελεύσας βαστάζεσθαι καὶ

τὰ σίγνα αὐτοῦ καὶ κόμητα Λουκιανόν, ἄνδρα πολεμικώτατον, εἶναι σὺν αὐτῶ» (Malal., 330, 4).

Вопреки тому что хочется видеть О. Шмитту, Малала говорит не о том, что Ланциарии и Маттиарии составляли 1500 чел., а что из подразделения (ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ) Ланциарии-Маттиарии было выделено для проведения разведки 1500 воинов, и находились эти разведчики под командой комита Лукиана. Таким образом, если следовать утверждению Малалы, получится, что численность подразделения Ланциарии-Маттиарии должна была быть даже не 3 тыс., а скорее 4,5 или 6 тыс. чел., что очень и очень далеко от предложенных О. Шмиттом 750 человек отдельно для Ланциариев или Маттиариев.

Кроме того, нам хорошо известно, что разведку во время персидского похода Юлиана производили три упоминавшихся уже выше турмы. Командовал ими комит Луциллиан (Zos., III, 14, 1). Не может быть никаких сомнений в том, что Аммиан, Зосим и Иоанн говорят об одном и том же факте. И хотя остается непонятным, каким образом всадники Луциллиана оказались увязаны с Ланциариями и Маттиариями, но ясно, что было бы совершенно бессмысленно отправлять в разведку пехоту, пусть даже и легковооруженную, которая в любой момент могла стать добычей летучих отрядов персидской кавалерии.

Несмотря на некоторые расхождения, наблюдаемые в наших источниках, нельзя не признать, что предложенная Т. Моммзеном цифра в 1 тыс. чел. является вполне приемлемой для численности поздне-римского легиона⁶². Зосим, например,

⁶⁰ О. Шмитт, чтобы получить искомую для численности легионов цифру (ок. 750 чел.), допускает присутствие в корпусе двух кавалерийских подразделений (*Schmitt O. Stärke... S. 97*).

⁶¹ Отметим, что в большинстве приведенных примеров речь идет о подразделениях неизвестного нам типа. Поэтому полученные числовые данные могут относиться как к легионам, так и к ауксулиям. Более крупные подразделения традиционно квалифицируются как легионы. Но такой подход основан лишь на предположении о том, что численность поздне-римских ауксулий не изменилась со времен принципата.

⁶² Холмогоров В. И. Полевая армия (*Comitatenses*) Римской империи IV в. н. э. // УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 12. № 86. С. 90.

прямо утверждает, что солдатами командовали сотники и тысячники (Zos., II, 33, 3). Это позволяет нам допустить, что отряд в 1 тыс. чел. был наиболее многочисленным подразделением позднеимперской армии⁶³. Ценную информацию, по этому вопросу дает нам также и Аммиан. Выше мы уже говорили об экспедиционном корпусе Феодосия Старшего, подавлявшем восстание Фирма. Когда правительственные войска подошли к разоренной варварами Цезареи, Феодосий приказал Первому и Второму легионам разбить здесь лагерь (Amm., XXIX, 5, 18)⁶⁴. Поскольку сам Феодосий также находился в этом городе (Amm., XXIX, 5, 19) и за это время ни одна воинская часть не покидала Цезареи, то становится совершенно очевидным, что два упомянутых выше легиона и составляли главную силу экспедиционного корпуса. Аммиан сообщает, что численность отряда, который находился под командованием Феодосия, составляла всего 3500 чел. (Amm., XXIX, 5, 9). Однако к двум легионам, прибывшим в Африку, мы должны добавить какое-то количество местных солдат, сохранивших верность правительству и присоединившихся к Феодосию после смотра на Панхарианском посту (Amm., XXIX, 5, 9). Таким образом, мы вполне можем допустить, что легионы Феодосия насчитывали по 1000–1500 чел.

Впрочем, отметим, что численный состав частей одного и того же типа мог сильно варьироваться⁶⁵. Это объясняет

⁶³ Однако не исключена возможность того, что в данном случае Зосим проецирует на более раннюю эпоху реалии собственного времени.

⁶⁴ «primam et secundam legionem ad tempus ibi locari disposuit».

⁶⁵ Аммиан упоминает об аламманском подразделении неизвестного типа, стоявшем в правление Валентиниана I в Британии, которое выделялось своей многочисленностью («multitudine viribusque ea tempestate florenti») (Amm., XXIX, 4, 7). В том,

и появление частей, насчитывавших менее 1 тыс. чел., и более многочисленных отрядов. Так, например, пять отрядов, отправленных Гонорием на помощь Риму, были, по сообщению Зосима, лучшей частью римской армии (Zos., V, 45, 1)⁶⁶, а следовательно, и их численность могла быть выше нормативной.

Численность ауксилиев. Подчеркнем, что значение термина *auxilia* неоднократно менялось в процессе эволюции римской военной системы. Во времена республики и первого века империи так назывались отряды, набранные из неримских граждан, вооруженные и экипированные сообразно с собственными обычаями и сохранявшие свои приемы ведения боя. При Траяне подразделения *auxilia* были уже вооружены римским оружием и организованы в соответствии с римскими традициями. В эпоху Поздней империи термин *auxilia* стал обозначать не вспомогательные войска, как во времена принципата, а самостоятельно действующие подразделения.

Т. Моммзен⁶⁷ и Р. Гроссе⁶⁸ принимают численность позднеимперских ауксилиев IV в. равной 500 чел. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что предложенная цифра не имеет под собой твердой

что численный состав одинаковых воинских подразделений мог сильно различаться, нет ничего необычного. Автор «Стратегикона», например, настаивает на том, чтобы кавалерийские подразделения — тагмы — были различной численности, для того чтобы противник не мог рассчитать численность всего войска по количеству знамен. Таким образом, обычная численность для тагмы была равна 300 человек, однако тагмы могли быть малого состава без знамени и большого состава с двумя знаменами. Поэтому реальная численность тагм варьировалась от 200 до 400 всадников (Maug., Strat., I, 4; II, 20).

⁶⁶ «ῥώμη τοῦ Ῥωμαϊκοῦ στρατεῦματος κεφάλαιον ὄντες».

⁶⁷ Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen... S. 257.

⁶⁸ Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 42.

основы. В качестве доказательства своего мнения Р. Гроссе приводит один пассаж из труда Аммиана, где отряд галлов и германцев численностью в 500 чел. переправляется через Тигр (Амм., XXV, 6, 13; 7, 3). Но Аммиан нигде не указывает, что в данном случае речь идет о каком-то отдельном подразделении. Он сообщает лишь о галлах, к которым были добавлены северные германцы⁶⁹. Если бы историк имел в виду, что переправу совершила какая-то отдельная часть, то было бы логично хотя бы привести ее наименование, как он обычно и делает, когда речь заходит о подразделениях пехоты. Далее Аммиан уточняет, что для переправы были выбраны только те люди, которые, в отличие от остальных, привыкли переплывать большие реки. Таким образом, ясно, что это предприятие явилось делом хорошо подготовленных добровольцев, а не отдельного подразделения. К тому же невозможно полагать, что после всех трудностей и лишений Персидской войны какая-то воинская часть была полностью укомплектована личным составом. Поэтому даже если эти 500 галлов и германцев действительно составляли отдельное подразделение, то для того, чтобы рассчитать его полную (номинальную) численность, мы должны прибавить к данному числу неизвестное количество заболевших, раненых, дезертировавших или погибших.

Напротив, информация, которой мы располагаем, скорее позволяет утверждать, что численность ауксилиев была равной численности легионов⁷⁰. Как показывает анализ текста Аммиана, римские подразделения практически всегда действовали попарно. Существовали пары легионов и пары ауксилиев⁷¹, и хотя отря-

ды, составлявшие пару, носили разные названия, создается впечатление, что они образовывали единую войсковую часть, поскольку выступали под общим знаменем (Амм., XXVII, 1, 6) и имели общий лагерь (Амм., XX, 4, 20). Чем было вызвано такое объединение различных подразделений? По всей видимости, два подразделения отвечали за охрану определенной территории или участка границы. То, что при этом не делалось никакой дифференциации, касающейся типа войсковых частей, свидетельствует в пользу того, что между ними не было заметной разницы в численности.

Существуют и более определенные указания на то, что по численности ауксилиев не уступали легионам. Так, император Констанций II под предлогом войны с персами попытался получить от Юлиана наряду с отборными подразделениями галльской армии также и по 300 чел. из других отрядов (Амм., XX, 4, 2). Уже одно то, что при этом не делалось различий между легионами и ауксалиями, указывает на их равную численность. Если же мы примем во внимание, что большую часть галльской армии составляли именно ауксилиевы, покажется странным, каким образом из отряда, численность которого при полном укомплектовании личным составом составляла 500 чел., можно было выделить 300 солдат для отправки на другой театр военных действий. То же самое можно сказать о силах, собранных Вален-

⁶⁹ «mixti cum arctois Germanis Galli» (Амм., XXV, 6, 13).

⁷⁰ Schmitt O. Stärke... S. 95.

⁷¹ Для *auxilia* мы можем выделить следующие пары отрядов: Герулы и Батавы (Амм., XVI, 12, 45;

XX, 1, 3; 4, 2; XXVII, 1, 2–6); Кельты и Петуланты (Амм., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2; XXII, 12, 6; XXXI, 10, 4); Корнуты и Бракхиады (Амм., XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9); Иовии и Викторы (Амм., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7). Для легионов: Паннонский и Мезийский (Амм., XXIX, 6, 13); Дивиденсы и Тунгриканы младшие (Амм., XXVI, 6, 12; XXVII, 1, 2); Ландиарии и Маттиари (Амм., XXXI, 18, 8); Иовианы и Геркулианы (Veg., I, 17; Zos., II, 42, 2; Амм., XXII, 3, 2; XXV, 6, 2).

том в 378 г., в составе которых, несомненно, было большое количество ауксилиев. Тем не менее из каждого подразделения этой армии было выделено по 300 чел. и отдано под командование комиту Себастиану (Amm., XXXI, 11, 2).

Приходится признать, что численность ауксилиев была значительно выше предложенной Т. Моммзенем цифры. Попытаемся, опираясь на те данные, которые можно почерпнуть из труда Аммиана, определить, какова была нормативная численность ауксилиев. Описывая военные действия в Галлии, историк довольно часто говорит о различных подразделениях, входивших в состав армии Юлиана. В общей сложности Аммиан упоминает десять подразделений линейной пехоты: шесть отрядов *auxilia* (Кельты и Петуланты (Amm., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2), Эрулы и Батавы (Amm., XVI, 12, 45; XX, 1, 3; 4, 2), Корнуты и Бракхиаты (Amm., XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9)) и четыре легиона (Регии (Amm., XVI, 12, 45), Приманы (Amm., XVI, 12, 49) и два легиона Мезиаков (Amm., XX, 1, 3))⁷². Кроме того, в состав галльской армии входил отряд, обслуживавший метательные машины (*ballistarii*) (Amm., XVI, 12, 7)⁷³. Кавалерия, насколько можно судить, состояла из шести эскадронов: катафрактары (Amm., XVI, 12, 7; 12, 38), три отряда легкой кавалерии (вероятно, конные лучники) (Amm., XVI, 11, 5; XVI, 12, 7), школы Гентиллов и Скутариев (Amm., XVI, 4, 1; XX, 4, 3). Численность всей этой армии, по словам самого историка, была в день

битвы при Аргенторате 13 000 чел. (Amm., XVI, 12, 1).

Приблизительную численность римской кавалерии можно определить, опираясь на сделанные нами выше расчеты: три эскадрона легкой кавалерии Юлиана составят около 1500 чел.; эскадрон катафрактариев — 600 (Zos., III, 3, 4; Amm., XVI, 12, 38); две школы — от 600 до 700 всадников. Итак, мы в состоянии сделать вывод, что римская кавалерия насчитывала под Аргенторатом около 2700–2800 солдат.

Далее несколько слов относительно пехоты: десять подразделений линейной пехоты и один отряд баллистариев в сумме дают около 10 200–10 300 чел. Четыре легиона — около 4 тыс. солдат. Количество баллистариев не могло быть слишком значительным и вряд ли превышало несколько десятков человек⁷⁴. Таким образом, мы получаем, что шесть ауксилиев насчитывали немногим более 6 тыс. чел., т. е. около 1 тыс. солдат в одном подразделении.

Ф. Ришардо предложил другой способ расчета численности пехотных подразделений, принявших участие в битве при Аргенторате. Анализируя построение армии Юлиана в этом сражении, он обращает внимание на то, что хотя Аммиан называет всего пять подразделений римской пехоты, участвовавших в бою, в действительности их должно было быть десять. Расчеты Ф. Ришардо сводятся к следующему: во-первых, известно, что Юлиан выстроил свою армию в две линии; в центре второй из них находился легион Приманов; на правом фланге от него стояли Батавы и Регии; следовательно, на левом фланге также должно было стоять два подразделения; таким образом,

⁷² Два последние подразделения Аммиан называет *numeri*. Однако, по всей видимости, это были легионы (возможно, *Moesiaci seniores* и *Moesiaci iuniores*), поскольку существование одного палатинского легиона с таким названием (*Moesiaci seniores*) засвидетельствовано в *Notitia* (ND, Ос., V, 7 = 150 = VII, 8).

⁷³ Этот отряд оставался в Галлии еще в начале V в. (ND, Ос., VII, 97).

⁷⁴ Отметим, что Аммиан ничего не говорит о действиях римской артиллерии в сражении при Аргенторате.

части должны были нести свою службу постоянно на одном и том же месте. Но, во-первых, представление о неподвижности пограничных частей является укоренившимся заблуждением и можно привести целый ряд примеров, доказывающих, что на протяжении всего IV в. эти подразделения сохраняли мобильность. Во-вторых, сам Клавдиан дает нам дополнительное указание на то, какие отряды было в состоянии использовать правительство в борьбе со своими врагами, и, в частности, говорит об отряде, пришедшем из Реции, и легионе, выведенном из Британии (Claud., Get., 414–418). Попробуем определить, о каких

подразделениях мог говорить Клавдиан. В приводимой ниже таблице II мы сопоставляем названия подразделений у Клавдиана с теми данными, которые содержатся в *Notitia*.

Обратим внимание на когорты, носившие название *Herculea* которые были дислоцированы в Реции; вероятно, об одной из них и идет речь в приведенном выше пассаже Клавдиана. Августов легион и легион, выведенный из Британии, по всей видимости, являются одним и тем же подразделением — Вторым Августовым легионом (*II Augusta*). *Meritus vocabula Felix*, *Invicti* и *Leones* — это, несомненно, ауксиллии. Статус отряда *Nervius* определить

Таблица II

Сопоставление названий подразделений у Клавдиана с данными *Notitia*

Название подразделения у Клавдиана	Возможная идентификация подразделения	Статус подразделения	Местонахождение подразделения	<i>Notitia Dignitatum</i>
Herculea cohors	I Herculia Panniorum	cohors	Реция	Ос., XXXV, 34
	III Herculia Panniorum	cohors	Реция	Ос., XXXV, 30
Iovia cohors	I Iovia	cohors	Паннония (Савия)	Ос., XXXII, 58
Nervius	Nervii	milites	Белгика Вторая	Ос., XXXVIII, 9
	Nervii Dictenses	numerus	Британия	Ос., XL, 23
	sagittarii Nervii	auxilia palatina	Испания	Ос., V, 25 = 170 = VII, 121
	sagittarii Nervii Gallicani	auxilia palatina	Галлия	Ос., V, 63 = 211 = VII, 75
Meritus vocabula Felix	Felices seniores	auxilia palatina	Испания	Ос., V, 31 = 179 = VII, 24
	Felices iuniores	auxilia palatina	Италия	Ос., V, 32 = 180 = VII, 23
	Felices iuniores Gallicani	auxilia palatina	sub dispositione magistri peditum praesentalis	Ос., V, 69 = 217
Dicta ab Augusto legio	II Augusta	legio	Британия	Ос., XXXVIII, 19

Название подразделения у Клавдиана	Возможная идентификация подразделения	Статус подразделения	Местонахождение подразделения	<i>Notitia Dignitatum</i>
Invicti	Invicti seniores	auxilia palatina	Испания	Ос., V, 34 = 180 = VII, 23
	Invicti iuniores Britanniciani	auxilia palatina	Испания	Ос., V, 57 = 206 = VII, 127
Leones	Leones seniores	auxilia palatina	Галлия	Ос., V, 26 = 171 = VII, 65
	Leones iuniores	auxilia palatina	Италия	Ос., V, 27 = 172 = VII, 19

с точностью нельзя; мы только можем допустить, что это подразделение также являлось ауксилией⁸⁰.

Таким образом, мы имеем один легион, четыре ауксии (т. е. ок. 5 тыс. чел.) и две когорты. Когорты *Herculea* и *Iovia* являлись гарнизонными войсками. Численность таких подразделений к концу IV в. была крайне незначительной и могла не превышать 100 чел. Стало быть, мы в состоянии допустить, что две когорты, о которых говорит Клавдиан, составили в сумме около 200 всадников. Итак, согласно нашему предположению, отряд, отправленный на подавление восстания Гильдона, насчитывал около 5200 солдат. Если же мы учтем убыль личного состава в результате боевых потерь, болезней и дезертирства, то вполне можем уменьшить это число на несколько десятков человек, чтобы приблизиться в результате к 5 тыс., о которых говорит Оро-

зий⁸¹. Подобные расчеты, конечно же, носят весьма условный и приблизительный характер, хотя, подчеркнем это, они не противоречат данным наших источников.

Структура подразделений. Структура легиона периода принципата хорошо известна. Она практически ничем не отличалась от структуры легиона Поздней республики. Легион состоял из 10 когорт, каждая из которых насчитывала по 480 чел.; когорта делилась на три манипула; манипул — на две центурии по 80 чел. с центурионом во главе⁸². Однако в конце I в. н. э. численность первой когорты была увеличена до 800 чел.⁸³ Центурии первой когорты теперь насчитывали по 160 солдат, но вместо 6 в первой когорте их было 5. Таким образом, численность легиона возросла с 4800 чел. пехоты до 5500. Кроме того, в состав леги-

⁸¹ Цифра, которую приводит Орозий, по всей видимости, является округленной (если она вообще имеет под собой реальную основу).

⁸² Goldsworthy A. Les guerres romaines 281 av. J.-C. — 476 ap. J.-C. / Trad. de l'anglais par Muriel Pécastaing-Boissière. Paris: Autrement, 2001. P. 97–98.

⁸³ Cascarino G. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini: Il Cerchio Iniziative Editoriale, 2008. P. 23.

⁸⁰ Еще до восстания Гильдона восточные войска, сконцентрированные в Италии, под командованием Гайны были отправлены в Константинополь (Claud., Ruf., 2, 217; Zos., V, 7, 3). Поэтому совершенно непонятно, почему Л. Варади «посылает» в африканскую экспедицию палатинский легион *Nervii*, входивший, согласно *Notitia*, в состав восточной армии (ND, Or., V, 6 = 46).

онов был включен отряд ветеранов, носивший название *triarius ordo* и находившийся под командованием куратора, префекта или центуриона⁸⁴, а также по 120 всадников. Всадники образовывали не отдельные эскадроны, а были причислены к центуриям⁸⁵. Они выполняли обязанности курьеров, разведчиков и посыльных⁸⁶. Однако в сражении или во время переходов из них могли создавать отряд, который действовал совместно со вспомогательной кавалерией (Тас., *Ann.*, IV, 73, 2). В боевом построении легионная кавалерия располагалась позади пехоты или на ее флангах⁸⁷.

В начале III столетия структура легиона, насколько мы можем судить на основании имеющихся в нашем распоряжении свидетельств, еще не претерпела существенных преобразований. Этот вопрос отчасти прояснился благодаря графическим символам, обнаруженным на некоторых надписях, происходящих из Майнца (CIL, XIII, 6801) и Ламбеза (CIL, 2568–2569a). Было высказано предположение, что эти символы, соответствующие шести рангам центурионов в каждой когорте, должны указывать на место центурии на поле боя, что позволило говорить об определенной преемственности, существовавшей в III столетии, с популярным построением республиканской эпохи. Только теперь вместо гастатов, принцепов и триариев первую линию построения образовывали манипулы фалангариев, за ними стояли Ланциарии и позади них лучники. Манипул, как и прежде, состоял из двух центурий. Центурия *posteriores* (последних) располагалась слева от центу-

рии *priores* (первых). Манипул имел четыре ряда в глубину и 40 человек по фронту. Графические символы, а также надписи из Апамеи показывают, что в северовскую эпоху когорты легионов, как и прежде, состояли из шести центурий⁸⁸. Во время сражения когорты легиона выстраивались, по всей видимости, в порядке убывания номеров, слева направо⁸⁹.

Впрочем, возможно, что уже во времена правления Септимия Севера была сделана попытка произвести изменения в структуре легиона. Некоторые надписи из Апамеи показывают, что при Александре Севере в первой когорте Второго Парфянского легиона существовало звание центуриона *pilus posterior* (AE, 1993, 588), не засвидетельствованное ранее для легионов. Это открытие оживило дискуссии вокруг вопроса о количестве центурий в первой когорте. Однако надпись из Ламбеза казначея первого центуриона первой когорты (*tabularius principis*) Третьего Августова легиона, сделанная при Септимии Севере и возобновленная при Валериане и Галлиене, говорит только о пяти опционах первой когорты, не упоминая об *optio pili posterioris*. Поэтому было сделано предположение, что Второй Парфянский легион, созданный Септимием Севером имел нетипичную структуру, лучше приспособленную к новым требованиям римской военной стратегии. Увеличение количества центурий в первой когорте должно было способствовать выделению из легиона отдельных подразделений и формированию вексилляций⁹⁰.

По-видимому, к концу III в. легионная структура оставалась той же, что и прежде. Эпитафия Аврелия Гая (AE, 1981, 777) и данные *Notitia Dignitatum* (ND, Or.,

⁸⁴ Ле Бок Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М. Н. Челинцевой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 31.

⁸⁵ Breeze D. The organization of the legion: the first cohort and the equites legionis // JRS. 1969. Vol. 59. P. 54.

⁸⁶ Конноли П. Греция и Рим... С. 217.

⁸⁷ Лазарев С. А. Военная организация... С. 106.

⁸⁸ Cosme P. L'armée romaine VIII s. av. J.-C. — V s. ap. J.-C. Paris: Apmand Colin, 2007. P. 218.

⁸⁹ Ibid. P. 216.

⁹⁰ Ibid. P. 217.

XXXIX, 30; 31; 33; 34) свидетельствуют, что легионы, созданные в правление Диоклетиана, состояли из 10 когорт. Мы можем также утверждать, что по крайней мере некоторые из этих легионов соответствовали традиционной модели и насчитывали около 6 тыс. чел. Это, например, можно с полной определенностью утверждать в отношении Третьего Диоклетианова легиона, из состава которого было впоследствии выделено несколько подразделений, размещенных в разных пунктах нильской долины. Ко времени составления *Notitia Dignitatum* части легиона находились в Омбре, Презенции и Фивах (ND, Or., XXXI, 31, 33, 38). Около 301 г. в Луксоре был построен лагерь, который должен был принять один из отрядов этого легиона. Если придерживаться в расчетах норм, существовавших в период принципата, то лагерь мог вместить от 1,5 до 2 тыс. чел.⁹¹ То же самое можно сказать о Втором Геркулиевом и Первом Юпитеровом, которые, как и Третий Диоклетианов, были сформированы около 297 г. в сложной политической обстановке, когда вспыхнуло восстание в Египте и шла тяжелая война с персами. После того как внешнеполитическая обстановка стабилизировалась, некоторые из старых легионов были распределены по приграничным крепостям в качестве гарнизонов⁹².

Радикальные изменения структуры римских воинских частей, в том числе и легионов, происходят, очевидно, только при Константине. Аврелий Виктор недвусмысленно приписывает этому императору проведение некой военной реформы (Aug. Vict., Caes., 41, 11)⁹³. Мы можем только

догадываться, в чем была ее суть. Вероятно, процесс дробления старых воинских частей принял целенаправленный и повсеместный характер. Следствием значительного уменьшения численности легиона было стирание границ между различными звеньями его структуры: когорты уменьшались до размеров прежних центурий. Это неизбежно вело к терминологическим изменениям, наиболее заметным из них является исчезновение самого понятия *cohors* в смысле структурного звена легиона, которое может действовать как самостоятельное тактическое подразделение. Как отмечает О. Шмитт, в последний раз когорта в качестве составной части легиона упоминается в 312 г., что является результатом реорганизации армии, проведенной при Константине⁹⁴. По какому принципу создавались новые воинские части, сказать трудно, но, по всей видимости, была какая-то единая схема, которой стремились придерживаться. Нельзя не отметить, что в наших источниках неоднократно упоминаются воинские отряды (как кавалерийские, так и пехотные) по 300 чел. Такое количество всадников, например, оставалось у императора Грациана после поражения, понесенного им от войск Магна Максима (Zos., IV, 35, 5), и столько же всадников гуннов было под командованием магистра официий Олимпия, когда в 409 г. он совершил нападение на готский лагерь около Пизы (Zos., V, 45, 6). Несомненно, что и в первом, и во втором случаях речь идет о дворцовых сходах. Однако как объяснить тот факт, что именно по 300 солдат из каждого пехотного подразделения требует предоставить ему император Констанций II, по 300 солдат из каждого подразделения дает Валент Себастиану, и именно 300 римских солдат переходят на сторону готов после сраже-

⁹¹ *Reddé M.* L'armée et ses fortifications pendant l'Antiquité tardive: La difficile interprétation des sources archéologiques // ARDV. P. 161.

⁹² *Cosme P.* L'armée romaine... P. 239.

⁹³ «novando militiae ordine».

⁹⁴ *Schmitt O.* Stärke... S. 99.

ния под Адрианополем. Не определяется ли в данном случае цифра 300 численностью отрядов, входивших в состав более крупных воинских частей? В связи с этим можно вспомнить, что анонимный автор трактата «De rebus bellicis» называет все отряды римской армии *схолами* (Аноп., De reb. bell., 5, 4), а Вегеций утверждает, что легионы состоят из *большого количества схол* (Veg., II, 19)⁹⁵. Это позволяет предположить, что *схолами* назывались в этот период не только самостоятельные кавалерийские части, но и структурные единицы подразделений пехоты. Низшим звеном *схолы* являлось *contubernium* (Veg., II, 13; cf.: Amm., XXV, 2, 2), т. е. отделение, состоявшее из солдат, живших в одной палатке и располагавшихся в строю друг за другом. Контуберния, согласно Вегецию, состояла из 10 солдат и одного десятника (*decanus*). Десять контуберний образовывали более крупную тактическую единицу — «центурию» во главе с центенарием (сотником). В действительности центенарии командовали не центуриями, численность которых варьировалась от 80 до 160 чел., а отрядами в 100 чел. Поскольку численность позднеримских подразделений составляла в среднем 1000–1200 чел., то они должны были состоять из трех и более *схол*.

Не исключено, что создание новых подразделений независимо от их типа осуществлялось по иному принципу. Согласно утверждению Вегеция, в современную ему эпоху не существовало разницы между когортами и центуриями, т. е. структурными звеньями подразделения численностью по 111 чел. каждое (100 рядовых, 10 деканов и 1 центенарий) (Veg., I, 23)⁹⁶. Очевидно, и количество «центурий» в современном Вегецию подразделении соответствовало

количеству когорт в прежнем легионе. Характерно, что подобная же десятиричная структура воинских подразделений существовала и у различных германских племен. Еще Тацит отмечает, что отряд пехоты у германцев составлял 100 чел. (Тас., Germ., 6). У вестготов с V по VII в. наименьшей войсковой единицей являлось отделение в 10 чел. (*decania*) с деканом во главе. Десять деканий образовывали сотню (*centena*), во главе которой стоял центенарий. Самым крупным подразделением была тысяча с тысячником (*millenarius*) во главе⁹⁷. В IV в. отряды в 1 тыс. чел. были типичны также и для ополчений вандалов⁹⁸. Подобный вывод подтверждается прежде всего сообщением Прокопия, согласно которому Гейзерих разделил свою армию на 80 частей в соответствии с количеством хилиархов (трибунов), чтобы казалось, будто бы у него было 80 000 воинов (Просор., BV, I, 5, 18)⁹⁹. Таким образом, структура новых подразделений могла быть позаимствована римлянами у германцев.

После того как уже не осталось подразделений прежнего состава, процесс создания новых отрядов пошел другим путем, наглядным отражением которого стало появление в названии воинской части эпитетов *seniores* и *iuniores*. Д. Хоффманн выдвинул идею, что разделение подразделений на старших (*seniores*) и младших (*iuniores*) было вызвано разделом империи между Валентинианом I и Валентом в 364 г.¹⁰⁰ Наименование *seniores* получили отряды,

⁹⁷ Клауде Д. История вестготов / Пер. с нем. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002. С. 68.

⁹⁸ Wolfram H. L'armée romaine... P. 13.

⁹⁹ «ἄλλαγοίς αὐτοῖς ἐπέστησεν ὀδοποιῶντα οὐσπερ χιλιάρχους ἐκατηρε».

¹⁰⁰ Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Epigraphische Studien 7, I. Düsseldorf, 1969–1970. S. 117–130. Cf. Tomlin R. Seniores-Juniores in the late roman field army // AJPh. 1972. Vol. 93. P. 253–278.

⁹⁵ «in legionibus plures scholae sunt».

⁹⁶ «centuriae, hoc est cohortes».

перешедшие под командование Валентиниана I — старшего августа (*Augustus senior*), а *iuniores* — подразделения, доставшиеся Валенту (*Augustus iunior*). Тем не менее эта гипотеза вызвала вполне обоснованные сомнения, поскольку некоторые воинские части, находившиеся на Востоке, были *seniores*, а некоторые из западных — *iuniores*. Подобный факт можно было бы объяснить тем, что оба августва в случае необходимости посылали друг другу на помощь военные контингенты. Но после того, как была обнаружена эпитафия Флавия Эмилиана, дученария ауксилии *Iovii Cornuti seniores*, датируемая 356 г., вопрос оказался практически решенным¹⁰¹. По мнению некоторых исследователей, создание на базе одного отряда двух было следствием тяжелых потерь, понесенных армией в битве при Мурсе¹⁰². Другие полагают, что разделение воинских частей было произведено еще в процессе реформ Константина¹⁰³. В настоящее время практически общепринятой стала точка зрения, в соответствии с которой эпитеты *seniores* — *iuniores* являются не пространственной (запад — восток), а хронологической характеристикой: отряды, получившие наименование *seniores*, существовали до того, как были сформированы отряды с теми же названиями, но обозначенные как *iuniores*¹⁰⁴. Разделение одного отряда на две части произошло, очевидно, не в результате целенаправленной реформы, а было следствием длитель-

ного поэтапного процесса¹⁰⁵. Требование, чтобы дети солдат поступали на службу в те же подразделения, в которых служили их отцы, могло привести к ситуации, когда рекрутов становилось больше, чем было необходимо для пополнения того или иного подразделения. Создание отрядов *iuniores* позволяло сыновьям солдат начать свою службу в тех же привилегированных воинских частях, в которых служили их отцы, и достаточно быстро продвигаться вверх по служебной лестнице¹⁰⁶. Подобная практика неизбежно вела к уменьшению численного состава подразделений. По мнению Я. Ле Бозека, этот процесс продолжался на протяжении всего IV в.¹⁰⁷.

2. КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Иерархия воинских званий в легионах. Единственным источником, имеющимся в нашем распоряжении, который дает подробный перечень офицерских и унтер-офицерских званий и должностей, существовавших в легионе в начале V в., является Вегетий. Приведенная иерархия воинских званий является для нас тем более ценной, что сделана она, если верить тому, что говорит автор «Эпитомы», «в соответствии с существующими “табелями о рангах” (*secundum praesentes matriculas*) (Veg., II, 7). Вегетий различает два класса военнослужащих: к первому (*milites principales*) относятся те, кто пользуется привилегиями и освобожден от выполнения различных воинских повинностей (*munera*); ко второму принадлежит рядовой состав (*munifices*)

¹⁰¹ Drew-Bear T., Zuckerman C. *Gradatim cuncta decora...* P. 422, n. 12.

¹⁰² Scharf R. *Seniores-Iuniores und die Heeresteilung des Jahres 364 // ZPE. 1991. 89. S. 265–272.*

¹⁰³ Nicasic M. J. *Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople.* Amsterdam: J. C. Gieben, 1998. P. 24–35, 41–42.

¹⁰⁴ Le Roux P. *L'armée romaine dans la péninsule Ibérique de Dioclétien à Valentinien I (284–375 p. C.) // ARDV. P. 172, n. 8.*

¹⁰⁵ Drew-Bear T., Zuckerman C. *Gradatim cuncta decora...* P. 422.

¹⁰⁶ Ibid. P. 422, n. 12.

¹⁰⁷ Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 189.

(Veg., II, 19), не имеющий никаких привилегий и обязанный нести все тяготы службы (Veg., II, 7). Отличительным признаком ранга принципалов было наличие полного комплекта тяжелого защитного вооружения (Veg., II, 15).

Командиром легиона был офицер, носивший звание трибуна (*tribunus*). Легионный трибуна́т вышел из трибуна́та городских когорт и непосредственно из центуриона́та¹⁰⁸. При Галлиене трибуны еще не исполняли тех функций, которые были им присущи в следующем столетии. Типичной военной карьерой этого периода является карьера Траяна Муциана. После службы в когорте Второго Парфянского легиона он стал преторианским всадником, затем *protector (et) centurio legionis*, далее *centurio protector* в когорте ночной стражи, городской когорте и преторианской когорте, потом получил звание *princeps protector* и *primipilus*; наконец Муциан достиг звания префекта легиона, а затем дукса¹⁰⁹. Характерно, что в этой карьере нет никакого упоминания о трибуна́те. Анализ эпиграфических данных демонстрирует, что трибуны в данный период никогда не становились *tribuni legionis*. Другими словами, трибуны середины III в. в некотором роде подобны трибунам преторианских когорт, делавшим исключительно военную карьеру, а не римским всадникам, сыновьям всадников, как прежние ангустиклавные трибуны¹¹⁰.

В IV в. *tribunus* — наиболее употребительный термин, использовавшийся для

обозначения командиров не только легионов, но и целого ряда других подразделений позднеримской армии. Трибуны командовали легионами, ауксулиями, когортами (ND, Or., XLII, 40, 41; ND, Oc., XXVI, 14–20), схолами (Amm., XXVI, 1, 4), вексилляциями, отрядами, сформированными из варваров (ND, Oc., XXXIV, 24)¹¹¹, и даже управляли государственными оружейными мастерскими (Amm., XIV, 7, 18).

В тексте Аммиана звание трибуна очень часто заменяется на *praefectus* и *praepositus*. Для историка эти термины, судя по всему, являются синонимичными¹¹². Иногда Аммиан называет командиров подразделений (очевидно, трибунов) *rectores militiae* или *ductores* (Amm., XIV, 2, 15; 17; XVI, 12, 20). Звание *praepositus* для обозначения командира подразделения часто используется и в других наших источниках. Р. Гроссе, основываясь на том, что препозиты в статьях Кодекса Феодосия упоминаются после трибунов (CTh, VII, 1, 2; 1, 10; 4, 1; 9, 2), приходит к заключению, что рангом они были ниже последних¹¹³. Однако далеко не всегда препозиты упоминаются в Кодексе позади трибунов. Ряд статей, напротив, первыми называет именно препозитов (CTh, VI, 13, 1; VII, 12, 1; 21, 1)¹¹⁴. Таким образом, у нас нет никаких причин полагать, что составители статей Кодекса строго придерживались иерархического принципа. Препозиты командовали подразделениями того же типа, что и трибуны: схолами (CTh, VI, 13, 1), легионами и когортами (CTh, VII,

¹¹¹ *Tribunus gentis Marcomannorum*.

¹¹² *Vogler Ch. Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // HRAR. P. 399.*

¹¹³ *Grosse R. Römische Militärgeschichte... S. 144.*

¹¹⁴ CTh, VI, 13, 1: «*Praepositos ac tribunos sholarum...*»; CTh, VII, 12, 1: «*ne cui liceat praepositorum vel decurionum vel tribunorum cohortium...*»; CTh, VII, 21, 1: «*...si qui ex protectoribus vel ex praepositis vel ex tribunis...*» В одной из статей трибуны названы впереди комитов («*si quando tribuni sive comites vel praepositi numerorum...*») (CTh, VII, 4, 36).

¹⁰⁸ В этой связи симптоматичным является тот факт, что в источниках термин «*ταξίαρχος*» используется для обозначения легата легиона, военного трибуна, а в некоторых случаях и центуриона (*Ricci C. Il Sarcofago romano di un ufficiale anonimo e il tribunato di legione prima o dopo la riforma di Gallieno // ARDV. P. 442, n. 25*).

¹⁰⁹ *Ibid. P. 442.*

¹¹⁰ *Ibid.*

20, 10), а также осуществляли контроль за годами (CTh, VII, 20, 10) и управляли оружейными мастерскими (Amm., XXIX, 3, 4). На этом основании В. И. Холмогоров делает вывод, что, в сущности, препозиты ничем не отличались от трибунов, и если они все-таки уступали последним в ранге, то чисто формально¹¹⁵. А. Х. М. Джонс считает, что препозит — это, строго говоря, обозначение поста, а не ранга: офицер мог быть трибуном и называться *praepositus* отряда¹¹⁶. Одна из статей Кодекса Феодосия (CTh, VII, 20, 10)¹¹⁷ позволяет утверждать, что в данном случае прав А. Х. М. Джонс, и «препозит» — это действительно обобщенное название для командиров воинских подразделений¹¹⁸.

В одной воинской части должно было быть несколько трибунов. Например, известно, что в битве при Аргенторате пало двое трибунов Корнутов (Amm., XVI, 12, 63). Аммиан упоминает нескольких трибунов Константинового легиона, один из которых возложил золотую цепь на голову Фирма (Amm., XXIX, 5, 20). Трибуны различались по рангу. Вегеций говорит о существовании *tribunus maior* и *tribunus minor* (старшего и младшего военного трибунов); старший военный трибун назначался императорским указом (*per epistolam*

sacram imperatoris), младший достигал своего положения по выслуге (*per labore*) (Veg., II, 7). Согласно Лактанцию, Константин имел звание *tribunus ordinis primi* (Lact., 18, 10). Другими сведениями о иерархии трибунских должностей мы не располагаем. Среди трибунов были и такие, которые временно не имели подразделений под своим командованием. Они назывались *tribuni vacantes* (Amm., XV, 3, 10; XVI, 12, 63; XVIII, 2, 2; XXXI, 13, 18), служили обычно в штабах императора или военачальника и использовались для особых поручений. Так, в 359 г. Гариобавда, имевшего звание *tribunus vacans*, цезарь Юлиан отправил послом к аламаннскому царю Гортарию (Amm., XVIII, 2, 2). Иногда *tribuni vacantes* могли быть использованы для усиления резервных отрядов, создававшихся на случай прорыва противником фронта боевого порядка (Veg., III, 17).

Следом за трибунами в перечне Вегеция идут офицеры-ординарии (*ordinarii*), образовывавшие во время сражения фронт боевого порядка (Veg., II, 7). Остальные принципалы стояли за ординариями. К ординариям Вегеций причисляет примипила (*primipilus*), или старшего центуриона первой когорты легиона (*centurio primi pili*), которого он называет «главой всего легиона» (*caput totius legionis*) (Veg., II, 8). Вероятно, мы должны видеть в этом указание на то, что именно примипилы становились младшими военными трибунами. Примипил, по Вегецию, командовал четырьмя центуриями (Veg., II, 8). Ниже по рангу был первый принцип (*princens primus*), отвечавший за поддержание порядка в легионе. Именно из первых принципов избирались примипилы (Veg., II, 8). Под командой первого принципа были полторы центурии. Первый гастат (*primus hastatus*) был старшим офицером второго ряда. Он командовал двумя центуриями (Veg., II, 8). Ниже его стоял второй гастат (*secundus*

¹¹⁵ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... С. 10.

¹¹⁶ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 640. — Слово «*praepositus*» образовано от латинских *prae* и *pono* (ставлю над). Поэтому это, скорее всего, термин, обозначающий начальника, военного или штатского, поставленного во главе воинского подразделения или какого-либо ведомства.

¹¹⁷ «*si praepositus romanae legionis vel cohortis gesserit tribunatum...*» («если препозит римского легиона или когорты занимает пост трибуна...»); таким образом, приходится предположить, что не всегда командир подразделения (включая легионы) должен был иметь звание трибуна.

¹¹⁸ Впрочем, нельзя не отметить, что различие между трибуном и препозитурой носило вполне официальный характер («*ad tribunatus praepositarum perveniunt*») (CTh, VII, 20, 13).

hastatus), командовавший полутора центуриями; первый центурион третьего ряда триариев (*triaris prior*) командовал сотней человек. Таким образом, в соответствии с теми данными, которые приводит Вегеций, мы можем утверждать, что звание центуриона сохранялось в римских легионах до самого позднего времени. А. Х. М. Джонс справедливо полагает, что старые звания, такие как центурион или декурион, сохранялись в подразделениях, ведших свое происхождение со времен принципата¹¹⁹. Литературных свидетельств, подтверждающих данные Вегеция, у нас немного. Аммиан лишь однажды упоминает о центурионе, сопровождавшем его в Кордуэну, когда нужно было вести наблюдение за войском персидского царя (Amm., XVIII, 6, 21). Однако не исключена вероятность того, что в данном случае историк прибег к нарочитой архаизации¹²⁰. Тем не менее у нас есть достаточно эпиграфических свидетельств, позволяющих утверждать, что это звание сохранялось не только на протяжении всего III в., но и в IV в. Наиболее известным из них является уже упоминавшаяся выше надпись Аврелия Гая, служившего при Диоклетиане, в самом конце III — начале IV в. Эта надпись показывает, что как и ранее, центурионы делились на триариев, гастатов и принципов (AE, 1981, 777)¹²¹. Две эпитафии из Италии, сделанные около 312 г., посвящены центурионам Четвертого Флавиева легиона, служившим в армии Константина¹²². Эпитафия Вале-

рии, посвященная памяти ее мужа Дассиана¹²³, датируется 350–364 гг.¹²⁴ Дассиан был офицером, выслужившимся из рядовых. За время своей карьеры ему пришлось последовательно пройти все ступени служебной лестницы, однако в надписи сохранились только три последних звания: *centurio primus, domesticus, trib[unus]*. Два последние звания хорошо известны. Первое нигде более не засвидетельствовано, поэтому полагают, что в данном случае мы имеем дело не с техническим термином, а с парафразой, появление которой обусловлено метрическим ритмом¹²⁵. *Centurio primus* был, очевидно, старшим по рангу центурионом. Ниже мы приводим другие эпиграфические свидетельства подобного рода (табл. III¹²⁶).

Августом был создан дополнительный класс ординариев — *augustales*. Об их функциях, как и о функциях *flaviales*, введенных императором Веспасианом (Veg., II, 7), в наших источниках не сохранилось никакой информации. По мнению Ф. Ришардо, введение этих званий диктовалось не столько необходимостью тактического порядка, сколько желанием предоставить большему количеству офицеров возможность дальнейшего продвижения¹²⁷.

После ординариев Вегеций перечисляет звания и должности унтер-офицерского и сержантского составов: орлоносцы (*aquiliferi*), носившие «орла» остававшегося по-прежнему главным символом

¹¹⁹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 633.

¹²⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 72.

¹²¹ Служебная карьера Аврелия Гая выглядит следующим образом: *tiro, lanciarius, optio triarii, optio centurionis ordinati, optio centurionis principis*.

¹²² *Aureli Vitali[s] centurionis leg(ionis) / IIII Fla(viae), qui vixit / annos XXXVI. Po / suerunt Aurelius / Proc<D>ianus conso / brinus et Resia Ca / ia coniunx karissima (CIL, V, 6782); [...] Marco cen[urioni] (?)*

[... leg(ionis) IIII Fla(viae), mil[...]] / [...] ANI [...] ... (CIL, V, 6784).

¹²³ Возможно Дассиан, о могиле которого нет упоминаний, погиб во время персидского похода Юлиана (*Drew-Bear T., Malay H., Zuckerman C. L'épithaphe de Valeria, veuve du tribun Dassianus // ARDV. P. 409, 415*).

¹²⁴ Ibid. P. 415.

¹²⁵ Ibid. P. 413.

¹²⁶ *Absil M. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I dans épigraphie // ARDV. P. 119, 122.*

¹²⁷ *Richardot Ph. Hiérarchie... P. 420.*

**Эпиграфические свидетельства существования звания центуриона
(III — нач. IV в.)**

№ п/п	Звание	Император, в правление которого была сделана надпись	Источник
1	Centurio praepositus cohortis	Диоклетиан и Максимиан	RIB, 1912 = AE 1990, 665
2	Centuriones legionis I Minerviae	Диоклетиан	CIL, 13 8810
3	Centurio legionis I Italicae	Лициний I и II	IDacSMA, 271

легиона (Veg., II, 13); имагинарии (*imaginariii*), носившие изображения императора; опционеры (*optiones*) — помощники центурионов¹²⁸; драконарии (*draconarii*) (бывшие сигниферы (*signiferi*)), носившие дракона — военную эмблему когорты (Veg., II, 13); тессерарии (*tesserarii*), разносившие по палаткам тессеры (*tesserae*) — приказы командиров; *campigeni*, или *campidoctores*, — военные инструкторы, отвечавшие за упражнения на плацу и обучавшие новобранцев фехтованию (Veg., II, 7). О. Шмитт по непонятной причине полагает, что кампидоктор — это должность, которую занимал один из старших офицеров¹²⁹. Такой взгляд, однако, противоречит тому, что мы узнаем о кампидокторах из наших литературных источников. Начнем с того, что в основе перечня должностей и званий, приведенного Вегецием, заложен иерархический принцип: от наиболее привилегированных (трибунов) к наименее привилегированным (кандидатам-симплиарам). Кампидокторы (кампигены) в этом списке стоят после драконариев и тессерариев; другими словами, Вегеций не причисляет их к ординариям. Сообщая о действиях отде-

льных центурий легиона при строительстве лагеря, автор «Эпитомы» утверждает, что необходимые распоряжения должны были отдаваться кампидокторами и принципиями (*campidoctoribus et principibus*) (Veg., III, 8). Представляется очевидным, что под принципиями в данном случае подразумеваются офицеры легиона, и это является дополнительным свидетельством того, что в глазах Вегеция кампидокторы не были ординариями. Аммиан, сообщая о двух галльских отрядах, запертых в Амиде, говорит, что они отказались подчиниться своим трибунам и *primis ordinibus*, т. е. ординариям, и потребовали, чтобы им разрешили ночью напасть на персидский лагерь (Amm., XIX, 6, 3). Ввиду того что император Констанций II приказал воздвигнуть статуи кампидокторам галльских легионов, считая их инициаторами проведенной ночной атаки (Amm., XIX, 6, 12), становится ясно, что во главе солдатского мятежа стояли именно кампидокторы, которых Аммиан не причисляет к ординариям, т. е. к офицерскому составу. Кампидоктор, по всей видимости, — это воинское звание, которого могли достичь опытные солдаты. Когда Аммиан говорит о кампидокторе Марине, ставшем трибуном (Amm., XV, 3, 10), то понятно, что данный случай представляется ему маргинальным, что подчеркивает незначительность положе-

¹²⁸ Вегеций ошибочно соотносит опционов с викариями (*vicarii*) (Veg., II, 7), которые в современную ему эпоху были в действительности заместителями командиров подразделений (трибунов).

¹²⁹ Schmitt O. Stärke... S. 101.

ния кампидоктора. Кампидокторы являлись *antesignani* (Veg., II, 7), т. е. стояли в первых рядах боевой линии. Сколько было кампидокторов в одном подразделении, точно неизвестно. О. Шмитт считает, что в каждой воинской части было по одному кампидоктору¹³⁰. Более вероятно, что в каждой центурии подразделения было как минимум по одному кампидоктору (Veg., III, 8)¹³¹.

Вслед за кампидокторами Вегетий перечисляет следующие звания: метаторы (*metatores*) — разметчики, шедшие впереди войска и выбиравшие место для лагеря; бенефициари (beneficarii) — унтер-офицеры, выдвинувшиеся благодаря расположению (*beneficium*) к ним трибунов; либрарии (*librarii*), заносившие в книги рационы воинов (*rationes ad milites pertinentes*); трубачи и горнисты (*tubicines, cornicines, bucinatores*) — музыканты, подающие звуковые сигналы во время сражения; солдаты, искусные в фехтовании и получающие двойной паек (*armaturae duplares*); опытные солдаты, получавшие один паек (*armaturae simplares*); измерители (*mensores*), измерявшие в лагере места, на которых воины разбивали палатки, или же обеспечивавшие их жильем во время постоа в городе; солдаты, награжденные золотой цепью за доблесть и получавшие двойной паек (*torquati duplares*); солдаты, награжденные за доблесть золотой цепью, но получавшие простой паек (*torquati simplares*); солдаты, получавшие двойной паек; солдаты, получавшие полуторный паек (*duplares sesquuplicares*); кандидаты, получавшие двойной паек (*candidati duplares*); кандидаты, получавшие простой паек (*candidati simplares*).

¹³⁰ Schmitt O. Stärke... S. 101.

¹³¹ Автор «Стратегикона» допускает, например, что по одному кампидоктору было в одном пехотном подразделении (аритме) численностью не более 256 чел. (Maur., Strat., XII, 8).

Воинские звания в алах. Во второй половине III в. нередко были случаи, когда легионные центурионы исполняли обязанности командиров кавалерийских подразделений, в частности, ал (Р. Оху., XLI, 2953; L, 3580)¹³². По мнению К. Цукермана, появление центурионов во главе кавалерийских частей было следствием военных мероприятий, проведенных Галлиеном. Запрещение лицам сенатского сословия заниматься военной деятельностью коснулось также и провинциальной знати, бывшей ранее постоянным источником, поставлявшим командиров для вспомогательных воинских частей¹³³. Новые командиры были представителями самой армии и свою карьеру начинали, как правило, с рядовых солдат.

К середине IV в. когда потрясения, вызванные периодом кризиса империи, остались в прошлом, в кавалерии вновь восстановилась стройная иерархическая система времен принципата. Однако теперь старые звания обрели новый смысл. Благодаря архиву Флавия Абинея мы знаем весь послужной список этого кавалерийского офицера, ставшего *praefectus alae* (ἐπαρχος εἰλης) V *Praefectorum* (ок. 340 г. н. э.)¹³⁴. Прослужив 33 года в *vexillatio Parthusagi Hariorum*, он получил звание *ducenarius* и должность *protector* и только после этого достиг чина *praefectus alae*¹³⁵.

Другим документом, позволяющим судить о том, как выглядела иерархия военных должностей в алах, является уже

¹³² Zuckerman C. Deux centurions commandants d'ailes en Egypte vers 300 // HRAR. P. 385.

¹³³ Ibid. P. 386.

¹³⁴ Ibid. P. 386, n. 5.

¹³⁵ Таким образом, за старыми званиями скрывалась новая социальная реальность: армия принадлежала отныне служилым людям, а провинциальная знать и городские декурионы были исключены из *armata militia*, что было закреплено целой серией законов, содержащихся в кодексах (Ibid. P. 387, n. 7).

упоминавшаяся надпись ChLA, XVIII, 600, в которой перечислен командный состав Третьей алы ассирийцев. Эта ала состояла из десяти турм. Во главе турмы стоял декурион. Командиром алы был декурион первой турмы, который стал теперь называться *princeps I turmae*. Ступенью ниже декуриона стоял *summus curator*, отвечавший за обеспечение подразделения фуражом, и *actuarius* — интендант, ведавший продовольственным обеспечением. Еще ниже рангом был *catafractarius*, и на самой нижней ступени должен был, очевидно, находиться *eques*. Подобная иерархия воинских должностей продолжала существовать в некоторых кавалерийских подразделениях еще в начале V в.¹³⁶

Иерархия воинских званий в подразделениях, появившихся в III–IV вв. Характерным является тот факт, что некоторые звания, упомянутые Вегецием в «Эпитоме», не были им внесены в легионную «табель о рангах». Это касается званий декана, цирцитора, центенария, дученария и викария. По мнению Ф. Ришардо, все эти звания, современные автору «Эпитомы», не попали в легионную «табель о рангах» потому, что существовали только в новых подразделениях, появившихся во второй половине III — IV в. (*auxilia, scholae, vexillationes*)¹³⁷.

Восстановить перечень званий, существовавших в этих подразделениях, мы можем опираясь на свидетельство Иеронима, который перечисляет их в следующем порядке *primicerius, senator, ducenarius, centenarius, biarchus, circitor, eques, tiro* (Hieron., Iohan., 2, 424). Примицерий (*primicerius*) был офицером, на котором лежала обязанность проверять списки под-

разделений¹³⁸. Это звание, открывавшее путь к трибунату (Amm., XVIII, 3, 5), имелось в ауксулиях (ILS, 2806, 9481a), схолах (CI, XII, 29, 2; CIL, VI, 32953) и корпусе протекторов (Amm., XVIII, 3, 5). *Senator* — звание, существовавшее в ауксулиях, вексилляциях и схолах (ILS, 2796; ILS, 2804 = CIL, V, 8760; ILS, 8883; CIL, VI, 32948; VIII, 17414).

Звание *ducenarius* было типичным для корпуса протекторов (CIL, III, 3249; CIL, III, 1805 = ILS, 5695; CIL, III, 6439; CIL, XI, 837 = ILS, 2778; CIL, XI, 4787 = ILS, 2777), ауксулий (ILS, 2797) и вексилляций (CIL, III, 14704; CIL, XI, 4787 = ILS, 2777; CIL, XII, 2228). Вегеций соотносит его с прежним званием первого гастата (*primus hastatus*). Как отмечает Ф. Ришардо, автор «Эпитомы» не определяет точное значение этого современного ему звания и ограничивается лишь этимологическим соответствием. Возможно, в данном случае речь идет просто о командире отряда в 200 чел.¹³⁹

Звание *centenarius* было в ауксулиях (ILS, 2798; CIL, V, 8740, 8745, 8758), эскадронах *equites* (AE, 1977, 818), палатинских вексилляциях (AE, 1977, 818; CIL, V, 8740, 8745) и вексилляциях катафрактариев (AE, 1891, 106; 1912, 44; CIL, XIII, 1848). Согласно Вегецию, это звание соответствовало прежнему званию центуриона (Veg., II, 7; 13). Здесь, впрочем, автор «Эпитомы» допускает очевидную ошибку, используя метод этимологического сопоставления. Имеющиеся в нашем распоряжении эпиграфические источники свидетельствуют, что звание центенария было отличным от звания центуриона (*centurio ordinarius*) (AE, 1989, 641; 1990, 866). Звание центенария засвидетельствовано для

¹³⁶ Zuckerman C. Le camp de Ψῶβθις/Sosteos et les catafractarii // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 201.

¹³⁷ Richardot Ph. Hiérarchie... P. 422.

¹³⁸ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 85, n. 114.

¹³⁹ Richardot Ph. Hierarchie... P. 422.

подразделений катафрактариев (CIL, XIII, 1848), палатинских вексилляций (*vexillationes palatinae*) и ауксильев (AE, 1977, 818; CIL, V, 8740, 8745).

Наиболее раннее упоминание звания *biarchus* относится к 324 или 327 г.¹⁴⁰ Биарх, возможно, отвечал за обеспечение подразделения продовольствием¹⁴¹. Это звание было типично для ауксильев (ILS, 2799; CIL, III, 3370; V, 8755, 8760, 8776), вексилляций (CIL, III, 3370) и схол (AE, 1946, 42; CIL, V, 8760; VI, 32949). Иоанн Лидиец утверждает, что дученарии, центенарии, центурионы и биархи назывались *promoti* и составляли штаб при магистре кавалерии (Iohan. Lyd., *De magistrat.*, I, 48). Все эти офицеры были *primi ordines*¹⁴².

Цирциторы, как об этом сообщает Вегеций, прежде назывались *circumitores* и являлись обходчиками сторожевых постов (Veg., III, 8). Однако закон Константина от 326 г. предусматривает ситуацию, когда это звание получал даже новобранец (CTh, VII, 22, 2, 2). Поэтому мы вряд ли должны согласиться с Вегецием относительно обязанностей цирцитора: такая ответственная миссия, как обход караулов, не могла быть доверена человеку, не имевшему достаточного опыта. В данном случае более вероятным представляется утверждение Иоанна Лидийца, согласно которому цирциторами назывались те, кто, не умея еще сражаться, должен был, объезжая бойцов, обеспечивать их оружием (Iohan. Lyd., *De magistrat.*, I, 46). Звание *circitor* в основном встречается в новых кавалерийских подразделениях, таких как схолы и вексилляции (AE,

1912, 192; 1919, 18; ILS, 9209; 9211; CIL, III, 3457; V, 6784; XIII, 3458, 3493).

Существует мнение, что перечень воинских званий, приведенный Иеронимом, является неполным. Различные исследователи, опираясь на эпиграфические данные, по-разному пытаются дополнить его. Ф. Ришардо считает необходимым ввести звание викария (*vicarius*), который являлся заместителем трибуна и был по значимости вторым лицом в подразделении. О. Шмитт склонен даже полагать, что викарий чаще всего был *de facto* командующим подразделением¹⁴³. Вегеций, несмотря на то что в своем перечне легионных званий сопоставил викариев с опционами, причисляет викариев тем не менее к командному составу подразделения и ставит их выше остальных принципов (Veg., III, 4). В случае гибели или болезни командира викарий должен был сам взять на себя командование отрядом. Впрочем, не исключено, что *vicarius* — это не звание, а всего лишь должность. Ее мог занимать, например, младший трибун (тогда как старший трибун являлся командиром подразделения).

Драконарий (*draconarius*), которого Ф. Ришардо считает нужным внести в перечень званий, также, по всей видимости, должность. В подтверждение этого О. Шмитт приводит одну из надписей, согласно которой драконарий имел звание биарха¹⁴⁴. Можно вспомнить и о драконарии Корнутов Мавре, который, по утверждению Аммиана, имел звание гастата (Amm., XX, 4, 18)¹⁴⁵.

¹⁴³ Schmitt O. Stärke... S. 100.

¹⁴⁴ Ibid. S. 101.

¹⁴⁵ Перечень званий, составленный Ф. Ришардо выглядит следующим образом: *tribunus, vicarius, primicerius (domesticus), senator, ducenarius, centenarius, biarchus, circitor, draconarius, semissalis, campidoctor, tubator, tiro* (Richardot Ph. Hierarchie... P. 424). Впрочем, на наш взгляд, вряд ли есть необходимость дополнять Иеронима, поскольку иерархия званий, аналогичная приведенной им,

¹⁴⁰ Cosme P. L'évolution de la bureaucratie militaire romaine tardive: *optiones, actuarii et opinatores* // ARDV. P. 400, n. 31, 32.

¹⁴¹ Le Bohec Y. L'armée romaine d'Afrique de Dioclétien à Valentinien I // ARDV. P. 255.

¹⁴² Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 85.

3. ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Напряженное положение на границах, сложившееся к концу III в., заставило Диоклетиана разделить полномочия верховной власти. Сохранив за собой восточные провинции, он назначил своим соправителем Максимиана (285–286 г.), дав ему титул августа и предоставив неограниченные военные полномочия для борьбы с багаудами (Aug. Vict., Caes., 39, 17). Режим *диархии* продержался до 293 г., когда оба августа избрали помощниками Галерия и Констанция Хлора, наделив их званием цезарей. Таким образом, была установлена *тетрархия*, или правление четырех (Aug. Vict., Caes., 39, 24)¹⁴⁶.

Данные примеры разделения верховной власти были не первыми в римской истории. Совместным было правление Марка Аврелия и Луция Вера; Септимий Север сделал соправителями своих сыновей и даже своего противника — Клодия Альбина, пожаловав ему титул цезаря; Макрин назначил цезарем своего сына Диадумена (Aug. Vict., Caes. 22, 1); также поступили Максимиан, Филипп и Деций. Кар, став императором, сделал цезарями сыновей — Карина и Нумериана (Aug. Vict., Caes., 38, 2). Однако во всех этих случаях глав-

засвидетельствована также и в Кодексе Юстиниана для специального корпуса *agentes in rebus*, который включал в себя 48 *ducenarii*, 200 *centenarii*, 250 *biarchi*, 300 *circitores*, 450 *equites* (CI, XII, 20, 3).

¹⁴⁶ «Невозможность одновременного присутствия на всех фронтах и породила институт полноправного военного соправительства, когда от полководца требовалось принятие любых мер, ведущих к победе, а для этого необходима была вся полнота власти в районе ведения боевых действий» (Глушанин Е. П. Генезис... С. 64).

ную роль играло стремление утвердить династический принцип передачи власти. Исключением является только совместное правление Септимия Севера и Клодия Альбина. Впрочем, дарование врагу высокого титула было со стороны Севера не более чем желанием выиграть время перед решающей схваткой. Первым случаем, когда назначение соправителя было вызвано не только стремлением передать власть по наследству, но и необходимостью разделить эту власть с полноправным коллегой, отмечен при Валериане, который, отправляясь на войну с персами, сделал Галлиена августом, а его сына Салонина — цезарем ([Aug. Vict.], Epit. 32, 2)¹⁴⁷. Но оформление института цезарей, столь типичного для

¹⁴⁷ «Шаги по децентрализации верховной власти, сделанные в III в., не были результатом продуманной программы политических реформ. Они вызывались определенной ситуацией и уже поэтому были несистематическими и в некоторой степени случайными. Укрепив свое положение, императоры этого времени стремились обойтись без такого умаления своих полномочий. Однако следующие события показали, что обойтись без раздела власти было уже невозможно. Ликвидация республиканско-полисных институтов на высшем уровне и их ослабление на более низком резко уменьшали значение горизонтальных связей в империи. Это неминуемо вело к укреплению вертикальных связей, без которых государство полностью распалось. Однако в условиях усилившейся регионализации империи жесткая «вертикаль власти» одна обеспечить управляемость огромным государством была не в состоянии. Поэтому последующая децентрализация высшего государственного управления и фактическое разделение Римской империи на отдельные крупные территориальные образования (при признании принципиального единства государства) были неизбежны. В этих условиях только фигура самого императора еще оставалась интегрирующей силой» (Циркин Ю. Б. «Военная анархия» (из политической истории Рима в III в. н. э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. ст. / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 281).

Поздней империи, происходит только начиная с установления Диоклетианом режима тетрархии.

Верховная власть в империи принадлежала старшему из августов — Диоклетиану. Считалось, что ему покровительствует сам Юпитер. Поэтому император взял себе прозвище *Iovius* — *Юнумеров*. Второй август — Максимиан — был младшим и находился в подчинении у старшего. Максимиана прозвали Геркулием (*Herculius*), якобы потому, что он весьма почитал Геркулеса ([*Aur. Vict.*], *Epit.*, 39, 18), однако, по всей видимости, это прозвище должно было указывать на его подчиненное положение, ведь Геркулес — сын Юпитера и только полубог.

Цезари не имели гражданской власти, а только исполняли функции командующих армиями, возложенные на них августами¹⁴⁸. Цезари полностью контролировались администрацией последних. Даже денежные суммы, которые отпускались на их содержание, находились в ведении префекта претория (*Amm.*, XIV, 7, 1; XVII, 3, 2–3). Характер власти цезарей достаточно точно формулирует Аммиан: «Диоклетиану и его коллеге цезари служили как помощники, не находясь на одном месте, но разъезжая повсюду» (*Amm.*, XIV, 11, 10)¹⁴⁹. Наиболее отчетливо зависимое положение цезарей проявляется в случае с унижением Галерия, который, потерпев поражение от персов, «облаченный в пурпур, прошел в Сирии пешком расстояние почти в милю перед повозкой гневающегося на него августа» (*Amm.*, XIV, 11, 10)¹⁵⁰.

Хотя между четырьмя держателями верховной власти не существовало никакого равенства, каждый из них располагал собственной армией и выполнял определенную задачу, связанную с защитой империи¹⁵¹. Галльские земли, находившиеся за Альпами были отданы в управление Констанцию Хлору, Африка и Италия — Максимиану, балканские провинции — Галерию, а управление Востоком и Египтом Диоклетиан оставил за собой (*Aur. Vict.*, *Caes.*, 39, 30). Впрочем, военные кампании, особенно если дело касалось цезарей, могли проводиться и на других театрах военных действий. Так, например, Галерий должен был вести трудную войну с персами, в то время как сам Диоклетиан отправился подавлять мятеж в Александрии (*Aur. Vict.*, *Caes.*, 39, 33).

Разделение верховного военного командования и создание режима тетрархии было, возможно, не самым удачным решением, направленным на выход из тяжелой внешнеполитической ситуации, в которой оказалась империя, однако оно позволило Диоклетиану и его соправителям достаточно быстро и эффективно отражать нападения неприятелей и подавлять внутренние мятежи¹⁵².

Изменение полномочий префектов претория. Дальнейшие изменения в структуре высшего военного командования связывают с периодом правления Константина. Первое из них касается полномочий префекта претория. Еще во времена Диоклетиана префект претория был наделен военной властью и являлся непосредственным помощником императора¹⁵³. Константин лишил префектов военных полномочий,

¹⁴⁸ Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 63, примеч. 65.

¹⁴⁹ «quod Diocletiano et eius collegae ut apparitores Caesares non resides, sed ultro citroque discurrentes obtemperabant».

¹⁵⁰ «in Syria Augusti vehiculum irascentis per spatium mille passuum fere pedes antegressus est Galerius purpuratus».

¹⁵¹ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 20.

¹⁵² *Ibid.* P. 25.

¹⁵³ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 79.

однако не упразднил саму эту должность¹⁵⁴. Он назначил трех префектов претория, каждый из которых должен был встать во главе одного из трех обширных регионов, на которые была разделена империя. Таким образом, была создана префектура претория Галлии, куда вошли Галлия, обе Германии, Британия, Испания и Тингитана, префектура претория Италии (Африка, Италия и Иллирик) и префектура Востока. В соответствии со сложившимся в научной традиции мнением, преторианские префекты отвечали теперь лишь за организацию в армию поставок продовольствия и фуража¹⁵⁵, а также выступали в роли высшей юридической власти¹⁵⁶. Приблизительно с 324 г. в ведение региональных префектов претория переходит *arca praetoriana* — особая казна, средства которой шли на обеспечение солдат, выплаты чиновникам, содержание императорской почты (*cursus publicus*) и на проведение общественных работ на подведомственной им территории¹⁵⁷. Впрочем, превращение преторианских префектов в гражданских чиновников произошло, очевидно, не сразу, а в течение длительного периода времени (с 318 по 335 г.)¹⁵⁸. По крайней мере еще в 328 г. закон, имеющий военный характер (СTh, VII, 20, 5), был адресован префекту претория, что позволяет предположить, что последний, как и ранее, продолжал выполнять некоторые военные функции¹⁵⁹. Даже намного позднее пре-

фекты претория могли вмешиваться в военные дела. Так, например, в 357 г. префект претория Флоренций, находившийся при Юлиане, принял участие в военном совете и высказался за то, чтобы немедленно вступить в бой с противником (Аmm., XVI, 12, 14). В 371 г. префект претория Проб отремонтировал стены Сирмия и снабдил их башнями, готовясь к нападению квадов и сарматов, и приказал когорте лучников оставить свой обычный пост и занять город (Аmm., XXIX, 6, 11).

Звание префекта претория было высшим в табели о рангах Поздней империи. По словам Аммиана, все военные и гражданские чины видели в нем вершину своей карьеры (Аmm., XXI, 16, 2)¹⁶⁰.

Лишение префектов претория функций командующих гвардией привело к тому, что во главе новой гвардии, созданной Константином, оказался офицер в ранге *первого трибуна претория*, ранее находившийся в подчинении у префекта. С 320 г. он назывался *трибун и магистр оффиций* и заведывал всеми дворцовыми службами, которые находились вне юрисдикции комита финансов (другими словами, всей императорской канцелярией). Кроме того, магистр оффиций отвечал за императорскую почту и государственные оружейные мастерские (*fabricae*)¹⁶¹. *Magister officiorum* мог принимать участие в сражении (очевидно, как командующей гвардией, сопровождавшей императора в походе)¹⁶². Известно, например, что во время персидского похода Юлиана в одном из столкновений погиб

¹⁵⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 36.

¹⁵⁵ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 618; *Cosme P. L'armée romaine...* P. 243.

¹⁵⁶ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 36.

¹⁵⁷ *Cosme P. L'armée romaine...* P. 243.

¹⁵⁸ *Ibid.*

¹⁵⁹ *Глушанин Е. П. Генезис...* С. 157; *Его же. Военные реформы Диоклетиана и Константина.* С. 68, примеч. 88.

¹⁶⁰ «*cunctae castrenses et ordinariae potestates ut honorum omnium apicem priscae reverentiae more praefectos semper suspexere praetorio.*»

¹⁶¹ *Cosme P. L'armée romaine...* P. 243.

¹⁶² Зосим прямо называет магистра оффиций командующим дворцовыми войсками: «ὁ τῶν περὶ τὴν αὐλήν ἡγούμενος τάξεω» (Zos., III, 29, 3).

его магистр официй Анатолий (Amm., XXV, 3, 14)¹⁶³.

Введение должностей magister peditum и magister equitum. Согласно утвердившемуся в научной традиции мнению, уже при Константине было создано две новые магистратуры: магистр пехоты (*magister peditum*) и магистр кавалерии (*magister equitum*), которым была передана вся полнота военной власти. Некоторые исследователи весьма скептически относятся к сообщению Зосима (Zos., II, 32, 3), утверждающему, что Константином была проведена подобная радикальная реформа высшего военного командования, поскольку из других источников нам не известен ни один магистр времени правления Константина¹⁶⁴, а сообщения о первых магистрах появляются лишь после смерти этого императора. Институт цезарей (при Константине их было пятеро, и каждый командовал армией) делал ненужным появление офицеров, наделенных такими чрезвычайными полномочиями, поэтому вполне убедительным выглядит предположение Е. П. Глушанина, что реформа, проведение которой приписывают Константину, произошла только при его сыновьях, у каждого из которых было по одному магистру пехоты и кавалерии¹⁶⁵.

Магистры командовали всеми региональными военными силами и подчинялись непосредственно императору. Вмешиваться в гражданские дела они не имели права (Amm., XXI, 16, 2)¹⁶⁶. На основании сведений Аммиана можно сделать вывод,

что при Констанции II вплоть до середины 50-х гг. IV в. было еще только два военных магистра (*magister peditum* и *magister equitum*). Магистром пехоты при нем был сначала Сильван (Amm., XV, 5, 2). После гибели Сильвана это звание было присвоено Барбациону (Amm., XVI, 11, 2)¹⁶⁷. В 359 г. Барбацион был казнен (Amm., XVIII, 3, 4), после чего магистром пехоты стал Урзицин (Amm., XX, 2, 1). До этого Урзицин в течение 10 лет был магистром кавалерии (Amm., XIV, 9, 1; XVIII, 6, 2). В 359 г. его сменил Сабиниан, а Урзицин отправился к императору, чтобы получить повышение — звание магистра пехоты (Amm., XVIII, 6, 1). Как можно заметить из текста Аммиана, магистр кавалерии стоял во главе восточных войск, а магистр пехоты — западных. При этом не важно было, войска какой префектуры возглавлял непосредственно сам магистр. Сильван командовал галльской армией, а сменивший его Барбацион — италийской. Аммиан, оценивая деятельность Констанция, хвалит его за то, что при нем правители провинций не являлись на прием к *магистру кавалерии* (Amm., XXI, 16, 2)¹⁶⁸. Таким образом, мы можем сделать вывод, что *magister equitum* был в восточной префектуре только один и он являлся здесь самым высокопоставленным представителем военной власти, другими словами, при Констанции на Востоке не было еще магистров пехоты, которые в табели о рангах Поздней империи стояли выше магистров кавалерии.

Напряженная ситуация, сложившаяся на границах, потребовала от Констанция пойти на раздел военных полномочий. Не устраняя институт цезарей, император

¹⁶³ Анатолий действительно командовал в своем последнем бою дворцовой гвардией («...τῶν ἀμφὶ τοῦ βασιλέα δύο ταγμάτων, οὗς σκοπταρίους προσαγορεύουσιν») (Zos., III, 29, 3).

¹⁶⁴ Глушанин Е. П. Генезис... С. 148.

¹⁶⁵ Там же. С. 68.

¹⁶⁶ «nec contingi ab eo civile negotium permittebat».

¹⁶⁷ «Barbatio post Silvani interitum promotus ad peditum magistrerium».

¹⁶⁸ «nec occurrebat magistro equitum provinciae rector». В данном случае историк, несомненно, имеет в виду Восток, который изначально находился под управлением Констанция.

ввел должности региональных магистров обоих родов войск¹⁶⁹. Около 355 г. Константин добавил третьего магистра¹⁷⁰. Впрочем, сам факт, что даже в это время продолжают существовать цезари — военные заместители, которых императоры избирали из числа своих родственников, свидетельствует в пользу того, что в первой половине IV в. система высших командных должностей еще не была окончательно оформлена¹⁷¹. Институт военных магистров получает развитие при Валентиниане I и Валенте. Отметим, что Валентиниан сознательно пошел на разрыв с существовавшей традицией, когда провозгласил своего брата Валента не цезарем, а августом. В дальнейшем это привело к исчезновению должности цезарей и увеличению количества региональных магистров. В. И. Холмогоров, опираясь на сообщение Аммиана о производивших судебное расследование *магистрах кавалерии (magistris equitum auditoribus)* (Amm., XXIX, 3, 7), делает вполне логичный вывод, что уже при Валентиниане I (372 г.) как минимум два магистра кавалерии служили непосредственно при дворе (*in praesenti*)¹⁷². Добавим к этому, что при дворе Валента также могло быть не меньшее количество *magistri equitum in praesenti*.

При Феодосии I в сфере высшего военного командования Восточной империи произошли новые значительные изменения. Зосим упрекает императора за то, что тот усилил власть военных и вместо двух прежних магистров создал более пяти (Zos., IV, 27, 2). Реформа была осуществ-

лена, по всей видимости, во время пребывания Феодосия в Фессалонике с осени 387 до апреля 388 г. Несомненно, что увеличение количества магистров было вызвано увеличением численности региональных войск, что, в свою очередь, было следствием создания на территориях, которым угрожала наибольшая опасность варварских вторжений, самостоятельных военных округов¹⁷³. Увеличив количество магистров, Феодосий устранил различие между ними по родам войск. Все пять магистров стали при нем одновременно магистрами пехоты и кавалерии (*magistri peditum et equitum*)¹⁷⁴. Именно это положение отражено в *Notitia Dignitatum* (ND, Or., I, 5–9), называющей двух магистров *praesentales* (ND, Or., I, 5)¹⁷⁵ и трех региональных магистров: *magister peditum et equitum per Orientem, magister peditum et equitum per Thracias, magister peditum et equitum per Illyricum* (ND, Or., I, 6, 7, 8). Стабилизация института военного командования, имевшая место в правление Феодосия, привела к окончательному исчезновению института цезарей¹⁷⁶.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Мы знаем о следующих магистрах времени правления Феодосия: Модар (379 г.); Рихомер и Тимасий (*praesentales*), Промот (Фракия) Эллобих (386 г.); Рихомер, Тимасий, Промот (390 г.); Рихомер, Тимасий, Стилихон, Абунданий, Аддей (393 г.).

¹⁷⁵ *magistri equitum et peditum in praesenti duo*. Как отмечает Е. П. Глушанин, при Феодосии I оформление «центральных полевых группировок», подчинявшихся *magistri praesentales*, только еще начиналось; завершение же этого процесса происходит лишь в правление Аркадия, когда в 399 г. по обоим сторонам Геллеспонта действовало две армии под командованием Гайны и Льва (Zos., V, 144, 1–2) (Глушанин Е. П. Генезис... С. 186). Cf.: Hoopffner L. Les «Magistri militum praesentales» au IV siècle // Byzantion. 1936. Vol. 11. P. 483–498.

¹⁷⁶ «Видимо, ни Аркадий при Феодосии, ни Виктор при Максиме (Oros., VII, 35, 10) не могут считаться таковыми. Провозглашение малолетних детей

¹⁶⁹ Глушанин Е. П. Генезис... С. 148.

¹⁷⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 79; Ensslin W. Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches, II: Die *magistri militum* des 4. Jahrhunderts // Klio. 24. 1931. S. 102–147.

¹⁷¹ Глушанин Е. П. Генезис... С. 157.

¹⁷² Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. IX. С. 4.

В отличие от Восточной империи на Западе продолжало существовать определенное разделение высшего командования по родам войск. При дворе императора находился один *magister peditum in praesenti*, в подчинении у которого были пограничные комиты и дуксы (ND, Ос., V, 126–143), подразделения пехоты (ND, Ос., V, 144–274), флот (ND, Ос., XLII, 4, 7, 9, 11, 14, 15, 21, 23), а также поселения летов и гентилов (ND, Ос., XLII, 33–70). *Magister equitum in praesenti* командовал кавалерийскими частями (ND, Ос., VI). *Magister equitum per Gallias* хотя и осуществлял командование как конными, так и пехотными подразделениями, однако находился в подчинении у *magister equitum in praesenti*. Последний военный магистр на Западе получил это звание около 480 г.¹⁷⁷

Введение должностей дуксов — командующих региональными военными силами. При Диоклетиане пограничные районы империи были разделены на несколько военных округов (дукатов)¹⁷⁸, во главе которых стояли командиры, имевшие ранг дуксов (*duces*)¹⁷⁹ и находившиеся непосредственно в подчинении у императора (Malal., XII, 409)¹⁸⁰. Дуксы осуществляли командование войсками своей провинции (*limitanei* и *ripenses*), следили за их комплектованием и снабжением всем

необходимым¹⁸¹. В гражданское управление они, так же как и магистры, не вмешивались.

Появление дуксов, наделенных чрезвычайными военными полномочиями, не было изобретением Диоклетиана. В первой половине III в. такое звание носили офицеры, возглавлявшие экспедиционные корпуса, отправленные для усиления действующей армии. Однако уже в это время дуксы могли не только возглавлять отдельные воинские группировки, но и осуществлять военное командование на определенной территории. Со времен правления Элагабала известна должность дукса побережья (*dux ripae*), который находился в подчинении у наместника Сирии. Слово «*ripa*» мы должны понимать здесь в значении одна или несколько пограничных провинций, примыкающих к реке, в данном случае к Евфрату¹⁸². Во второй половине III в., в связи с тем что во главе действующих армий становятся сами императоры или их военные заместители в ранге цезарей, происходит окончательное изменение полномочий дуксов, которые становятся командирами обширных пограничных округов, включавших в себя несколько провинций¹⁸³. На дунайской границе таким дуксом был Регилиан (SHA, Trig. tyt., 10, 9); при Аврелиане титул «дукс лимеса» Востока (*dux limitis Orientis, dux totius Orientis*) носили Юлий Трифон и Марцеллин (SHA, Aurel., 13, 1; Prob., 7, 4; Trig. tyt., 7, 2; cf.: Zos., I, 60, 1). Фирм носил звание дукса африканского лимеса (*dux limitis Africani*) (SHA, Firm., 2), Помпониан — дукса ливийского лимеса (*dux limitis Lybici*) (SHA, Trig. tyt., 29, 1), а Марк Корнелий Октавиан — дукса Африки, Нумидии и Мавретании (CIL,

Феодосия августиами говорит лишь о проведении в жизнь наследственного принципа власти» (Глушанин Е. П. Генезис... С. 190).

¹⁷⁷ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 81, n. 52.

¹⁷⁸ Аммиан говорит о дуксах Египта, Финикии, Месопотамии, Фракии и Мезии (Амм., XVI, 9, 2; XVII, 13, 27).

¹⁷⁹ Зосим так определяет полномочия дуксов: «ὅτι στρατηγῶν ἐν ἐκάστῳ τόπῳ τάξι» ἐπεῖχον» («те из военачальников, которые в каждой местности стоят во главе войска») (Zos., II, 33, 3).

¹⁸⁰ Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. Paris: SEDES, 1982. P. 258–259.

¹⁸¹ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. IX. С. 6, примеч. 6.

¹⁸² Cosme P. L'armée romaine... P. 241.

¹⁸³ Глушанин Е. П. Генезис... С. 85; Cosme P. L'armée romaine... P. 241.

VIII, 12296)¹⁸⁴. Таким образом, представляется вполне очевидным, что образование военных округов шло на всех границах империи. Хотя источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют в точности определить полномочия дуксов, однако не подлежит сомнению, что их появление было обусловлено военной необходимостью и, следовательно, они должны были осуществлять военное командование во вверенных им дукатах. Именно эти дуксы стали непосредственными предшественниками дуксов тетрархии¹⁸⁵. Диоклетиан в данном случае лишь продолжил то, что было начато его предшественниками.

Дукаты конца III и начала IV в. охватывали гораздо большие территории, чем это было позднее, во времена составления *Notitia Dignitatum*. Так, например, еще при Константине был дукс, полномочия которого распространялись на Египет, Фиваиду и обе Ливии (*dux Aegypti et Thebaidos utramque Libiarum*) (ILS, 701), а дукс Валерий Конкордий осуществлял командование на территории провинций Германии Первой, Второй и Белгики Первой (CIL, XIII, 3672), т. е. контролировал практически всю рейнскую границу. По мере стабилизации положения в регионах размеры дукатов сократились¹⁸⁶.

Комиты. Еще одним заметным нововведением в системе военного командования является появление в период правления Константина звания комита (*comes*). Всего существовало три ранга комитов. Они сохранялись на протяжении всего IV в.¹⁸⁷ К первому рангу принадлежали те,

кто входил в императорский совет (комиты консистории), а также высшие дворцовые чиновники, которым давали это звание начиная с 320 г. Сюда же нужно отнести и *comites stabuli*, ответственных за поставки лошадей. Второй ранг образовывали *comites rei militaris* (комиты военного дела), которые стояли во главе региональных воинских сил и были выше дуксов, подчиняясь лишь магистрам. Считается, что это звание появляется при Констанции II¹⁸⁸. Первое упоминание о *comes rei militaris* относится к 361 г. После того как Юлиан был провозглашен императором в Галлии, Констанций, опасаясь, что к мятежникам присоединится Африка, отправил в эту провинцию нотарию Гауденция, который должен был информировать о произошедшем комита Крециона и остальных командиров, с тем чтобы они организовали охрану побережья (Амм., XXI, 7, 2–4)¹⁸⁹. Данное сообщение Аммиана наглядно демонстрирует, что высшая военная власть в Африке принадлежала *comes rei militaris*, под командованием которого находились другие комиты и трибуны. Резиденция комита Африки находилась в Карфагене, а полномочия распространялись на Бизанцену, Нумидию и Мавретанию Ситифейскую, в то время как дуксы командовали гарнизонами Мавретании Цезарейской и Триполитании¹⁹⁰.

Аммиан упоминает также о комитах Египта, Исаурии, Востока, Тингитаны, обеих Германий, Британии и саксонского побережья (Амм., XIV, 2, 14; XXVII, 1, 5; 9, 1; XXVIII, 6, 5; XXX, 7, 3). Тот факт, что Аммиан считает нужным подчеркнуть, что Эквиций, получивший командование иллирийской армией в 364 г., был не *магистром*, а только *комитом* (Амм.,

¹⁸⁴ «M. Cornelio Octaviano... duci per Africam, Numidiam, Mauretaniamque». — Надпись датируется второй половиной III в. до прихода к власти Диоклетиана (Глушанин Е. П. Генезис... С. 85, примеч. 2).

¹⁸⁵ Там же. С. 86.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Vogler Ch. Les officiers... P. 402.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ «Cretio comes reliquique rectores».

¹⁹⁰ Cosme P. L'armée romaine... P. 249.

XXVI, 5, 2)¹⁹¹, позволяет утверждать, что звание *comes rei militaris* было ступенью, непосредственно предшествовавшей званию магистра¹⁹². Согласно данным *Notitia*, в восточной половине империи было два комита военного дела¹⁹³ против тринадцати дуксов; в западной части империи — шесть¹⁹⁴ против двенадцати дуксов.

Закон Валентиниана I от 5 июля 372 г. устанавливает, что в имперской табели о рангах комит военного дела стоит ниже проконсула (CTh, VI, 14, 1). Подобное положение ставит комитов выше консуляров и, во всяком случае, уравнивает их с сенаторами. Это подтверждается и Аммианом, который порицает императора за предоставление высокопоставленным военным чинам сенаторского достоинства. Закон 372 г. в действительности лишь регулирует практику, засвидетельствованную уже в предыдущие годы¹⁹⁵.

Комиты третьего ранга были обычно командирами двух подразделений. Так, в 350 г. Магненций был комитом Иовианов и Геркулианов (Zos., II, 42, 2); комит Элиан в 359 г. стоял во главе Превенторов и Супервенторов (Amm., XVIII, 9, 3); в 360 г.

¹⁹¹ «nondum magister sed comes».

¹⁹² Castillo C. *Tribunos militares en Ammianus Marcellinus* // ARDV. P. 45.

¹⁹³ Комит военных дел Египта (*comes rei militaris Aegypti*) (ND, Or., I, 36) и комит военных дел Исаврии (*comes rei militaris Isauriae*) (ND, Or., I, 37).

¹⁹⁴ Комит военных дел Италии (*comes rei militaris Italiae*) (ND, Oc., I, 31), комит военных дел Африки (*comes rei militaris Africae*) (ND, Oc., I, 32), комит военных дел Тингитаны (*comes rei militaris Tingitaniae*) (ND, Oc., I, 33), комит военных дел Аргентората (*comes rei militaris Tractus Argentoratensis*) (ND, Oc., I, 34), комит военных дел Британии (*comes rei militaris Britanniarum*) (ND, Oc., I, 35) и комит военных дел Саксонского побережья Британии (*comes rei militaris Litoris Saxonici per Britannias*) (ND, Oc., I, 36).

¹⁹⁵ Drew-Bear T., Zuckerman C. *Gradatim cuncta decora...* P. 421, n. 8.

комит Либинон командовал Кельтами и Петулантами (Amm., XXI, 3, 2); комит Севериан, принявший в 367 г. участие в неудачном походе против аламаннов, был командиром Дивиденсов и Тунгриканов. Вегещий также подтверждает тот факт, что комит командовал обычно двумя легионами (Veg., III, 1).

Комиты могли, подобно трибунам, выступать в качестве командиров отдельных подразделений. Так, например, комит Даниил и трибун skutариев Барзимер командовали 1 тыс. конных лучников, когда им предстояло отправиться в погону за армянским царем Папом (Amm., XXX, 1, 11). Получается, что каждый из офицеров возглавлял один эскадрон в 500 всадников¹⁹⁶. Римский флот на Евфрате также находился под командованием одного комита и одного трибуна (Amm., XXII, 3, 9). Один из законов Кодекса Феодосия 386 г., адресованный магистру оффиций, определяет, сколько почтовых лошадей имеет право получить для передвижения каждый из высокопоставленных офицеров: протекторы domestici имели право на двух лошадей, трибуны — на трех, комиты — на четырех (CTh, VIII, 5, 49). Получается, что последние могли требовать только на одну лошадь больше по сравнению с трибунами. Таким образом, звание комита в табели о рангах было всего на одну ступень выше звания трибуна, и когда офицеры в этих званиях осуществляли совместное командование, трибун находился в подчинении у комита¹⁹⁷.

Интересным представляется то обстоятельство, что Аммиан называет комита Иллирика Луциллиана также и магистром конницы (Amm., XXI, 9, 5; 7). Этот случай является не единственным. Предатель

¹⁹⁶ Vogler Ch. *Les officiers...* P. 403.

¹⁹⁷ Ibid.

Антонин, способствовавший нападению персов на римские владения, при встрече с магистром конницы Урзицином называет его «блистательным комитом» (Amm., XVIII, 8, 6)¹⁹⁸. Рассказывая о разделе армии в 364 г. между Валентинианом I и Валентом, Аммиан сообщает, что императоры разделили не только войска, но и «комитов». Хотя историк утверждает, что произошел выбор комитов, в действительности он говорит о выборе императорами магистров: Валентиниан I взял себе Иовина, ставшего *магистром оружия* в Галлии еще при Юлиане (Amm., XXII, 3, 1), а также Дагалайфа, которого возвел в то же звание Иовиан; Лупицин, получивший звание *магистра кавалерии* еще при Констанции II (Amm., XVIII, 2, 7), остался на Востоке. Неясно, в каком звании был на тот момент Виктор, который перешел под командование Валента. Нам известно только, что он был *магистром конницы* в 378 г. (Amm., XXXI, 7, 1). Однако, если предположить, что раздел «комитов» был равноценным, то у Валента, так же как и у его брата, было два магистра кавалерии, и вторым из них был Виктор. Из комитов Аммианом упомянуты только Эквиций и Аринфей (Amm., XXVI, 5, 3). По всей видимости, *comes* было не только воинским званием, но также и почетным титулом, не предполагавшим выполнения каких-то особых полномочий. Комитами назывались все представители властных структур, приближенные к особе императора¹⁹⁹.

Разделение военной и гражданской властей. При Диоклетиане еще не во всех провинциях военные полномочия перешли к дуксам. Во многих районах провинциальный наместник продолжал возглавлять местные силы, а префекты претория име-

ли высшее командование и осуществляли его через викариев²⁰⁰. Надпись, сообщающая о постройке в Нумидии в 303 г. форта (*centenarium*) Аква Вива, показывает всю структуру командования в пограничной зоне. Во главе диоцеза, или объединения нескольких провинций, стоял викарий, презид управлял отдельной провинцией, лимес же находился под командованием препозита (*praepositus limitis*)²⁰¹. Окончательное оформление заложенной Диоклетианом системы разделения военной и гражданской властей происходит при Константине. Только в одной или двух провинциях наместники сохранили военные и гражданские полномочия, однако такое положение было временным²⁰². Теперь в подавляющем большинстве провинций военная власть была сосредоточена в руках дуксов.

¹⁹⁸ «амплиссиме comes».

¹⁹⁹ Cosme P. L'armée romaine... P. 249.

²⁰⁰ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 608.

²⁰¹ Cosme P. L'armée romaine... P. 241.

²⁰² Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 608.

АРМИЯ В ДЕЙСТВИИ

1. ЗАДАЧИ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД АРМИЕЙ. ВРАГИ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ

Задачи, которые должна была выполнять армия в период Поздней империи, существенно изменились по сравнению с эпохой принципата. Если в I–II вв. армия не только отражала внешнюю агрессию, но и проводила завоевательные операции, то в IV в. не было уже и речи о присоединении новых территорий. Римская стратегия периода Поздней империи носила, как правило, оборонительный характер. Если же римское командование и предпринимало наступательные действия, то главным образом для того, чтобы покарать германцев за совершенный набег или же упрочить свои позиции в отношении персов¹. Противник, с которым приходилось сражаться римской армии в IV в., сильно отличался от того, который атаковал границы империи в период принципата. На рейнской границе главными врагами были аламанны и франки, к которым только позднее (в конце IV в.) добавились вандалы, аланы и гунны. Дунайскую границу непрерывно атаковали квады и сарматы, а со второй половины IV в. — готы. В Британии долгое время римлянам приходилось отражать набеги

¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 148.

только северных варваров — пиктов, скотов и атакоттов. Однако в IV в. серьезную угрозу для юго-восточного побережья стали представлять саксонские пираты. На востоке шли тяжелые затяжные войны с персами.

Вооружение германцев. Перемены, произошедшие в германском мире в III столетии, привели к тому, что на границах империи появились новые племенные группы, приход которых вызывал серьезные изменения в области военного дела германцев. Начиная с этого периода германские племена уже значительно отличаются друг от друга вооружением и тактическими приемами. Говоря, например, об использовании кавалерии, можно противопоставить франков и аламаннов, у которых конные воины составляли меньшинство, вандалам и остготам, у которых конница была заметной, иногда даже преобладающей частью войска.

О вооружении германцев во второй половине III — начале V в. мы можем судить благодаря многочисленным археологическим находкам, а также свидетельствам наших литературных источников. В III в. у германцев получили широкое распространение различные виды оружия дальнего боя, в частности, лук. Германцы использовали большой лук высотой от 1,7 до 2 м, дальностью которого доходила до 150 м². Длина германских стрел составляла 70–80 см. Тип наконечников был различным. Были наконечники, имевшие в сечении овальную, ромбообразную или четырехугольную форму³. Германцы применяли разнообразные дротики, а также метательные топоры⁴.

² *Lebedynsky I. Armes...* P. 174; *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 106.

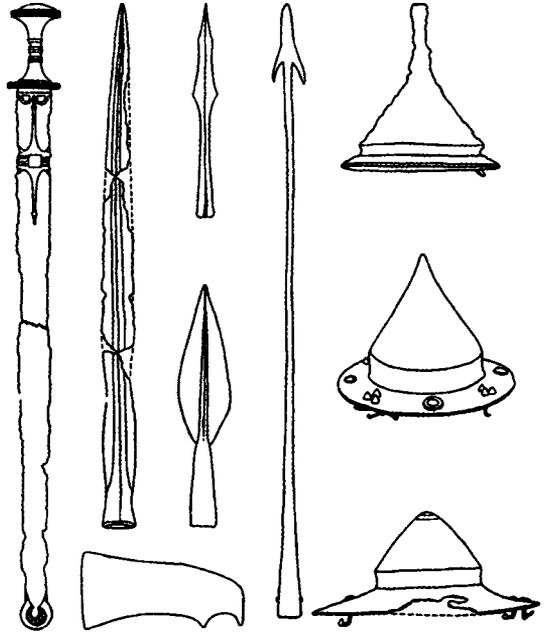
³ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 106.

⁴ *Ibid.*

клинки была режущей, однако конец меча был обоюдоострым⁷.

Аламанны. Вооружение аламаннов было достаточно традиционным для германцев этого времени. Они использовали топоры, копья, различные виды дровиков, луки и скрамасаксы. Но главным их оружием была спата⁸. Как и у других германцев, у аламаннов ощущался недостаток в защитном вооружении. Шлемы и панцири были, по-видимому, только у представителей аламаннской знати. Так, согласно описанию Аммиана, в битве при Аргенторате Хонодомарий, командовавший германцами, появляется в шлеме с красным султаном и в блистающих на солнце доспехах (Амм., XVI, 12, 24)⁹.

Основную силу аламаннского войска составляла пехота, которая умела сражаться правильным боевым порядком (фалангой или клином)¹⁰. Например, при Аргенторате аламанны образовали строй, состоявший, очевидно, из двух линий (Амм., XVI, 12, 34)¹¹. Поскольку аламаннская конница была немногочисленной, то в сражениях аламанны могли использовать старый германский прием и размещать среди всадников легковооруженных пехотинцев. Во время кавалерийского сражения такие пехотинцы поражали коней противников (Амм., XVI, 12, 22)¹². В отличие от многих других

Оружие германцев конца IV — начала V в.
(Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 80)

германских племен аламанны умели осаждать города и достигли в этом большого успеха¹³.

всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его отступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников» (Caes., BG, 48). Слова Цезаря подтверждает и Тацит: «Пешие, которых они для этого отбирают из всего войска и ставят впереди боевого порядка, так стремительны и подвижны, что не уступают в быстроте всадникам и действуют сообща с ними в конном сражении» (Тас., Герм., 6). Этот прием германцы использовали не только в I–IV вв. Те из их племен, у которых конница не получила приоритетного развития, прибегали к нему даже в VI в.

¹³ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 128.

⁷ Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente... P. 107.

⁸ Ibid. P. 119.

⁹ «cuius vertici flammeus torulus aptabatur... armorumque nitore conspicuus».

¹⁰ Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente... P. 128.

¹¹ «exercitus partem primae barbarorum opposuit fronti».

¹² Впервые подобный способ сражения был описан Цезарем. «У них было шесть тысяч всадников и столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из

Германский всадник
на римском рельефе III в.
(Lebedinsky I. Armes... P. 61)

Франкский рядовой воин и вождь.
Рис. И. В. Кирсанова

Франки. После масштабных набегов, совершенных франками во второй половине III в., на протяжении всего IV в. они гораздо меньше беспокоили римлян. Нельзя, однако, не отметить, что в отличие от многих других германских племен франки, так же как и аламанны, искали на территории империи не только добычи, но и землю для поселения. Это подтолкнуло их перейти от практики совершения грабительских рейдов к завоеванию¹⁴.

У франков, воинами считались все свободные члены племени, начиная с 15-летнего возраста и вплоть до того момента, когда по причине старческой немощи они уже не могли держать оружие. К участию в военных действиях не допускались лишь рабы и, возможно, вольноотпущенники¹⁵. Постоянной армии у франков не было, и король с согласия всех свободных общинников собирал войско только в случае непосредственной военной угрозы или предстоящего военного похода. Каждый франкский воин должен был вооружаться своими собственными силами и сам изготавливал свое оружие (Agath., II, 8).

У нас нет никаких оснований говорить о каком-то типично франкском защитном вооружении, которое, как и у всех остальных германцев, состояло из щита, шлема и панциря. Впрочем, последний был не особенно распространен и, вероятно, имелся преимущественно у представителей знати¹⁶.

¹⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 115.*

¹⁵ *Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 306.*

¹⁶ Как и другие германцы, франки, вероятно, использовали римское защитное вооружение, в том числе кольчуги и панцири. Об использовании панцирей вождями франков в более позднюю эпоху упоминает Григорий Турский. Так, в битве против вестготов Хлодвиг остался жив благодаря тому, что на нем был панцирь («auxilio tam loricae quam velocis equi, ne periret, exemptus est») (Greg., II, 37), а король Гундовальд при осаде Комменжа (585 г.)

Археологические находки франкских шлемов немногочисленны. На сегодняшний день известно всего несколько экземпляров, относящихся к эпохе Великого переселения народов. Одни из них представляют собой простой металлический колпак. По всей видимости, они были изготовлены в самой Галлии¹⁷. Другие образуют металлический каркас, покрытый позолоченной кожей с орнаментом, или же кожаный колпак, покрытый металлическими пластинами. Шлемы имеют нащечники и тыльную часть из кольчужных колец. Предполагается, что такие шлемы, носящие отпечаток восточного влияния, изготавливались в Северной Италии и попали в Галлию через остготов¹⁸. Многие франкские шлемы практически идентичны тем, которые использовались римлянами в эпоху Поздней империи, и были, по всей видимости, заимствованы франками у последних.

Археологические находки франкских щитов настолько редки, что некоторые исследователи полагают, будто бы они принадлежали лишь небольшому числу знатных воинов¹⁹. Впрочем, наши литературные источники говорят об обратном: Сидоний Аполлинарий описывает, с каким

носил выпуклый панцирь, от которого отскочило копье («Et inmissa lancia voluit eum transfigere, sed repulsa a circulis luricae nihil nocuit») (Greg., VII, 38). Археологических находок франкских панцирей немного. Они датируются по большей части концом VI в. Все они найдены в захоронениях знатных воинов. Эти панцири представляют собой пластинчатый тип доспеха, указывающий на восточное (вероятно, аварское) влияние (*Lebedynsky I. Armes...* P. 100).

¹⁷ Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 310.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Франкский шлем. Страсбургский музей.
Фотографии автора

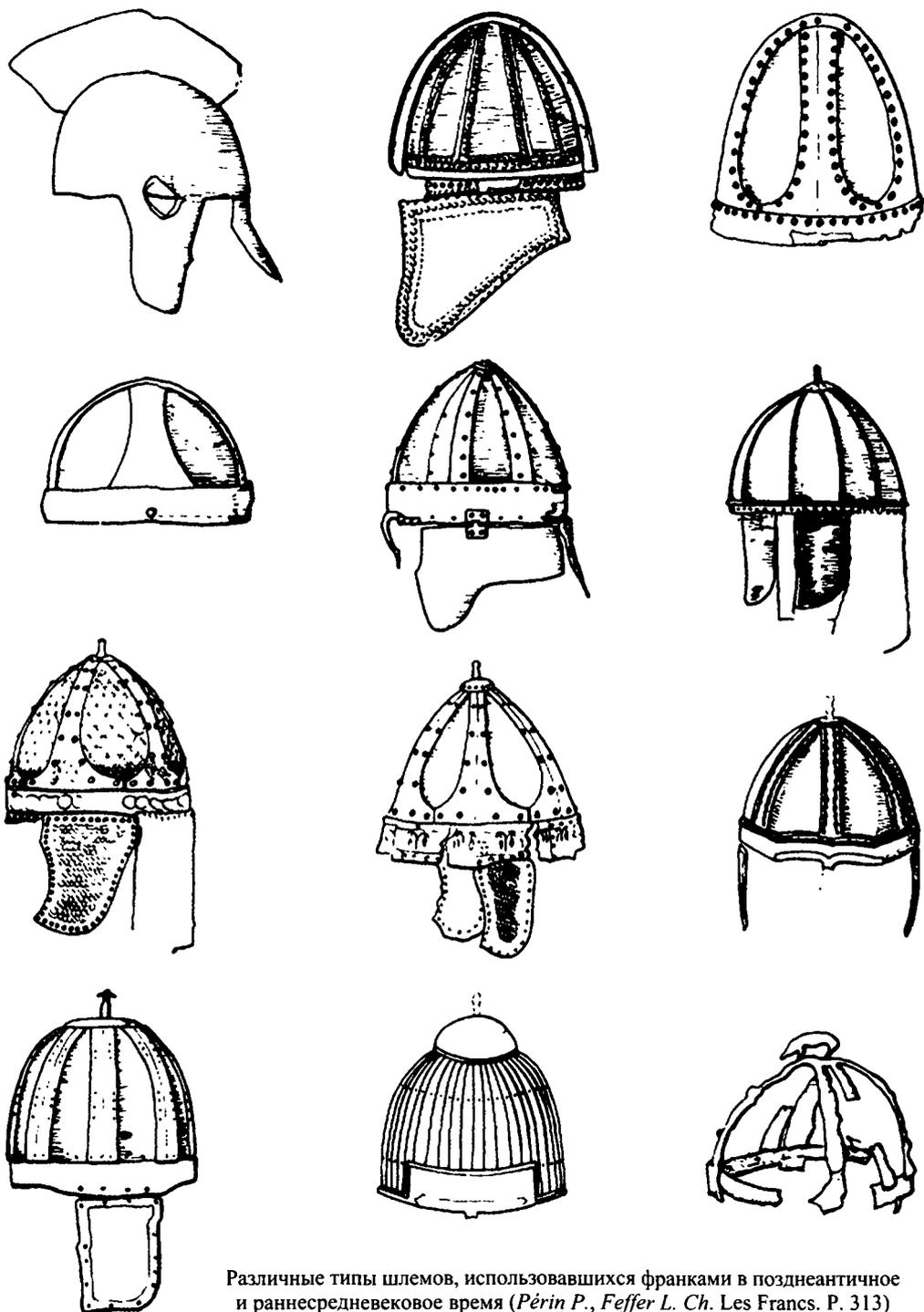
искусством франки владеют щитом, а Агафий говорит о том, что в боевом строю франки закрывались щитами (Sidon., Ep., IV, 20; Agath., II, 8).

Наступательное оружие франков отличалось большей оригинальностью: они использовали особый метательный топор (*francisca*) и метательное копьё — ангон, а также различные типы мечей, такие как спата или более короткий скрамасакс (Sidon.; Ep., IV, 20)²⁰.

Наши источники не дают разъяснений относительно того, как выглядела франциска, и называют иногда это оружие *securis* (топор, секира), *securis missilis* (метательный топор) или же *bipennis* (обоюдоострая секира) (Greg., II, 27)²¹. Описание франциски приводит Прокопий: «...ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая» (Procop., BG, VI, 25). Тем не менее археологическими

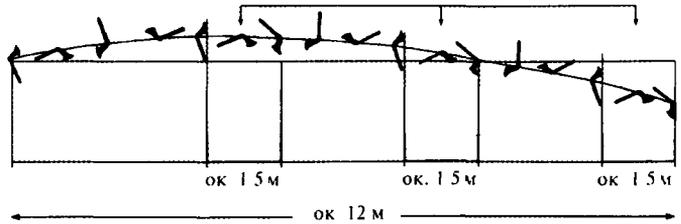
²⁰ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 116.

²¹ «elevatam bipennem»; cf.: Ademar., Chronicon, I, 9: «bipennis, quod est francisca».

Различные типы шлемов, использовавшихся франками в позднеантичное и раннесредневековое время (Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 313)

Схема вращения
франциски в полете
(Périn P., Feffer L. Ch.
Les Francs. P. 311)

находками использование франками обоюдоострой секиры не подтверждено.

Поэтому было выдвинуто предположение, что франциской в источниках называется боевой топор, лезвия которого шли параллельно друг другу по одну сторону от топорща²². Общая масса франциски составляла около 1,2 кг, длина рукояти — 40 см, длина топора — 18 см. У каждого франкского воина было по одной франциске. Согласно Прокопию, при первом же натиске по определенному сигналу франки все разом «бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих» (Procop., BG, VI, 25). Испытания показали, что, метнув свой топор, франкский воин мог поразить противника при одном повороте франциски на расстоянии 4 м, при двух — на расстоянии 8 м и при трех — на расстоянии 12 м.

Ангон (*ango*) представлял собой особый вид копья, состоявший из двух частей: длинной, иногда более метра, железной части, завершавшейся пирамидальным наконечником, и древка, длина которого была значительно меньше железной части. Особенностью ангона являлись шипы или зубцы, располагавшиеся со всех сторон на верхней стороне копья и загибавшиеся книзу, подобно рыболовным крючкам. Об использовании ангона в бою сообщает Агафий. «Когда франк во время схватки бросает ангон и тот попадает в противника, то из-за этих кривых зубцов вытащить его не под силу ни раненому, ни другому человеку, и он причиняет жестокие мучения. Человек, даже

не сильно раненный ангоном, все равно умирает от полученной раны. Если же ангон попадает в щит, то застревает в нем и повсюду за ним волочится. Пораженный им человек не может из-за вонзившихся зубцов ни вытащить пику, ни мечом отрубить ее, поскольку почти все древко покрыто железом. Как только франк увидел беспомощность своего противника, то он быстро наступает ногой на нижний конец ангона, хватает его и вырывает щит, обнажая голову и грудь противника. Таким образом, франк лишает противника защиты и легко убивает его ударом топора по голове или вонзая другую пику ему в шею» (Agath., II, 5; пер. М. В. Левченко).

Длинный меч *spatha* был заимствован франками у римлян. Форма и размеры франкских мечей этого типа столь близки к римским, что возникает проблема датировки для изолированных находок или находок, сделанных в реках²³. В эпоху Великого переселения народов и в начале меровингских времен преобладание меча и боевого топора отвечало тактике индивидуального боя, когда сражение распадалось на серию параллельных, одновременных поединков; позднее, когда сражения стали вести объединенными отрядами, преимущество перешло к саксу.

Согласно Прокопию, в VI в. франки не пользовались луками (Procop., BG, VI, 25). Однако археологические находки, а также свидетельство Григория Турского позволяют утверждать, что в IV в. франки

²² Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 314. Это, по крайней мере, объясняет, почему Григорий Турский в одном случае предпочитает называть франциску *bipennis*, а в другом — *securis* (Greg., II, 27).

²³ Feugère M. Les armes... P. 246.

Франки,
поражающие неприятеля францисками.
Рис. И. В. Кирсанова

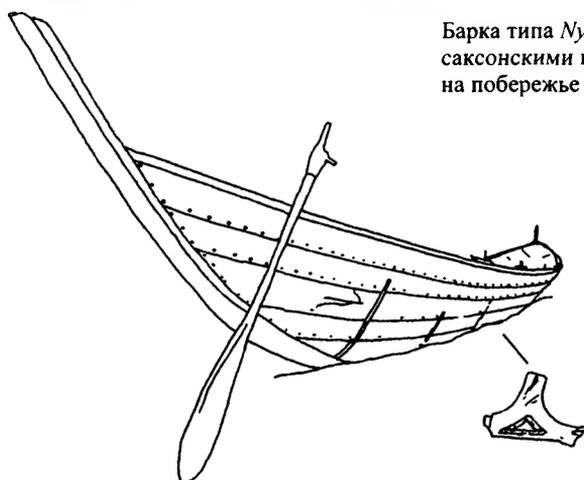
Франки
забрасывают противника ангонами.
Рис. И. В. Кирсанова

использовали этот вид оружия, причем они могли смазывать наконечники стрел ядовитым соком трав (Greg., II, 9).

Тактические приемы франков мало отличались от тех, что были известны германцам в предыдущий период. Основным родом войск у франков оставалась пехота. Согласно утверждению Прокопия, из 100-тысячного войска франков, которое вторглось в Италию, конными были лишь королевские телохранители. Вооружены они были только одними копьями (Procop., BG, VI, 25). Поэтому франки продолжали прибегать к традиционному для германцев смешанному боевому порядку, когда легкая пехота действовала совместно с кавалерией.

Пехота франков обычно выстраивалась клином. Наиболее наглядное представление о том, что представляло из себя в бою франкское войско, дает нам описание, сделанное Агафием: «Форма их боевого порядка была подобна клину и походила на дельту. Передняя его часть, которая заканчивалась острием, была плотна и закрыта со всех сторон щитами. Можно сказать, что они своим построением напоминали голову свиньи. Фаланги же с каждой стороны, построенные в глубину по сотням и по лохам и как можно больше протянутые вкось, постепенно отдалялись друг от друга и заканчивались, охватывая большое пространство, так что промежуток между ними оставался пустым и видны были ряды голых спин воинов. Они стояли, отвернувшись друг от друга, чтобы противостоять неприятелю, но сражались в безопасности, прикрытые щитами. А тыл защищали стоящие в противоположном ряду» (Agath., II, 8; пер. М. В. Левченко).

В течение IV в. франки добились больших успехов в полиоркетике. Именно они захватили после упорной осады

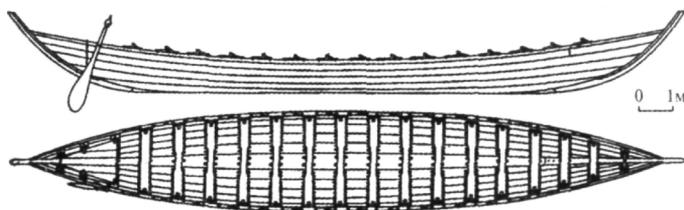
Барка типа *Nydam 2* (350 г.), использовавшаяся саксонскими пиратами для разбойничьих рейдов на побережье Британии (*Lebedinsky I. Armes... P. 65*)

Зооморфные изображения на кормах англосаксонских кораблей V–IV вв.

столицу Германии Второй Колонию Агриппину. Данный факт заставляет предположить, что франки уже в это время умели строить осадные машины²⁴.

Саксы. Римская Британия граничила на севере с территориями, населенными племенами меатов и каледонцев, не представлявших, несмотря на свою воинственность, существенной угрозы для империи²⁵. Северный противник становится намного

Англосаксонская барка. Конец IV в. (*Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. P. 41*)

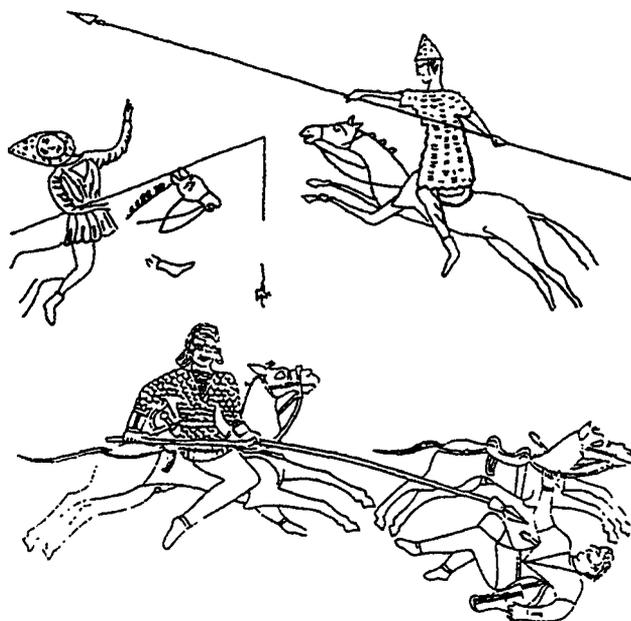
²⁴ Возможно, они были подобны тем сооружениям, которые франки использовали при осаде Комменжа (585 г.). Согласно Григорию Турскому, «...это были телеги с таранами, покрытыми фашинами и досками, под защитой которых продвигалось войско для разрушения стен» (*Greg., VII, 37*).

²⁵ Описание их вооружения и приемов ведения боя, использовавшихся в конце II — начале III в. дает Геродиан. «Они не знают платья, пах и шею прикрывают железом, считая его украшением и признаком богатства, как прочие варвары — золото. Тела они татуируют разноцветными рисунками и изображениями различных зверей. Они и не одеваются для того, чтобы не закрывать рисунки на теле. Они весьма воинственны и кровожадны; оружие у них — только узкий щит, копье и меч, который висит на голом теле. Панциря и шлема они не знают

Англосаксонский воин.
Рис. И. В. Кирсанова

Сармато-аланские всадники
I–III вв. (*Lebedinsky I. Armes... P. 46*)

Саксы использовали традиционные виды вооружения германцев. Наибольшее распространение у них получили копьё и различные виды дротиков, большой нож (*seax*) — аналог континентальному скрамасаксу. Меч использовался гораздо реже. Из защитного вооружения рядовые воины имели только щиты²⁹. Кольчуга и шлем были только у вождей и членов их свиты. Практически единственным видом войск у саксов была пехота. Кавалерией они обзавелись только в V в., когда им пришлось столкнуться с бриттами.

более серьезным, после того как во второй половине III в. возникает племенной союз пиктов, которые совершают нападение на римские владения уже в 297 г.²⁶

В то же самое время с юго-востока Британию начинают все чаще беспокоить франкские и саксонские пираты. В IV в. угроза саксонских вторжений становится еще более ощутимой. Археологические находки позволяют нам довольно наглядно представить себе, какой тип судов использовали саксы во второй половине этого столетия. В 1863 г. в Нейдеме в Дании были обнаружены три почти полностью сохранившиеся саксонские барки, датированные 350–400 гг.²⁷ Это были суда, сделанные из дуба, длиной 23 м и шириной 3 м; высота бортов составляла 1 м; мачты не было; на каждой стороне находилось по 15 весел²⁸.

и считают помехой при переходах через болота...» (*Herod., III, 14, 7–8*; пер. Н. М. Ботвинник).

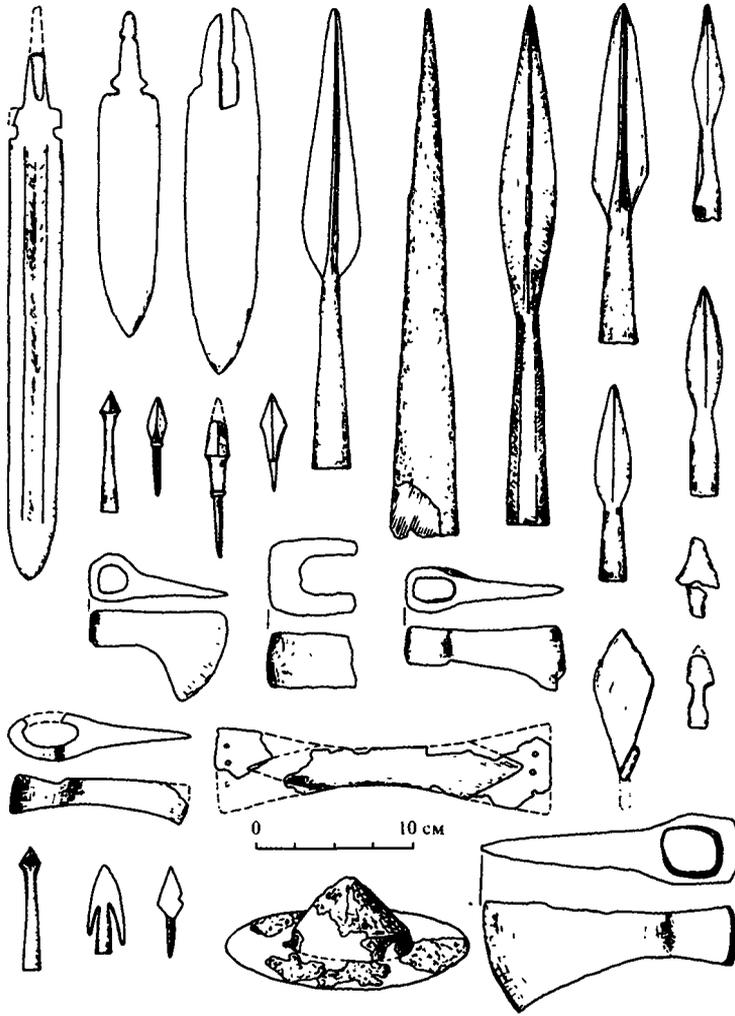
²⁶ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 161.

²⁷ *Lebedynsky I. Armes...* P. 64.

²⁸ *Ibid.*

Квады и сарматы. Квады и сарматы неоднократно совершали свои опустошительные набеги на Паннонии и другие балканские провинции. В IV столетии эти племена имели схожее вооружение и часто осуществляли нападения сообща (*Амм., XVII, 12, 1*). Аммиан дает нам описание вооружения и тактики, использовавшихся ими: «У этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки; кони у них по большей части холощены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездовых усиленным ржанием. Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на дру-

²⁹ *Ibid.*

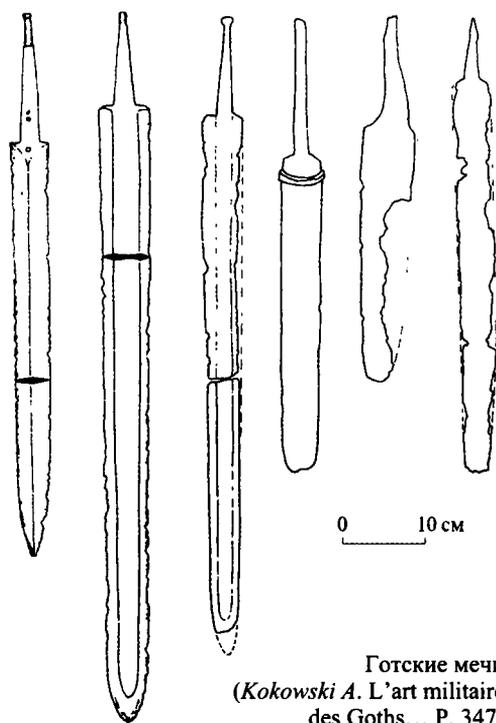
Готское оружие: мечи, наконечники копий, дротиков и стрел, лезвия секир и умбон щита (Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // ARB-AFAM. P. 346)

гую, сохранять силы коней и, давая отдых, восстановить их силы» (Аmm., XVII, 12, 2–3; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Кроме длинных копий сарматы использовали также луки и арканы³⁰.

Готы. Военная организация готов известна достаточно хорошо благодаря многочисленным археологическим находкам. Готы использовали полный комплект защитного вооружения. У них были шле-

³⁰ Lebedynsky I. Les Sarmates, Amazones et lanciers cuirasses entre Oural et Danube (VII siècle av. J.-C. — VI siècle apr. J.-C.). Saint-Germain-du-Puy: Errance,

2002. P. 175; Brezezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians 600 BC — AD 450. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2002. P. 34–35.

Готские мечи
(Kokowski A. L'art militaire des Goths... P. 347)

мы (*hिल्ms*) композитного типа, кольчуги (*брунжо*) и щиты (*скилдус*). Впрочем, по всей видимости, основная масса рядовых воинов кольчуг и шлемов не имела. Аммиан говорит о готах, что они были «легкие и подвижные» (Amm., XXXI, 7, 12)³¹, что, несомненно, должно указывать на отсутствие защитного вооружения. Об этом же свидетельствует также и тот факт, что готы старались при удобном случае завладеть римским вооружением и облачиться в римские доспехи (Amm., XXXI, 5, 8; 6; 5).

Наступательное оружие ближнего боя состояло из копья, секиры, кинжала и длинного меча типа спаты (*meki*)³². Широко использовалось различное метательное оружие: разнообразные дротики-верруты,

луки, а также метательные палицы из обожженного дерева (Amm., XXXI, 7, 12)³³.

Все войско (*harjis*) делилось на несколько отрядов (*hansa*). У вестготов вплоть до битвы при Адрианополе войско состояло практически из одной пехоты. Только в течение V в. вестготы обзаводятся собственной кавалерией³⁴. На поле боя пехота вестготов строилась фалангой перед кольцом телег и повозок, которые окружали их лагерь. Вестготы предпочитали сражаться врукопашную. Они представляли достаточно хорошо организованную и дисциплинированную массу, что позволяло им наступать и отходить назад, сохраняя боевой порядок. Выполнить подобные маневры было непросто и, по мнению Я. Ле Бозка, они были под силу только настоящим армиям античности³⁵.

Остготы, так же как и вандалы, переняли сармато-аланскую модель ведения боя, поэтому основную силу их войска составляли тяжеловооруженные всадники, сражавшиеся длинными копьями³⁶.

Персы. Основным противником римлян на Востоке были персы. У них не было постоянной армии, но все, способные носить оружие, считались военнообязанными. «Ведь варвары, — пишет Геродиан, — не дают жалованья воинам, как римляне, и не имеют постоянных военных лагерей, где упражняются в воинских искусствах; у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного» (Herod., VI, 5, 3; cf.: 7, 1; пер. Ю. К. Поплинского). Поэтому Геродиан говорит, что войско

³³ «ingentes clavas in nostros concientes ambustas».

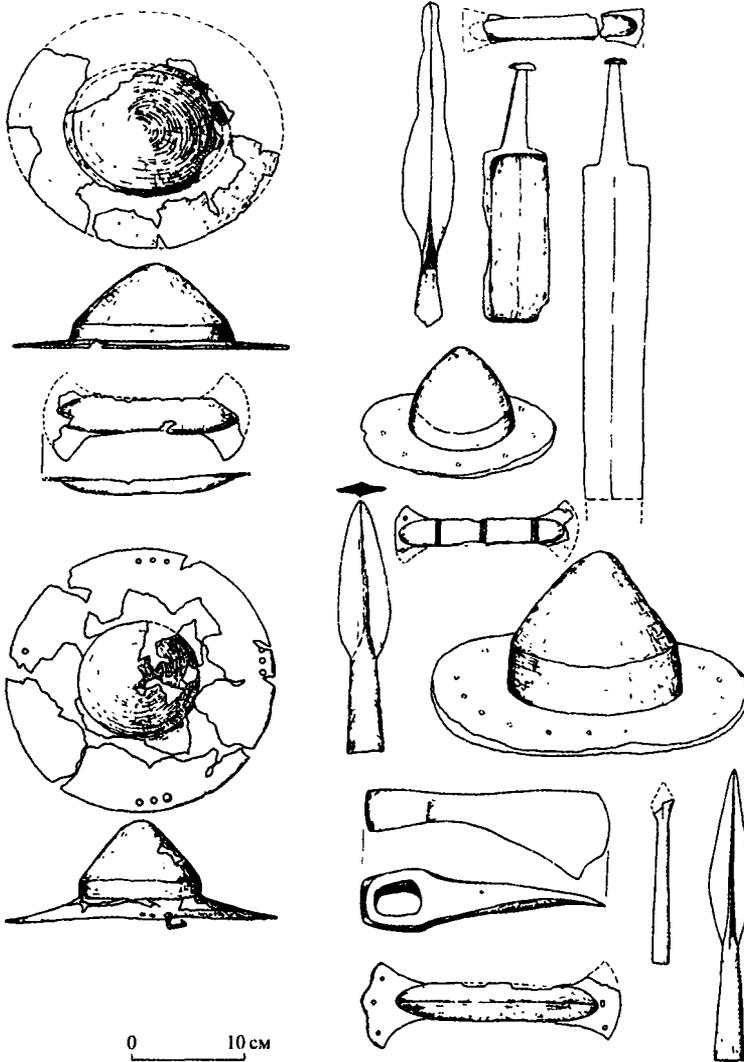
³⁴ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 128.

³⁵ Ibid. P. 129.

³⁶ Lebedynsky I. Armes... P. 185.

³¹ «reparabiles semper et celeres».

³² Kokowski A. L'art militaire des Goths... P. 336; Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente... P. 123.

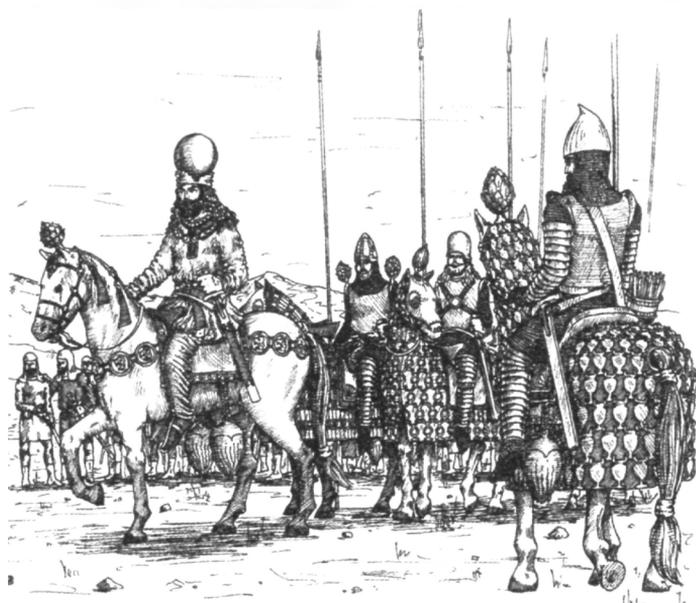
Готское оружие: умбоны и рукояти щитов, мечи, наконечники копий, лезвия секир
(Kokowski A. L'art militaire des Goths... P. 348)

персов «представляет собой скорее неорганизованную толпу народа, чем армию» (Herod., VI, 7, 1). Слова Геродиана подтверждает и анонимный автор *Itinerarium Alexandri*, утверждающий, что все персы являются для царя солдатами во время войны и рабами во время мира (Itiner. Alex., 5). Перед началом военной кампании персид-

ские сатрапы по приказу царя собирали необходимое количество войск и приводили их в назначенное место³⁷. Отправляясь в поход, каждый персидский воин должен был сам обеспечивать себя провиантом,

³⁷ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 141.

Персидские всадники.
Рис. И. В. Кирсанова

вывать правильный боевой порядок, возможно, в виде фаланги³⁹. Аммиан сообщает, что на поле боя пехота персов выстраивалась в тесном строю позади всадников. Из вооружения пехотинцев историк упоминает продолговатые выпуклые щиты, сплетенные из тростника и покрытые сырой кожей (Амм., XXIV, 6, 8).

Хотя на поле боя пехоте отводилась второстепенная роль, однако во время штурма и осады го-

которого брал столько, сколько мог унести (Herod., VI, 7, 1).

Наиболее многочисленной частью сасанидских армий была пехота (*ram*), которую образовывали насильственно призванные под знамена крестьяне. Хотя боевые качества и вооружение таких солдат оставляли желать лучшего, однако их большое количество в значительной степени компенсировало эти недостатки. Именно поголовная воинская повинность позволяла персидским царям собирать в случае необходимости стотысячные армии.

Персидская пехота делилась на отряды по 50, 100, 1 тыс. и 10 тыс. чел. Отряды в 1 тыс. чел. находились под командованием офицера, имевшего звание хазрапата (*hazarpāt*); хайварпат (*haivarpat*) командовал объединением в 10 тыс. чел. Насколько мы можем судить, по крайней мере в начале III в., вся персидская пехота была легковооруженной³⁸. В IV в. пехота могла образо-

родов значение этого рода войск резко возрастало: именно пехотинцы обслуживали осадные орудия и метательные машины, вели саперные работы и взбирались на стены вражеских укреплений. По всей видимости, активное фортификационное строительство римлян на восточной границе империи было одной из важнейших причин, заставивших персов уделить внимание развитию своей пехоты.

Персидская знать служила в кавалерии (*ramik*), основной ударной силой которой были катафракты, производившие столь сильное впечатление на античных авторов. Всадники образовывали подразделения по 1 тыс. чел. Эти эскадроны подчинялись командующему армии, имевшему звание *супена* (*surena*)⁴⁰. Главным оружием персидских кавалеристов был лук (Амм., XXV, 1, 13). Персы традиционно славились как искусные лучники. «Луками и конями пользуются они не только во время войны,

³⁸ Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente... P. 146.

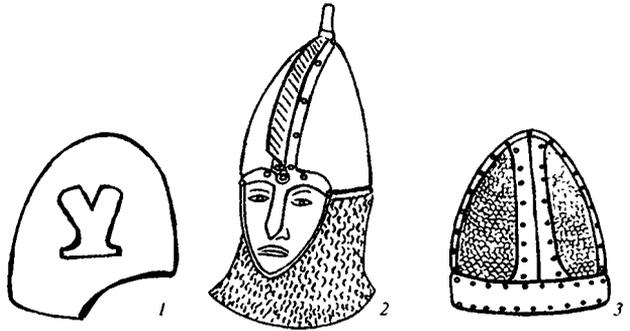
³⁹ Ibid. P. 127.

⁴⁰ Ibid. P. 143.

как римляне, но и занимаются ими с детства и проводят жизнь в охоте, никогда не снимая с себя колчанов и не сходя с коней, но всегда пользуются ими против врагов или против зверей» (Herod., VI, 5, 4; пер. Ю. К. Поплинского). Аммиан так описывает персидский способ стрельбы из лука: «Широко разводя руки, они натягивали упругие луки, доводя тетиву до правого соска, и, зажимая в левой руке стрелу, ловким и умелым толчком пальцев выпускали звонко свистящие стрелы, наносившие смертельные раны» (Amm., XXV, 1, 13; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Кроме лука персы использовали также копье, секиру и булаву⁴¹.

Элитой сасанидской армии была гвардия (*hamriz*, или *traban*), которой командовал офицер в звании *madikanpat*⁴². Безопасность особы царя обеспечивала стража, состоявшая из дворцовых пажей (*retak*)⁴³.

В отличие от парфян персы вновь стали использовать в войнах слонов. Гигантских животных покрывали броней, а на спинах устанавливали башни, в которых находились стрелки с большим запасом стрел (SHA, Alex. Sev., 56, 3–5). Вожак слонов имел на правой руке ножи с длинной рукояткой, и в случае, если слон приходил в ярость и начинал кидаться на своих, то вожак должен был сильным ударом вонзить нож в шею животного (Amm., XXV, 1, 15)⁴⁴.

Различные виды персидских шлемов III–IV вв.:

- 1 — шлем III в.; 2 — шлем III в., обнаруженный в Дур-Европос; 3 — композитный сасанидский шлем IV в. (Farrokh K., McBride A. *Sassanian Elite Cavalry AD 224–642*. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. P. 10)

Слонов персы использовали как в открытых сражениях, так и при штурме вражеских укреплений. В последнем случае слоны играли роль живых подвижных башен и, подходя на близкое расстояние к крепостным стенам, давали возможность сидевшим на их спинах стрелкам уничтожить неприятельских солдат.

Вторичное появление боевых слонов на полях сражений было, вероятно, следствием того, что основную массу персид-

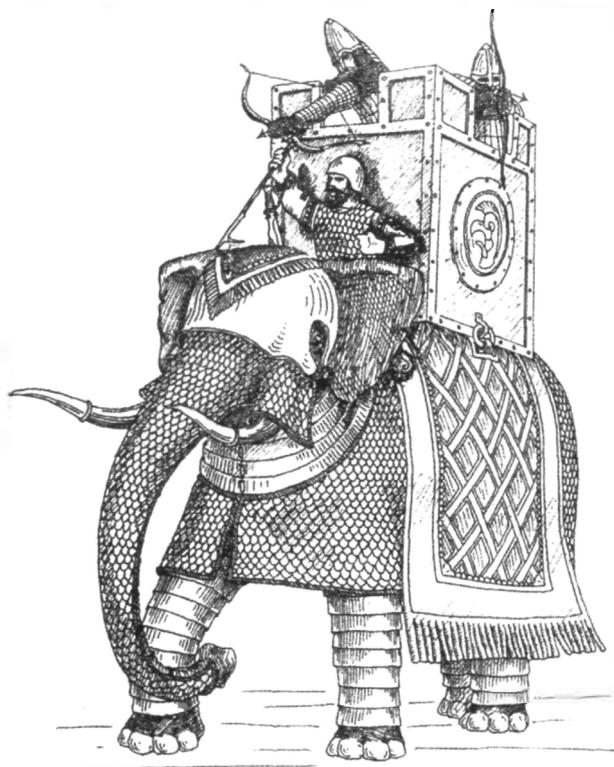
militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. Paris: Amyot, 1843. P. 403). Ф. Рейнс полагает, что в рассказе о персидских погонщиках Аммиан лишь подражает Ливию, описывающему схожий прием, который применил Газдрубал в битве при Метавре (Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. с англ. А. А. Черепановой, под ред. А. К. Нефедкина // *Para bellum*. 2008. № 29. С. 18). Однако здесь естественным образом возникает вопрос: каким другим способом можно было остановить разбушевавшегося слона? Одинаковые обстоятельства заставляют прибегать к одинаковым действиям. По всей видимости, в этом вопросе прав П. Д. Арманди, считающий, что, несмотря на авторитетность Тита Ливия, который приписывает честь изобретения этого способа избавляться от слонов Газдрубалу, на Востоке он был в ходу во все времена (Armandi P. D. *Histoire militaire...* P. 365, n. 1).

⁴¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 143, n. 382.

⁴² *Ibid.* P. 142, n. 377.

⁴³ *Ibid.* P. 142, n. 378.

⁴⁴ К такому средству персы стали прибегать только после страшных потерь, понесенных ими при осаде Нисибиса (350 г.), когда слоны растоптали около 10 тыс. персидских солдат (Armandi P. D. *Histoire*

Персидский боевой слон.

Рис. И. В. Кирсанова

еф из Бишанура, на котором якобы можно видеть изображение персидской колесницы⁴⁵.

Хотя персидская армия формировалась на национальной основе, но при необходимости персы прибегали и к услугам наемников, которых рекрутировали индивидуально или по племенам⁴⁶. Из наемников были образованы элитные гвардейские отряды, в частности, подразделения кардаков (*kardakes*) из знатной молодежи⁴⁷. У персов были отряды, состоявшие из греков или римлян, набранных добровольно или из числа военнопленных⁴⁸. Кроме этого, на персидскую службу могли привлекать бактрийцев, иберов и тавроскифов (SHA, Val., 4, 1). Однако количество подразделений, созданных из наемников, всегда было не очень велико⁴⁹.

ского войска образовывала пехота: слоны были необходимы, чтобы обеспечивать поддержку пехотинцам и прорывать вражеский боевой порядок во время рукопашного сражения.

Если верить автору биографии Александра Севера, персы вернулись также и к использованию серпоносных колесниц, которых в армии Ардашира I было якобы 1800 (SHA, Alex. Sev., 56, 4). Многие исследователи скептически относятся к этому сообщению: ни в одном литературном источнике не упоминается о сасанидских колесницах. Вегетий говорит о колесницах как о безнадежно устаревшем роде войск, забытом со времен Антиоха III и Митридата (Veg., III, 24). Впрочем, Я. Ле Бозк допускает их существование в армиях Сасанидов, ссылаясь при этом на некий рельеф

Изменения, произошедшие в военном деле персов, привели к тому, что сасанидская армия стала соответствовать модели эллинистического типа⁵⁰. Тактика, которую традиционно использовали парфяне, состояла в том, что атаку начинала тяжелая кавалерия катафрактов. Ее задачей было прорвать первую линию строя противника. Однако если катафракты встречали на своем пути упорное сопротивление, они останавливались и им было трудно развернуть

⁴⁵ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 148.

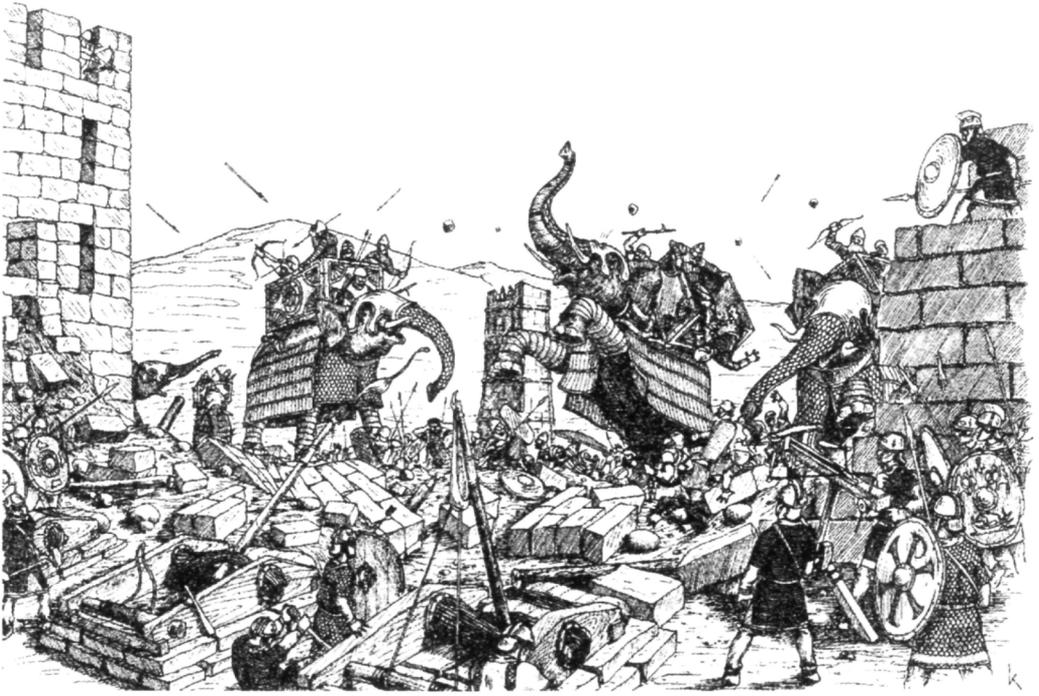
⁴⁶ *Ibid.* P. 141, n. 372.

⁴⁷ *Ibid.* P. 142.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Ibid.* P. 141, n. 373.

⁵⁰ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 127.

Персидская армия штурмует Нисибис.
Рис. И. В. Кирсанова

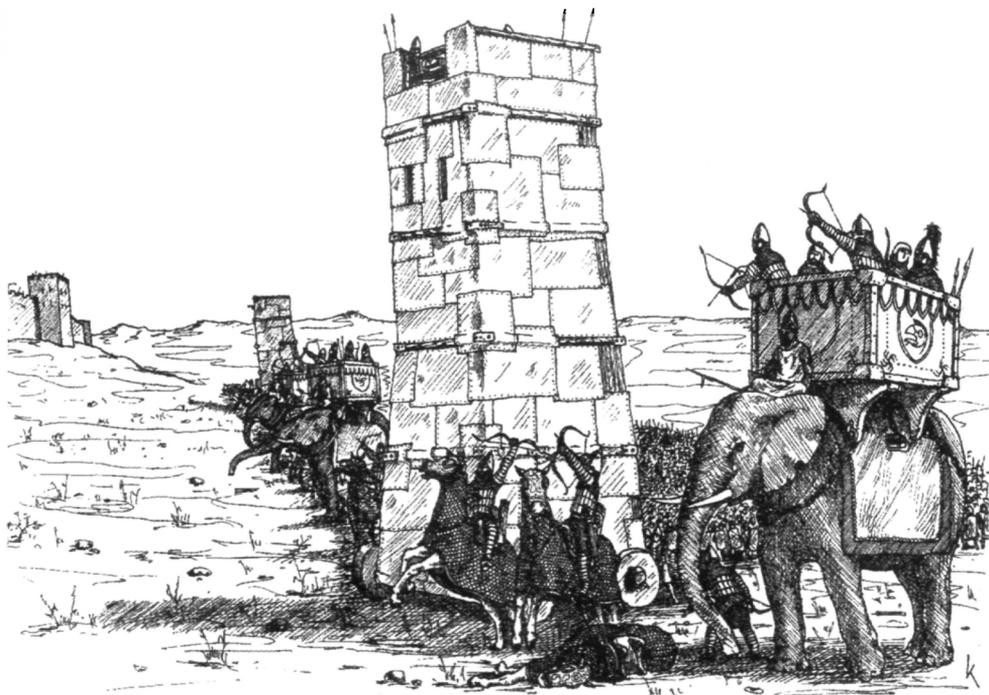
своих коней, чтобы отступить и повторить натиск. Это давало возможность второй линии пехоты противника перейти в наступление. В таком случае катафракты становились совершенно беспомощными: их легко сбрасывали с коней и добивали лежащими на земле⁵¹. Вслед за катафрактами в атаку шли легкая кавалерия и всадники на верблюдах, осыпавшие противника тучей стрел, но при этом остававшиеся вне досягаемости от его метательных снарядов (Herod., III, 15, 2; 3; 5). Легкая кавалерия могла симитировать отступление в надежде заставить неприятеля нарушить свой боевой порядок и броситься в преследование. Если это удавалось, то, отходя,

всадники посылали стрелы назад в бегущих за ними врагов⁵².

Тактика персов существенно отличалась от парфянской. Появление в персидской армии слонов, усовершенствования, сделанные в области вооружения, и превращение пехоты в самостоятельный вид войск позволили им не избегать прямого столкновения с противником, но вступать в правильное сражение с ним. Сами римляне — современники прихода к власти Сасанидов, отмечали, как сильно отличался их новый противник на Востоке от парфян. Геродиан объясняет эту перемену тем, что после окончания гражданской войны между Септимием Севером и Писцинием Нигером к персидскому царю

⁵¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...*
P. 146.

⁵² *Ibid.*

Персидская армия готовится к штурму Амиды.

Рис. И. В. Кирсанова

перебежало множество воинов проигравшей партии. «Это и послужило главной причиной того, что варвары этой области впоследствии стали более упорными в рукопашных сражениях с римлянами. Ведь раньше они только стреляли из лука, сидя на конях, но не защищали себя тяжелым вооружением и не осмеливались в битве использовать мечи и копья; имея на себе легкие развевающиеся одежды, они обычно сражались, отступая и пуская назад стрелы. Когда же у варваров появились беглецы-воины, среди которых было много ремесленников, принявших варварский образ жизни, то они научились не только пользоваться оружием, но и изготовлять его» (Herod., III, 4, 8–9; пер. Н. М. Ботвинник).

Ко всему прочему, персы достигли больших успехов и в полиоркетике. Возможно,

в этой области военного дела они даже превзошли римлян. Согласно утверждению Аммиана, в римском арсенале около ста лет пролежал в разобранном состоянии персидский таран огромных размеров, с помощью которого персы захватили Антиохию (в 256 или 260 г.). Римляне не смогли создать более мощного орудия и воспользовались им при осаде Безабды (360 г.) (Amm., XX, 11, 11).

Персы не только научились брать штурмом вражеские укрепления, но и сами достигли больших успехов в фортификационном строительстве. Армия Констанция II не смогла взять Безабду, которую персы отняли у римлян. Зная по опыту о том, как хорошо были укреплены персидские города и с каким мужеством обороняли их защитники, Констанций не решился в 361 г. перейти Евфрат, хотя, как пишет

Аммиан, он мог бы, не встретив армии царя, дойти до Тигра (Amm., XXI, 13, 2). Таковы были неприятели, постоянно угрожавшие империи.

Задачи фискального и полицейского характера. Помимо борьбы с внешними неприятелями римские вооруженные силы выполняли задачи фискального и полицейского характера⁵³. Одной из главных была таможенная функция, включавшая в себя как сбор таможенных пошлин, так и пресечение провоза запрещенных товаров. Государство обязало всех торговцев, ведущих дела с чужеземными странами и народами, проходить через несколько специально определенных городов. На Востоке это были Нисибис, Эдесса, Каллиник и Артаксата; на Дунае — два пункта, одним из которых был Коммерций; на Красном море — Клисма⁵⁴. Лицами, ответственными за сбор пошлин, в таких городах были *comites commerciorum* — гражданские чиновники, подчинявшиеся комиту священных щедрот (*comes sacrarum largitionum*) (ND, Or., XIII, 6–9). Поскольку они не имели в своем распоряжении средств заставить торговцев выполнять таможенные правила, то прибегали к военной поддержке пограничных дуксов⁵⁵.

Обычно армия не принимала участия в сборе налогов⁵⁶. Однако нам известны исключения из данного правила. Материалы из архива Флавия Абиннея, коман-

дира алы в Дионисиаде, показывают, что в императорских доменах правительство могло использовать солдат для этой цели (P. Abin., 3)⁵⁷. Другим подобным документом является указ Феодосия I от 386 г., который позволяет префекту Египта мобилизовать для сбора налогов *militares possessores (castrenses milites)*, обязанных государству военной службой (CTh, I, 14, 1).

Весьма злободневной проблемой, решение которой было возложено на армию, являлась борьба с разбойниками. Количество разбойников в эпоху Поздней империи в некоторых провинциях возросло до размеров прежде неизвестных. Либаний говорит, что в пещерах прилегавших к Антиохии гор находится большое количество хорошо вооруженных разбойничьих отрядов (Lib., Or., XLVI, 8). Эти банды ночью и днем нападали на купцов и богатых рабовладельцев (Lib., Or., XX, 26; L, 26). Из-за частых нападений разбойников дороги сделались небезопасными. Либаний даже утверждает, что движение на дорогах прекратилось, а разбойников называет «господами всех купцов» (Lib., Or., XLVIII, 35; L, 26).

При Валенте особую известность приобрели разбойники *маратокупрены* — жители одноименного селения, расположенного в Сирии близ г. Апамея. Под видом купцов и высокопоставленных офицеров они разъезжали повсюду, нападая на богатые дома, виллы и города (Amm., XXVIII, 2, 11–13). Вплоть до 368 г. не прекращались грабежи исавров, причинявших большой вред городам и селениям Памфилии и Киликии (Amm., XXVII, 9, 6).

Похожая ситуация сложилась в западных провинциях, особенно в Галлии. Здесь,

⁵³ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 93.

⁵⁴ *Delmaire R.* La caisse des largesses sacrées... P. 326.

⁵⁵ Один из эдиктов императора Анастасия показывает, что дуксы получали часть своего содержания от государства в виде аннон и *capita*, а другую часть им выплачивали торговцы Месопотамии и Климсы (Ibid.).

⁵⁶ Подобная ситуация сохранялась вплоть до эпохи Юстиниана, когда наместники провинций вновь сосредоточили в своих руках всю полноту гражданской и военной власти (Ibid. P. 327).

⁵⁷ *Фихман И. Ф.* Египетский архив середины IV в. н. э. // ВВ. 1967. Т. 27. С. 299–301.

по словам Аммиана, «наглый разбой все усиливался на всеобщую погибель; особенно стали опасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхищалось самым дерзким образом» (Амм., XXVIII, 2, 10; пер. А. Ю. Кулаковского и А. И. Сонни). Жертвой разбойников сделался даже родственник императора — трибун императорской конюшни Константин, которого захватили из засады, а потом убили (Амм., XXVIII, 2, 10). При случае грабежами промышляли варвары (леты), в большом количестве поселенные на территории империи. Наряду с бандами разбойников, действовавшими на суше, на море хозяйничали пиратские флотилии, нападавшие на купеческие суда и препятствовавшие таким образом развитию морской торговли. Либаний с горечью говорит, что разбойники «не щадят ни земли, ни моря» (Lib., Or., XXV, 40).

Для борьбы с этим врагом правительство постоянно привлекало армию. Чтобы обезопасить движение на главных дорогах, во второй половине IV в. на некотором расстоянии друг от друга были возведены укрепленные посты, в которых находились отряды солдат (*stationarii*). *Stationarii* должны были также поддерживать порядок в деревнях, однако на деле они часто занимались тем, что притесняли и обирали крестьян⁵⁸. Против крупных разбойничьих банд правительство вело самую настоящую войну, опираясь на армию. Так произошло с маратокупренами, которые были перебиты все до единого, включая женщин и детей, а селение их стерто с лица земли (Амм., XXVIII, 2, 14).

Кроме борьбы с разбойниками армия должна была подавлять антиправительственные восстания среди местного населения. В отличие от эпохи принципата, ког-

да восстания имели яркую антиримскую направленность, а целью повстанцев было обретение независимости, в IV столетии выступления местного населения утратили сепаратистские черты. Провинциалы выражали недовольство правящим режимом тем, что выдвигали своего кандидата на императорский трон. Характерно, что армия часто сама была источником возмущений и беспорядков, поскольку солдаты беззастенчиво грабили и притесняли гражданское население. Такие случаи происходили везде, где останавливались на постой войска. Это явление приобрело такой размах, что императоры Констанций II и Констант особыми статьями запретили не только рядовым солдатам, но и комитам, трибунам и препозитам под страхом телесного наказания требовать на постое у хозяев масло, древесину и подушки (CTh, VII, 9, 2). Императоры Валентиниан I и Валент в своем приказе магистру конницы Иовию писали, чтобы он наказывал тех солдат, которые не знают меры в обманах и грабежах (CTh, VIII, 1, 10).

Впрочем, подобные указы не приводили к желанным результатам, поскольку перед глазами солдат были живые примеры поведения их собственных командиров, причем самого высокого ранга. Аммиан сообщает, что префект претория Музониан вместе с магистром конницы Проспером грабили собственное население (Амм., XV, 13, 4). Такие действия военных еще больше обостряли положение дел в провинциях, являясь причинами возмущений и восстаний местного населения (Амм., XXXI, 9, 1). Аммиан, говоря о Фирме, отмечает, что тот поднял восстание мавров, не будучи в состоянии выносить грабежей и высокомерия военных чинов (Амм., XXX, 7, 10).

Солдаты провинциальных войск, ощутившие себя сплоченным «коллективом граждан», очень часто и сами становились

⁵⁸ Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 93.

инициаторами военных мятежей⁵⁹. Примером этого явления могут служить восстания галльских и иллирийских войск, провозгласивших императором Магненция (350 г.), восстание галльских войск, в результате которого к власти пришел Юлиан (361 г.), восстание фракийских легионов, выдвинувших в качестве кандидата на трон Прокопия (367 г.), восстание войск африканского гарнизона, поддержавших Фирма (372 г.), и, наконец, восстание британской армии под руководством Магна Максима (383 г.).

2. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ

Подготовка военной кампании. Военные действия в IV столетии носили, как правило, сезонный характер. Однако нередко были также и случаи, когда римлянам, отражая атаки неприятеля, приходилось действовать в самый разгар зимы. В холодное время солдаты обычно находились на зимних квартирах (*hiberna, stationes* или *sedes hibernae*) (Amm., XIV, 1, 1; 11; 15; XV, 2, 1; XVI, 3, 3; XVII, 2, 1; 2; 4; 8; XVIII, 1, 1; XX, 10, 4, 9; XXI, 9, 5; XXIII, 2, 5; XVII, 10, 16), которые могли быть расположены в городах или фортах⁶⁰ либо представлять собой традиционные

военные лагеря. Размещение солдат в разных городах имело целью прежде всего облегчить их снабжение продовольствием (Amm., XVI, 4, 1).

Запланированный поход начинался в начале весны, но в некоторых регионах приходилось ждать до середины лета. Так, например, в Галлии началом кампании считался июль, поскольку именно к этому времени в Аквитании собирали урожай хлеба и подвозили его военным (Amm., XIV, 10, 2; XVII, 8, 1). Раньше июля сделать это было невозможно: в начале весны в этой провинции шли частые дожди, из-за чего поднимался уровень воды в реках (Amm., XIV, 10, 1–3). На склады городов, располагавшихся в прирейнской области, провиант поступал из Британии (Amm., XVIII, 2, 3).

Население империи облагалось особым налогом, состоявшим в натуральных поставках (*annona*)⁶¹. За заготовки провианта для армии отвечал префект претория (Amm., XIV, 10, 4; XVIII, 2, 4; XX, 4, 6; 8, 20). Продовольствие, предназначавшееся для солдат, которые несли постоянную военную службу на каком-либо конкретном участке границы, хранилось на специальных складах в укрепленных городах. Аммиан называет семь городов на рейнской границе, в которых находились продовольственные склады. Это Лагерь Геркулеса, Квадрибургий, Трицензимы, Новезий, Бонна, Антеннак и Бингион (Amm., XVIII, 2, 4)⁶².

Каждый солдат, отправляясь в поход, брал с собой запас продовольствия на 17 дней (Amm., XVII, 9, 2)⁶³. Провиант,

⁵⁹ Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Барнаул, 2001. Вып. 2. С. 124; *Его же*. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С. 11; *Его же*. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы военной истории и международных отношений: сб. науч. статей. Барнаул, 1996. С. 28.

⁶⁰ «per municipia... et castella» (Amm., XIV, 2, 5).

⁶¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 118.

⁶² Все эти города были захвачены и разрушены германцами во время войны Констанция с Магненцием. Провиант для солдат, охранявших границу Исаврии, находился в Палее (Amm., XIV, 2, 13).

⁶³ «ex annona decem dierum et septem, quam in expeditionem pergens vehebat cervicibus miles».

палатки и другую поклажу (*sarcina*) везли на вьючных животных — *sarcinalia iumenta* (Амм., XXIX, 4, 5). Согласно утверждению автора жизнеописания Аврелиана, на одну центурию полагался один мул. Однако здесь, по всей видимости, допущена ошибка. Более вероятным представляется, что одна повозка и одна вьючная лошадь (или мул) полагались на каждую контубернию. Автор «Стратегикона» сообщает, из чего состоял инвентарь, закрепленный за контубернией: «На каждой из повозок должны быть: ручная мельница, топор, секиры, тесло, пила, два заступа, молот, две лопаты, корзина, ткань из козьей шерсти, серп, марсобарбул, триболы, соединенные тонкими бечевками, прикрепленными к железному колу, чтобы их можно было быстро собрать» (Маур., Strat., XII, 6; пер. В. В. Кучмы). У кавалеристов кроме боевого коня была еще и вьючная лошадь (SHA, Aurel., 7, 7). У трибунов и комитов были свои вьючные лошади или мулы, на которых везли провизию, предназначенную для этих офицеров (Амм., XXV, 2, 1)⁶⁴.

Если движение армии проходило по римской территории, то обеспечивать ее продовольствием должно было местное население. Во вражеской стране кормились за счет запасов, захваченных у неприятеля (Амм., XXIX, 5, 10). Это была еще одна причина, по которой начало военной кампании приурочивалось к моменту созревания хлебов на полях (Амм., XVII, 9, 2–3). Например, в 357 г. солдаты Юлиана собрали хлеб с полей варваров, которого хватило на то, чтобы оставить годовой запас для гарнизона крепости Три Таберны. Кроме того, вся армия была обеспечена продовольствием на 20 дней (Амм., XVI, 11, 12).

Когда армия вела активные военные действия на территории противника, то, обоз с запасами пищи, воды и фуража оставляли в укрепленном месте: городе или крепости. Отсюда армии подвозили все необходимое в том случае, если при продвижении в глубь неприятельской страны она оказывалась в пустынной местности (Амм., XXIX, 5, 13).

Перед началом военных действий первой обязанностью военачальника было собрать армию. Для этого офицерам, командовавшим отдельными подразделениями, рассылались тессеры *expeditionales* с приказом покинуть зимние квартиры и направляться к месту предполагаемого общего сбора⁶⁵. Так, перед началом войны с Персией Юлиан послал командирам отдельных отрядов приказ переходить через Евфрат, по получении которого все выступили в поход и, собравшись на разных стоянках, ожидали прибытия императора (Амм., XXIII, 2, 2–3). Сделано это было для того, чтобы предупредить слухи о начале большой военной кампании и заставить неприятеля неподготовленным. В случае необходимости воинские части пополнялись новыми рекрутами, создавались новые подразделения, проводилась вербовка варваров. Кроме этого, делались запасы оружия, заготавливались провиант, вьючные животные, транспортные средства. Все эти действия могли занимать достаточно продолжительное время. Например, в 375 г. Валентиниан I перед походом на квадов делал запасы оружия и провианта в течение целого лета (Амм., XXX, 5, 11). Армия выступала в поход только после завершения всех приготовлений.

Разведка. Обычно началу военной кампании или же выступлению армии в поход всегда предшествовал предварительный

⁶⁴ «ex eo cibo, quem animalia tribunorum vehabant et comitum».

⁶⁵ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 130.

сбор информации о противнике. Исследователи различают два типа разведки, существовавшей в период Поздней империи: стратегическую и тактическую. Главная задача стратегической разведки состояла в том, чтобы собрать как можно более подробную информацию о количестве сил, которыми располагает противник, и местах их дислокации еще до начала открытых военных действий⁶⁶. Подобные данные могли быть получены различными путями. Несомненно, что на службе у государства существовали специальные шпионы (*speculatores*), занимавшиеся сбором сведений, находясь на вражеской территории. Способ действия этих агентов можно представить достаточно ясно. Аммиан сообщает, что опытный *спекулятор* собирает свои сведения, до неузнаваемости изменив внешность (Амм., XXVI, 6, 5)⁶⁷. Автор анонимного византийского трактата VI в. утверждает, что императорские шпионы обычно действовали парами. При этом они определяли конкретное место для встречи друг с другом. Аноним советует выбрать в качестве такого места рыночную площадь, на которой торгуют купцы из самых различных стран, в том числе и из империи. Здесь, не вызывая подозрений у врагов, под видом покупки или продажи товаров шпион, собравший сведения о планах противника, сможет передать их своему коллеге (Анон., *De re strategica*, XLII). Несомненно, что подобная практика имела давнюю традицию и существовала не только в период Поздней империи, но и во времена принципата.

По всей видимости, именно через таких секретных агентов префект претория Му-

зониан, действовавший совместно с дуксом Месопотамии Кассианом, получал сведения о том, что происходит на самых дальних окраинах персидского царства (Амм., XVI, 9, 2). Аммиан называет шпионов Музониана «умелыми и ловкими в обмане»⁶⁸. Эти *emissarii* или *speculatores* (Амм., XVI, 9, 3) сообщили префекту, что царь ведет трудную войну с пограничными варварами и, возможно, будет склонен к тому, чтобы заключить с империей мир.

Кроме шпионов, действовавших в глубине тылу на территории противника, на службе у военного командования были тайные агенты (*arcani*). Эта должность была учреждена при Константе. *Арканы* должны были, разъезжая в разных направлениях, вести наблюдения за перемещениями пограничных племен и доносить о них военачальникам. В 368 г. британские арканы были изобличены в том, что за деньги сообщали варварам обо всем происходившем на римской стороне, поэтому Феодосий Старший лишил их занимаемых постов (Амм., XXVIII, 3, 8).

Послы, находившиеся за границей, одновременно служили и государственными шпионами. Они тайно извещали императорский двор о том, что они видели и слышали⁶⁹. Так, известие о готовящемся вторжении персов в восточные провинции империи римляне получили от нотариуса Прокопия, который был отправлен в Персию, чтобы заключить мирный договор с царем (Амм., XVII, 14, 3; XVIII, 6, 17). Прежде чем быть доставленным в императорский штаб, послание было передано в город-крепость Амиду, где находился магистр конницы Урзицин. Этот документ представлял собой пергамент, исписанный

⁶⁶ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 122, n. 155.

⁶⁷ «Ritu itaque sollertissimi cuiusdam speculatoris ignotus ob squalorem vultus et maciem rumusculos colligebat tunc crebrescentes».

⁶⁸ «emissarios quosdam fallendi perstringendique gnaros».

⁶⁹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 122, n. 158.

тайнописью и спрятанный в ножнах меча. Текст был составлен намеренно неясно, чтобы в случае, если бы посылынные были захвачены, неприятели не могли бы расшифровать письмо. Содержание его было следующим: «Далеко отослав греческих послов, может быть, даже с целью предать их смерти, престарелый царь, не довольствуясь Геллеспонтом, намерен навести мосты на Гранике и Риндаке и наводнить Азию многочисленными народами. И сам по себе он вспыльчив и свиреп, а тут еще его возбуждает и поощряет преемник римского императора Адриана. Пришел конец Греции, если она не будет настороже» (Amm., XVIII, 6, 18; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Текст был понят таким образом: «...персидский царь перейдет через Анзабу и Тигр и под влиянием уговоров Антонина хочет стать владыкой Востока» (Amm., XVIII, 6, 19; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Письмо было доставлено не простыми посыльными, а специальными агентами, очевидно, состоявшими при Прокопии, которых Аммиан называет *exploratores* (Amm., XVIII, 6, 17).

В экстренных случаях на вражескую территорию противника в качестве разведчика мог быть отправлен какой-нибудь высокопоставленный офицер, в задачу которого входило как можно быстрее доставить командованию требуемые сведения. Так было, например, с самим Аммианом, который был послан в Месопотамию, чтобы следить за передвижениями персидской армии (Amm., XVIII, 6, 20–23; 7, 1).

В административном аппарате противника могли быть лица, занимавшие высокие посты, но втайне сочувствовавшие империи или состоявшие на римской службе. Подобным тайным агентом был сатрап Иовиниан, проведенный свое детство в качестве заложника в римской Сирии (Amm., XVIII, 6, 20). Такие чиновники

также могли передавать римским властям важные сведения или оказывать необходимую помощь римским разведывательным миссиям.

Информация, собранная в различных провинциях, поступала через дуксов к военным магистрам⁷⁰. Магистры отправляли полученные сведения ко двору государственной почтой (*cursus publicus*). Исследователи, занимающиеся изучением римской армии, отмечают, что в отношении сбора разведанных в период Поздней империи наблюдается стремление к максимальной централизации: вся информация должна была поступать к императору, являвшемуся главнокомандующим⁷¹. При дворе особые чиновники собирали приходившие из различных провинций данные. Эта функция была возложена на начальника корреспонденции (*magister epistularum*), начальника архивов (*magister memoriae*), на дворцовых магистров (*magistri praesentales*) и особенно на магистра оффиций⁷². Последний должен был докладывать императору обо всем, в том числе и о замеченных передвижениях варваров (Amm., XXX, 8, 12)⁷³.

Тактическая разведка позволяла собирать информацию об армии противника уже непосредственно во время ведения войны. Специалисты различают два типа тактической разведки: пассивную, или статичную, и активную, или мобильную. В первом случае разведанные получали с постов наблюдения, от дезертиров или военнопленных (Amm., XIV, 3, 4; XVIII, 6, 16). Со сторожевых постов информация о противнике могла поступать как через посыльных, так и посредством особых сигналов. Такие сигналы подавались ночью

⁷⁰ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. P. 123, n. 162.*

⁷¹ *Ibid. P. 122, n. 156.*

⁷² *Ibid. P. 122.*

⁷³ «*motus quosdam barbaricos*».

огнем, а днем — дымом. Вегеций сообщает, что иногда на башнях укреплений подвешивались специальные балки, при помощи которых, то поднимая, то опуская их, передавалась необходимая информация (Veg., III, 5).

Со времен Августа в каждом легионе было подразделение *speculatores*, на которых была возложена задача проведения мобильной разведки⁷⁴. Во время мобильной разведки спекуляторы высылались вперед, чтобы следить за тем, что делается у противника⁷⁵. Обычно такая разведка проводилась перед каждым выступлением армии из лагеря, особенно если противник был где-то поблизости (Amm., XXVII, 2, 4).

Полученная информация позволяла главному штабу принять решение о том, нужно ли вступать в сражение или предпочтительнее будет как можно дольше избегать его. Если решение о столкновении было принято, то подготовку к нему проводили, опираясь на сведения разведки. В качестве разведчиков использовали отряды легкой кавалерии. Аммиан дает им обобщенное название *procuratores*, Вегеций предпочитает использовать слово *exploratores*. Во время персидского похода Юлиана основные функции разведки были возложены на три уже упоминавшиеся турмы всадников, находившихся под командованием Луциллиана (Amm., XXIV, 3, 1; 5, 5; Zos., III, 14, 1; 19, 1). Кроме того, в качестве разведчиков могли использовать сарацинских федератов. Вегеций советует выбирать разведчиков среди наиболее верных, хитрых и осмотрительных солдат на отборных ло-

шадях (Veg., III, 6)⁷⁶. Функции разведчиков были разнообразны. Перед тем как армия выступала в поход, их высылали вперед, чтобы они осмотрели местность (впереди, в тылу, слева и справа), по которой предстояло осуществлять движение. Делалось это из опасения, как бы неприятель не устроил на пути засаду (Veg., III, 6)⁷⁷. Подобную рекогносцировку местности предпочитали проводить ночью (Veg., III, 6). Во время марша армии разведчики следовали на некотором расстоянии от ее флангов, чтобы не произошло неожиданного нападения противника (Amm., XXIV, 1, 2). Разведчики должны были захватывать в плен вражеских солдат, чтобы командование могло получить от них необходимую информацию (Amm., XXIV, 1, 10). Это было особенно важно, если армия продвигалась по неизвестной местности. В таком случае пленники становились проводниками (Amm., XVII, 10, 5). Разведчики должны были предоставлять командованию точные данные о численности и составе вражеской армии (Amm., XXXI, 12, 3). Иногда разведчикам приходилось первыми вступать в открытое сражение с неожиданно появившимися неприятельскими отрядами (Amm., XXIV, 5, 5). Однако одной из главных задач разведчиков был сбор данных для составления точной карты местности, по которой предстояло пройти армии или где должны были развертываться боевые действия. На таких картах (*itineraria*) числом шагов были указаны расстояния от одного населенного пункта до другого, обозначены горы, реки, перепутья и т. д. (Veg., III, 6).

Инженерные войска и медицинская служба. При армии существовали команды

⁷⁴ Sheldon R. M. Renseignement et espionage dans la Rome antique / Trad. de l'anglais par A. Hasnaoui. Paris: Societ  d' dition Les belles Lettres, 2009. P. 231.

⁷⁵ Le Bohec Y. L'arm e romaine sous le Bas-Empire. P. 122.

⁷⁶ «fidelissimos argutissimosque cum equis probatissimis mittat».

⁷⁷ «qui loca, per quae iter faciendum est, in progressu et a tergo, dextra laevaue perlustrent, ne aliquas aduersarii moliantur insidias».

инженеров (*architecti*), которые должны были организовывать переправы через реки и отвечали за строительство осадных сооружений. Все необходимое для этого (дерево, осадные машины, кожаные бурдюки и кожаные лодки, специально предназначенные для сооружения понтонов) армия везла с собой (Amm., XXIII, 3, 9; XXIV, 3, 11; XXV, 6, 15; Zos., III, 13, 2; 3)⁷⁸. По всей видимости, для быстроты возведения понтонных мостов римляне стали использовать уже готовые конструкции, которые при необходимости оставалось только собрать. Описанию одного из таких устройств анонимный автор посвящает 16-ю главу трактата «*De rebus bellicis*». Этот переносной понтонный мост, названный Анонимом *аскогефиром*, не был его личным изобретением. Он сам заявляет, что аскогефир был создан изворотливой необходимостью⁷⁹. Аскогефир был образован из наполненных воздухом кожаных бурдюков величиной 3,5 фута. На одной стороне бурдюков имелись петли, а на другой — крючки. С помощью этих приспособлений бурдюки соединялись в единое целое. Поверх образовавшегося моста клали циновки из козьего волоса. Для придания всему сооружению устойчивости сверху по его краям пускали канаты, которые натягивались между вбитыми на противоположных берегах железными кольями. Перевозить аскогефиры должны были специальные отряды, следовавшие за армией (Anon., *De reb. bell.*, 19, 3). Для перевозки одного такого понтонного моста, по мнению Анонима, было необходимо 50 вьючных животных (Anon., *De reb. bell.*, Praef., 14).

Мы в точности не знаем, как была организована военно-медицинская служба.

⁷⁸ Во время персидского похода Юлиана римляне везли с собой 50 судов для сооружения понтонов (Amm., XXIII, 3, 9).

⁷⁹ «*gepperit ingeniosa necessitas*».

Определенно можно сказать, что в каждом подразделении были врачи и хирурги (*medici*), лечившие заболевших и раненых. Каково было их количество, неизвестно. Однако, очевидно, не очень много, поскольку во время кровопролитных столкновений или эпидемий их не хватало, чтобы оказать помощь всем нуждавшимся. Так, в 359 г. во время осады персами Амиды многие солдаты были вынуждены сами лечить свои раны или умирали от потери крови (Amm., XIX, 2, 15). В 375 г. император Валентиниан I отправил в воинские части всех своих придворных медиков, чтобы те оказывали помощь в лечении солдат, страдавших от чумы (Amm., XXX, 6, 4).

Походный порядок. В эпоху Поздней империи основным был походный порядок, при котором армия образовывала несколько каре (*agminibus quadratis*) (Amm., XXIV, 1, 2; XXV, 3, 2; XXVII, 10, 6). При необходимости каре могли раздвигать (Amm., XXV, 3, 2) или стягивать свои ряды. Ряды раздвигали в том случае, если хотели, чтобы армия казалась неприятелю более многочисленной, чем была на самом деле. К этому маневру искусно прибегал Юлиан во время похода против персов (Amm., XXIV, 1, 3). В случае если была опасность нападения неприятеля во время перехода, отдельные подразделения армии выстраивались в боевой порядок (*cuneis confertis*), что позволяло быстро отразить внезапную атаку (Amm., XX, 11, 6).

Авангард походного порядка армии обычно образовывала кавалерия, затем шла пехота. На некотором расстоянии от передового отряда находились обоз с прислугой и вьючные животные. Промежуток между авангардом и обозом был необходим для того, чтобы при внезапном нападении неприятеля обоз не пострадал из-за скученности сражающихся. В арьергарде двигались всадники и пехотинцы, которые

должны были защищать обоз. Такие же отряды должны были прикрывать его с флангов (Veg., III, 6).

Аммиан дает нам подробное описание походного порядка армии Юлиана в начале персидского похода (363 г.). Поскольку предстояло идти по вражеской территории, Юлиан выслал вперед три эскадрона своих разведчиков, которые должны были следить, чтобы противник не напал неожиданно. Основные силы армии были выстроены в 4 каре. Невитта с несколькими легионами шел по берегу Евфрата на правом фланге, в центре с основными силами пехоты — сам Юлиан, на левом фланге находилась кавалерия под командованием Аринфея и Хормизды, арьергард вели Дагалайф и Виктор и замыкали армию отряды дукса Осроены Секудиана. Обоз Юлиан приказал поместить между флангами армии, чтобы он не смог быть захвачен внезапным набегом неприятеля (Amm., XXIV, 1, 2–4).

С какой быстротой двигалась армия и как долго длился обычный дневной переход, в точности неизвестно. Аммиан неоднократно утверждает, что армия Юлиана продвигалась по территории противника с большой скоростью (Amm., XXIII, 2, 7). Но так ли это было в действительности, трудно сказать однозначно. В одном месте Аммиан сообщает, что за один день армия Юлиана прошла 200 стадий (Amm., XXIV, 2, 3)⁸⁰, т. е. 35,4 км. Согласно Вегецию, в летнее время обычный дневной переход составлял 5 часов, за которые полагалось пройти 20 миль (ок. 29,6 км) обычным шагом или 24 мили (ок. 35,6 км) ускоренным шагом (Veg., I, 9). Таким образом, получается, что Юлиан прошел со своей армией расстояние, приблизительно равное тому, которое по нормам I–II вв. полагалось проходить за один день. Одна-

ко очень многое зависело от условий, в которых передвигалась армия. Поэтому расстояние, пройденное за день, могло и не соответствовать установленным нормам. Так, например, Аммиан передает, что дневной переход армии составил однажды всего 14 миль (Amm., XXIV, 3, 10), а в другой раз — только 70 стадий (12,5 км) (Amm., XXV, 1, 10). Но из рассказа того же Аммиана мы узнаем, что в день сражения под Аргенторатом римской армии предстояло пройти путь, равный 21 миле (ок. 30 км), после чего в течение нескольких часов выдержать трудный бой с алманнами (Amm., XVI, 12, 8). Впрочем, отметим, что в последнем случае римляне двигались без обоза и по хорошо известной им территории. То же самое можно сказать и о переходе, предшествовавшем Адрианопольскому сражению. Армия Валента выступила на рассвете, оставив свой обоз в лагере (Amm., XXXI, 12, 10)⁸¹, после чего в знойный летний день совершила в полном вооружении по каменистым и неровным дорогам марш, который длился не менее семи часов (Amm., XXXI, 12, 11). Если бы солдаты Валента двигались с такой же скоростью, как это предписывалось уставом, цитируемым Вегецием, то они прошли не менее 25–28 миль (ок. 41,5 км).

После каждого перехода армия разбивала походный лагерь, который, как и во времена принципата, окружали рвом (*fossa*) (Amm., XVIII, 2, 11; Zos., II, 48, 4) и земляным валом с палисадом (Amm., XXIV, 1, 7; XXV, 3, 1). Лагерь по-прежнему имел четверо ворот, главные из которых — преторианские (*porta praetoria*), вели к месту, где находилась палатка командующего армией (Amm., XXV, 6, 7)⁸².

⁸¹ «exoriente vero aurora diei».

⁸² *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 131.

⁸⁰ «insequenti die stadiis ducentis emensis».

В эпоху Поздней империи римляне могли разбивать и более простой лагерь, без вала и рва. Такой лагерь имел форму круга, а единственной защитой его была стена из щитов (Amm., XXIV, 8, 7)⁸³.

3. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Изменение тактики пехоты. Вооружение легионеров конца республики — начала принципата было идеально приспособлено к тактическим приемам ведения боя, сформировавшимся у римлян в процессе борьбы за гегемонию в Средиземноморье. В соответствии с традиционной когортной тактикой солдаты каждой когорты выстраивались в три линии: гастаты впереди, за ними принципы и позади всех триарии. В свою очередь, когорты также строились в три линии. Между когортами существовали определенные интервалы. Подобная тактика давала максимальную гибкость всему построению, особенно когда сражение происходило на пересеченной местности, и позволяла легионерам наиболее эффективно использовать их короткие мечи (*gladii*)⁸⁴.

Согласно утвердившейся практике легионеры, прежде чем вступить с противником в рукопашную схватку, должны были забросать его строй своими пилумами. Чтобы получить максимальный эффект от броска тяжелого пилума, нужен был предварительный разбег⁸⁵. Поэтому

легионы Поздней республики были чрезвычайно мобильной структурой. Во время боя они не стояли на месте, ожидая приближения противника, а сами атаковали его. После залпа пилумов сразу же следовала рукопашная схватка. Римская военная доктрина требовала, чтобы солдаты наносили своими короткими мечами колющие удары, поскольку считалось, что именно они наиболее смертоносны (Veg., I, 12). Длинный меч был для подобного применения совершенно не приспособлен⁸⁶.

Вооруженный пилумом и гладиусом, защищенный массивным щитом (*scutum*) легионер конца республики и первого века империи являл собой тип универсального бойца, для которого не подходили устоявшиеся понятия, делившие пехоту на тяжелую и легкую. Обычно считалось, что легкая пехота должна была завязывать бой, а от тяжелой требовалось отразить натиск противника и при этом не нарушить своих боевых порядков. Тактические приемы и вооружение римских легионеров позволяли им выполнять на поле сражения функции как легкой, так и тяжелой пехоты. Солдаты выступали прежде всего в роли фехтовальщиков, образовывавших достаточно свободные боевые порядки и сражавшихся

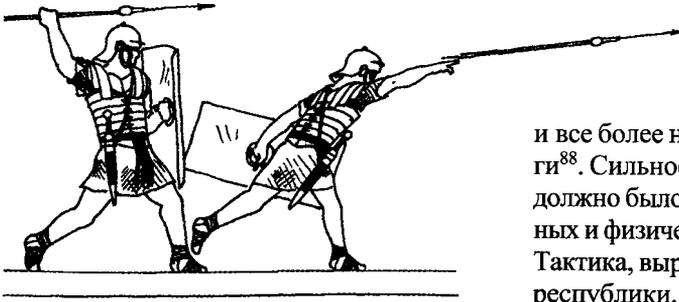
в битве при Фарсале (48 г. до н. э.) допустил ошибку уже в самом начале сражения, когда приказал своей пехоте оставаться на месте и сохранять строй. Тем самым он отдал инициативу в руки своего противника, солдаты которого, воспламененные желанием сразиться, атаковали его боевые порядки с удвоенной энергией (Caes., BC, III, 92).

⁸⁶ Согласно современным реконструкциям, во время рукопашной атаки римский легионер I в пригибался, прячась за своим массивным щитом; при этом вытянутый тыльник его шлема прикрывал верхнюю часть спины воина (Connolly P. *The Roman Fighting Technique Deduced from Armour and Weaponry* // RFS. P. 361). В таком положении легионеры вообще не имели возможности для нанесения рубящего удара; для колющих же ударов короткие *gladii* были наиболее удобны.

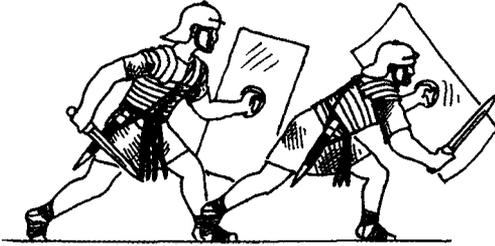
⁸³ «multiplicato scutorum ordine in orbiculatam figuram metatis tutius quievimus castris».

⁸⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente...* P. 57.

⁸⁵ *Gilbert F. Le soldat romain à la fin de la république et sous le Haut-Empire. Saint-Germain-du-Puy: Errance, 2004. P. 148.* По мнению Цезаря, Помпей

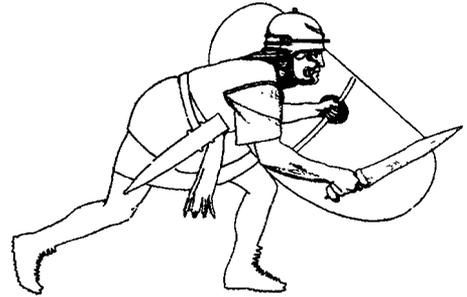

Тактические приемы
легионеров эпохи принципата.
Рис. И. В. Кирсанова

индивидуально, были хорошо защищены, чтобы выдерживать натиск тяжеловооруженного противника, и в то же время достаточно подвижны даже для того, чтобы преследовать отступающую легкую пехоту. Поэтому легионы могли действовать на поле боя и без поддержки кавалерии или легковооруженной пехоты⁸⁷.

Однако, как свидетельствуют источники, имеющиеся в нашем распоряжении, уже во II в. римская пехотная тактика и вооружение начинают претерпевать существенные изменения. Построение легионной пехоты становится все компактнее

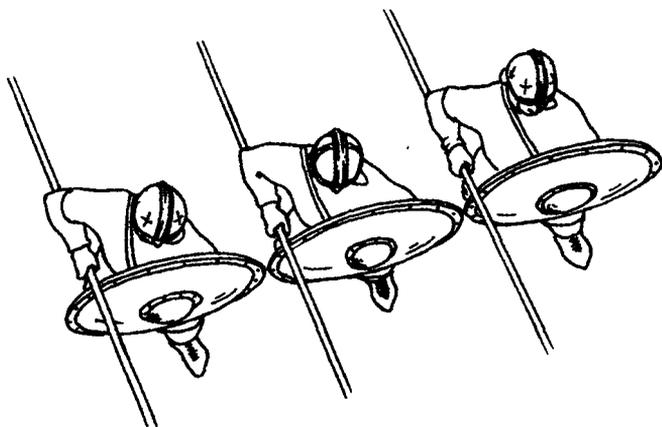

Положение легионера периода принципата при атаке (*Connolly P. The Roman Fighting Technique Deduced from Armour and Weaponry // RFS. P. 361*)

⁸⁷ Классическим примером использования традиционной римской тактики является битва при Фарсале. Забросав строй помпеянцев пилумами, солдаты Цезаря вступили в рукопашную схватку. Когда Помпей бросил в атаку конницу и легкую пехоту, которые находились на его левом фланге, Цезарь выдвинул против наступавшего противника свой резерв, состоявший из шести когорт легионеров. Этот резерв отразил натиск превосходящих сил кавалерии Помпея и полностью уничтожил его легкую пехоту (Caes., BC, III, 93).

⁸⁸ Согласно мнению некоторых исследователей, римляне заимствовали построение фалангой от эллинистических армий (*Wheeler E. L. The Legion as Phalanx in the Late Empire, Part I // ARDV. P. 327*). Такое предположение представляется маловероятным, поскольку римская фаланга сформировалась в тот период, когда о военной организации эллинистических государств уже не осталось никаких воспоминаний.

⁸⁹ Г. Дельбрюк приходит к мысли о том, что использование традиционной римской тактики было возможно только «при наличии очень хорошо обученных войск» (*Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 162*).

Обычное построение.
Рис. И. В. Кирсанова

Поскольку общая масса личного состава не отличалась высокими моральными качествами, то наиболее приемлемым для ведения боя оказалось построение в виде фаланги: в этом случае в сражении принимали участие, как правило, лишь первые ряды, составленные из офицеров, унтер-офицеров и наиболее надежных и сильных солдат.

Арриан в своем трактате «Тактика против аланов», составленном немного позднее 135 г., описывает боевой порядок пехоты, которой предстояло отразить натиск тяжеловооруженной конницы. Каждая когорта легионеров должна была располагаться в 8 рядов. Стоящие в первом ряду солдаты наклоняли копья под углом 45°, оперев при этом конец древка в землю. Солдаты второго, третьего и четвертого рядов должны были забросать пилумами нападавшего противника (Агр., Такт., 17). Девятый ряд, который образовывали пешие лучники, и десятый, состоявший из конных лучников, поддержанных артиллерией, во время сражения осыпали вражескую кавалерию стрелами, посылая их поверх голов впередистоящих товарищей. Таким образом, Арриан советует образовывать построение со сплошным фронтом, не делая интервалов между когортами. Подобный боевой порядок противоречит

всем нормам традиционной римской тактики, отработанным в предыдущий период. Он демонстрирует, что основной задачей легиона становится не нападение на вражеский боевой порядок, а, напротив, отражение натиска противника⁹⁰. При этом неподвижном построении даже у солдат, находившихся в передних рядах, не было никакой возможности эффективно метать свои *pila*⁹¹, а короткие *gladii* оказывались беспомощными против более длинных мечей противника. Изменение легионной тактики неизбежно повлекло за собой изменение вооружения легионеров: пилумы уступили место копьям, а гладиусы — спатам, более приспособленным для нанесения рубящего, а не колющего удара. Римские пехотинцы превратились из фехтовальщиков в копейщиков, эффективность действия которых была основана на слаженных коллективных маневрах в сомкнутом строю⁹². Отдельный солдат не мог более вести бой в одиночку, но должен был действовать совместно со стоявшим рядом с ним справа

и слева. Римские пехотинцы превратились из фехтовальщиков в копейщиков, эффективность действия которых была основана на слаженных коллективных маневрах в сомкнутом строю⁹². Отдельный солдат не мог более вести бой в одиночку, но должен был действовать совместно со стоявшим рядом с ним справа

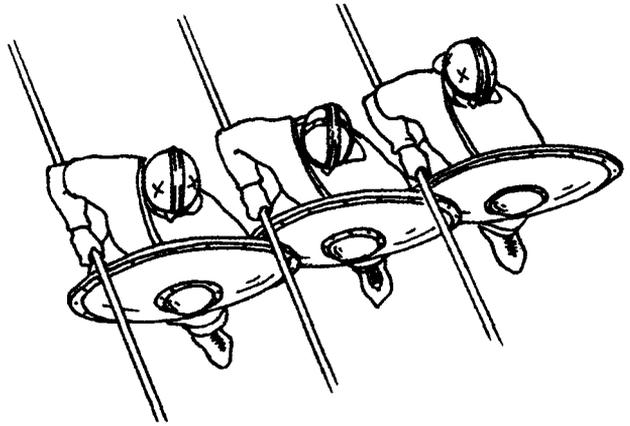
⁹⁰ Gilbert F. Le soldat... P. 154; Barlozzetti U., Matteoni S. Les armes blanches qui ont façonné l'histoire. Des origines au XX siècle en Europe et dans le monde. Paris: Place des victoires, 2010. P. 67.

⁹¹ Г. Дельбрюк отмечает, что Тацит почти нигде не говорит о характерном для римлян военном приеме — залпе пилумов (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 162, примеч. 1). Но тот же Тацит сообщает о разнице между наступательным вооружением легионеров и солдат вспомогательных войск («...gladiis ac pilis legionarium... spathis et hastis auxiliarium...») (Так., Ann., XII, 35, 16).

⁹² Janniard S. Armati, scutati et la categorisation des troupes dans l'Antiquité tardive // ARDV. P. 389, n. 1.

Построение синаспизмом.
Рис. И. В. Кирсанова

товарищем, который закрывал его частью своего щита⁹³. Поэтому еще одним изменением в римском вооружении, ставшим следствием перемены тактики, была замена четырехугольного полуцилиндрического скутума меньшими по размеру круглыми и овальными щитами, более пригодными для сражения в сомкнутом строю.

Начиная с северовской эпохи *phalangarii* вооруженные длинными копьями (*hastae*) образовывали первые ряды боевого построения; за ними располагались *lanciararii*, вооруженные легкими метательными копьями (*lanceae*); замыкали строй *sagittarii* (лучники)⁹⁴. Каракалла попробовал создать некоторое подобие македонской фаланги (Xiphilin., Epitoma, LXXVII, 7) и, возможно, это было вызвано не только желанием императора во всем походить на Александра Великого, но и требованиями тактического характера. Александр Север, если верить автору его жизнеописания, пошел еще дальше: он объединил шесть легионов в фалангу, численность которой составила 30 тыс. чел., названных «фалангариями». Это была отборная часть армии, собранной для войны с персами, и фалангарии получали повышенное жалованье (SHA, Alex. Sev., 50, 5). Изменения в тактике и вооружении, наметившиеся в северовский период, получили

дальнейшее развитие во второй половине III — первой половине IV в., после чего вооружение и тактические приемы римлян в доадрианопольский период оставались в принципе одними и теми же.

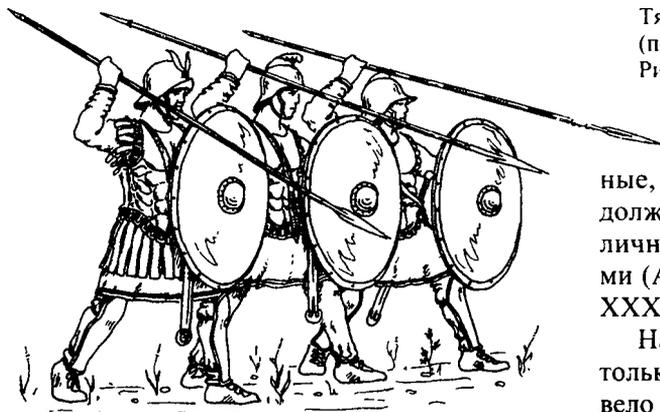
О позднеимперской тактике мы можем судить благодаря тем сведениям, которые сохранили для нас главным образом Аммиан и Вегеций. Тяжеловооруженная пехота по-прежнему была основной силой армии. Обычным построением для нее была фаланга⁹⁵. Фаланга периода Поздней империи существенно отличалась от классической греческой или македонской фаланги. Согласно Аммиану, опытные полководцы ставили в первую линию более сильных солдат (тяжеловооруженных), за ними легковооруженных, потом стрелков и позади всех резервные отряды, которые должны были прийти на помощь в критическую минуту (Amm., XIV, 6, 17)⁹⁶. Первый ряд боевого построения образовывали *antepilani*, или *antesignani*, т. е. стоящие перед боевыми значками (Amm., XVI, 12, 20; XIX, 6, 12). Антесигнаны

⁹³ Lendon J. E. *Le ombre dei guerrieri. Strategie e battaglie nell'età antica*. Torino: UTET, 2006. P. 249.

⁹⁴ Barker Ph. *The armies and enemies of imperial Rome. Organization, tactics, dress and weapons, 150 B. C. to 600 A. D.* London: Wagrames Research Group, 1972. P. 70; Cosme P. *L'armée romaine...* P. 216.

⁹⁵ Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 133.

⁹⁶ «Utque proeliorum periti rectores primo catervas densas opponunt et fortes, deinde leves armaturas, post iaculatores ultimasque subsidiales acies, si fors adegerit, iuvaturas...»

Тяжеловооруженные пехотинцы
(по рельефу на арке Константина)
Рис. И. В. Кирсанова

были опытными унтер-офицерами в звании кампидокторов (Veg., II, 7). Иногда именно им поручалось первыми атаковать противника, с тем чтобы своим примером вселить решимость в остальных солдат и увлечь их за собой. Впрочем, данный прием использовался не во время правильного сражения, а, очевидно, лишь тогда, когда противник занимал хорошо укрепленную позицию, которую необходимо было взять штурмом. Так, например, произошло в битве при Солицинии (368 г.), когда аламанны заняли горные высоты и начинать бой было поручено скутарию Сальвию и гентилу Лупичину (Amm., XXVII, 10, 12).

За антесигнами стояли гастаты и ординарии. Антесигнаны, гастаты и ординарии имели полный комплект тяжелого вооружения. Аммиан говорит, что в сражении они образовывали несокрушимую стену (Amm., XVI, 12, 20; cf.: Veg., II, 7)⁹⁷. В случае если дело доходило до рукопашной, именно они принимали на себя всю тяжесть вражеского удара. Они образовывали заслон из щитов в виде «черепahi» (Amm., XXXI, 7, 12; cf.: Amm., XVI, 12, 44; XXIX, 3, 48), поражая противника копьями, в то время как легковооружен-

ные, находившиеся за ними, продолжали осыпать неприятеля различными метательными снарядами (Amm., XIV, 2, 14; XVI, 12, 36; XXXI, 7, 12; 13, 1).

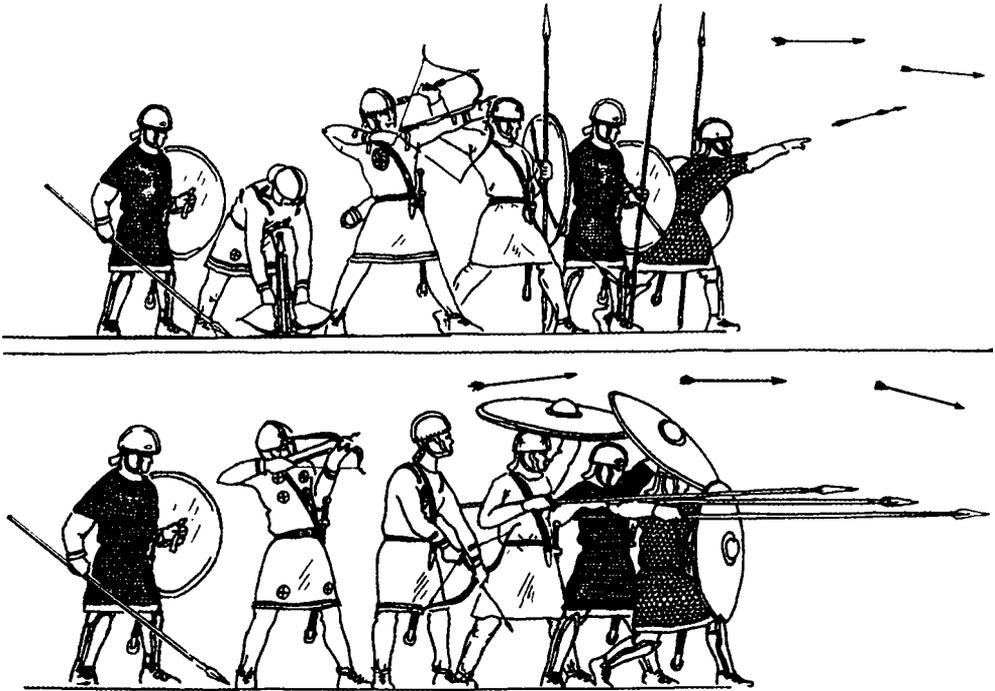
Наличие тяжелого вооружения только у бойцов первых рядов привело к определенным терминологическим изменениям. В эпоху республики и Ранней империи термин *armatus* означал того, кто носит оружие, в противовес тем, кто оружия не имеет или чье оружие не носит специфически военного характера⁹⁸. Вместе с прилагательными термин также мог означать различные категории войск во время военного похода⁹⁹. Однако он не содержал в себе указания на качество вооружения, которым располагал солдат. В позднюю эпоху *armatus* — это уже не просто метонимия для обозначения солдата, но и вполне конкретный термин, указывающий на категорию войск. Аммиан сообщает, что арматы образовывали императорский эскорт — *cohortes armatae* (Amm., XX, 5, 1; XXIV, 4, 18; XXV, 1, 16)¹⁰⁰. Историк использует в данном случае слово *armatae* в качестве прилагательного, однако, как справедливо замечает С. Жаньяр, он делает это исключительно для того, чтобы указать на особое вооружение войск, иначе было бы трудно понять, для чего потребовалось таким образом обозначать когорты, которые изначально являлись военными подразделе-

⁹⁷ «antepilanis hastatisque et ordinum primis velut insolubili muro».

⁹⁸ «armatos si latine loqui volumus, quos appellare vere possumus? Opinor eos qui scutis telisque parati ornatique sunt» (Cicero. Cecina, 60). Cf.: Janniard S. Armati... P. 390, n. 7.

⁹⁹ Janniard S. Armati... P. 390, n. 8.

¹⁰⁰ Ibid. P. 391, n. 10.

Тактические приемы ведения боя,
использовавшиеся римлянами в IV в. Рис. И. В. Кирсанова

ниями, особо выделяя их среди остальных отрядов армии¹⁰¹. Арматы участвовали в триумфальном въезде Констанция II в Рим (357 г.). Их вооружение было достаточно точно описано Аммианом: «С той и другой стороны шли две шеренги *арматов*, вооруженных щитами и в шлемах с султанами... облаченных в сверкавшие кирасы» (Амм., XVI, 10, 8).

Арматы были главной ударной силой армии. Они первыми шли на штурм вражеских укреплений (Амм., XXIII, 4, 8; XXIV, 2, 9; 4, 13: 18; 24; XXVI, 1, 8). Во время штурма Аквилей (361 г.), например, арматы стояли на верхних ярусах подвижных башен, сражаясь с защитниками города, в то время как легковооруженные находились на нижних, откуда они пытались пе-

ребраться через стену (Амм., XXI, 12, 9). Во время столкновения с лентиензами (378 г.) Грациан приказал отобрать из каждого легиона по 500 *арматов*, чтобы штурмовать высоты. Согласно Аммиану, эти арматы были антесигнанами (Амм., XXXI, 10, 13)¹⁰².

Возможно, перемена значения словом *armatus*, произошла под влиянием греческого ὀπλίτης, широко использовавшегося в позднюю эпоху для обозначения тяжеловооруженных пехотинцев¹⁰³.

Определяющее значение, которое придавалось тяжеловооруженным арматам,

¹⁰² «...per legiones singulas quingenteni leguntur annati, usu prudenter bellandi comperti. Qui ea re animorum aucta fiducia quod versari inter antesignanos visebatur acriter princeps»; cf.: Амм., XX, 11, 18; XXV, 3, 12.

¹⁰³ Janniard S. Armati... P. 392, n. 19.

¹⁰¹ Janniard S. Armati... P. 391, n. 11.

Построение синаспизмом

Построение «черепахой»

способствовало тому, что при перечислении потерь, понесенных римлянами в сражениях, Аммиан иногда говорит только о них как о наиболее ценной части армии (Amm., XV, 4, 8; XXXI, 5, 9).

Armatus — не единственный термин, поменявший свое значение в позднеримскую эпоху в связи с изменением способа ведения боя. То же самое произошло со словом *scutatus*. В источниках периода республики и принципата так называли

тяжеловооруженных пехотинцев¹⁰⁴. Вегеций знает об этом значении слова в прежние времена (Veg., I, 20)¹⁰⁵. В позднюю эпоху слово изменило свое значение. Тот же Вегеций помещает skutatov в третьем и четвертом рядах боевого порядка, причисляя их к легкой пехоте (Veg., II, 15). В IV столетии ношение или отсутствие панциря стало, очевидно, определяющим для различных категорий солдат. Тяжеловооруженный пехотинец (*armatus, loricated*) стал противопоставляться легковооруженному, главным защитным вооружением которого был щит. Поэтому легковооруженные и были названы skutatami¹⁰⁶.

Прообразом позднеримских skutatov С. Жаньяр считает ланциариев (*lanciarrii*), появившихся в легионах уже во II в. Ланциарии могли образовывать легкую пехоту, вооруженную только копьями (*lanceae*) и щитами. Подобные подразделения не только поддерживали тяжеловооруженных во время рукопашной схватки, но и самостоятельно совершали внезапные нападения на противника или устраивали засады¹⁰⁷.

Skutatami и другие легкие подразделения, вооруженные различным метательным оружием, выстраивались позади арматов (Veg., II, 17; III, 14). Последний ряд боевого строя образовывали *postsignani*, которые также были тяжеловооруженными унтер-офицерами (Amm.,

¹⁰⁴ Janniard S. Armati... P. 392, n. 22.

¹⁰⁵ «[Apud veteres] Pedites autem scutati praeter catafractas et galeas etiam ferras ocreas in dextris crucibus cogereant accipere».

¹⁰⁶ Janniard S. Armati... P. 393, n. 25.

¹⁰⁷ Ibid. P. 394, n. 33.

Позиция припадении и отражении атаки (по рельефу на арке Константина)

XVI, 12, 31)¹⁰⁸. Позднеримская военная доктрина требовала, чтобы тяжеловооруженная пехота оставалась стоять на месте, даже если враг бросился бежать¹⁰⁹. Преследовать отступающих должны были легковооруженные (Veg., II, 17; III, 14).

Общая схема сражения была следующей. Командиры выстраивали армию в боевой порядок (Amm., XVI, 12, 20). Пехота, как правило, стояла в центре, а кавалерия — на флангах. В резерве находился отборный отряд. Главный удар должен был наноситься одним из двух флангов либо двумя флангами одновременно.

После того как армия была построена, полководец обращался к солдатам с речью (Amm., XVI, 12, 30–33, 36). Речь командующего была коротким, но тщательно составленным воззванием, которое он должен был повторять неоднократно, обращаясь к различным подразделениям своей армии. Старшие офицеры передавали суть его обращения младшим, а те, в свою очередь, доводили его до солдат¹¹⁰. Последние выражали свое одобрение, ударяя щитами по поножам. Выражением гнева, направленного против неприятеля, служили удары копья по щиту (Amm., XV, 8, 15; XVI, 12, 13).

Приказом начать битву было поднятое вверх знамя главнокомандующего (Amm.,

XXVII, 10, 9). Армию об этом оповещали звуки труб (Amm., XXVII, 10, 12). Движения знамен указывали подразделениям, куда они должны были идти. Сам командующий обычно занимал место на правом фланге между пехотой и кавалерией (Veg., III, 18)¹¹¹.

На ровном пространстве, чтобы до столкновения с неприятелем сохранять боевой порядок, вся армия шла под ритмичные звуки военной музыки. Перед тем как вступить в рукопашную схватку с врагом, солдаты издавали боевой клич (*barritus*) (Amm., XXVI, 7, 17; cf.: Veg., III, 18). Аммиан утверждает, что баррит начинался с тихого ворчания и, постепенно усиливаясь, достигал силы звука волн, отражавшихся от прибрежных скал (Amm., XVI, 12, 43)¹¹².

¹⁰⁸ «ad alios postsignanos in acie locatos extrema».

¹⁰⁹ Lendon J. E. *Le ombre dei guerrieri...* P. 249.

¹¹⁰ Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Bas-Empire*. P. 134.

¹¹¹ Здесь обычно располагались наиболее сильные подразделения. Отсюда полководец следил за ходом боя. Второй военачальник осуществлял руководство в центре, третий — на левом фланге (Veg., III, 18).

¹¹² *Barritus* — слово германского происхождения, которое переводится как *рев слона*, однако сами варвары, например готы, перед началом

Сражения начинали отряды легкой пехоты. Легковооруженные выбегали вперед и забрасывали противника различными метательными снарядами (Amm., XXIV, 6, 10; XXVII, 1, 3; 4; XXXI, 7, 12). Иногда этой атаки было достаточно, чтобы неприятель обратился в бегство. Однако в том случае, если он оказывал ожесточенное сопротивление, легкая пехота отступала, предоставляя решить судьбу сражения тяжеловооруженной. Например, в сражении при Кибалисе между войсками Константина и Лициния (314 г.) к рукопашной схватке приступили только тогда, когда каждая из сторон израсходовала весь запас стрел (Zos., II, 18, 3). Та же ситуация повторилась в сражении на Ардиенских полях во Фракии (Zos., II, 19, 2). Рукопашная продолжалась до того момента, пока один из противников не обращался в бегство. Иногда, как это было, например, в битве при Салиции, развести сражавшихся могло лишь наступление ночи (Amm., XXXI, 7, 15).

4. РАЗВИТИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА

О стратегемах, к которым прибегали римские полководцы в период Поздней империи, мы можем сказать не очень много. Использовать на войне различного рода хитрости долго считалось занятием, недостойным римлянина. Однако начиная со Второй Пунической войны это сделалось неизбежным¹¹³. Наконец, стратегемы

сражения использовали не этот боевой клич, а криками воздавали хвалу своим предкам (Amm., XXXI, 7, 10).

¹¹³ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 124.

стали восприниматься как вполне нормальное явление до такой степени, что Фронтин собрал все известные к тому времени случаи их использования в отдельную книгу. Римские сенаторы, служившие в армии, заучивали их наизусть, с тем чтобы применять на практике, когда требуют обстоятельства. Исчезновение представителей этого сословия из рядов армии во второй половине III в. привело к тому, что многие подобные приемы достижения победы над противником оказались практически забыты¹¹⁴. Впрочем, если мы и можем говорить об определенном разрыве с предшествующей военной традицией, то это не значит, что военное искусство в эпоху Поздней империи переживало упадок. Во главе армий, отдельных корпусов и подразделений стояли теперь люди с большим военным опытом. Многие из них были сыновьями солдат и офицеров и, следовательно, с детства получали военное образование. Особенно это касается офицеров высшего ранга, которые, собственно, и командовали армиями. Так, например, магистр пехоты Сильван был сыном франкского царя Бонита, служившего под знаменами Константина I, будущий император Феодосий I был сыном прославленного полководца Феодосия Старшего, Стилихон — сыном офицера кавалерии. Юлиан — человек, далекий от военного дела, превратился в прекрасного полководца именно потому, что его обучение проходило под руководством опытных офицеров, сумевших раскрыть ему секреты военного искусства.

Сами императоры Поздней империи были прежде всего военными вождями, и от их успешных действий на полях сражений зависел не только политический престиж государства, но и прочность их власти, а иногда даже и собственная жизнь.

¹¹⁴ *Ibid.*

Многочисленные победы, одержанные римскими войсками, наглядно свидетельствуют о том, что римское военное искусство не угасло, а скорее получило новый импульс для своего развития. Множество примеров неоспоримого преимущества римских армий над их противниками можно найти как в III, так и в IV и даже в V столетии. Вот лишь те из них, о которых сообщает Аммиан. В 357 г. в битве при Аргенторате 13-тысячная римская армия разбила 35 тыс. аламаннов. Потери римлян составили 243 солдата и 3 трибуна против 6 тыс. у аламаннов (Amm., XVI, 12, 63). Либаний доводит потери аламаннов до 8 тыс. убитыми (Lib., Or., XVI, 60). В 363 г. в битве у Наармальхи римляне потеряли 70 чел. убитыми против 2500 персов (Amm., XXIV, 6, 15). В 367 г. близ Каталаунов (Шалон-на-Марне) римляне столкнулись с превосходящим числом аламаннов. В результате произошедшей битвы римская армия потеряла 1200 чел. убитыми и 200 ранеными. Потери аламаннов составили 6 тыс. и 4 тыс. соответственно (Amm., XXVII, 2, 7). В 378 г. в битве при Аргентарии римляне уничтожили 40-тысячную армию лентиензов, при этом в живых осталось не более 5 тыс. германцев (Amm., XXXI, 10, 10).

Г. Вольфрам замечает, что на полях сражений готы действовали гораздо более эффективно, находясь в составе какому-нибудь римского корпуса, чем под командованием своих королей¹¹⁵. Аларих со всеми своими силами был бессилен перед хорошо организованной армией Стилихона. Орды Радагайса также были уничтожены Стилихоном. Теодорих Великий никогда не мог достигнуть победы над римской армией, находящейся под командованием римского вождя, а многократ-

ные поражения Витигеса и Тотилы от небольших армий Велизария и Нарсеса говорят сами за себя¹¹⁶.

Даже после крушения римской государственности на Западе германские короли охотно принимали на службу римских офицеров, которые служили во всех без исключения варварских армиях¹¹⁷. Самые прославленные полководцы армии короля вестготов Евриха были римлянами¹¹⁸. Римский военачальник стоял и во главе готов, осевших в Таррагоне. Высшим офицером армии готской королевы Амаласунты был римлянин Либбер, который уже при Теодорихе осуществлял командование префектурой Галлии, входившей в состав королевства остготов. Римские офицеры служили в армиях бургундов, вандалов, франков и аламаннов¹¹⁹.

В. И. Холмогоров полагает, что плохая обученность и низкая дисциплина войск не давали римским полководцам возможности маневрирования во время боя¹²⁰. Но как же в таком случае объяснить те заметные победы, которые были одержаны римлянами на полях сражений во второй половине IV в.? Исследователь склонен приписывать их решающему значению тяжелой кавалерии¹²¹, а также, следуя в этом за Г. Дельбрюком, численному превосходству римлян. По поводу первого утверждения отметим, что при описании целого ряда битв Аммиан вообще

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 76.

¹²¹ «... в сущности, столкновение масс тяжелой конницы в значительной мере уже предопределяло исход сражения» (Там же). На это можно возразить, что если бы при Аргенторате именно тяжелая кавалерия решала судьбу сражения, то вряд ли победа досталась Юлиану.

¹¹⁵ Wolfram H. L'armée romaine comme modèle pour l'Exercitus barbarorum // ARB-AFAM. P. 14.

не упоминает о каких-либо действиях конницы; в центре его внимания всегда находятся только пехотные подразделения¹²². К тому же как нам объяснить тот факт, что плохообученная, недисциплинированная толпа разноплеменных варваров, да еще и вооруженная по большей части легким метательным оружием (именно такой видит В. И. Холмогоров римскую армию IV в.), так успешно действовала в столкновениях с персидскими клибанариями и с персидскими же боевыми слонами? Практика предшествующих столетий показала, что победа над теми и другими была невозможна без жесткой дисциплины и хорошей выучки.

В конечном итоге и сам В. И. Холмогоров вынужден согласиться, что тяжелая кавалерия не оправдала надежд, якобы на нее возлагавшихся¹²³. Остается признать, что главной причиной военных успехов римлян в борьбе с варварами было их численное превосходство над последними. Однако если мы отбросим все и без того фрагментарные цифровые данные наших источников как недостоверные, что же останется в нашем активе? Умозаключения Г. Дельбрюка, основанные исключительно на его ярко выраженных прогерманских симпатиях? Право же, этого недостаточно...

Основные сведения о тактических приемах, использовавшихся римскими полководцами в период Поздней империи, мы можем почерпнуть прежде всего у Аммиана и Вегеция. Вегеций в третьей книге своего труда подробно описывает различные боевые порядки, которые могут дать на-

глядное представление о позднеимперском военном искусстве (Veg., III, 20). Хотя Г. Дельбрюк полагает, что это лишь «доктринерски-фантастические и забавные построения»¹²⁴, они тем не менее очень часто соответствуют описаниям, приводимым Аммианом.

Наиболее распространенное построение армии, к которому прибегали как раньше, так и в современную Вегецию эпоху представляло собой каре с вытянутым фронтом¹²⁵. Слова Вегеция подтверждаются Аммианом¹²⁶. В 367 г. Комит Дагалайф вступил в сражение с аламаннами. Полностью разгромить противника не удалось, поскольку ночь положила конец битве. На следующий день Дагалайф вывел свою армию, построив ее в каре¹²⁷. Это был именно боевой, а не походный порядок, поскольку комит намеревался снова вступить в сражение с противником (Amm., XXVII, 2, 8). Феодосий Старший также выстроил свою армию в каре, когда предстояло столкновение с войсками Фирма (Amm., XXIX, 5, 39)¹²⁸.

Довольно распространенным построением было построение в виде треугольника (Veg., I, 26)¹²⁹, более известное как клин (*cuneus*), или «свиная голова» (*caput porcinum* (Veg., III, 19) или *caput porci* (Amm., XVII, 13, 9)). Вегеций сообщает, что при этом построении первые ряды пехоты были более короткими, а последующие становились все шире. Клинь действовал

¹²⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 149.

¹²⁵ «fronte longa quadro exercitu».

¹²⁶ Не следует путать два различных построения армии. Построение в одно каре (*agmine quadrato*) представляло собой боевой порядок, а построение в несколько каре (*agminibus quadratis*) — походный.

¹²⁷ «in agminis quadrati figuram producto exercitu».

¹²⁸ «agmine quadrato incedens».

¹²⁹ «in trigonum, quem cuneum uocant».

¹²² Аммиан только однажды сообщает нам название кавалерийского подразделения (Amm., XXV, 1, 7), предпочитая обычно называть отряды конницы просто «турмами»; зато он практически всегда приводит названия легионов и ауксильев.

¹²³ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 76.

по принципу тарана и разрывал строй противника на две части, поскольку основная масса метательных снарядов посылалась в центр вражеского войска и сюда же наносился главный удар (Veg., III, 19). Так, в 358 г. римляне, образовав клин, прорвали сарматские боевые порядки и по частям уничтожили противника (Amm., XVII, 13, 9). Против вражеского клина Вегеций предлагает использовать построение, называвшееся «ножницы» (*forfex*) (Veg., III, 17). Это был строй из отборных воинов в виде буквы V, который охватывал клин с двух сторон, после чего противник уже не мог прорвать боевую линию. В случае если строй был приведен в замешательство, Вегеций рекомендует выстроить перед фронтом войска самых смелых воинов, которые смогут задержать противника и дать возможность восстановить боевой порядок. Такой прием автор «Эпитомы» называет «пилой» (*serra*) (Veg., III, 17). Для того чтобы образовать клин, ножницы или пилу, Вегеций советует позади основного строя оставлять отряды из отборных пехотинцев и всадников (Veg., III, 17). Практика оставлять в резерве отборные отряды (*subsidiiales acies*) была широко распространена в IV в. Аммиан называет отряд, стоявший в резерве римской армии в битве при Солиции, «сильнейшим» (Amm., XXXI, 7, 12)¹³⁰. В битве при Адрианополе в резерве стояли Батавы — одно из лучших подразделений галльской армии (Amm., XXXI, 13, 9)¹³¹.

Применялось также и построение в виде полумесяца, при котором, не доходя 400–500 шагов до неприятеля, производилось неожиданное нападение на его строй двумя флангами одновременно (Veg., III, 20). Аммиан называет его *bicornis figura*. Имен-

но таким образом, выстроил свою армию против германцев Юлиан в сражении при Бротоме (356 г.). Враг был разбит на обоих флангах, и те, кто не был убит или взят в плен, вынуждены были спасаться бегством (Amm., XVI, 2, 13). В Маранге Юлиан выстроил свою армию против персов «полукругом с заходящими флангами» (Amm., XXV, 1, 16)¹³².

При необходимости полководец мог образовать построение в виде круга (*orbis, acies in rotundo*). В этом случае если враг прорывал фронт, то в дело вступали опытные бойцы, которые могли отбросить противника и не допустить, чтобы вся масса солдат обратилась в бегство (Veg., I, 26). Кроме того, подобное построение позволяло сражаться с численно превосходящим противником, ведя круговую оборону. Именно таким образом выстроил армию Феодосий Старший в генеральном сражении против Фирма (373 г.) (Amm., XXIX, 5, 41)¹³³.

Если вражеская кавалерия грозила окружением одному из флангов, то необходимо было развернуть стоящих на этом фланге солдат так, чтобы они образовали круг и могли сражаться, защищая спины своих товарищей (Veg., III, 19).

По-прежнему широко распространены оставались традиционные для римской тактики построения в виде двух или трех боевых линий (*acies duplex, acies triplex*). В битве при Аргенторате (357 г.) Юлиан использовал против аламаннов *acies duplex* (Amm., XVI, 12, 31), а в битве при Ктесифоне против персов (363 г.) — *acies triplex* (Amm., XXIV, 6, 9).

Кроме упомянутых выше Вегеций описывает еще несколько построений, в которых нет ничего фантастического и которые вполне могли быть применены на практике.

¹³⁰ «subsidiialis robustissimus globus».

¹³¹ «Batavos in subsidiis locatos».

¹³² «lunari acie sinuatisque lateribus».

¹³³ «aciem in rotundo habitu figuratam opponit».

Наилучшим автор «Эпитомы» считает ко- сой строй, при котором на правом крыле сосредоточивались отборные войска, а левое крыло отводилось назад с таким расчетом, чтобы оставаться вне досягаемости от метательных снарядов противника. Позади основной массы войска надлежало предусмотрительно поставить сильный резерв. Сражение начинал правый фланг. Если его постигала неудача, то в бой вступал левый, поддержанный резервными подразделениями. Следующий способ был зеркальным отражением предыдущего, и главный удар наносился левым флангом. Еще один способ построения заключался в том, что линия войска вытягивалась таким образом, чтобы его левый фланг далеко выступал за правый фланг противника, оставаясь в то же время вне досягаемости его метательных снарядов. Атака начиналась на правом фланге, где были сосредоточены лучшие подразделения. При этом противник был не в состоянии оказать помощь своему левому крылу, так как перед ним стоял развернутый строй римского войска, угрожавший ему фланговым охватом. При следующем построении войско выстраивалось таким образом, что одно его крыло примыкало к горам, озерам, рекам и другим местам, укрепленным природой; на втором крыле сосредоточивались вся конница и легковооруженные отряды. Победа достигалась атакой второго крыла за счет значительного перевеса в коннице.

5. БИТВЫ ПРИ АРГЕНТОРАТЕ И АДРИАНОПОЛЕ

К сожалению, Аммиан очень часто не дает детального описания сражений, ограничиваясь порой лишь шаблонными и схематичными фразами, не способными

дать представление о том, как в действительности развивались события. Примером такой схематизации может служить описание битвы при Салиции (377 г.) между римлянами и готами. Здесь нет никакой конкретики, описание носит обобщающий характер и может быть использовано для рассказа о любом сражении между римлянами и варварами, происходившем в это время. Индивидуальным является только исход столкновения: римляне отступили. Однако два сражения, имевшие различный исход, но одинаково важные по значению, могут быть восстановлены нами на основании описаний историка.

Битва при Аргенторате (357 г.). Из всех сражений поздней античности битва при Аргенторате может быть реконструирована наиболее полно¹³⁴. Ситуация, сложившаяся в Галлии к моменту назначения Юлиана цезарем, была крайне не простой. В середине IV в., во время войны между Магненцием и Констанцием II, из Галлии были выведены значительные воинские силы, что позволило германцам перейти в наступление и захватить обширные территории на левом берегу Рейна. Юлиан повел активные военные действия против варваров и успел нанести ряд поражений аламаннам и франкам и отбить у них Колонию Агриппину. Назревал момент для генерального сражения, которое по замыслам римского командования должно было состояться в летнюю кампанию 357 г. Аламаннов, опустошавших Галлию, было решено уничтожить совместными действиями двух армий, которые должны были взять их в тиски фланговым охватом (Amm., XVI, 11, 3). Юлиан со своими войсками двигался по на-

¹³⁴ Информацию об этом военном столкновении мы можем почерпнуть не только у Аммиана, но и у Либания. Возможно, как предположил Г. Дельбрюк, сведения, содержащиеся у этих авторов, восходят к запискам самого Юлиана (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 191).

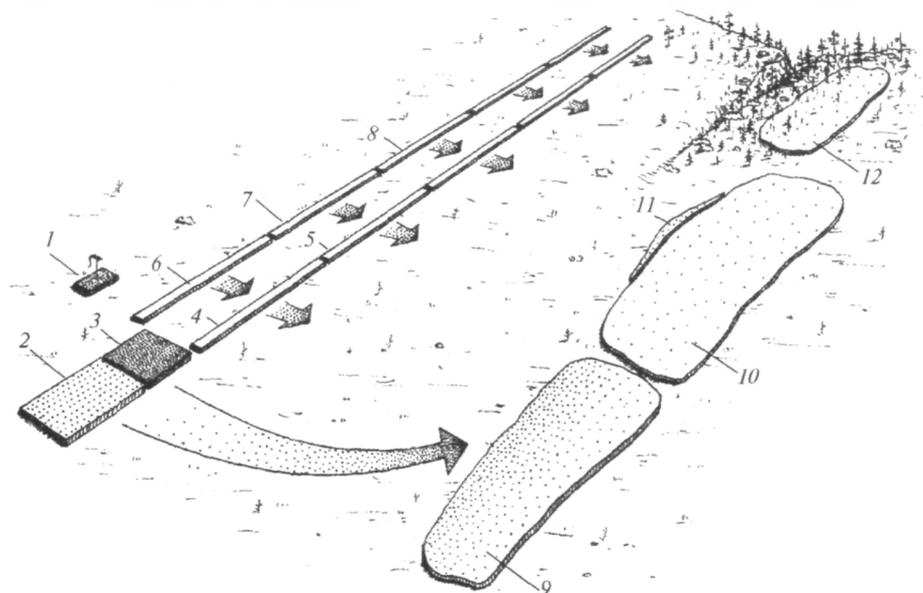
правлению к Ремам, в то же время из Италии по приказу императора Констанция выступила 25-тысячная армия под командованием магистра конницы Барбациона (Амм., XVI, 11, 2). План был безупречным, однако неумелое руководство Барбациона не позволило реализовать его: потеряв в столкновении с противником большую часть обоза, магистр посчитал за лучшее вернуться в Италию (Амм., XVI, 11, 14–15).

Поражение Барбациона придало уверенности аламаннам, которая возросла еще больше после того, как римский дезертир сообщил им, что под командованием Юлиана было всего 13 тыс. чел. (Амм., XVI, 12, 2). Аламанны увидели перед собой прекрасную возможность окончательно закрепиться на захваченных территориях и отправили к Юлиану посольство с требованием уйти с земель, которые уже были приобретены ими силой оружия (Амм., XVI, 12, 3). Семь аламаннских вождей (Хонодомарий, Вестральп, Урий, Урзицин, Серапион, Суомарий и Гортарий) стали собирать все имевшиеся у них в наличии силы (Амм., XVI, 12, 1). Три дня и три ночи их войска переправлялись через Рейн (Амм., XVI, 12, 19). Численность собранной армии достигала 35 тыс. чел., куда вошли не только аламанны, но и представители других племен, выставивших свои контингенты в соответствии с заключенными договорами о взаимопомощи. Некоторую часть составляли также наемники (Амм., XVI, 12, 26). Общее командование находилось в руках Хонодомария, опытного полководца, который нанес поражение армии цезаря Деценция, после чего захватил и опустошил многие галльские города (Амм., XVI, 12, 5). Аммиан дает высокую оценку полководческим качествам Хонодомария и называет его «вождем, превосходящим всех остальных» (*utilis praeter ceteros ductor*). Аламанны сами вы-

брали место, где они намеревались дать бой римлянам: эта позиция находилась недалеко от города Аргентората (Амм., XVI, 12, 1).

Несмотря на то что у противника был почти тройной перевес в численности, Юлиан не уклонился от сражения, как на это рассчитывали германские вожди, а двинулся к Аргенторату. О приближении римской армии аламаннов своевременно оповестила разведка (Амм., XVI, 12, 19). Тогда варвары стали строиться к битве. С точки зрения римской военной доктрины Юлиан допускал грубую ошибку, решив немедленно вступить в сражение с противником. Во-первых, его армия совершила марш в полном вооружении, длившийся не менее 5 часов. Во-вторых, он не разбил укрепленный лагерь, как это сделали со своей стороны аламанны (Амм., XVI, 12, 7), поэтому в случае неблагоприятного исхода столкновения его солдатам негде было укрыться. В-третьих, он давал бой на позиции, выбранной, а следовательно, тщательно изученной неприятелем. Несомненно, что у аламаннских вождей уже имелся план сражения, в то время как самому Юлиану и его полководцам предстояло его еще доработать. Подобные промахи дорого будут стоить Валенту в битве под Адрианополем. Впрочем, Аммиан утверждает, что Юлиан предвидел, в какой трудной ситуации может оказаться его армия, если она прямо с марша вступит в сражение, и хотел разбить лагерь, однако солдаты потребовали, чтобы он немедленно повел их в бой (Амм., XVI, 12, 11–13). Наконец, план построения римской армии, разработанный генштабом Юлиана, был сообщен германцам, однако римское командование не посчитало необходимым его изменить¹³⁵.

¹³⁵ «Когда ты узнаешь, что твой план предательски сообщен противнику, тебе, конечно, следует

Начальная диспозиция. Рис. И. В. Кирсанова:

1 — Юлиан с отрядом в 200 всадников; 2 — три турмы конных лучников (1 500 чел.); 3 — отряд катафрактариев (600 чел.); 4 — Корнуты; 5 — Бракхиаты; 6 — Батавы; 7 — Регии; 8 — Приманы; 9 — германская кавалерия и легкая пехота; 10 — германская пехота; 11 — отряд знатных германцев; 12 — правый фланг германцев, под командованием Серапиона

При известии о приближении римлян германцы стали строиться к битве. Их правым флангом командовал Серапион. На этой стороне поля находились какие-то рвы (*fossas*) (Amm., XVI, 12, 27), за которыми выстроились аламанны. В рвах укрылся большой отряд германских воинов, который должен был внезапно атаковать римлян. Согласно утверждению Аммиана, дезертир, сообщивший аламаннам о численности армии Юлиана, сообщил им также, что в сражении вся римская конница будет сосредоточена на правом

фланге (Amm., XVI, 12, 21)¹³⁶. Поэтому варвары всю свою конницу сосредоточили на левом фланге, подкрепив ее, кроме того, легкой пехотой. Командование над этим флангом, где предполагалось, что будет наиболее ожесточенный бой, сначала взял на себя сам Хонодомарий (Amm., XVI, 12, 24).

Основная масса германской пехоты находилась в центре. Неясно, как она была построена. Выше уже отмечалось, что одно из указаний Аммиана позволяет предположить, что аламанны образовали как минимум две боевые линии. Однако в идущем затем описании сражения нет ни сло-

переменить свое намерение» (Veg., III, 26; пер. С. П. Кондратьева). Данный совет Вегеция кажется вполне естественным и не может вызывать каких-либо возражений. Возникает вопрос: почему римское командование не последовало ему? Вероятно, об измене римлянам стало известно только после одержанной победы.

¹³⁶ Эта интересная подробность заставляет нас предположить, что «перебежчик-скутарий» был в действительности офицером высокого ранга (возможно, трибуном), входившим в генштаб Юлиана.

ва о действиях аламаннских резервов. Перед самым началом сражения аламаннские пехотинцы в один голос потребовали, чтобы вожди сошли с коней и встали в строй вместе с ними. Это было гарантией того, что в случае неудачи знать не покинет простых воинов (Амм., XVI, 12, 34). Хонодомарий и все остальные знатные аламанны соскочили с коней и встали в строй с пехотинцами, образовав отборный отряд (Амм., XVI, 12, 35; 49). На кого было возложено после этого командование левым флангом, Аммиан не сообщает.

Мы уже достаточно подробно говорили о том, какие подразделения входили в состав армии Юлиана. Это были 10 отрядов пехоты общей численностью около 10 тыс. чел. и 6 кавалерийских подразделений, насчитывавших в сумме около 2,5–3 тыс. всадников. Юлиан построил свою пехоту в 2 линии. Поскольку римская армия значительно уступала по численности германской, то, чтобы избежать окружения, он должен был сильно растянуть ее фронт, уменьшив глубину построения в каждом отдельном подразделении. При этом неизбежно возникала опасность того, что неглубокие римские фаланги окажутся разорванными мощным натиском германцев. Основной удар Юлиан планировал нанести левым флангом, сосредоточив здесь всю массу кавалерии. Кавалерия, очевидно, была поставлена так, как того требовала римская военная доктрина (Veg., III, 16). Тяжеловооруженные (катафрактары, Гентилы и Скутари) стояли рядом с пехотой. Им надлежало нанести главный удар по левому флангу германцев. Три турмы легкой конницы замыкали римский строй. Сам Юлиан с отрядом в 200 всадников занимал позицию на правом фланге, позади кавалерии.

После того как обе армии были построены, был дан сигнал к началу боя. Ма-

гистр Север, командовавший левым флангом римской армии, подошел ко рвам, за которыми стоял правый фланг аламаннов, и остановился, разгадав замысел германцев (Амм., XVI, 12, 27). На правом фланге бросилась в атаку римская кавалерия. Однако в разгар кавалерийского сражения был ранен трибун катафрактариев Иннокентий, а один из римских панцирных всадников, рухнув с коня на землю, был раздавлен тяжестью собственного вооружения (Амм., XVI, 12, 38). Этого оказалось достаточно, чтобы в рядах римской кавалерии началась паника. Первыми бросились бежать знаменосцы, увлекая за собой всех остальных.

Видя бегство своей кавалерии и понимая, что все его планы рушатся, Юлиан предпринял единственно возможный шаг, на который мог пойти полководец, оказавшийся в его положении: со своим небольшим отрядом он бросился наперерез отступающим всадникам. Призывая солдат выполнить воинский долг, цезарь смог заставить беглецов остановиться. Трибуны собрали свои подразделения и вновь ввели их в сражение. Г. Дельбрюк весьма скептически относится к этому рассказу, который приводит Аммиан (Амм., XVI, 12, 39–41), и считает его выдумкой. «Никакими словами нельзя остановить войска, в особенности всадников, которые уже бегут и за которыми по пятам следует противник. Если группа всадников, охваченная страхом, уже обратилась в бегство, то она сможет остановиться лишь в том случае, если на ее пути встретится естественное препятствие или если ее принудит к остановке усталость»¹³⁷. Однако Г. Дельбрюк не замечает, что при Аргенторате перед отступающей римской конницей было препятствие, которое ей пришлось обходить.

¹³⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 193.

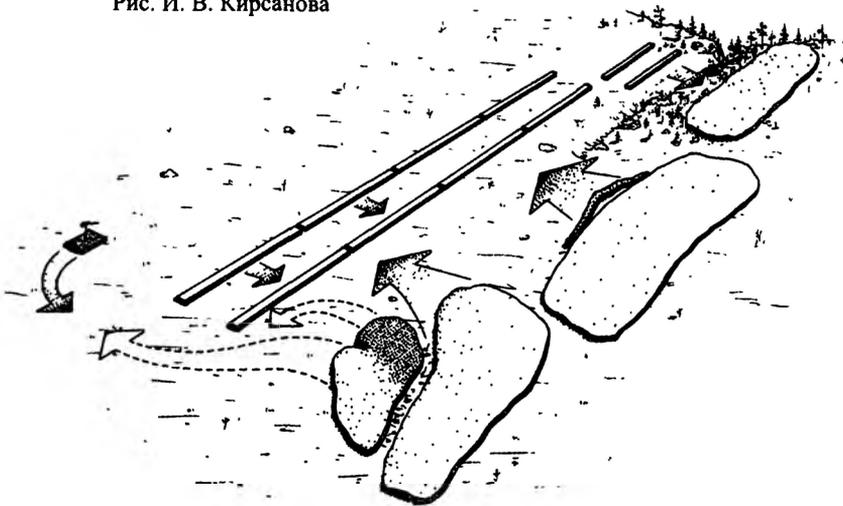

Этим препятствием стал строй римской пехоты, на который в панике поскакали всадники. Вся масса тяжелой кавалерии поневоле понеслась на свои собственные боевые порядки, поскольку свернуть в сторону ей не давали отступавшие эскадроны легковооруженных. Римские пехотинцы не дрогнули и, чтобы не быть растоптанными, сомкнули свои ряды и неподвижной стеной встретили летящую кавалерийскую лаву (Амм., XVI, 12, 38). В то же самое время на левом фланге римляне, вступив в ожесточенную схватку с германцами, обратили их в бегство (Амм., XVI, 12, 37).

Германские всадники, отбросив римскую конницу, устремились на стоявший перед ними строй римской пехоты (Амм., XVI, 12, 42), центр которой уже с большим трудом отражал страшное давление пехоты аламаннов.

Римская кавалерия обращается в бегство.

Рис. И. В. Кирсанова

Отступление римской кавалерии. Рис. И. В. Кирсанова

Корнуты отражают натиск германской кавалерии.
Рис. И. В. Кирсанова

Напор германской кавалерии отважно встретили Корнуты и Бракхиаты (Амм., XVI, 12, 43). Из второй линии строя на помощь им бросились Батавы и Регины (Амм., XVI, 12, 45). Встретив упорное сопротивление этих элитных частей римской армии, германская атака захлебнулась. Несомненно, что оправившаяся от шока римская конница должна была к этому моменту вновь вступить в сражение и нанести германцам сокрушительный удар во фланг, парировать который у них уже не было никакой возможности.

Наиболее ощутимого успеха аламаннам удалось достичь в центре. Здесь благодаря своему численному превосходству и храбрости отряда знатнейших им удалось прорвать первую линию римского боевого порядка (Амм., XVI, 12, 49). Однако легион Приманов, стоявший в центре второй линии, мужественно отразил германский удар (Амм., XVI, 12, 49–50). После этого началось повальное бегство аламаннов. Римляне преследовали варваров до берега Рейна и, уже стоя на берегу, поражали метательным оружием спасавшихся вплавь.

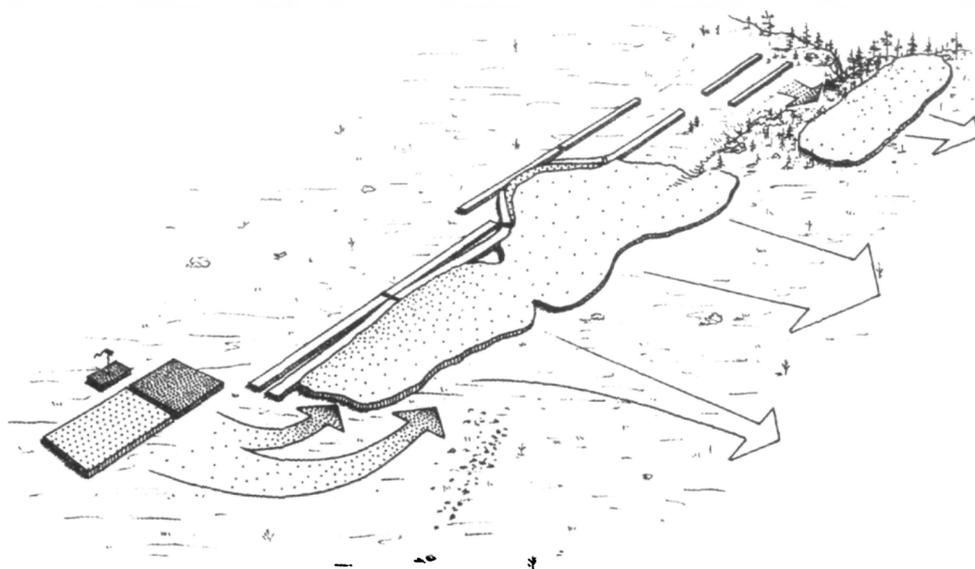
Хонодомарий с отрядом телохранителей пытался бежать, но был взят в плен конным отрядом, отправленным за ним в погоню (Амм., XVI, 12, 60).

Битва при Адрианополе (9 авг. 378 г.). Тема сражения под Адрианополем и то, как оно повлияло на ход военной истории и характер римской армии, уже неодно-

кратно обсуждались как в отечественной, так и в зарубежной историографии¹³⁸. Оценки, которые даются этому историческому событию, несут порой диаметрально противоположный характер. Одни исследователи видят в адрианопольском сражении начало новой эпохи в развитии военного искусства, полагая, что победа варваров продемонстрировала решительное

¹³⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 196–209; Austin N. Ammianus' account of the Adrianople Campaign: Some Strategic Observations // L'Antiquité classique, XV. 1972. P. 77–83; Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 303–321; Pavan M. La battaglia di Adrianopoli (378) e il problema gotico nell'impero romano // Studi romice. 1978. Vol. 27. P. 153–165; Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 77–80.

Заключительная фаза сражения. Поражение аламаннов в центре и на флангах.

Рис. И. В. Кирсанова

превосходство кавалерии над пехотой¹³⁹. Другие не склонны преувеличивать значение военного поражения римлян¹⁴⁰.

Единственным источником, позволяющим нам в общих чертах реконструировать события, непосредственно предшествовавшие Адрианопольской катастрофе, и ход самой битвы, является труд Аммиана (Амм., XXXI, 4–15). К сожалению, ис-

торик подошел к вопросу описания событий 378 г. скорее как писатель, нежели как военный специалист, и не сообщил нам, ни какова была точная численность армий противоборствующих сторон, ни ряда важных деталей самого сражения.

Численность армий. Точных данных о численности римской и готской армий, столкнувшихся под Адрианополем, как мы уже отметили, у нас нет. В современной зарубежной историографии наиболее аргументированной представляется версия Ф. Ришардо, который, сопоставив вслед за Г. Дельбрюком¹⁴¹ сообщения Аммиана и Зосима¹⁴², пришел к выводу, что армия Валента состояла из 7 подразделений пехоты,

¹³⁹ Харботл Т. Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993. С. 11; Burns Th. S. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // Historia, 22. 1973. P. 336–345.

¹⁴⁰ «Битву при Адрианополе называют великой вехой в западном военном искусстве. С нее якобы началось тысячелетнее господство рыцарей. Такие хилиастические представления неприемлемы с исторической точки зрения. Прежде всего неправильно считать, что готские всадники отныне стали непобедимыми, равно как нельзя из катастрофы при Адрианополе сделать вывод о превосходстве кавалерии над пехотой» (Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. СПб.: Ювента, 2003. С. 184).

¹⁴¹ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 197.

¹⁴² Аммиан говорит, что Валент приказал полководцу Себастьяну взять из отдельных частей (*numeri*) армии по 300 человек и с этим отрядом напасть на варваров (Амм., XXXI, 9, 2). Зосим со своей стороны утверждает, что отряд Себастиана насчитывал 2 тыс. воинов (Zos., IV, 23, 2–4).

каждое из которых могло насчитывать от 700 до 1 тыс. чел.¹⁴³ Римская конница, по мнению исследователя, была явно слабее конницы готов, и, основываясь на этом предположении, он приходит к заключению, что она не превышала 3 тыс. чел.¹⁴⁴ Для армии готов Ф. Ришардо дает цифры 10 тыс. и 5 тыс. соответственно. Вслед за ним эти расчеты были приняты П. Космом¹⁴⁵ и некоторыми другими специалистами. Таким образом, в битве, ставшей, по свидетельству Аммиана, столь же кровопролитной, как и битва при Каннах (Амм., XXXI, 13, 19), участвовало, по мнению Ф. Ришардо, не более 25 тыс. чел. Римляне потеряли $\frac{2}{3}$ армии (Амм., XXXI, 13, 18), что, согласно расчетам исследователя, составляет около 6 тыс. чел. Потери готов неизвестны, но не думается, чтобы они измерялись тысячами убитых. Следовательно, если мы примем подобные расчеты, то окажется, что масштабы Адрианопольской битвы были меньшими, чем масштабы сражений при Аргенторате, Кателаунах или Аргентарии, произошедших в ту же самую эпоху. По мнению Г. Дельбрюка, армия Валента была многочисленнее готской. Численность последней он принимает равной 10 тыс. чел., следовательно, римлян было на несколько тысяч больше¹⁴⁶. Однако данные наших источников показывают, что под Адрианополем столкнулись гораздо более значительные силы.

¹⁴³ *Richard Ph. La fin de l'armée romaine...* P. 312–313.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 313.

¹⁴⁵ *Cosme P. L'armée romaine...* P. 253. Система доказательств, используемая некоторыми зарубежными исследователями, не может не удивлять. П. Косм, например, не считает нужным пояснить, откуда он взял приведенные им цифры, а просто заявляет, что в них не может быть никакого сомнения.

¹⁴⁶ *Дельбрюк Г. История военного искусства...* С. 205.

Попробуем определить приблизительную численность римской армии, которая приняла участие в сражении под Адрианополем. Во-первых, начнем с того, что в конце 364 г. императоры Валентиниан I и Валент разделили между собой армию, собранную Юлианом, для войны с персами (Амм., XXVI, 5, 1–3). Если мы предположим, что раздел был более или менее равным, то у каждого из императоров должно было оказаться в распоряжении не менее 40 тыс. солдат¹⁴⁷. Во-вторых, как сообщает нам Аммиан, накануне восстания готов Валент вел войну с персами, и военные действия складывались для римлян весьма удачно (Амм., XXIX, 1, 3; XXX, 2, 1). Более того, император наметил весной 377 г. крупномасштабное вторжение в Персию. Предполагалось сформировать 3 армии, для чего велось крупно-

¹⁴⁷ Для похода в Персию в 363 г. император собрал все наличные силы империи и усилил армию готскими наемниками (Амм., XXIII, 2, 6). По данным Зосима, эта армия насчитывала 65 тыс. чел. (Zos., III, 13, 1). Из этих сил был выделен корпус под командованием Прокопия и Себастиана, оставленный для охраны Месопотамии. Аммиан утверждает, что корпус насчитывал 30 тыс. отборных солдат и был лишь немногим меньше той армии, которую император повел в Персию (Амм., XXIII, 3, 5; XXV, 7, 2). Согласно Зосиму, его численность составляла 18 тыс. солдат (Zos., III, 12, 5). Малала говорит, что император отправил 16 тыс. чел. к Нисибису (Malal., XIII, 21). Сухопутную армию должен был поддерживать флот, построенный по приказу Юлиана. Зосим утверждает, что флот состоял из 600 деревянных кораблей, 500 кораблей, имевших кожаную обшивку, 50 военных кораблей, множества понтонов и грузовых судов, которые везли продукты для армии, дерево для строительства осадных сооружений и уже собранные метательные машины (Zos., III, 13, 2–3). Согласно утверждению Малалы, флот Юлиана состоял из 1250 кораблей, которые были построены в Самосате (Malal., XIII, 21). На кораблях находилось около 20 тыс. солдат (Zos., III, 13, 2; Амм., XXIII, 3, 9; XXIV, 7, 4). Если мы суммируем все эти свидетельства наших источников, то должны будем признать, что императору удалось собрать армию, насчитывавшую 80–90 тыс. солдат.

масштабные военные приготовления (Amm., XXX, 2, 6)¹⁴⁸. Следовательно, когда Валент понял, что подавить восстание готов силами местных властей уже не удастся, то после заключения мира с персами он мог употребить все наличные войска для борьбы на Балканах. Отметим, что войны с персами всегда требовали от империи максимального напряжения сил. Какой же численности должна была быть римская армия, чтобы вести подобную войну? Только адекватная той, которую мог выставить против нее персидский царь¹⁴⁹. Неужели мы можем допустить, что Валент был настолько неблагоразумен, что отважился бы выступить в поход, имея всего 10–15 тыс. солдат¹⁵⁰? Конечно же, не нужно забывать, что император вербовал вспомогательные отряды готов перед предполагаемым походом в Персию, однако, узнав о событиях во Фракии, разместил их в восточных городах¹⁵¹. Тем не менее, хотя Валент и вынужден был отказаться от услуг готов, он укрепил

¹⁴⁸ «parabantur magna instrumenta bellorum, ut mollita hieme imperatore tribus agminibus perrupturo Persidem».

¹⁴⁹ Вот несколько известных нам примеров противоборства римлян с персами: в 253 г. 60-тысячная римская армия была уничтожена персами у г. Барбалисса; в 260 г. император Валериан, отправился в Персию с 70 тыс. чел. (RGDS, 1, 19–36); его армия была разбита, а сам он попал в плен; в течение 337–350 гг. Константин II вел войну с персами, полагаясь на силы всей своей армии, но постоянно терпел от них поражения (Eutrop., X, 10), хотя силы, которые находились в его распоряжении, насчитывали, очевидно, не менее 50 тыс. солдат.

¹⁵⁰ Напомним, что в 359 г. 7 легионов и два кавалерийских отряда безуспешно пытались защитить Амиду, превращенную Константином в мощную крепость (Amm., XVIII, 9, 1–2). Было бы странно предполагать, что Валент во главе отряда приблизительно такой же численности мог отважиться бросить открытый вызов персидскому царю.

¹⁵¹ После битвы при Адрианополе все они были перебиты по приказу магистра армии Юлия (Amm., XXXI, 16, 8).

свою армию, присоединив к ней множество ветеранов (Amm., XXXI, 12, 1). Кроме того, Аммиан утверждает, что армия Валента состояла из различных войск (Amm., XXXI, 12, 1)¹⁵², что, возможно, свидетельствует о том, что ее состав мог быть усилен дополнительными отрядами, составлявшими гарнизонные подразделения. Далее обратим внимание на тот факт, что Аммиан называет силы Юлиана, с которыми он в 357 г. защищал Галлию, небольшими (Amm., XXI, 9, 8; cf.: Aur. Vict., Caes., 42, 13; Oros., VII, 15). Тем не менее эта армия насчитывала 13 тыс. чел., т. е. более того, чем, по расчетам Ф. Ришардо, располагал в 378 г. Валент. С другой стороны, говоря об армии Валента, Аммиан, напротив, обращает внимание на ее многочисленность (Amm., XXXI, 11, 2)¹⁵³.

Как мы уже отмечали, Валент намеревался вторгнуться в Персию тремя армиями. Мы можем представить себе, каким образом планировалось римское наступление по аналогии с персидской кампанией Юлиана. От г. Карры в глубь персидской территории вели две дороги: одна, пересекавшая Тигр, через Нисибис шла в сатрапию Адиабену, другая, киркесийская дорога вела через Евфрат в Ассирию (Zos., III, 12, 3). Юлиан предпочел отправиться второй дорогой, однако поручил Прокопию и Себастиану отправиться через Карры к Тигру встретиться с армянским царем Арсаком и присоединиться к основным силам в Ассирии.

План вторжения Валента носил, по всей видимости, более масштабный характер, чем план его предшественника. Уже в 368 г. в Армению прибыл римский корпус в составе 12 легионов под командованием Аринфея (Amm., XXVII, 12, 16). Таким образом, становится очевидным, что замы-

¹⁵² «ducebatque multiplices copias».

¹⁵³ «cum abundanti milite».

сел Валента состоял в следующем: две римские армии, одна через Тигр, другая через Евфрат, вторгаются в персидские владения, одновременно со стороны Армении должен был выдвинуться корпус Аринфея.

Легионы, стоявшие в Армении, были выведены оттуда только после того, как Валент вынужден был отказаться от своих завоевательных планов, заключить мир с Персией (Амм., XXXI, 7, 1) и обратить все свое внимание на борьбу с готами. Под предводительством магистра армии Траяна, командовавшего военными силами Армении (Амм., XXXI, 1, 18), и комита Профутура 12 армянских легионов были перебросены во Фракию (Амм., XXXI, 7, 2).

В конце лета 377 г. (Амм., XXXI, 8, 2) у города Салиция они получили значительные подкрепления: по приказанию Грациана на помощь восточным войскам выступил полководец Фригерид с паннонскими и трансальпийскими войсками (Амм., XXXI, 7, 3)¹⁵⁴; кроме того, несколько подразделений привел из Галлии комит Рихомер¹⁵⁵. Какова была численность западных отрядов, неизвестно, однако общая численность римской армии оказалась такова, что ее полководцы отважились дать сражение при Салиции всей массе готов¹⁵⁶.

После произошедшей битвы Рихомер отправился в Галлию за новыми подкреплениями, а Фригерид, который также, очевидно, счел нужным отвести свои войска домой, получил тем не менее приказ Грациана вернуться во Фракию (Амм., XXXI, 9, 3). Корпус Фригериды был достаточно многочисленным, поскольку ему удалось

уничтожить большой отряд готов и тайфалов, находившийся под командованием готского вождя Фарнобия (Амм., XXXI, 9, 2–4). Таким образом, мы можем предположить, что уже при Салиции римская армия насчитывала не менее 20 тыс. чел., однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы полностью уничтожить готов. Битва при Салиции была очень кровопролитной, и обе стороны понесли большие потери (Амм., XXXI, 7, 16). Поле боя тем не менее осталось за римлянами: они смогли предать погребению погибших высокопоставленных офицеров. Напуганные готы в течение семи дней не решались покидать свой лагерь (Амм., XXXI, 8, 1).

После столкновения при Салиции на помощь Профутору и Траяну прибыл, очевидно с новыми войсками, магистр конницы Сатурнин (Амм., XXXI, 8, 3). И только в начале 378 г. Валент наконец-то выступил из Антиохии и направился со всей своей армией к Константинополю (Амм., XXXI, 11, 1).

Вряд ли мы можем компилировать рассказы Аммиана и Зосима, касающиеся операции Себастиана — слишком велика разница в приводимых ими фактах. Первый сообщает, что Себастиан взял по 300 солдат из каждого отряда армии Валента¹⁵⁷, чтобы, воспользовавшись благоприятным моментом, атаковать отряд нагруженных добычей варваров. Второй же утверждает, что солдаты Валента были готовы к бегству и предавались порочным страстям, поэтому Себастиан взял с собой лишь наиболее сильных новобранцев¹⁵⁸, которых затем некоторое время обучал военной науке. Аммиан передает, что военная операция, закончившаяся уничтожением

¹⁵⁴ «Frigeridum ducem, cum Pannonicis et transalpinis auxiliis adventantem».

¹⁵⁵ Галльские войска были, правда, ослаблены тем, что многие солдаты дезертировали, не желая оставлять Галлию без защиты (Амм., XXXI, 7, 4).

¹⁵⁶ В течение нескольких дней готы по приказу своих старейшин со всех сторон стекались в лагерь под Салицием (Амм., XXXI, 7, 7).

¹⁵⁷ «cum trecentenis militibus per singulos numeros lectis Sebastianus properare dispositus est».

¹⁵⁸ «νεωστὶ δὲ τινὰς ἐναριθμηθέντας τῷ στρατοπέδῳ».

отряда варваров, была проведена в первую же ночь, после того как Себастиан оставил Адрианополь (Amm., XXXI, 11, 4). Согласно Зосиму, Себастиан вел партизанскую войну и, устраивая засады, неоднократно нападал на варваров. Быть может, мы имеем дело с двумя различными эпизодами войны против готов?

Зосим весьма уважительно относится к Себастиану, бывшему верным соратником Юлиана. Поэтому он склонен преувеличивать его подвиги и пытается показать своему читателю, что избранная Себастианом тактика изматывания варваров в мелких столкновениях была единственно верной. Именно Себастиан, по утверждению Зосима, отговаривал императора от того, чтобы дать готам генеральное сражение (Zos., IV, 23, 6; 24, 1). Аммиан же, напротив, утверждает, что Себастиан преувеличил одержанную им победу и сам подталкивал Валента к решающей битве (Amm., XXXI, 12, 1; 6). В конечном итоге ничего, кроме имени Себастиана, не объединяет рассказы двух историков. Возможно, Зосим в данном случае спутал Себастиана с Сатурнином, который возглавил римский корпус, действовавший на Балканах после битвы при Салиции, и сумел, не вступая в открытое сражение с готами, окружить их.

Другой немаловажный факт противоречит версии, выдвинутой Г. Дельбрюком: имена Траяна и Сатурнина значатся среди имен офицеров, павших при Адрианополе, а из этого следует, что те 12 армянских легионов, которые находились под их командованием, не исчезли бесследно, но присоединились к императорской армии (Amm., XXXI, 12, 1; 13, 8).

После битвы при Салиции Рихомер отправился в Галлию, чтобы привести оттуда новые подкрепления. Накануне сражения под Адрианополем он прибыл в лагерь Валента. Аммиан, правда, упоминает толь-

ко о письме, которое Рихомер доставил от Грациана, однако то, что оно было доставлено комитом домашних, свидетельствует, что миссия Рихомера не ограничивалась ролью простого посыльного: по всей видимости, он привел на помощь Валенту какое-то количество западных отрядов. Доказательством этому утверждению может служить неожиданное появление на адрианопольском поле Батавов — ауксильи, входившей в состав галльской армии (Amm., XXXI, 13, 9).

Еще одно обстоятельство свидетельствует в пользу того, что силы, которыми располагал Валент, были весьма внушительными. После разгрома римской армии основная масса уцелевших солдат бросилась в лежащий неподалеку Адрианополь. Однако город не смог принять всех беглецов. Готы подошли к Адрианополю только на четвертый день после состоявшегося сражения (Amm., XXXI, 15, 3), но даже и тогда большая часть защитников города находилась за его стенами (Amm., XXXI, 15, 4) и была вынуждена отбиваться от готов, стоя на бруствере (Amm., XXXI, 15, 4)¹⁵⁹. А ведь уцелела только третья часть армии Валента. Таким образом, мы имеем все основания предположить, что спасшихся солдат было не менее 15–20 тыс. чел.

Какой же можно сделать вывод? При разделе армии в 364 г. под командованием у Валента оказалось около 40 тыс. солдат. Планировавшееся по трем направлениям вторжение в Персию предполагало, что у него было уже как минимум 50 тыс. солдат: около 12 тыс. должны были выступить из Армении, приблизительно такое же количество должно было действовать на втором второстепенном направлении и не менее 30 тыс. должно было находиться под командованием самого

¹⁵⁹ «qui prope ipsas stetero loricas».

императора. Конечно же, в состав этой армии попало большое количество вспомогательных готских отрядов, которые Валент не смог использовать для войны на Балканах. Следовательно, в его распоряжении могло находиться около 40–45 тыс. солдат. После того как он пополнил эту армию, призвав под свои знамена ветеранов и часть гарнизонных войск, а также получил подкрепления с Запада, его наличные силы должны были увеличиться еще на несколько тысяч человек. Поэтому не покажется преувеличением, если мы предположим, что под Адрианополем римская армия насчитывала не менее 45–50 тыс. солдат.

Относительно численности готов, участвовавших в Адрианопольском сражении, мы располагаем столь же неопределенными сведениями. Евнапий утверждает, что их было немногим меньше 200 тыс. воинов (Еупар., fr. 43). Однако большинство исследователей считают эту цифру явным преувеличением. Поэтому все расчеты основываются на сообщении Аммиана, что передовые римские войска определили численность готов всего в 10 тыс. чел. (Амм., XXXI, 12, 3)¹⁶⁰.

Прежде чем говорить о количестве готов, собравшихся под Адрианополем, вернемся к событиям, предшествовавшим этому сражению. Отметим, что в 375 г. разрешение перейти через Дунай получили только готы-тервинги (Амм., XXXI, 4, 8). Остальным готским племенам было в этом отказано (Амм., XXXI, 4, 12). Количество мужчин, способных носить оружие, среди новых переселенцев было не очень велико, по крайней мере когда готы подняли восстание, комит Фракии Лупицин отважился выступить против них, опираясь лишь на войска, находившиеся под его

командованием (Амм., XXXI, 5, 9). После того как он потерпел поражение в битве под Маркианополем, к Фритигерну, предводительствовавшему готами, присоединились отряды Сфериды и Колии, нанятые Валентом для участия в планировавшейся персидской кампании (Амм., XXXI, 6, 1; 3). Численность этих отрядов также не могла быть чрезмерно большой, ввиду того что комендант Адрианополя попытался уничтожить их силами фабричных рабочих, которым он приказал раздать оружие. Становится понятно, почему Валент рассчитывал в первый момент подавить готское восстание с помощью корпуса, выведенного из Армении, и вспомогательных войск, обещанных ему Грацианом. Как мы уже отмечали, в битве при Салиции римлянам противостояла не какая-то отдельная группа, а основная масса готов. В IV в. римлянам неоднократно приходилось вступать в сражения с противником, превышавшим по численности их армии в 2 и более раз, и тем не менее одерживать при этом победы. 15–20 тыс. закаленных в боях солдат под командой опытных полководцев вполне могли противостоять 30–50 тыс. плохо вооруженным варварам. После битвы при Салиции готы, понесшие ощутимые потери, призвали себе на помощь гуннов и аланов (Амм., XXXI, 8, 4). К этому времени восставшие уже были окружены римскими пикетами, через которые они безуспешно пытались прорваться (Амм., XXXI, 8, 3). Именно подход новых сил варваров заставил римское командование увести свои войска и отдать готам и их новым союзникам на разграбление Фракию (Амм., XXXI, 8, 5–6). Вместе с гуннами и аланами через Дунай перешли и новые массы готов, прежде всего гревтунгов и тайфалов¹⁶¹.

¹⁶⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 202.

¹⁶¹ В 375 г. царю гревтунгов Витерикю и его опекунам Алафею и Сафраку, а также готскому князю Фарнобию не было позволено переправиться

Очевидно, только теперь ситуация приняла катастрофический характер, и Валент, опасаясь, что имевшихся у него сил может быть недостаточно, вновь обратился к Грациану, прося его выступить на помощь со всей своей армией (Амм., XXXI, 10, 3). Это обращение Валента свидетельствует о том, сколь велика стала опасность, в которой оказались балканские провинции империи. Для сравнения отметим, что в 350-е гг., когда аламанны и франки опустошали Галлию и уже селились на захваченных римских землях, Констанций не подумал о том, чтобы подкрепить галльскую армию дополнительными силами, и тем не менее Юлиану удалось восстановить рейнскую границу; в 367 г., когда опасность была не меньшей, Валентиниан I не обратился за помощью к брату, но только силами западных войск изгнал варваров одновременно из Галлии и Британии.

Когда Аммиан утверждает, что готов было, как песка в ливийской пустыне, и сравнивает их с армией Ксеркса (Амм., XXXI, 4, 6–7), не будем забывать, что речь идет о всей массе переправлявшихся на римский берег, а не о тех, кто был способен носить оружие. Даже если мы предположим, что общая численность готов составляла 200 тыс. чел., то из всего этого количества лишь около 40 тыс. мужчин могли быть пригодными к военной службе. Неудачные действия римских военных властей в начале восстания привели к тому, что через дунайскую границу начали переправляться все новые толпы варваров, рассчитывавших на богатую добычу. Поэтому, если под Макианополем и Салицием римлянам пришлось сражаться

с 30–40 тыс. готов, то под Адрианоподем количество варваров могло быть уже как минимум в 2 раза больше.

Накануне сражения. Валент выступил из Мелантиады в начале августа 378 г. (Амм., XXXI, 12, 1)¹⁶². Римская разведка сразу же обнаружила готов и следила за ними в течение трех дней (Амм., XXXI, 12, 3). Наконец императору было доложено, что в 15 милях¹⁶³ от Адрианополя готы в количестве 10 тыс. чел. повернули на боковую дорогу, ведущую по направлению к римскому укреплению Ника (Амм., XXXI, 12, 3)¹⁶⁴. Сразу отметим, что Аммиан говорит лишь об *одной части* готского войска, с которой столкнулась римская разведка (Амм., XXXI, 12, 3)¹⁶⁵. Получив это известие, император тут же загорелся желанием вступить в сражение с противником (Амм., XXXI, 12, 3)¹⁶⁶, выстроил армию в боевой порядок (Амм., XXXI, 12, 4)¹⁶⁷ и поспешил навстречу готам (Амм., XXXI, 12, 3)¹⁶⁸. Из слов Аммиана следует, что Валент рассчитывал встретиться с передовым отрядом варваров еще до захода солнца, иначе его действия трудно объяснить. Тем не менее в этот день римляне так и не обнаружили противника и к вечеру подошли к Адрианополю. При этом представляется странным местонахождение готов: они не только не приблизились к Нике, но оказались еще дальше от Ад-

¹⁶² Мелантиада находилась на расстоянии 140 стадий от Константинополя (Agath., V, 14).

¹⁶³ Римская миля (1000 *passus*) составляет 1481,5 м, таким образом, получается, что варвары приблизились на расстояние около 22 км.

¹⁶⁴ Ника, как нам известно, являлась штаб-квартирой Валента, недалеко от которой, вблизи императорской виллы Мелантиады, разбила лагерь римская армия (Амм., XXXI, 11, 2).

¹⁶⁵ «omnem illam multitudinis partem, quam viderant».

¹⁶⁶ «procaci calore percussus».

¹⁶⁷ «agmine quadrato incedens».

¹⁶⁸ «occurrere festinabat».

на римскую территорию (Амм., XXXI, 4, 12–13). Однако осенью 377 г. Фригерид обнаружил Фарнобия уже во Фракии (Амм., XXXI, 9, 3), а конница Алфея и Сафрака приняла участие в сражении под Адрианоподем.

рианополя, чем были на тот момент, когда их заметили римские патрули. Что же произошло? Почему неминуемое столкновение не состоялось? Г. Дельбрюк, полагает, что Валент выступил от Адрианополя по направлению к Филиппополю, когда получил данные разведки, что готы находятся у него в тылу и, двигаясь на Нику, угрожают дороге, ведущей в Константинополь. Это известие заставило римскую армию вернуться назад к Адрианополю¹⁶⁹. Однако Г. Дельбрюк совершенно не учитывает, что римская разведка постоянно следила за перемещениями готских отрядов, о которых докладывала в императорскую ставку в Нике (Амм., XXXI, 11, 2; 12, 2). Когда же стало известно, что сторожевыми постами противник собирается перекрыть дороги, по которым подвозился провиант для армии (Амм., XXXI, 12, 2)¹⁷⁰, то эта попытка была быстро пресечена: специально выделенный римский отряд занял ближайшие горные проходы (Амм., XXXI, 12, 2)¹⁷¹. Аммиан нигде не говорит, что Валент дважды стоял под Адрианополем, как это пытается представить Г. Дельбрюк, напротив, он сообщает, что, прибыв к городу, Валент тут же укрепил лагерь валом и рвом (Амм., XXXI, 12, 2)¹⁷². Если бы римская армия однажды уже была у Адрианополя, то она могла просто занять свой старый лагерь. К тому же, для того чтобы двигаться тем путем, каким «посылает» римлян Г. Дельбрюк, необходимы были веские основания. Немецкий иссле-

дователь полагает, что такое основание было: стремление Валента соединиться с армией своего племянника¹⁷³. Но для этого восточному императору было необходимо знать, где именно будет ждать его галльская армия. На тот момент, когда Валент выступил в поход, на руках он имел только сообщение Грациана о его блестящей победе над лентиензами (Амм., XXXI, 11, 6; 12, 1). Западный император находился еще в пути и сам не знал, где и когда он может встретиться с Валентом (Амм., XXXI, 11, 6). Не вернулся еще после своей экспедиции и Себастиан. О нанесенном готам поражении Валент получил от последнего лишь письменное сообщение (Амм., XXXI, 12, 1)¹⁷⁴. Себастиан же, как известно, действовал со своим отрядом в окрестностях Адрианополя (Амм., XXXI, 11, 4). Таким образом, после удачного окончания дела на следующий день Себастиан мог возвратиться в город и оттуда отослать свой рапорт в Нику. В противном случае, если следовать логике Г. Дельбрюка, нам придется предположить, что Валент выступил в поход, не дожидаясь исхода предприятия, задуманного Себастианом, и письмо последнего догнало его где-то на пути к Филиппополю.

Итак, Валент, получив известия о победах, одержанных Грацианом и Себастианом, посчитал, наконец, что пришло и его время стяжать лавры, и двинулся по дороге, ведущей к Адрианополю. Но через своих лазутчиков готы вовремя получили известие о движении им навстречу огромной императорской армии и, напуганные этим известием, спешно повернули назад. Свой лагерь они разбили

¹⁶⁹ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 198.

¹⁷⁰ «cognitum est cogitare hostes fortibus praesidiis itinera claudere, per quae commeatus necessarii portabantur».

¹⁷¹ «ad retinendas oportunitates angustiarum, quae prope erant, peditibus sagittariis et equitum turma citius missa».

¹⁷² «prope suburbanum Hadrianopoleos venit, ubi vallo sudibus fossaque firmato».

¹⁷³ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 198.

¹⁷⁴ «quodque Sebastianus subinde scribens facta dictis exaggerabat».

на расстоянии 25–28 миль (ок. 41,5 км) от Адрианополя¹⁷⁵.

Действия Валента после пребывания под Адрианополя на первый взгляд представляются трудно объяснимыми: вместо того чтобы преследовать отступающего противника, он останавливается под городом, укрепляет лагерь и ждет известий от Грациана. Во всем этом описании отсутствует какая-либо логика: что заставило императора, еще недавно желавшего немедленно уничтожить готов, усомниться в своих силах? Что побудило часть его военачальников советовать дожидаться прихода галльской армии? Неужели для того, чтобы уничтожить 10 тыс. готов, требовалось соединения в единый кулак всех наличных сил империи? Нам представляется, что в тексте Аммиана в данном случае присутствует определенная смысловая лакуна. Не думается, что римская разведка допустила серьезную ошибку в определении численности первоначальной массы готов. Как известно, «у страха глаза велики». Поэтому было бы более вероятно, если бы разведчики преувеличили, нежели преуменьшили число врагов. Однако если мы предположим, что разведка ошиблась хотя бы в 1,5–2 раза, это значит, что люди, на которых была возложена задача определить численность противника, были непрофессионалами и совершенно некомпетентны в своем деле. Не хочется верить, что римское командование отрядило для выполнения столь ответственной миссии дилетантов. По-видимому, разведка обнаружила лишь передовой отряд противника, который, испугавшись неминуемого столкновения с римлянами, повернул на соединение с основными сила-

ми, находившимися в районе Адрианополя. Когда Валент подошел к городу, то ему доложили, что численность армии противника значительно возросла. Получив это донесение, император понял, что решить дело одним молниеносным ударом уже не удастся. Именно поэтому, разбив укрепленный лагерь, он стал с нетерпением ждать Грациана (Amm., XXXI, 12, 4)¹⁷⁶. Неизвестно, сколько прошло времени до того, как комит доместиков Рихомер доставил в лагерь Валента письмо, извещавшее о скором прибытии западной армии (Amm., XXXI, 12, 4). Трудно предположить, что это произошло в тот же день, когда восточный император встал лагерем под Адрианополем. Ведь прежде, чем появиться у Валента, Рихомер должен был сначала получить точные данные, где находится императорский лагерь. Могло пройти несколько дней, прежде чем была получена такая информация. Не будем забывать, что, в связи с тем что готы оккупировали всю территорию Фракии вплоть до Адрианополя, задача, возложенная на Рихомера, была весьма непростой, и выполнение ее требовало особой осторожности, а значит, и затраты времени. Кроме того, Рихомер мог, как мы и предположили, явиться в лагерь Валента не один, а привести с собой несколько подразделений галльской армии. Движение же воинского контингента по территории, занятой врагами, могло происходить еще более медленно. Только после прибытия Рихомера стал решаться вопрос, что делать дальше: ждать ли подхода западной армии или же попробовать уничтожить противника, опираясь на собственные силы. Г. Дельбрюк полагает, что Валент не вступил бы в сражение в тот момент, когда западная армия находилась поблизости от него, если бы не был твердо уверен в своей победе.

¹⁷⁵ Согласно Аммиану, выступившая на рассвете римская армия столкнулась с готами «в восьмом часу», или около 14 часов по нашему счету (Amm., XXXI, 12, 11).

¹⁷⁶ «impatienter operiens».

Рассказ о том, что это желание было рождено завистью к военным успехам молодого племянника, Г. Дельбрюк считает «простой адъютантской сплетней»¹⁷⁷. Утверждение достаточно спорное.

Вопрос, почему Валент принял решение о выступлении в поход 9 августа, является весьма важным для понимания событий, произошедших в этот роковой для римлян день. С одной стороны, император не блистал полководческими талантами (Амм., XXXI, 14, 3), но с другой — он не был новичком в военном деле и практически 15 лет стоял во главе армии. Его окружали опытные полководцы, имевшие за плечами десятилетия военной службы. Эти высокопоставленные офицеры отлично знали, на что способны солдаты, которых им предстояло вести в бой, и на что способен противник, с которым предстояло иметь дело. Кроме того, римскому командованию было отлично известно, на каком расстоянии от Адрианополя находился готский лагерь, были известны дороги, по которым придется двигаться, и можно было рассчитать время, которое потребуется армии, чтобы проделать этот путь. Выше мы уже отмечали, что римлянам нужно было идти не менее 7 часов в полном вооружении. Подобный марш-бросок противоречил существовавшим уставам. Для чего нужен был такой трудный переход, после которого предстояло еще несколько часов сражаться с противником? А если бы готы отказались принимать бой? Что ждало бы в этом случае римскую армию? Обоз со съестными припасами и фуражом оставлен в Адрианополе, разбить лагерь перед вражеским станом было практически невозможно, следовательно, нужно было после нескольких часов ожидания в строю развернуться и ид-

ти назад. Как долго могла пройти измотанная до крайности армия и дали ли бы варвары ей такую возможность? Как можно все это объяснить с точки зрения здравого смысла? Почему было, например, если уж решили по каким-то субъективным или объективным соображениям вступить в бой, не приблизиться к вражескому лагерю на безопасное расстояние, разбить собственный лагерь, дать людям и лошадям необходимый отдых и на следующий день со свежими силами, в полном боевом порядке подойти к неприятелю; в случае если готы не захотели бы давать сражение, можно было бы вернуться назад к своим палаткам.

Все эти соображения подводят нас к мысли, что 9 августа римляне вообще не собирались вступать в сражение, и Валент до самого начала столкновения рассчитывал, что дело удастся решить мирным путем. Аммиан сообщает, что 8 августа в римский лагерь прибыл христианский пресвитер, передавший императору тайное послание от Фритигерна, в котором тот убеждал Валента подойти к лагерю готов и демонстрацией мощи своей армии заставить их сложить оружие (Амм., XXXI, 12, 9)¹⁷⁸. Римское правительство по-прежнему видело в готах землепашцев и солдат, а потому не стремилось совершенно уничтожить их¹⁷⁹. Именно появление посланца готского вождя повлияло

¹⁷⁸ «nisi subinde armatum isdem iuxta monstraret exercitum et timore imperatorii nominis intentato eos a pernicioso pugnandi revocaret ardore».

¹⁷⁹ По мнению А. Барbero, Фритигерн действительно не исключал возможности примирения с римлянами, чтобы затем занять какой-нибудь высокий пост в администрации империи. С другой стороны, его план обойти армию Валента и отрезать его от столицы провалился, поэтому ему ничего не оставалось делать, как дать битву на выбранной им территории (*Barbero A. Le jour des Barbares. Adrinople 9 août 378*. Paris: Flammarion, 2006. P. 172–173).

¹⁷⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 199.

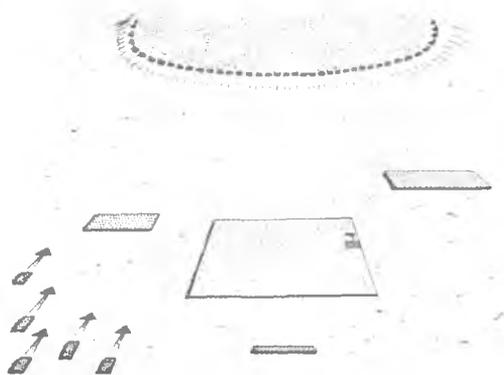

Схема сражения при Адрианополе.
Римская армия строится в боевой порядок.
Рис. И. В. Кирсанова

на решение Валента выступить на следующий же день.

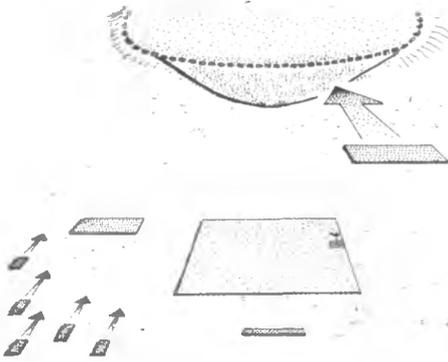
Но какова в адрианопольском деле действительная роль Фритигерна? Искал ли он мира с римлянами или желал продолжения войны? События 9 августа доказывают, что у Фритигерна был прекрасно разработанный план сражения. Он с умыслом разбил свой лагерь на расстоянии, пройти которое за один переход можно было только с крайним напряжением сил. После этого он некоторое время избегал столкновения, ожидая вестей о подходе готско-аланской кавалерии, и когда ему сообщили, что она находится на расстоянии менее двух дневных переходов, Фритигерн сразу же начал свои переговоры с Валентом: вождю варваров было известно о подходе западной римской армии и теперь откладывать решительную битву с Валентом он уже не мог. Как некогда Юлиан во время персидского похода поверил мнимому перебежчику-персу, так и теперь Валент со своими генералами посчитал за истину то, что им хотелось считать таковой.

Ход сражения. 9 августа, оставив обоз и казну в Адрианополе, на рассвете Валент выступил навстречу готам. После

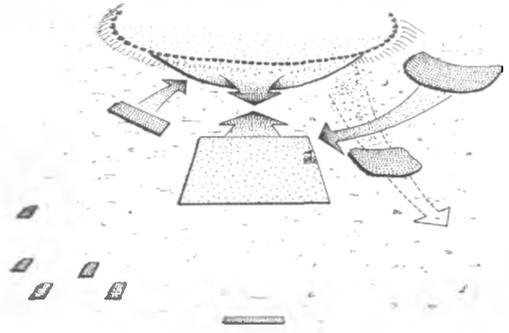
трудного многочасового перехода римляне увидели окруженный телегами неприятельский лагерь (Аmm., XXXI, 12, 11). Римские полководцы стали выстраивать армию. Центр боевого порядка образовывала пехота; позади ее основной массы был оставлен небольшой резерв из отборных подразделений, среди которых были Батавы. Эскадроны Скутариев и конных лучников встали на правом фланге, который был развернут впереди линии фронта пехоты (Аmm., XXXI, 12, 12). Левый фланг должны были образовать оставшиеся кавалерийские подразделения, однако большая их часть все еще двигалась к месту предстоящего сражения и прямо с марша занимала свое место в строю.

Готы не желали вступать в сражение, прежде чем им на помощь не подойдут со своей кавалерией вожди Алафей и Сафрак, которые были уже извещены о наступлении римлян и должны были прибыть с минуты на минуту (Аmm., XXXI, 12, 12). Чтобы скрыть от неприятеля появление на поле боя ожидаемых подкреплений, готы жгли по всей равнине костры: вероятно, ветер дул в сторону римской армии и дым застилал римлянам глаза, не давая возможности отчетливо видеть то, что происходило у варваров (Аmm., XXXI, 12, 13). Как только стало известно, что всадники Алафея и Сафрака уже рядом, готы стали строиться к битве. В то время как варвары толпами в беспорядке выходили из-за стены своих повозок, Бакурий и Кассион, командовавшие правым флангом римской армии, посчитали, что настал благоприятный момент для атаки и, не дожидаясь приказа верховного командования, бросились вперед (Аmm., XXXI, 12, 16).

Возможно, римским всадникам удалось бы опрокинуть не готовых еще к бою варваров, однако произошло то, чего до-

Атака римской кавалерии на правом фланге.
Рис. И. В. Кирсанова

Атака готско-аланской кавалерии.
Рис. И. В. Кирсанова

жидались готы и чего никак не могли предположить их противники: на поле сражения показалась кавалерия Алафея и Сафрака. Завидев неожиданно появившегося неприятеля, римляне в панике развернули коней и помчались прочь (Амм., XXXI, 12, 17). Готско-аланская кавалерия во весь опор понеслась во фланг римской пехоты, которая уже вступила в сражение с основными силами готов.

Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась в этот момент римская армия, еще не все было потеряно. Эскадроны римской конницы, собранные на левом фланге, отважно помчались в атаку и, опрокинув готов, продвинулись до самого табора. Однако их усилия не были поддержаны теми подразделениями, которые подошли на поле сражения позже и не были еще поставлены в строй (Амм., XXXI, 13, 2).

Варвары, «высыпавшие несчетными отрядами» из-за повозок, опрокинули римских всадников¹⁸⁰. После этого вся римская армия оказалась зажатой в тиски: «... и в этой страшной тесноте нельзя было очистить место для отступления, и давка отнимала

всякую возможность уйти, — пишет Аммиан, — наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири» (Амм., XXXI, 13, 3; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Римляне мужественно сопротивлялись. Валент, пробираясь по грудам мертвых тел, бросился к стоявшим «несокрушимой стеной» легионам Ланциариев и Маттиариев (Амм., XXXI, 13, 8)¹⁸¹. В резерве должны были находиться Батавы, появление которых могло переломить ход сражения. Однако когда магистр Виктор поскакал к ним, чтобы привести на помощь, то не смог их найти: вероятно, Батавы предпочли не искушать лишний раз судьбу и позаботились о собственном спасении.

Не в силах выдержать одновременно фронтального и флангового удара, римская пехота наконец обратилась в бегство. Поражение было полное. Две трети армии во главе с самим императором погибли в этой страшной сече. Как пишет Аммиан, понесенные потери остались невосполненными даже к тому времени, когда он заканчивал свой грандиозный

¹⁸⁰ «Effusi inmensis agminibus barbari iumenta contrebant et viros».

¹⁸¹ «fixis corporibus steterant inconcussi».

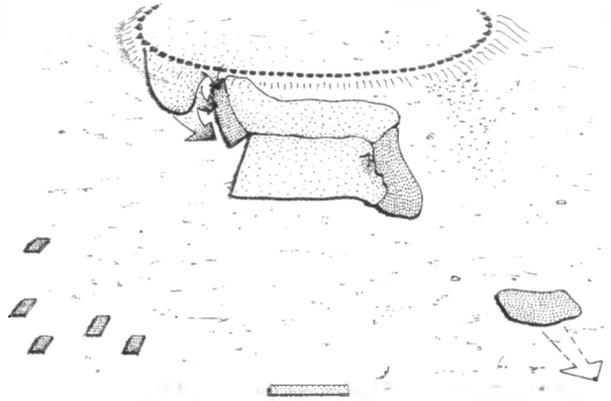

Ланциарии и Маттиарии отражают натиск готов.
Рис. И. В. Кирсанова

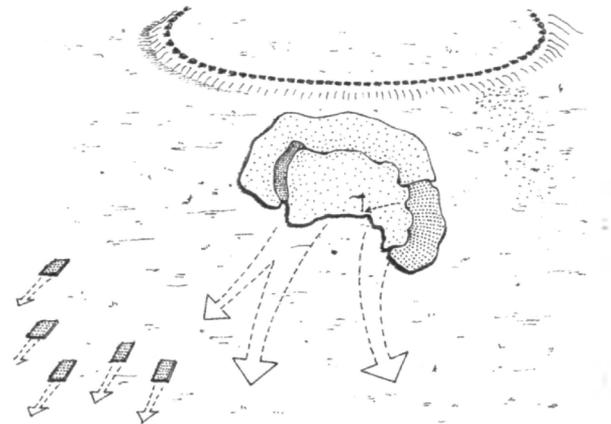
труд (ок. 390 г.) (Amm., XXXI, 13, 11)¹⁸². Конец убийствам положила безлунная ночь, позволившая оставшимся в живых добраться до Адрианополя.

Г. Дельбрюк посвятил целую главу анализу сражения под Адрианополем, в которой он попытался не только реконструировать ход событий, предшествовавших этой битве, определить численность армий противостоявших сторон, восстановить картину самого сражения, но и ответить на вопрос: в чем же была причина поражения Валента¹⁸³? Исследователь, приходит к выводу, что под Адрианополем силы обеих сторон были приблизительно равными, а потому, как он считает, военных оснований для абсолютного разгрома римлян не было. Причину их поражения Г. Дельбрюк склонен видеть в том, что арианство Валента вызвало резкое недовольство в народе и в среде военных, что повлекло за собой измену части армии и высшего командного состава¹⁸⁴.

Э. Нишер, сравнивая Аргенторатское и Адрианопольское сражения, стремится объяснить их различный исход, во-первых, умелым командованием Юлиана,

Окружение римской армии.
Рис. И. В. Кирсанова

Окончательное поражение
римской армии.
Рис. И. В. Кирсанова

¹⁸² «haec numquam pensabilia damna».

¹⁸³ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 196–209.

¹⁸⁴ «Так как нельзя обнаружить непосредственно военных оснований для абсолютного поражения одной стороны, то можно предположить, что некоторую роль в этом деле сыграла внутренняя политическая слабость Римской империи — другими словами, измена или по крайней мере недостаточно добрая воля» (Там же. С. 205).

а во-вторых, и главным образом, тем, что галльская армия представляла собой единое целое, в то время как армия Валента состояла из разрозненных отрядов, наспех стянутых из различных провинций¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Nischer E. von. Die Schlacht bei Strassburg im Jahre 357 n. Chr. // Klio. 1927. S. 403.

В. И. Холмогоров полагает, что полководцы Валента под Адрианоподем имели возможность повторить тот же маневр, который принес успех Юлиану под Аргенторатом (т. е. выдвижение пехотного резерва против атакующей во фланг конницы), однако они не смогли по каким-то причинам этого сделать. Вероятно, этому воспрепятствовало разложение, царившее в рядах самой римской армии¹⁸⁶. По мнению В. И. Холмогорова, армия Юлиана состояла главным образом из вербованных волонтеров-германцев, которых можно было своевременной выплаты жалованья побудить достойно сражаться. У Валента же основная часть армии состояла из принудительно набранных *крепостных-летов*. «Таких подневольных солдат-варваров никакими усилиями нельзя было воодушевить к бою с варварами-готами, которые могли принести им только освобождение от беспощадно давившей их римской государственной машины, они массами дезертировали из армии еще до столкновения с неприятелем»¹⁸⁷. Поэтому В. И. Холмогоров, так же как Г. Дельбрюк и Э. Нишер, склонен объяснять поражение римлян под Адрианоподем причинами военного характера.

Но действительно ли не было чисто военных причин, обусловивших сокрушительное поражение римлян? Ф. Ришардо, уделивший большое внимание анализу Адрианопольского сражения, придерживается прямо противоположного мнения¹⁸⁸.

¹⁸⁶ «Хотя между Аргенторатом и Адрианоподем протекло всего 20 с небольшим лет, процесс внутреннего распада римской полевой армии за этот краткий период далеко продвинулся вперед» (Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа... Гл. XII. С. 78–79).

¹⁸⁷ Там же. С. 79.

¹⁸⁸ *Richardot Ph. La fin de l'armée romaine...* P. 303–321.

Вообщем, принимая для численности обеих армий цифровые данные, предложенные Г. Дельбрюком, он тем не менее склонен считать, что поражение римлян носило чисто военный характер. Некоторые из причин уже были отмечены нами выше (утомительный переход, отсутствие укрепленного лагеря). К этому можно добавить, что, по мнению исследователя, Валент должен был сразу начать бой, а не вступать в новые переговоры с Фритигерном, все еще не веря очевидным фактам и все более и более изматывая своих и без того утомленных многочасовым переходом и напряженным ожиданием солдат. Неудивительно, что римляне бросились в атаку, не дожидаясь приказов своих военачальников. Стихийно начавшееся сражение Ф. Ришардо называет «солдатской батальей», в которой главнокомандующий не принял никакого участия¹⁸⁹. При таких обстоятельствах, делает вывод Ф. Ришардо, любая армия была бы обречена на поражение. Этот аргумент исследователя в действительности не может быть принят во внимание. Во-первых, потому, что Валент вел переговоры с вождем готов в тот момент, когда его армия еще только строилась в боевой порядок. Поэтому даже если бы он пожелал немедленно начать сражение, он не смог бы этого сделать. Во-вторых, переговоры как раз и были той целью, ради которой император появился со своей армией перед вражеским лагерем. Да, поражение римлян носило чисто военный характер. Но судьба римской армии решилась не 9 августа, а днем раньше в палатке Валента, когда императору показалось, что победа может быть бескровной.

¹⁸⁹ «Andrinople est ce qu'on appelle une bataille de soldats, commencée et livrée sans intervention du général en chef» (Ibid. P. 319).

6. ИОВИАНЫ И ГЕРКУЛИАНЫ. ИСТОРИЯ ДВУХ ЛЕГИОНОВ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Иовианы и Геркулианы были самыми знаменитыми подразделениями позднеримской армии. Упоминания о них сохранились у Аммиана Марцеллина, Вегеция, Евнапия, Зосима и Григория Турского. Названия этих подразделений должны указывать, что они были образованы из солдат легионов *Iovia* и *Herculia*, созданных в период первой тетрархии. Впрочем, свидетельства, сохраненные нашими источниками, позволяют выдвинуть и другую версию появления Иовианов и Геркулианов. Согласно утверждению Вегеция, оба легиона были образованы в III в. в Иллирике, по-видимому, еще до прихода к власти Диоклетиана. При своем формировании они были названы *Маттиобарбулами* и насчитывали по 6 тыс. солдат. Это название было дано легионам, потому что легионеры были вооружены маттиобарбулами, или плумбатами. Легионеры носили по пять таких дротиков внутри своих щитов (Veg., I, 17). Маттиобарбулы проявили себя во многих войнах и уже в это время стали самыми прославленными легионами империи. После того как Диоклетиан избрал своим соправителем Максимиана (286 г.), было принято называть наиболее отличившиеся воинские подразделения *иовиевыми* и *геркулиевыми* (Aug. Vict., Caes., 39, 18)¹⁹⁰, поэтому Маттиобарбулы были переименованы в Иовианов и Геркулианов. Эти легионы императоры предпочитали всем остальным (Veg., I,

17)¹⁹¹. Отправляясь в Галлию подавлять восстание багаудов, Максимиан, очевидно, взял оба легиона с собой. Неизвестно, вернулись ли Иовианы и Геркулианы обратно в Иллирик, мы знаем только, что в середине IV в. они находились в Галлии. Возможно, они были оставлены здесь для постоянного несения службы Максимианом или же были переведены сюда Константином после того, как он победил брата и присоединил его владения к своим¹⁹². Константин вел напряженные войны с аламаннами и, несомненно, не упустил бы случая укрепить галльскую армию двумя лучшими легионами империи. Об исключительном положении в армии этих подразделений может свидетельствовать тот факт, что комит обоих легионов Магненций организовал заговор против Константа и сам был провозглашен новым императором (Zos., II, 42, 2). Иовианы и Геркулианы поддерживали своего командира и, конечно же, приняли самое активное участие в начавшейся затем гражданской войне. После поражения Магненция некоторые западные подразделения, оказавшие ему поддержку, в наказание за это были переведены на Восток. Подобная судьба постигла Иовианов и Геркулианов: этих легионов не было в Галлии, когда командование армией принял цезарь Юлиан. Они были переведены в одну из малоазийских провинций. Нам только известно, что офицеры из обоих подразделений помогали в проведении судебных процессов, проходивших в Халкедоне над сторонниками Констан-

¹⁹¹ «eosque cunctis legionibus praetulisse doceantur».

¹⁹² Константин II (337–340 гг.) правил Испанией, Британией и Галлией. Константин получил Иллирик, Италию и Северную Африку. В 340 г. Константин начал войну с Константином, намереваясь захватить его владения (Zos., II, 41), но потерпел поражение под Аквилеей и погиб, после чего Константин стал единоличным правителем Запада.

¹⁹⁰ В честь Диоклетиана-Иовия и Максимиана-Геркулия.

ция II, после того как Юлиан стал императором (Amm., XXII, 3, 2). Сам факт участия командного состава легионов в этих делах со всей очевидностью демонстрирует, какие чувства должны были питать Иовианы и Геркулианы к победителю при Мурсе.

Возможно, что неприязненное отношение Геркулианов и Иовианов к сыновьям Константина I было далеко не случайным. В легионах, возведенных при Диоклетиане, был, по всей видимости, достаточно сильно развит культ Юпитера и Геркулеса. Константин не решился открыто запретить исповедовать языческие культы¹⁹³. Однако его сыновья отошли от политики веротерпимости¹⁹⁴. Недовольство Константом могло быть вызвано прежде всего проводившимися при нем преследованиями языческих верований. Неисключено, что сам Магненций, вставший во главе заговора, будучи по происхождению наполовину франком, придерживался религии своих предков. Констанций не только сослал Иовианов и Геркулианов в далекую провинцию, но и поставил командиром над ними комита Варрониана, отца будущего императора Иовиана. Верный сторонник Констанция Варрониан не пользовался симпатиями своих солдат, что после его отставки со всей очевидностью было продемонстрировано его сыну, командовавшему тогда корпусом *domestici protectores* (Amm., XXV, 5, 4; 8).

¹⁹³ При Константине I были запрещены лишь наиболее жестокие и пугающие языческие культы и обряды, в числе которых были гадания и ночные жертвоприношения.

¹⁹⁴ В 341 г. Констанций и Констант подтверждают закон Константина о запрещении гаданий и жертвоприношений (СTh, XVI, 10, 2). В 356 г. выходит закон Констанция о закрытии всех языческих храмов (СTh, XVI, 10, 4). Согласно другому закону, совершение жертвоприношений и поклонение идолам подлежали наказанию смертью (СTh, XVI, 10, 6).

В лице Иовианов и Геркулианов Юлиан получил преданных и надежных защитников своей власти. Возможно, именно он дал им, как и другим отрядам галльской армии, поддержавшим его, привилегированный статус гвардейских дворцовых подразделений (*palatini*). Оба легиона отправились вместе с ним в персидский поход (363 г.). Неожиданная смерть императора и избрание Иовиана не обещали легионерам ничего хорошего. По сообщению Аммиана, первым следствием произошедших событий было то, что знаменосец (*signifer*) Иовианов бежал к персам, поскольку опасался мести нового государя за злословье по поводу его отца (Amm., XXV, 5, 8).

На следующий день, когда римская армия двинулась в путь, ее атаковали персы. Впереди своего строя неприятель пустил боевых слонов, а за ними катафрактов. Однако Иовианы и Геркулианы, составлявшие авангард римского походного порядка, отважно вступили в бой, убили нескольких слонов и отбросили персидскую кавалерию. Тем не менее противник продолжал их сильно теснить, но в это время на помощь им подошли Иовии и Викторы, которые убили еще двух слонов и заставили наконец персов отступить. Аммиан сообщает, что в этом бою пали три трибуна: Юлиан, Макробий и Максим, которые командовали легионами, составлявшими главную силу армии (Amm., XXV, 6, 2–3)¹⁹⁵. Несомненно, что речь в данном случае идет о четырех подразделениях, названных выше.

После заключения мира с персами империя оказалась в очень трудной ситуации, т. к. варвары возобновили свои набеги на римскую территорию. Император Валентиниан I стянул в Галлию все от-

¹⁹⁵ «legionum tribuni, quae tunc primas exercitus obtinebant».

Иовианы и Геркулианы отражают атаку персидских слонов.
Рис. И. В. Кирсанова

борные подразделения армии. Среди них были и Иовианы и Геркулианы. В 368 г. объединенная римская армия, собранная из галльских, итальянских и иллирийских подразделений, перешла Рейн и возле места, называвшегося Солициний, столкнулась с аламаннами. Иовианы и Геркулианы стояли в резерве, где по законам позднеримской тактики всегда находились сильнейшие отряды. Под охраной этих

легионов остался малолетний Грациан, сын Валентиниана I и будущий император (Amm., XXVII, 10, 10)¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Аммиан упоминает только о знаменах Иовианов (*signa Iovianorum*), однако если мы учтем, что на протяжении практически целого столетия Иовианы и Геркулианы действовали всегда совместно, то упоминание об одном из этих подразделений можно считать равносильным указанием на то, что в походе принимали участие оба легиона.

Иовианы и Геркулианы, по-видимому, были переведены в Галлию для постоянного несения службы. Когда в Британии поднял восстание Магн Максим, они вместе с основной частью армии вновь предпочли поддержать узурпатора. Захватив власть, Магн Максим поручил защиту Галлии двум военачальникам: Наннину и Квинтину. В 386 г. в империю вторглись франки и, опустошив многие территории, стали угрожать Колонии Агриппине. Но возле места, называвшегося Угольный лес (*Carbonaria silva*, совр. Коленвальд), они были разбиты римскими войсками. После этого армия под командованием Квинтина, преследуя разбитых франков, перешла Рейн. Однако неприятели устроили римлянам засаду. Вот как повествует об этом событии Сульпиций Александр, фрагмент истории которого сохранил для нас Григорий Турский: «На рассвете под водительством Квинтина они вошли в лесистую горную местность, и около полудня они сбились с пути и блуждали, не подвергаясь опасности. Наконец, когда они обнаружили, что проходы плотно завалены огромными засеками, они решили прорваться в болотистую равнину, примыкавшую к лесу. Но тут появились одиночные враги, которые, стоя на стволах деревьев, собранных в кучу, или на завалах, словно с высоты башен пускали стрелы, как из стрелометов... Отсюда войско, окруженное большим количеством врагов, неудержимо устремилось на открытую равнину, проход к которой франки оставили открытым. Первыми погрузились в болотистую трясины всадники, они смешались с телами животных и, падая, подавили друг друга. Даже пехотинцы, которых лошадь не подминала под себя, застревали в тине и, едва высвободив ногу, снова погружались. Те же, которые немного раньше с трудом выбрались из трясины, в панике

скрывались в лесах. Так, боевой порядок был нарушен и отряды перебиты. При этом погибли Гераклий, начальник Иовианцев, и почти все военачальники. Немногие нашли спасение под покровом ночи в потаенных лесных местах» (Greg., II, 9; пер. В. Д. Савуковой). Характерно, что из всех командиров упомянут только трибун Иовианов — еще одно доказательство того, насколько высок был престиж этого подразделения.

Закончилась ли на данном печальном событии история двух легионов? Если верить данным *Notitia Dignitatum*, то нет. Благодаря сведениям, сохранным Аммианом, мы хорошо знаем, какие воинские части были размещены в Галлии во второй половине IV в. Но если мы обратимся к VII главе *Notitia*, в которой представлен перечень подразделений, находившихся в подчинении у *magister equitum Galliarum*, то не увидим тех отрядов, которые ранее защищали Галлию¹⁹⁷. Мы могли бы предположить, что ко времени составления VII главы эти воинские части уже прекратили свое существование. Тем не менее это не так. Почти все подразделения галльской армии, о которых упоминает Аммиан, присутствуют в списке воинских частей, дислоцированных в Италии (*intra Italiam*).

Как видно из приведенной ниже таблицы, кроме легионов *Primani*, второго легиона *Moesiaci* и ауксилиев *Ascarii* в Италии находились подразделения с названиями, аналогичными тем, которые приводит Аммиан. Но можем ли мы утверждать, что речь в данном случае идет об одних и тех же частях и, например, *Ioviani seniores* являются теми самыми *Ioviani*, о которых

¹⁹⁷ За исключением двух (*Brachiati iuniores* и *Batavi iuniores*), которые имеют, как кажется, непосредственную связь с теми отрядами, о которых говорил Аммиан Марцеллин.

Сопоставление данных Аммиана Марцеллина с перечнем VII главы *Notitia Dignitatum*¹⁹⁸

Notitia Dignitatum, Oc., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№ подразделения	Название подразделения	Статус подразделения	Название подразделения
3	Ioviani seniores	legio palatina	Ioviani
4	Herculiani seniores	» »	Herculiani
5	Divitenses seniores	» »	Divitenses
6	Tungrecani seniores	» »	Tungricani iuniores
7	Moesiaci seniores	» »	Moesiaci
—	—	—	Moesiaci
9	Cornuti seniores	legio palatina	Cornuti
10	Brachiat seniores	auxilia palatina	Brachiat
11	Petulantes seniores	» »	Petulantes
12	Celtae seniores	» »	Celtae
13	Heruli seniores	» »	Heruli
14	Batavi seniores	» »	Batavi
16	Iovii seniores	» »	Iovii
17	Victores seniores	» »	Victores
32	Regii	legio comitatensis	Regii
—	—	—	Primani
—	—	—	Ascarii

рассказывает Аммиан? По всей видимости, да. Обратим внимание, в какой последовательности представлены эти отряды в *Notitia*: во-первых, почти все они (кроме легиона *Regii*) идут друг за другом, что свидетельствует о том, что некогда они образовывали единое целое; во-вторых, как мы уже отмечали, в IV в. практически всегда римские подразделения действовали попарно. Это было характерно как для легионов, так и для отрядов *auxilia*; в *Notitia* мы видим те же самые пары отрядов, о которых упоминает Аммиан (Иовианы и Геркулианы, Дивиденсы и Тунгриканы и т. д.). Конечно, мы не можем определенно сказать, назывались

ли все подразделения, перечисленные в *Notitia*, уже в середине IV в. *seniores*. Аммиан об этом ничего не сообщает.

Единственный отряд, который имеет у него дополнительное наименование, —

¹⁹⁸ *Ioviani seniores* и *Herculiani seniores* занимают в списке VII книги *Notitia* первые две строки. Возможно, это не случайно и свидетельствует о значимости и боевой ценности этих подразделений. На Востоке также существовали легионы Иовианов и Геркулианов, находившиеся под командованием *magister peditum praesentalis*: *Herculiani iuniores*, *legio palatina praesentalis* (ND, Or., V, 4 = 44), *Ioviani iuniores*, *legio palatina praesentalis* (ND, Or., V, 3 = 43); трудно сказать, какое отношение имели эти подразделения к двум старым легионам.

это Тунгриканы младшие. Аммиан, упоминает этот легион дважды, причем первый раз он называет его *Tungricani iuniores* (Amm., XXVI, 6, 12), а второй — просто *Tungricani*. В *Notitia* легиона с таким названием нет. Поэтому мы можем предположить, что либо легион Тунгриканы младшие прекратил ко времени ее составления свое существование, либо Аммиан допускает ошибку. В любом случае, пример с Тунгриканами показывает, что историк вполне мог приводить сокращенное название подразделения без дополнительных определений *seniores* или *iuniores*. Второй из упомянутых Аммианом легионов Мезиаков (вероятно, это был легион *Moesiaci iuniores*) в *Notitia* нигде не значится. Вероятно, ко времени перевода галльских подразделений в Италию этот легион был уже уничтожен.

Попытаемся теперь определить, когда оказались в Италии галльские войска. Совершенно ясно, что эта передислокация произошла позднее времени правления Грациана, поскольку перечисленные галльские отряды составляли основную часть его армии и отправлять их в Италию, где номинально правил Валентиниан II, не было никакого смысла. При Магне Максиме, как об этом свидетельствует приведенный выше пассаж, в Галлии находилась достаточно сильная воинская группировка, в состав которой входили если не все, то по крайней мере некоторые старые подразделения.

Возможно, галльская армия оказалась в Италии после смерти Феодосия I, когда всю полноту командования сосредоточил в своих руках Стилихон (395 г.) (Zos., V, 4, 2). Последний проводил политику активного вмешательства в дела Востока, поэтому поддержка отборных галльских отрядов была ему необходима. Определенно можно сказать, что после поражения армии Евгения на рейнской границе на ка-

кое-то время вновь появились римские воинские части (Claud., Get., v. 419)¹⁹⁹, но уже в 401 г. командование вынуждено было увести их для защиты Италии, которой угрожало нашествие готов. Клавдиан утверждает, что в это время Рейн оставался открытым и лишь страх удерживал германцев от вторжения на римский берег (Claud., Get., v. 427–429)²⁰⁰. После победы над готами галлы вновь могли вернуться на свои постоянные стоянки, однако, когда в конце декабря 406 г. вандалы перешли Рейн, они не встретили никакого организованного сопротивления со стороны римских военных властей. Это говорит о том, что в Галлии уже не было тех подразделений регулярной армии, которые защищали ее еще во второй половине IV в. Таким образом, мы можем сделать вывод, что VII глава *Notitia Dignitatum* отразила положение вещей, сложившееся в Галлии и Италии либо в 401 г., либо в 406 г. Какой из этих дат мы должны отдать предпочтение?

Вернулись ли галльские войска на свои прежние позиции после отражения нашествия 401 г.? Зосим утверждает, что в 406 г., когда Италии угрожали орды Радагайса, у Стилихона было всего 30 подразделений регулярной армии и союзные отряды готов и гуннов. *Notitia* же кроме 15 отрядов, входивших ранее в галльскую армию, называет еще 29 частей регуляр-

¹⁹⁹ «Agmina quin etiam flavis obiecta Sygambri»
(«И даже войска, противопоставленные рыжим сигамбрам»)

²⁰⁰ Ut nec praesidiis nudato limite temptet
Expositum calcare solum nec transeat amnem,
Incustoditam metuens attingere ripam.
(Чтоб не отважится,
пока на границе нет гарнизонов,
Попирать незащищенную землю,
и не перешел реки,
Боясь коснуться оставленного
без присмотра берега.)

ной армии, составлявших гарнизон Италии. Отметим, что легион *Regii* находится в стороне от основного перечня галльских отрядов и в отличие от них не имеет дополнительного наименования *seniores*. Это должно свидетельствовать, очевидно, в пользу того, что *Regii* были переброшены в Италию гораздо раньше других подразделений, а следовательно, ко времени вторжения варваров этот легион мог уже входить на постоянной основе в состав италийского гарнизона. Таким образом, в 406 г. Стилихон отразил нашествие Радагайса, полагаясь лишь на силы, находившиеся непосредственно в Италии, без привлечения галльских войск.

Галлы лишь позднее с какой-то целью были переведены всемогущим магистром в Италию. Можно предположить, что Стилихон опасался враждебных действий со стороны Алариха и стремился таким образом упрочить оборону Северной Италии. Но ведь у него под командованием уже находилось около 27 тыс. регулярных войск и не менее 30 тыс. союзников-варваров (Zos., VI, 35, 6). Обладая меньшими силами, он смог разбить Радагайса. Скорее Стилихон хотел укрепить в Италии собственные позиции и противопоставить галльских солдат верным Гонорию войскам²⁰¹. Ушедшие в Италию галльские воинские части были заменены наспех сформированными из варваров новыми отрядами, получившими наименование *Honoriaci*, или *Honoriani*. Вандалы, увидев уход главных сил галльской армии, посчитали момент благоприятным для нападения и, сломив в упорном сражении сопротивление франкских федератов, 31 декабря 406 г.

перешли по льду Рейн²⁰². Успех вторжения вандалов и их союзников был следствием не столько силы варваров, сколько слабости римских властей.

Дальнейшая история двух прославленных легионов Поздней империи покрыта мраком, но думается, что их судьба мало чем отличалась от участи других последних подразделений некогда могущественной римской армии. *Sic transit gloria mundi*.

²⁰¹ Возможно, утверждение Орозия, что вторжение вандалов было умышленно спровоцировано Стилихоном, стремившимся возложить императорскую корону на голову своего сына (Oros., VII, 38, 4), не является таким уж беспочвенным.

²⁰² Франкские федераты действительно были единственными, кто попытался в 406 г. остановить наступление вандалов и уничтожили около 20 тыс. противников вместе с их королем Годегизилом. Лишь подошедшие на помощь вандалам аланы спасли последних от полного поражения (Greg., II, 9).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разгром армии Валента при Адрианопле был, конечно же, тяжелым ударом по всему военному потенциалу империи. Но вправде ли мы утверждать, что следствием его было разрушение римской военной организации? На протяжении своей, в прямом смысле слова, тысячелетней истории римская армия много раз терпела страшные поражения, стоившие ей десятков тысяч солдат. Особенно много римской крови проливалось во время многочисленных гражданских войн. В одной только битве при Мурсе (351 г.) с обеих сторон полегло в общей сложности 54 тыс. чел. (Zon., 13, 8). Это событие произвело сильное впечатление на историков XX в., которые посчитали именно его причиной тех трудностей военного характера, которые империя переживала в дальнейшем. И действительно, ни в каком другом бою не погибло столько римских солдат, сколько пало в этой ожесточенной битве, поглотившей цвет римской армии. Сегодня исследователи не склонны переоценивать значение этого сражения для всего дальнейшего хода развития римской военной системы. В самом деле, численность армий определяется не наличием или отсутствием необходимого числа людей, а теми возможностями, которыми располагает государство, чтобы оплачивать и обеспечивать всем необходимым своих солдат. Если государство имеет необходимые финансовые ресурсы, то любые потери могут быть восполнены достаточно быстро¹. Не нужно переноситься в эпоху Пунических войн, чтобы подтвердить примерами это утверждение. Кто знает, сколько рим-

ских солдат полегло в 244 г. в битве при Мезише, в которой получил смертельное ранение император Гордиан III. Очевидно, немало, поскольку победа персов была настолько убедительной, что персидский царь счел необходимым переименовать Мезише в Пероз-Сабур (Победоносный Шапур), а император Филипп Араб вынужден был покупать мир в обмен на уплату огромной дани и отказ от притязаний на Армению (RGDS, 1, 1–2; 6–10). Многие ли вернулись домой после сражения при Абритте (251 г.), стоившего жизни императору Децию? А спустя всего два года римляне вновь понесли страшное поражение у Барбалисса, после которого неприятель сжег 37 населенных пунктов в римской Сирии. В 260 г. 70-тысячная римская армия вновь оказалась разбитой персами у Эдессы. Ситуация, сложившаяся в III столетии, была не менее, а, может быть, даже более драматичной, чем та, которая возникла в 70-х гг. IV в. Однако у империи хватало сил, чтобы после каждой неудачи собирать новую армию. В конечном итоге и Адрианополь не поставил формальную точку в римской военной истории. Ведь спустя всего 16 лет восточная армия оказалась настолько сильной, что смогла одержать решительную победу над западными войсками в битве при Фригиде. Следовательно, у государства нашлись возможности обеспечить своих солдат всем необходимым. В отношении людских ресурсов недостатка также не ощущалось, правда, привлекать их приходилось теперь со стороны. Почему и когда возникла необходимость заменить рекрутов из числа провинциального населения чужеземными наемниками? Что вызвало кризис системы пополнения армии и спровоцировало кризис всей римской военной системы IV в.? Нам представляется возможным выделить три основные причины этого явления:

¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire.* P. 40.

1) прекращение широкомасштабной иммиграции варваров в империю;

2) опустошение провинций, дававших основную массу рекрутов;

3) разрыв федеративного договора с готами.

Ситуация на границах империи стала осложняться уже к концу правления Константина. В 337 г. началась затяжная война с персами, закончившаяся только в 363 г. В 350 г. власть над западными провинциями захватил Магненций, что послужило поводом для начала кровопролитной гражданской войны. Эти события не позволили правительству империи продолжать политику переселения варваров на римскую территорию. Более того, война между Магненцием и Констанцием II дала повод германцам для новых нашествий. В 352 г. аламанны вторглись в Галлию, заняли значительную часть ее территории и разрушили 48 городов (Lib., Or., XII, 44; cf.: Zos., III, 1, 1). В отличие от того что происходило в III в., варвары совершали свои вторжения уже не столько в поисках добычи, сколько ради захвата плодородных земель². Юлиан сообщает, что германцы поселились на римской территории на расстоянии в 300 стадий от Рейна (Iul., Ad Ath., 5, 7). Они уже считали завоеванной территорию провинции Германии Первой и заселяли земли вокруг городов Аргенторат, Бротомат, Таберны, Салисон, Неметы, Вангионы и Могонциак (Amm., XVI, 2, 12). В начале ноября 355 г. франки захватили и разрушили Колонию Агриппину (Amm., XV, 8, 18).

Хотя победоносные действия римской армии под командованием Юлиана позволили восстановить рейнскую границу, однако уход римских войск на Восток и известие о смерти императора во время

персидского похода спровоцировали новую волну германского нашествия. Галлия, в очередной раз пострадавшая от этих набегов, оказалась более не в состоянии предоставить рекрутов необходимого качества и в необходимом количестве. К тому же изменилось и отношение самих галлов к военной службе. Если еще в 350-е гг. галлы не уклонялись от нее, то 10 лет спустя они стали, так же как и остальные провинциалы, отрубать себе большой палец на правой руке, чтобы избежать призыва. Именно это стало причиной того, что при Валентиниане I вместо рекрутов, которых уже невозможно было получить, все чаще стали требовать с землевладельцев *aurum tironicum*. Такая замена к 70-м гг. IV в. стала, очевидно, уже общепринятой. В преамбуле к закону от 375 г. указывается лишь на недопустимость того, чтобы денежные суммы, взимаемые вместо рекрутов, превышали установленные нормы. Основная часть этих денег, по всей видимости, шла на вербовку чужеземных варваров (CTh, VII, 13, 7 pr.)³.

На Востоке правительство столкнулось с теми же проблемами, что и на Западе. Фракия, основной источник пополнения армии, защищавшей Дунай, как и Галлия, оказалась в 60-х гг. IV в. не в состоянии поставлять в армию необходимое количество новобранцев. Наиболее тяжелый удар по военному потенциалу восточной армии нанесло восстание Прокопия (365–366 гг.). Первым его следствием были большие людские потери⁴. После подавления восстания правительство прибегло

³ «aurum saepe pro corporibus inmane deprecatur atque advenarum coemptio iuniorum insolentius quam convenit aestimatur» («золото, получаемое вместо рекрутов, часто взимается в чрезмерном количестве, и наем молодых людей из чужеземцев обходится дороже, чем это надлежит»).

⁴ Глушанин Е. П. Генезис... С. 100.

² Barbero A. Barbari... P. 102.

к массовым репрессиям и, по словам Аммиана, люди «проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война... и не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие родственники не пресытились деньгами и кровью» (Амм., XXVI, 10, 9; 14; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Множество жителей Фракии, мелких земледельцев, колонов и рабов, спасаясь от преследований, бежало к готам⁵.

Вторым важным итогом восстания был разрыв федеративных отношений с готами. Хотя отдельные разбойничьи шайки готов не упускали случая, чтобы совершить набег на римские владения (Амм., XXVI, 4, 5), однако вплоть до восстания Прокопия готы официально находились с римлянами в федеративных отношениях и считались дружественным народом (Амм., XXVII, 5, 1)⁶. С точки зрения готов Прокопий принял императорскую власть на вполне законном основании, поскольку он принадлежал к дому Константина, а потому готы сочли себя вправе оказать ему военную помощь. Однако для Валента это был официальный повод начать с ними войну. Война длилась три года (367–369 гг.) и закончилась подписанием нового мирного договора на условиях, предложенных римской стороной (Амм., XXVII, 5, 5–9). Это соглашение содержало три основных пункта:

1) обязательство не нападать на римскую территорию;

2) ограничение торговых отношений, которые отныне могли осуществляться только в двух городах;

⁵ Курбатов Г. Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 24.

⁶ «gens amica Romanis foederibusque ingenuae racis». См. также: Ременников А. М. Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов // ВДИ. 1967. № 1. С. 103.

3) отмена субсидий, которые прежде выплачивались готам империей.

Подобный договор знаменовал собой разрыв существовавших прежде союзных отношений. Для готов война с империей имела самые тяжелые последствия: отмена субсидий и прекращение торговых отношений с римлянами ставили готов перед лицом голодной смерти, поскольку их общественная жизнь была устроена так, что они не могли существовать без импортируемых у римлян товаров⁷.

Опустошение Фракии должно было заставить Валента искать иные источники пополнения армии⁸. В этой ситуации было естественным потребовать поставки рекрутов из восточных областей империи. Однако в 60-е гг. IV в. восточные провинции переживали экономический подъем, который привел к дефициту рабочей силы. Нежелание землевладельцев расставаться со своими колонами способствовало чрезмерному развитию практики откупа от военной повинности⁹. Это обстоятельство стало главной причиной, подтолкнувшей Валента к принятию решения о заселении Фракии готами, за счет которых он наде-

⁷ Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. С. 26.

⁸ Так же как и его брат, Валент прибегал к жестким мерам, направленным на пополнение армии. Во время его правления многие дезертиры и лица, уклонявшиеся от военного набора, скрывались в монастырях (Глушанин Е. П. Генезис... С. 102). Видимо, именно против них был направлен закон Валента, по которому монахи также обязаны были служить в армии (Oros., VII, 33, 1–3).

⁹ «Экономический подъем IV в. породил сложную систему *aurum tironicum*, чрезмерное развитие которой вызвало кризис в институтах пополнения войска на самом пороге Адрианополя» (Глушанин Е. П. Генезис... С. 104; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 46–47).

ялся выйти из создавшегося критического положения¹⁰.

Наконец, нужно сказать о сыновьях ветеранов. С начала 70-х гг. IV в. у детей ветеранов особенно заметным становится стремление уклониться от военной службы¹¹. В это время широко распространенным становится укрывательство сыновей ветеранов на фермах их отцов, попытки устроиться на гражданские должности или даже самоувечья¹². По всей видимости, такое положение было обусловлено тем, что интенсивное занятие ветеранов торговлей и земледелием создало условия, при которых их сыновьям было гораздо выгоднее продолжать земледельческую и торговую деятельность отцов, нежели становиться солдатами¹³.

Трудности пополнения армии личным составом, вызванные нежеланием провинциалов идти на военную службу, заставили правительство с середины 60-х гг. IV в. все более и более делать ставку на привлечение в ряды армии чужеземцев. Созомен утверждает, что вместо пополнения войск рекрутами, набранными в римских городах и селах, Валент требовал от провинциалов денег, рассчитывая нанять на них готов (Soz., VI, 37; cf.: Amm., XXXI, 4, 4). Сократ Схоластик передает, что взамен каждого рекрута Валент собирал по 80 золотых (Socrat., IV, 34).

Привлечение варваров в римскую армию стало к концу IV в. уже устоявшейся практикой, необходимость которой ни у кого не вызывала сомнения. Провинциальное население тяготилось воинской повинностью и охотно откупалось от нее деньгами. Количество рекрутов-варваров, ежегодно попадавших в армию, должно

было значительно превышать число новобранцев-провинциалов, поскольку землевладельцы предпочитали выплачивать *aurum tironicum*, чем лишаться своих колонов. По-видимому, в конце 70-х гг. IV в. правительство, не выходя за рамки принципов, заложенных Диоклетианом, полностью перешло к замене рекрутов-провинциалов наемниками-варварами. Характерно, что уже в кризисный 379 г. вышел указ Грациана, согласно которому всякий землевладелец, во владениях которого будет обнаружен «чужеземец, пригодный к военной службе или уже поступивший в армию», подлежал смертной казни (CTh, VII, 18, 2)¹⁴. Текст этого постановления опирается на принцип, согласно которому если какой-либо варвар был поселен на территории империи, то лишь только для военной службы, а не ради возделывания земли¹⁵. В это время варваризация западной армии достигла такого уровня, что число солдат и офицеров, бывших гражданами империи, намного уступало числу чужеземных наемников. Уже узурпатор Магн Максим похвалялся выставить тысячи варваров, состоящих у него на службе, против варваров Баутона — полководца Валентиниана II. Слово *варвар* стало в 380-е гг. на Западе синонимично слову *солдам (miles)* и совершенно вытеснило последнее¹⁶.

Адрианопольская катастрофа лишь стимулировала развитие тех процессов, которые изнутри разлагали римскую военную машину уже на протяжении десятилетий. Стремительная и необратимая варваризация армии, особенно заметная с конца 70-х гг. IV в., служит самым ярким

¹⁰ Глушанин Е. П. Генезис... С. 104.

¹¹ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах... С. 155.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ «actor eius fundi, in quo alienigena vel idoneus militiae vel ante iam traditus latuerit, ultima flammaram animadversione consumatur».

¹⁵ Barbero A. Barbari... P. 203.

¹⁶ Richardot Ph. La fin de l'armée romaine... P. 335.

свидетельством грядущего развала старой системы. На месте отмиравших форм тут же зарождались новые. Если до этого времени мы могли говорить только об отличительных особенностях западноримской и восточноримской военных организаций, то с 378 г. начинается автономное развитие западной и восточной военных систем. Первая уже в начале V в. стала базироваться на совершенно иных принципах организации, чем те, что существовали в предыдущие столетия. Армия Западной Римской империи перестала быть *римской*

и превратилась в вооруженные формирования, состоявшие из варваров. На Востоке разрыва с позднеантичной традицией не наблюдалось. Военная система, которая сформировалась к началу VI в. явилась логическим результатом тех внешне- и внутривосточных событий, которые происходили в конце IV — V в. Она возникла в результате синтеза римской военной организации и военной организации варварских народов, нападавших на империю или селившихся на ее территории в качестве федератов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты и переводы основных юридических документов

1. Плита из Бригециона¹

Imp. Caes. Fla. Val. Constantinus p. f. in Aug., p. m., iri. p. VII, imp. VI, cos., p. p., p(ro)cos., et / Imp. Caes. Val. Lici. Licinius p. f. in Aug., p. m., iri. p. IV, imp. III, cos., p. p., p(ro)cos.

Exempl(um) sacra(um) litterarum. / Have, Dalmati carissime nobis. / Cum in omnibus pro devotione ac laboribus suis militum nostrorum commodis / atque utilitatibus semper consultum esse cupimus, in hoc etiam dispositionum nostrarum provisione eisdem militibus nostris consulendum / esse credidimus, Dalmati carissime, unde intuentes labores eorundem militum nostr(orum) quos pro reipub(licae) statu et commodis adsiduis discursibus sustinent, / providendum ac disponendum esse credidimus ut et militiae suae tempore iucundis laborum / suorum fructibus ex nostra provisione se perfrui gaudeant et pos(t) militiam qui<a>eto otio et congrua securitate / potiantur. Itaque devotioni tuae significandum esse credidimus ut eidem milites nostri militiae quidem / suae tempore quinque capita iuxta statutum nostrum ex censu adque

¹ Плитой из Бригециона называют бронзовую плиту, обнаруженную в 1930 г. на месте расположения римского лагеря. Надпись на плите представляет текст императорского рескрипта, составленного в Сердице в июне 311 г. (Берхем Д. ван. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с фр. А. В. Банникова. СПб.: Акра, 2005. С. 119). Текст приводится по АЕ, 1937, 232.

a pr(a)estationibus sollemnibus annonariae pensitationis excusent; eademque immunia habeant atque cum completis stipendiis legitimis / honestam missionem idem fuerint consecuti; sed et hi qui(i)licet pos[t] viginti stipendia adaeque honestam missionem / adepti fuerint ab annonario titulo duo capita excusent, id est tam suum quam etiam uxoris suae; si quis forte ex proeli vulnere causarius fuerit effectus, etiam si intra viginti stipendia ex ea causa rerum suarum vacationem / fuerit consecutus, ad beneficium eiusdem indulgentiae nostrae pert(i)n[e]at ita ut suum et uxoris / suae kaput excuset, adque ut omni modo tam quietis suae securitati quam etiam commodis consultum provisionis nostrae beneficio idem milites gratulentur. Licet eiusmodi antehac con / <con>suetudo fuerit ut plurimi homines simul honestam missionem a duce perciperent, penes / act(u)arium missoria permanente, exempla sibi singuli quique exciperent, tamen volumus ut, cum vel honestam vel ca(u)sariam, sicuti supradictum est, missionem milites consecuntur, singuli quique specialem a duce in personam suam accipiant missionem quo, probatione / veritatis ac fidei aput (ipsos) permanente, securitate stabili ac firmissima perfruantur. Pervidet / sane dicatio tua eos qui delicti sui gratia dimittuntur ad beneficium legis eiusdem pertinere / non posse, cum utriusque rei ratione haberi oporteat ac vitae probabilis instituta adqu<a>e / honestam missionem. Sed et merit[a m]ilitiae pr(a)emia a nobis condigna percipere conve(ni)at, ut et / eiusdem indulgentiae nostrae beneficio perpetuo idem milites perpetuo perfruantur / ac sempiterna dispositionis nostrae provisio obtineat firmitatem, volumus tenorem huius indulgentiae nostrae describunt per singula qu(a)equae castra aput signa in ta/bula aerea consecrari, quo ta[m] legionarii milites quam etiam equites in vexillationi/bus constituti inlyriciani sicuti similes labores militiae suae sustinent, ita / etiam provisionis nostrae similibus commodis perfruantur. Et manu divina : / vale Dalmati

carissime nobis. / Divo Maximiano VIII [et D(omino) n(ostro) Maximino / Aug(usto) imp.] coss. / IV / Idus Iunias Serdica.

Император цезарь Флавий Валерий Константин, благочестивый, счастливый, непобедимый август, великий понтифик, в 7-й раз обладатель трибунской власти, император в 6-й раз, консул, отец отечества, проконсул, и император цезарь Валерий Лициниан Лициний, благочестивый, счастливый, непобедимый август, великий понтифик, в 4-й раз обладатель трибунской власти, император в третий раз, консул, проконсул.

Копия священного письма. Привет, Далмат, любезный нам. Поскольку мы горячо желаем, чтобы в награду за преданность и ратные труды наших воинов всегда существовало постановление, предоставляющее им всяческие удобства и выгоды, мы решили, любезнейший Далмат, что и в этом вопросе радением наших постановлений должна быть проявлена забота о наших воинах. Оттого, наблюдая те труды, которые они претерпевают во время постоянных набегов ради благосостояния и пользы государства, мы решили, что должно проявить предвидение и предусмотрительность, чтобы и во время своей службы они радовались, что благодаря нашей заботе пользуются приятными плодами своих трудов и после отставки пользовались спокойным отдыхом и надлежащей безопасностью. Итак, в награду за твою преданность мы постановили, что должно, чтобы те же самые наши воины, которые во время своей службы, согласно с нашими постановлениями, имели освобождение на пять человек от цензового учета и от обычных поставок продовольствия, имели такое же освобождение после того как, отслужив положенное количество лет, уйдут, получив почетную отставку; но и те, каковые после

двадцати лет службы равно получают почетную отставку, пусть имеют освобождение от продовольственной повинности на двух человек, т. е. и на себя, и на свою жену. Если кто-то случайно станет инвалидом из-за раны, полученной в сражении, даже если он из-за этого оставил службу, прослужив менее двадцати лет, пусть его коснется привилегия той же данной нами налоговой льготы, так чтобы он имел освобождение на себя и жену. И пусть воины выражают благодарность нашей предусмотрительности как за заботу о своем безопасном отдыхе, так и за заботу об их выгодах; и хотя прежде существовал обычай такого рода, чтобы многие люди одновременно получали почетную отставку от дукса, тогда как прошения об отставке были во власти актуария, способ (увольнения) они выбирали каждый по отдельности, тем не менее мы желаем, чтобы когда воины получают либо почетную отставку либо отставку по инвалидности, как сказано выше, каждый отдельно получал на себя от дукса персональную отставку, дабы когда очевидность истины и веры пребывала с ними, они наслаждались неизменной и надежнейшей безопасностью. Совершенно ясно твоему превосходительству, что не могут пользоваться льготами, предоставляемыми тем же законом, те, которые были уволены из-за своего проступка, потому как должно, чтобы принимались к сведению интересы и того и другого дела: и устоя добропорядочной жизни, и почетная отставка, полученные же от нас заслуженные военные награды подобает (у них) забрать. Чтобы воины постоянно наслаждались пожизненной привилегией этой упомянутой нашей налоговой льготы и чтобы непреходящая забота наших распоряжений хранила прочность, мы желаем, чтобы содержание данной нашей льготы, начертанное в каждом

лагере у знамен на медной плите, было освящено, чтобы как воины легионов, так и иллирийские всадники, состоящие в вексиляциях, за тяготы, которые они претерпевают во время своей военной службы, получали бы соответствующие выгоды от нашей заботы.

И божественной рукой: будь здрав, Далмат, нам любезнейший. В восьмое консульство божественного Максимиана и во второе консульство Повелителя нашего Максимиана августа, за четыре дня до июльских ид, в Сердике.

2. CTh, VII, 20, 3

Imp. Constantinus A. ad universos veteranos. Veterani iuxta nostrum praeceptum vacantes terras accipiant easque perpetuo habeant immunes, et ad emenda ruri necessaria pecuniae in nummo viginti quinque milia follium consequantur, boum quoque par et frugum promiscuarum modios centum. Qui autem negotii gerendi habuerit voluntatem, huic centum follium summam immunem habere permittimus. Praeter hos ergo, qui vel domicillis vel negotiis detinentur, omnes, qui vacatis et nullum negotium geritis, ne inopia laboretis, ad hoc remedium debetis concurrere. Dat(a) III Id(us) Oct(obres) Constantinopoli Constantino A. VI et Constantino Caes. cons. (320 oct. 13).

Император Константин август ко всем ветеранам. Пусть на основании нашего постановления ветераны получают пустующие земли и навечно владеют ими свободными от налогообложения; и пусть они получают сумму в 25 тыс. фоллов, чтобы обзавестись необходимым сельскохозяйственным инвентарем, а также парой быков и сотней модиев различных посевных культур. Что же касается того, кто пожелает заняться торговлей, то мы предоставляем ему полный иммунитет на сумму в 100 фол-

лов. Итак, кроме тех, которые занимаются либо своим жильем, либо своими делами, вы все, находящиеся не у дел и не занятые никакой торговой деятельностью, чтобы не страдать от нужды, должны прибегнуть к этому средству. Издано за три дня до октябрьских ид, в Константинополе, в консульство Константина августа (в шестой раз) и Констанция цезаря (13 окт. 320 г.).

3. CTh, VII, 20, 4 pr.

Constantinus A. ad Maximum praefectum urbi. Comitatus et ripenses milites atque protectores suum caput, patris ac matris et uxoris, si tamen eos superstites habeant, omnes excusent, si censibus inditi habeantur. Quod si aliquam ex his personis non habuerint vel nullam habuerint, tantum pro suo debent peculio excusare, quantum pro iisdem, si non deessent, excusare potuissent, ita tamen, ut non pactione cum alteris facta simulato dominio rem alienam excusent, sed vere proprias facultates. Veteranos autem post emeritatae comissionis epistulas tam suum quam uxoris caput excusare sancimus aut, si honestam missionem meruerint, suum caput tantummodo excusare. Ceteros omnes veteranos de quocumque exercitu una cum uxore sua unius capitis frui excusatione praecipimus. Ripensis autem veteranus, qui ex priore lege post viginti quattuor stipendia honesta missione impetrata unius excusatione capitis fruebatur, etiam si viginti stipendiis completis honestam missionem meruerit, ad exemplum comitatensium militum unum caput excuset. Intra viginti etiam stipendia dimissus, quoniam inbecilli et debiles censibus non dedicantur, eodem beneficio utatur. Alares aulem et cohortales dum mililant, propria capita excusent, veteranis quoque eadem excusationis solacia habituris, qui quocumque tempore in quibuscumque partibus meruerint missionem, si ex comitatensis militia senectutis vel de-

bilitatis causa dimissi fuerint, indiscreto stipendiorum numero duo capita excusaturis, id est suum atque uxoris; et ripensibus indiscrete idem privilegium habituris, si se ob belli vulnera dimissos probaverint, ita ut, si quis eorum post quindecim stipendia intra viginti et quattuor annos ex mililia decesserit, sui tantum capitis excusatione fruatur; uxorem enim ripensis, si militia decesserit post viginti et quattuor annos, excusari oportet.

(Pro)р(osita) XV Kal. Iul. Antiochiae Paulino et Iuliano cons. (325 iun. 17).

Константин август Максиму, префекту Города. Комитатенсы и солдаты береговых войск, а также протекторы, пусть все имеют освобождение на себя, своего отца, мать и жену, если таковые живы и если они являются внесенными в податные списки. В случае если у них не окажется кого-либо из указанных лиц или же не будет никого, то подать на их имущество должна быть уменьшена настолько, насколько их родственники могли бы быть освобождены, если бы не отсутствовали, однако так, чтобы, заключив соглашение с другими, они не освобождали чужое имущество, притворно выдавая его за свое, но только то, которое действительно принадлежит им. Мы предписываем, чтобы ветераны, вышедшие в отставку по выслуге лет, получали освобождение как на себя, так и свою жену, а если они получили почетную отставку, то чтобы получали освобождение исключительно на себя. Мы повелеваем, чтобы прочие ветераны, в каких бы войсках они ни служили, пользовались вместе со своей женой освобождением только на одного человека. Ветеран береговых войск, который, согласно предыдущему закону, после двадцати четырех лет службы, получив почетную отставку, пользовался освобождением на одного человека, пусть, если даже он прослужил двадцать лет, получает почетную отставку и по примеру солдат комитата имеет освобождение на одного

человека. Уволенный же до истечения двадцатилетнего срока службы, так как не мощные и слабые не учтены цензорскими списками, пусть пользуется той же привилегией. Солдаты ал и когорт получают освобождение на себя лично во время службы, и ветеранами они будут иметь те же утешения привилегией, в какое бы время и в какой бы части они не получили отставку; если же они были уволены из комитата по причине старости или немоги независимо от лет выслуги, то будут иметь освобождение на двух человек, то есть на себя и жену; солдаты береговых войск будут иметь подобную привилегию, если они докажут, что были уволены из-за ран, полученных на войне, так что, если кто-нибудь из них, отслужив более пятнадцати и менее двадцати четырех лет, оставит службу, то пусть он пользуется освобождением на себя самого; если солдат береговых войск оставит службу после двадцати четырех лет, то его жена должна также получить освобождение.

Объявлено в Антиохии за 15 дней до июльских календ в консульство Паулина и Юлиана (17 июня 325 г.).

4. CTh, VII, 13, 2

Impp. valentinianus et valens aa. ad fortunatianum. domum nostram ad exhibenda tironum corpora per eas provincias, a quibus corpora flagitantur, nolimus perurgueri: ceterum sinimus conveniri, in quibus pretia postulantur, ita ut ex certa praebitione redituum vicem concessionis istius repensemus. dat. prid. kal. feb. marcianopoli valentiniano et valente aa. cons. (368? 370? ian. 31).

Императоры Валентиниан и Валент августы Фортунатиану. Мы желаем, чтобы принадлежащие нам владения в тех провинциях, на которые возложена обязанность поставлять рекрутов, не были при-

нуждаемы к выдаче новобранцев. Впрочем, мы позволяем, чтобы в тех из них, от которых требуется плата, с определенного дохода мы предоставили денежную компенсацию за таковую обязанность. Издано накануне февральских календ в Маркианополе, в консульство Валентиниана и Валента (31 янв. 368? 370? г.).

5. CTh, VII, 13, 6 pr.

Impp. Valentinianus et Valens AA. ad Modestum praefectum praetorio. Si oblatus iunior fuerit, qui censibus tenetur insertus, ex eo tempore, quo militiae sacramenta susceperit, proprii census caput excuset ac, si quinquennii tempus fida obsequii devotione compleverit, uxori quoque capitationem merito laborum praestet immunem, ea scilicet servanda ratione, ut, quam sibi uxorem copulaverat affectu et in priore lare derelictam memorarit, improbata census sarcinam sustineat. Dat(a) XIV Kal(endas) Oct(obres) Hieropoli Valentiniano et Valente III AA. cons. (370 sept. 18).

Императоры Валентиниан и Валент августы Модесту, префекту претория. Если был представлен молодой рекрут, внесенный в цензорские списки, то с того времени, как он принесет воинскую присягу, пусть он получит освобождение от налогов (*caput*) на себя лично; и если он в течение пяти лет будет отличаться преданным послушанием, то пусть получит также иммунитет от налогообложения и для своей жены, при том условии однако, что если он сочетался со своей женой по любви и сообщит, что оставил ее в прежнем доме, то она, после того как статус ее будет подтвержден, неслла бы бремя ценза. Издано за 14 дней до октябрьских календ в Гиерополе в третьем консульстве Валентиниана и Валента августов (18 сент. 370 г.).

6. CTh, VII, 13, 7. 3

Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus AAA. ad Modestum, p(raefectum) p(raetorio). Ipsorum etiam, qui militaturi sunt, privilegiis accedentibus facilius devotio provocatur, videlicet ut universi, qui militaria sacramenta susceperint, eo anno, quo fuerint numeris adgregati, si tamen in suscepto labore permanserint, immunes propriis capitibus mox futuri sint. completis vero quinque annorum stipendiis qui comitatensibus numeris fuerit sociatus, patris quoque et matris nec non et uxoris suae capitationem meritis suffragantibus excusabit. ii vero, qui in ripa per cuneos auxiliae fuerint constituti, cum proprio capite uxorem suam tantum post quinque annos, ut dictum est, praestent immunem, si tamen eos censibus constiterit adtineri. et quia publica utilitas quoque cogitanda est, ne sub hac indulgentia insertae capitationis numerus minuat, ex incensitis adque ad crescentibus in eorum locum, qui defensi militia fuerint, alios praecipimus subrogari. Dat(a) IV Non(as) Iun(ias) Antiochiae post consulatum Gratiani A. III et Equitii viri clarissimi (375 iun. 2).

Императоры Валентиниан, Валент и Грациан августы Модесту, префекту претория. Рвение тех, кто намеревается поступить на военную службу, побуждается полагающимися привилегиями, а именно тем, что все, принимающие военную присягу, в тот самый год, в какой они зачисляются в воинские части, тут же получают освобождение от повинностей для себя лично, если, однако, они продолжают выполнять принятые обязанности. После того как пройдет пять лет службы, тот, кто состоит в свитских подразделениях, в соответствии с заслугами получит освобождение для отца, матери, а также для жены. Те же, кто служат в пограничных округах (*in ripa*) в составе кунеев и ауксильев, вместе с освобождением для себя, после пяти лет, как было сказано, получают освобождение

дение только для своей жены, если, однако, будет установлено, что они внесены в цензорские списки. И поскольку должна быть учтена общественная польза, чтобы не уменьшалась из-за этой налоговой льготы величина предписанного подушного обложения, мы повелеваем, чтобы из лиц, включенных в цензорские списки и присоединенных к ним, вместо тех, кто защищен военной службой, были избраны другие. Издано за 4 дня до июньских нон, в Антиохии, после консулата Грациана августа в третий раз и Эквития мужа светлейшего (2 июня 375 г.).

7. CTh, I, 14, 1

Imppp. Valentinianus, Theodosius et Arcadius AAA. Florentio praefecto augustali. Per Thebaidam atque augustamnicam provincias officium tuum et officia iudicum competentium omnia tributa exigere suscipere postremo compellere iubemus, ita ut, si qui militares possessores in memoratis provinciis fuerint, hi in tantum per militare officium exigantur. Iam si qui de provincialibus nostris ad inferenda quae debent audaces extiterint, ad nostram clementiam referes, ut, ubi nos iusserimus, per castrenses milites exigantur. Dat(a) XIII Kalendas Martias Constantinopoli Honorio et Evodio consul. (386 febr. 17).

Императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий августы Флоренцию, префекту августалу. Мы приказываем, чтобы в провинциях Фиваиде и Августамнике твой оффиций и оффиции соответствующих судей востребовали, приняли и собрали все налоги так, чтобы если есть в упомянутых провинциях военные посессоры, пусть все будут призваны на основании обязанности несения военной службы. Итак, если кто-либо из наших провинциалов выкажет дерзость, не желая вносить того, что должен,

ты прибегнешь к нашему милосердию, чтобы после того, как мы приказали, это было бы взыскано воинами фортов. Издано за 14 дней до мартовских календ, в Константинополе в консульство Гонория и Эводия (17 февр. 386 г.).

8. CTh, XI, 1, 28

Impp. Arcad(ius) et Honor(ius) AA. Pompeiano procons(uli) Afric(ae). veterani terras censibus obligatas, ut cognovimus, vindicant, pro quibus tributum solvere dedignantur. quoscumque igitur insertas censibus terras tenere fuerit deprehensum, ilico ad solvenda tributa compelli praecipimus. Dat(a) prid(ie) Kal(endas) Ian(uarias) Med(iolano) Stilichone et Aureliano conss.(400 dec. 31).

Императоры Аркадий и Гонорий августы Помпеяну, проконсулу Африки. Мы узнали, что ветераны требуют земли, подлежащие цензу, за которые они не считают нужным платить подать. Земли, подлежащие цензу, должны быть возвращены, поэтому мы постановляем, чтобы кто бы ни удерживал их, тотчас был принужден выплатить подать. Издано накануне январских календ в Медиолане, в консульство Стилихона и Аврелиана (31 дек. 400 г.).

9. CTh, VII, 15, I

Impp. Honorius et Theodosius AA. Gaudentio vicario Africae Terrarum spatia quae gentilibus propter curam munitionemque limitis atque fossati antiquorum humana fuerant provisione concessa, quoniam comperimus aliquos retinere, si eorum cupiditate vel desiderio retinentur, circa curam fossati tuitionemque limitis studio vel labore noverint servendum, ut illi, quos huic operi antiquitas deputarat. Alioquin sciant haec spatia vel ad gentiles, si potuerint inventuri, vel certe ad

veteranos esse non inmerito transferenda, ut hac provisione servata fossati limitisque, nulla in parte timoris esse possit suspicio. Dat(a) III Kal(endas) Mai(as) Ravennae Honorio VIII et Theodosio III AA. cons. (409 apr. 29).

Императоры Гонорий и Феодосий августы Гауденцию, викарию Африки. Поскольку мы узнали, что некоторые удерживают земли, которые были человеколюбиво уступлены гентилам для обработки и укрепления лимеса и рва, прорытого древними, то, если эти земли удерживаются по их воле или желанию, пусть владеющие ими старанием и трудом возобновят заботу о рве и охрану лимеса подобно тем, кого к данным обязанностям определила древность. В противном случае пусть они знают, что эти земли должны быть по справедливости переданы гентилам, если они смогут быть найдены, или по крайней мере ветеранам, чтобы после того, как будет сохранена забота о рве и лимесе, ни в какой части не было подозрения из-за страха. Издано за три дня до майских календ, в Равенне, в восьмое консульство Гонория и третья Феодосия (29 апр. 409 г.).

10. С1, I, 27, 2, 8

Pro limitaneis vero ordinandis (quia necessarium nobis esse videtur, ut extra comitatenses milites per castra milites limitanei constituentur, qui possint et castra et civitates limitis defendere et terras colere, ut alii provinciales videntes eos per partes ad illa loca se conferant) exemplum fecimus unius numeri limitaneorum, ut secundum exemplum, quod nos misimus, per castra et loca, quae providerit tua magnitudo, eos ad similitudinem nostri exempli ordinet, sic tamen ut, si inveneris de provinciis idonea corpora, aut de illis, quos antea milites habebant, limitaneorum constituas numero in

unoquoque limite, ut, si forsitan commotio aliqua fuerit, possint ipsi limitanei sine comitatensibus militibus una cum ducibus suis adjuvare loca, ubi dispositi fuerint, non longe limitem exeuntes nec ipsi limitanei nec duces eorum, ut nullum etiam dispendium a ducibus vel ducianis praedicti limitanei sustineant, nec aliquas sibi consuetudines de eorum stipendiis per fraudes ad suum lucrum convertant. haec autem non solum in limitaneos volumus observari, sed etiam in comitatenses milites.

О том, как надлежит организовать лимитанов (поскольку нам кажется, что необходимо, чтобы кроме комитатенсов в военных лагерях были размещены лимитаны, которые смогут и лагеря и города лимеса защищать, и обрабатывать земли, чтобы другие провинциалы, видя их, отовсюду собирались к тем местам), мы показали пример на одном их отряде, чтобы, согласно примеру, каковой мы подали, по лагерям и местам, о каковых сочтет нужным проявить заботу твое величие, по подобию нашего примера, пусть оно распределит их так, однако, чтобы, если ты найдешь в провинциях пригодных новобранцев или же тех, которые ранее командовали воинами, ты определишь их в отряд лимитанов на каждом лимесе, чтобы, если вдруг случится какое-либо нападение, сами лимитаны без комитатенсов, вместе со своими дуксами, смогли оборонять те территории, где они были размещены, при этом ни сами лимитаны, ни их дуксы не удалялись бы далеко от лимеса; чтобы никакого убытка упомянутые выше лимитаны не несли от дуксов или их приближенных, пусть те ради собственной выгоды не отнимают обманом от их жалованья ничего из того, что вошло в обыкновение. Мы желаем, чтобы это соблюдалось не только в отношении лимитанов, но также и в отношении комитатенсов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Античные и средневековые литературные и юридические источники

Ademarus Chabannensis. Opera omnia. Pars I // Corpus christianorum / Cura et studio P. Bourgain. Turnhout Brepols Publishers, 1999.

Agathias. Historiarum Libri Quinque // Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Ed. R. Keydell, vol. 2A, Series Berolinensis, Berlin, 1975. — Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М., 1996.

Ammianus Marcellinus. Res gestae / Recensuit V. Gardthausen. Leipzig, Teubner, 1879. — Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1994.

Anonymi auctoris De rebus bellicis / Recensuit R. I. Ireland. Leipzig: Teubner, 1984.

The Anonimus Bizantine Treatise on Strategy // Three Bizantine Military Treatises / Text. Translation and Notes by George N. Dennis. Washington, 1985. — О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2007.

Flavii Arriani quae extant omnia / Ed. A. G. Roos. Vol. II. Lipsae, 1968. — Арриан. Тактическое искусство / Пер. А. К. Нефедкина. СПб., 2010.

Caesar, Gaius Julius. De bello civili. Paris: Les Belles lettres, 1967. — Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. М. М. Покровского. М., 1993.

Claudius Claudianus. Carmina / Recensuit J. Koch. Leipzig: Teubner, 1893. — Клавдиан / Пер. с лат. М. Гаспарова // Поздняя латинская поэзия / Под общ. ред. С. Апта, М. Гаспарова, С. Ошерова, А. Тахо-Годи и С. Шервинского. М., 1982.

Codex Iustinianus, Corpus Iuris Civilis. Institutiones digesta. Berlin, 1970–1973.

Codex Theodosianus / Ed. T. Mommsen, P. M. Meur. Berlin: Teubner, 1905.

Dio Cassius. Historia / Ed. E. Cary. Cambridge: Loeb Classical Laybrary, 1960–1961.

Eunapius. Fragmenta // HGM / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Т. I. — Евнапий // Византийские Историки. Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Eusebius. Vita Constantini / Ed. F. Winkelmann. Bd. 1. Hbd. 1. Berlin, 1975. — Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина / Пер. М. С. Корелина // Сочинения. Т. II. СПб., 1858.

Eutropius. Breviarium ab Urbe Conditata, cum versionibus graecis, et Pauli Landolfique additamentis / Recensuit et adnotavit H. Droysen. MGH, LXII. München, 1978. — Евтропий. Бревиарий от основания города / Пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самушкиной; отв. ред. И. В. Кривушин. СПб., 2001.

Excerpta Valesiana / Recensuit V. Gardthausen. Leipzig: Teubner, 1879.

Expositio totius mundi et gentium / Ed. J. Rougé. Paris, 1966. — Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов» / Пер. С. В. Поляковой, И. В. Феленковской // ВВ. 1956. Т. VIII. С. 277–305.

Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum libri decem / Ed. R. Buchner. Т. 1–2. Berlin, 1956. — Григорий Турский. История франков / Пер. и коммент. В. Д. Савуковой. М., 1987.

Herodianus. Ab excessu divi Marci libri octo // Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1883. — Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах / Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.

Hieronimus. Epistulae // CSEL, 54–56.

Hieronimus. Liber contra Iohannem Hierosolymitanum Episcopum // PL, 23, col. 355–396.

Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani / Ed. R. Wuensch. Leipzig: Teubner, 1903.

Ioannis Laurentii Lydi Liber de Mensibus / Ed. R. Wuensch. Lipsiae: Teubner, 1898.

Iordanes. Getica // MGH AA, 5, 1. P. 53–138. Edidit Societas Aperiendis Fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. Berlin, 1882. — Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Е. Ч. Скрижинской. СПб., 1997.

Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum, Constantini M. Filium / Testo, apparato critico, introduzione, traduzione e commento di Raffaella Tabacco. Firenze: L. S. Olschki, 2000.

Julianus. Opera omnia / Recensuit F. C. Hertlein. Leipzig: Teubner, 1875. — Император

Юлиан. Сочинения / Пер., коммент. Т. Г. Сидаша. СПб., 2007.

Lactantius. De mortibus persecutorum // Corpus scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 27. Col. 171–238. — *Лактанций Фирмиан Луций, Цецилий*. О смертях преследователей / Пер., вступ. ст., коммент., указ. и библиогр. список В. М. Тюленева. СПб.: Алетея, 1998.

Laterculus Veronensis // *Notitia Dignitatum* / Ed. O. Seeck. Berlin: Teubner, 1876.

Libanius. Orationes et declamationes / Recensuit I. Reiske. Leipzig: Teubner, 1903–1922. — *Либаний*. Речи / Пер. с греч. С. Т. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1912–1916.

Livius Titus. Ab urbe condita / Recensuit W. Weissenborn. Lipsae, 1871–1878. — *Тит Ливий*. История Рима от основания города: в 3 т. / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. М., 1989–1993.

Malala Ioannes. Chronographia // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 35. Berlin; New York, 2000. — *Малала*. Хронография / Пер. и коммент. И. В. Кривушина // *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Кн. I–II. СПб., 2001.

Mauricii Strategicon / Edidit et introductione instruxit Georgius T. Dennis. Germanice vertit Ernestus Gamillscheg. Vindobonae, 1981 — *Стратегикон Маврикия* / Изд. подг. В. В. Кучма. — СПб.: Алетея, 2004.

Notitia Dignitatum / Ed. O. Seeck. Berlin: Teubner, 1876.

Orosius Paulus. Historiae adversum paganos libri VII / Recensuit C. Zangemeister. Leipzig: Teubner, 1891. — *Павел Орозий*. История против язычников. Кн. I–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб, 2001–2003.

Panegyrici Latini / Recensuit G. Baehrens. Leipzig: Teubner, 1911. Т. I–II.

Philostorgius. Historia Ecclesiastica / Ed. J. Bidez // Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der erstendrei Jahrhunderte, herausgegeben im auftrage der Kirchenväter- Commissin der Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1901. Vol. 21. — Сокращение Церковной истории Филосторгия, сделанное Патриархом Фотием. СПб., 1854.

Plinius Secundius. Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus / Recensuit M. Schuster, editorem tertiam curavit R. Hanslik. Leipzig: Teubner, 1958. — Письма Плиния Младшего / Изд. подг. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. М., 1983.

Plutarchus. Vitae parallelae / Iterum recognovit C. Sintenis. Leipzig, 1879–1889. Vol. I–

IV. — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. I–II.

Procopius. Opera omnia / Recensuit J. Haury, G. Wirt. Leipzig: Teubner, 1962–1964. Т. I–IV. — *Прокопий Кессарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993; *Прокопий Кессарийский*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996.

Scriptores Historiae Augustae / Recensuit H. Peter. Leipzig: Teubner, 1884. — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. П. Кондратьева, под. ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica // PG. Paris, 1864. Vol. 67. — Сократ Схоластик. Церковная история / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1996.

Sozomenos. Ecclesiastica Historia // PG. Vol. 67. Col. 843–1630 / Hrsrg. von J. Bides. Berlin, 1960. — Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.

Suetonius Tranquillus, Gaius. Vies des douze Caesars / Texte établi et trad. par H. Aliloud. En 3 t. Paris, 1989–1993. — Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990.

Symmachus. Epistolae / Ed. O. Seeck // MGH AA. 1883. Т. 6. Ps. 1.

Synesius. Epistulae // PG. Т. 66. P. 1321–1560.

Tacitus, Publius Cornelius. Libri qui supersunt / Recensuit E. Koestermann. Leipzig, 1965–1969. Vol. I–II — *Корнелий Тацит*. Сочинения / Изд. подг. А. С. Бобровиц, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеевко. М., 1993. Т. I–II.

Themistius. Orationes quae supersunt / Ed. H. Schenki. Lipsiae: Teubner, 1965.

Vegetius Flavius Renatus. Epitoma rei militaris / Recensuit C. Lang. Leipzig: Teubner, 1885. — *Флавий Везеций Ренат* / Пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996.

Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / Recensuit F. Pichlmaуr. Leipzig: Teubner, 1911. — Римские историки IV века. *Секст Аврелий Виктор*. О цезарях / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1997.

[*Victor Sextus Aurelius*]. Epitoma de Caesaribus / Recensuit F. Pichlmaуr. Leipzig: Teubner, 1911. — *Секст Аврелий Виктор*. Извлечения о жизни и нравах римских императоров / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1997.

Zonara Ioannes. Annales // Migne J.-P. Patrologiae. Cursus completus. Seriae graeca. T. 134. Turnhout, 1977.

Zosimus comes et exadvocatus fisci. Historia nova. Leipzig: Teubner, 1887.

Сборники эпиграфических источников

Corpus Inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. De-grassi. Berlin, 1863—...; N. S.: 1981—...

Inscriptiones Daciae et Scythiae Minores Antiquae. Bukarest, 1976.

Inscriptiones Latinae Selectae / Hrsg. H. Des-sau. Vol. 1–3. Berolini, 1892–1916. 2 ed. — 1954–1955.

Литература

Монографии и статьи

Берхем Д. ван. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с фр. А. В. Банникова. СПб.: Акра, 2005. 191 с.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (Опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. СПб.: Ювента, 2003. 653 с.

Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 57–73.

Глушанин Е. П. Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. М., 1986. Т. XLVI. С. 199–203.

Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Барнаул, 2001. Вып. 2. С. 120–130.

Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С. 9–20.

Глушанин Е. П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы военной истории и международных отношений: сб. науч. статей. Барнаул, 1996. С. 24–36.

Горончаровский В. А. К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 289–298.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. В. И. Авдиева. СПб.: Наука; Ювента, 1994. Т. II. 280 с.

Джонс А. Х. М. Гибель античного мира / Пер. с англ. Т. В. Горяиновой. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 576 с.

Ермолова И. Е. Laeti в поздней римской империи // АМА. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 228–237.

Ермолова И. Е. Варвары на службе римской империи // Byzantino-Slavica. 2006. Т. 64. С. 7–28.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. В. И. Уколовой; общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. М.: Прогресс, 1987.

Клауде Д. История вестготов / Пер. с нем. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002. 285 с.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 320 с.

Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: эпиграфическое исслед. Киев, 1881. 45 с.

Курбатов Г. Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 3–26.

Кучма В. В. Введение // Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004.

Лазарев С. А. Варвары на военной службе в позднеримской империи // Проблемы истории, филологии, культуры: межвуз. сб. Магнитогорск, 1994. Вып. 1. С. 74–78.

Лазарев С. А. Военное сословие в позднеримской империи // Античность и средневековье Европы: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1994. С. 121–126.

Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М. Н. Челинцева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 397 с.

Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // ВО. М.: Наука, 1977. С. 149–157.

Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 165 с.

Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // Византийский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 2–95.

Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Акра, 2006. 440 с.

Никонов В. П. Вступительное слово // Хазанов А. М. Избранные научные труды: в 3 т. Т. I. Очерки военного дела сарматов / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб., 2007. С. 5–12.

Осарес Ф. Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия) / Пер. с фр. А. В. Банникова. СПб.: Изд-во СПбГУ; Акра, 2007. 141 с.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV в. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 8 с.

Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. с англ. А. А. Черепановой, под ред. А. К. Нефедкина // *Para bellum*. 2008. № 29. С. 5–30.

Ременников А. М. Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов // ВДИ. 1967. № 1. С. 95–106.

Ростовцев М. Фрагмент римского легионного знамени // ЖМНП. СПб., 1908. Новая серия. № 14. Отд. 5. Апрель. С. 129–136.

Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. 287 с.

Уотсон Д. Римский воин / Пер. с англ. А. Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2010. 189 с.

Фихман И. Ф. Египетский архив середины IV в. н. э. // ВВ. 1967. Т. 27. С. 295–305.

Хазанов А. М. Избранные научные труды: в 3 т. Т. I. Очерки военного дела сарматов / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 284 с.

Хазанов А. М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.

Харботл Т. Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993. 575 с.

Холмогоров В. И. Полевая армия (*Comitatenses*) Римской империи IV в. н. э. // УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 12. № 86. С. 81–100.

Холмогоров В. И. Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3. С. 87–97.

Циркин Ю. Б. «Военная анархия» (из политической истории Рима в III в. н. э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 271–388.

Цыбульский С. Боевые машины. СПб., 1895. 25 с.

Штаерман Е. М. К вопросу о *dedittii* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 2002. № 2. С. 81–88.

Шувалов П. В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 431–641 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 304 с.

Absil M. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I dans épigraphie // ARDV. P. 117–126.

Alexandra A., Gilbert F. Légionnaires, auxiliaires et fédérés sous le Bas-Empire romain. Paris: Errance, 2009. 111 p.

Altheim F. Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1952. Bd. II. 354 S.

Armandi P. D. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. Paris: Amyot, 1843. 570 p.

Austin N. Ammianus' account of the Adrianople Campaign: Some Strategic Observations // L'Antiquité classique, XV. 1972. P. 77–83.

Badel Ch., Béranger A. L'empire romain au III siècle après J.-C. Condé-sur-Noireau: SEDES, 1998. 300 p.

Barbero A. Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' Impero Romano. Roma: Latreza, 2008. 337 p.

Barbero A. Le jour des Barbares. Adrinople 9 août 378. Paris: Flammarion, 2006. 294 p.

Barker Ph. The armies and enemies of imperial Rome. Organization, tactics, dress and weapons, 150 B. C. to 600 A. D. London: Wagram Research Group, 1972. 146 p.

Barlozzetti U., Matteoni S. Les armes blanches qui ont façonné l'histoire. Des origines au XX siècle en Europe et dans le monde. Paris: Place des victoires, 2010. 240 p.

Birley E. Septimus Severus and the Roman Army // Epigraphische Studien. 1969. Bd. 8. S. 69–82.

Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London: Batsford, 1993. 256 p., 8 pl.

Breeze D. The organization of the legion: the first cohort and the equites legionis // JRS. 1969. Vol. 59. P. 50–55.

Brezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians 600 BC — AD 450. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2002. 48 p.

Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel modo classico. Bologna: Il Mulino, 2002. 238 p.

Burns Th. S. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // Historia, 22. 1973. P. 336–345.

- Carrié J.-M.* Le système de recrutement des armées romaines de Dioclétien aux Valentinien // ARDV. P. 371–387.
- Cascarino G.* L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini: Il Cerchio Iniziative Editoriale, 2008. 350 p.
- Castillo C.* Tribunos militares en Ammianus Marcellinus // ARDV. P. 43–54.
- Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. Paris: SEDES, 1982. 396 p.
- Chastagnol A.* L'impôt payé par les soldats au IV siècle // AFMA. P. 279–301.
- Chastagnol A.* Le Bas-Empire. Paris: Armand Colin, 1991.
- Chevedden P. E.* Artillery in Late Antiquity: Prelude to the Middle Age // The Medieval City under Siege. Woodbridge: Suffolk and Rochester, 1995. P. 131–173.
- Connolly P.* The Roman Fighting Technique Deduced from Armour and Weaponry // RFS. P. 358–363.
- Cosme P.* L'armée romaine VIII s. av. J.-C. — V s. ap. J.-C. Paris: Armand Colin, 2007. 288 p.
- Cosme P.* L'évolution de la bureaucratie militaire romaine tardive: *optiones, actuarii et opinatores* // ARDV. P. 397–408.
- Coulston J. C.* Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // The Defence of the Roman and Byzantine East. Pt. I. Oxford: B.A.R., 1986. P. 59–75.
- D'Amato R., Summer G.* Roman Military Clothing (3) AD 400–600. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. 52 p.
- Delmaire R.* La caisse des largesses sacrées et l'armée au Bas-Empire // AFMA. P. 311–329.
- Demougeot E.* Laeti et gentiles dans la Gaule romaine du IV siècle // Actes du Colloque d'Histoire Sociale de l'Université de Besançon 1970. Paris, 1972. P. 101–112.
- Drew-Bear T., Malay H., Zuckerman C.* L'épithaphe de Valeria, veuve du tribun Dassianus // ARDV. P. 409–418.
- Drew-Bear T., Zuckerman C.* Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin // ARDV. P. 419–430.
- Elton H.* Warfare in Roman Europe AD 350–425. Oxford: Clarendon, 1996. 312 p.
- Ensslin W.* Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches, II: Die magistri militum des 4. Jahrhunderts // Klio. 24. 1931. S. 102–147.
- Farrokh K., McBride A.* Sassanian Elite Cavalry AD 224–642. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. 65 p.
- Feugère M.* Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain. Paris: Errance, 1994. 174 p.
- Feugère M.* L'armement du Bas-Empire // ARG. P. 267–279.
- Feugère M.* Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris: Errance, 1993. 296 p.
- Frank R. I.* Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. Papers and Monographs of the Academy in Rome, 23. Rome, 1969. 259 p.
- Gilbert F.* Le soldat romain à la fin de la république et sous le Haut-Empire. Saint-Germain-du-Puy: Errance, 2004. 192 p.
- Gilbert F.* Légionnaires et auxiliaires sous le Haut-Empire romain. Paris: Errance, 2006. 119 p.
- Gilli G.* La flotta e la difesa del basso impero // Atti della Accademia Nazionale dei lincei. Ser. VIII. Vol. I. Fascicolo 1. Roma, 1946. P. 3–43.
- Goldsworthy A.* Les guerres romaines 281 av. J.-C. — 476 ap. J.-C. / Trad. de l'anglais par Muriel Pécaostaing-Boissière. Paris: Autrement, 2001. 224 p.
- Goldsworthy A.* The Complete Roman Army. London: Thames & Hadson, 2003. 224 p.
- Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1920. 346 S.
- Günter R.* Einige neue Untersuchungen zu Laeten und Gentilien in Gallien in 4. Jahrhundert und zu ihrer historischen Bedeutung // Klio. 1977. Bd. 59. Hft. 2. S. 311–321.
- Haensch R.* La christianisation de l'armée romaine // ARDV. P. 525–531.
- Hatt J.-J.* Celtic Symbols // The Conversion of Constantine / Ed. by John W. Eadie. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 34–37.
- Haywood J.* Dark Age Naval Power. A Reassessment of Frankish and Anglo-Saxon Seafaring Activity. London: Routledge, 1991.
- Himmler F. M.* Naves lusoriae — Flusskriegsschiffe der Spätantike // RÉMA. 2005. 2. P. 153–179.
- Hoffmann D.* Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Epigraphische Studien 7, I. Düsseldorf, 1969–1970. S. 117–130.
- Hoopffner L.* Les «Magistri militum praesentales» au IV siècle // Byzantion. 1936. Vol. 11. P. 483–498.
- James S.* The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French

Academy of Inscriptions and Letters 1928–1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment. London: The British Museum Press; A Division of The British Museum Company Ltd, 2004. 304 p.

Janniard S. Armati, scutati et la categorisation des troupes dans l'Antiquité tardive // ARDV. P. 389–395.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602): A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford: Oklahoma University Press, 1964. 3 vols in 2. P. 607–686.

Jouffroy H. La defence des frontières: le point de vue du *De Rebus Bellicis* // RFS. P. 373–375.

Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // ARB–AFAM. P. 335–352.

Le Bohec Y. L'armée romaine d'Afrique de Dioclétien à Valentinien I // ARDV. P. 251–263.

Le Bohec Y. L'armée romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle». Paris: Rocher, 2009. 320 p.

Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006. 256 p.

Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions (IV au VI siècle apr. J.-C.). Paris: Errance, 2001. 224 p.

Lebedynsky I. Les Sarmates, Amazones et lanciers cuirassés entre Oural et Danube (VII siècle av. J.-C. — VI siècle apr. J.-C.). Saint-Germain-du-Puy: Errance, 2002. 272 p.

London J. E. Le ombre dei guerrieri. Strategie e battaglie nell'età antica. Torino: UTET, 2006. 417 p.

Le Roux P. L'armée romaine dans la péninsule Ibérique de Dioclétien à Valentinien I (284–375 p. C.) // ARDV. P. 171–178.

MacDowall S., Hook Ch. Late Roman Cavalryman, 236–565 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1995. 64 p.

MacDowall S., Embleton G. Late Roman Infantryman, 236–556 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. 63 p.

MacMullen R. Soldier and civilian in the later Roman Empire. Cambridge: University Press, 1963. 217 p.

Magioncalda A. Le fonti giuridiche sull'esercito romano da Diocleziano a Valentiniano I // ARDV. P. 69–99.

Marcone A. Dal contenimento all'insediamento: I Germani in Italia da Giuliano a Theodosio Magno // Germani in Italia. A cura di Barbara e Piergiuseppe Scardigli. Consiglio nazionale delle ricerche. Roma, 1994. P. 239–252.

Mattesini S. Les légions Romaines. L'armement à travers mille ans d'histoire. Rome: Gretnese, 2006. 220 p.

Mennella G. La campagna di Costantino nell'Italia nord-occidentale: la documentazione epigrafica // ARDV. P. 359–369.

Modéran Y. L'Empire romain tardif. 235–395 ap. J.-C. Paris: Elipses, 2006. 256 p.

Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen seit Diocletian // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 195–279.

Nicasie M. J. Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Dutch Monographs on Ancient History and Archaeology. V. 19. Amsterdam: J. C. Gieben, 1998. 230 p.

Nikonorov V. P. Cataphracti, Cataphractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы Международной конференции (2–5 сентября 1998 г.). СПб., 1998. С. 131–138.

Nischer E. von. Die Schlacht bei Strassburg im Jahre 357 n. Chr. // Klio. 1927. S. 391–403.

Nischer E. von. Die Quellen für das spätrömische Heerwesen // AJPh. 1932. Vol. 53. S. 21–40, 97–121.

Nischer E. von. Die Zeit des stehenden Heeres // Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 470–609.

Palme B. Die römische Armee von Diocletian bis Valentinian I. Die papyrologische Evidenz // ARDV. P. 101–115.

Patlagean E. L'impôt payé par les soldats au VI siècle // AFMA. P. 303–309.

Pavan M. La battaglia di Adrianopoli (378) e il problema gotico nell'impero romano // Studi romice. 1978. Vol. 27. P. 153–165.

Périn P., Feffer L. Ch. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1987. 463 p.

Peterson D. La légion romaine hier... et aujourd'hui. Paris: Histoire & Collections, 1992. 96 p.

Reddé M. L'armée et ses fortifications pendant l'Antiquité tardive: La difficile interpretation des sources archéologiques // ARDV. P. 157–167.

Ricci C. Il Sarcofago romano di un ufficiale anonimo e il tribunato di legione prima o dopo la riforma di Gallieno // ARDV. P. 437–449.

Richardot Ph. Hiérarchie militaire et organisation légionnaire chez Végèce // HRAR. P. 405–426.

Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476). Paris: Economica, 2005. 410 p.

Rougé J. La marine dans l'antiquité. Vendôme: Presses Universitaires de France, 1975. 216 p.

Sabbah G. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // ARDV. P. 31–42.

Scharf R. Seniores-Juniores und die Heeresteilung des Jahres 364 // ZPE. 1991. 89. S. 265–272.

Scheffer J. De Militia Navali Veterum Libri Quatuor. Ad Historiam Graecam Latinamque utiles. Uppsala: J. Jansson, 1654. 348 p.

Schmitt O. Stärke, Struktur und Genese des comitatensischen Infanterienumerus // BJ. 2001 [2004]. Bd. 201. S. 93–104.

Schönfeld M. Laeti // RE. 1924. Bd. 12, Hbbd. 23. Sp. 446–447.

Seeck O. Comitatus // RE. 1910. Bd. 4. S. 619–622.

Seeck O. Comitatus // RE. 1910. Bd. 4. S. 622.

Seeck O. Scholae palatinae // RE. 1923. Bd. 2a. S. 621–624.

Seston W. Dioclétien et la Tétrarchie: Guerres et Réformes (284–300). Paris: De Boccard, 1946. 398 p.

Seston W. Du comitatus de Diocletien aux comitatenses de Constantin // Historia. 1955. Bd. 4. P. 284–296.

Sheldon R. M. Renseignement et espionage dans la Rome antique / Trad. de l'anglais par A. Hasnaoui. Paris: Société d'édition Les belles Lettres, 2009. 523 p.

Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. London: B. T. Bastford Ltd, 1996. 206 p.

Speidel M. Catafractarii, Clibanarii and the Rise of the Later Roman Mailed Cavalry: a Grave-stone from Claudiopolis in Bithynia // Epigraphica Anatolica. 1984. Bd. 4. S. 151–156.

Speidel M. P. The Four Earliest *Auxilia Palatina* // RÉMA. 2004. 1. P. 133–146.

Stephenson I. P. Roman Infantry Equipment. The Later Empire. Gloucestershire: Tempus Publishing Ltd, 2001. 128 p.

Stephenson I. P. Romano-Byzantine Infantry Equipment. Gloucestershire: Tempus Publishing Ltd, 2006. 160 p.

Summer G. Roman Military Clothing (2) AD 200–400. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2003. 48 p.

Tomlin R. Seniores-Juniores in the late roman field army // AJPh. 1972. Vol. 93. P. 253–278.

Várady L. New Evidence on Some Problems of the Late Roman Military Organization // A. Ant. Hung. 1961. 9. P. 333–396.

Vogler Ch. Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // HRAR. P. 389–404.

Wheeler E. L. The Legion as Phalanx in the Late Empire, Part I // ARDV. P. 309–358.

Wolfram H. L'armée romaine comme modèle pour l'Exercitus barbarorum // ARB–AFAM. P. 13–15.

Zuckerman C. Deux centurions commandants d'ailes en Egypte vers 300 // HRAR. P. 385–387.

Zuckerman C. L'armée // Le monde Byzantin. T. I: L'Empire romaine d'Orient 330–641 / Sous la direction de C. Morisson. Paris, 2004. Chapitre V. P. 143–180.

Zuckerman C. Le camp de Ψῶβθις / Sosteos et les catafractarii // ZPE. 1994. Bd. 100. P. 199–205.

Zuckerman C. Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des *auxilia* tétrarques // ARB–AFAM. P. 17–20.

Диссертации

Глушанин Е. П. Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии: дис. ... к. и. н. Л., 1984.

Лазарев С. А. Военная организация Римской империи в IV в. н. э. (от Диоклетиана до Феодосия): дис. ... к. и. н. Л., 1986.

Архивные материалы

Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. / Арх. СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49.

Холмогоров В. И. Основные черты развития римской армии в первые века империи (до середины III века) / Арх. СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 48.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Сборники источников, справочные пособия, общие труды

- AE — L'année épigraphique // Revue archéologique. Paris
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degraffi. Berlin, 1863—...; N. S.: 1981—...
ChLA — Chartae Latinae Antiquiores
CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum
GCS — Die griechischen christlichen Schriftsteller. Leipzig; Berlin, 1897—...
IDacSMA — Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris Antiquae. Bucarest, 1976
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae / Hrsg. H. Dessau. Vol. 1–3. Berolini, 1892–1916. 2 ed. 1954–1955
MGH — Monumenta Germaniae Historica
PG — Patrologia Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris
PL — Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris
P. Abin. — The Abinnaeus Archive; papers of a Roman officer in the region of Constantius II / Bell H. I., Martin V., Turner E. G., Berchem D. van. Oxford, 1962
P. Col. — Columbia papyri
P. Oxy. — The Oxyrhynchus Papyri / Grenfell B. P., Hunt A. S. and others. London, 1898—...
P. Pan. — Papyri from Panopolis in the Chester Beatty Library / T. C. Skeat. Dublin, 1964

2. Периодические издания, сборники

- АДСВ — Античная древность и Средние века
АМА — Античный мир и археология
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВО — Византийские очерки
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
A. Ant. Hung. — Acta Antiqua Accademiae Scientiarum Hungaricae
AFMA — Armées et fiscalité dans le monde Antique. Colloques Nationaux du CNRS № 936, Paris, 1977
AJPh — American journal of philology. Baltimore
ARB-AFAM — L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle / Éd. F. Vallet et M. Kazanski. Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie Mérovingienne, 5, 1993

- ARDV — L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002), rassemblées et éditées par Y. Le Bohec et C. Wolff. Lyon, 2004
ARG — L'armée romaine en Gaule / Ed. M. Reddé. Paris, 1996
BJ — Bonner Jahrbücher. Bonn
HRAR — La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) rassemblés et édités par Yann Le Bohec. Paris, 1995
JRS — Journal of Roman Studies. London
RE — Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1893–1972 (1980)
RÉMA — Revue des Études Militaires Anciennes
RFS — Roman Frontier Studies 1989 / Ed. V. A. Maxfield and M. J. Dobson. Exeter, 1991
RIB — The Roman Inscriptions of Britain I: Inscriptions on stone. Oxford (2 Aufl.), 1995
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bonn

3. Античные и средневековые литературные и юридические источники

- Ademar., Chronicon — Адемар Шабаннский «Хроника»
Agath. — Агафий Миринейский «О царствовании Юстиниана»
Amm. — Аммиан Марцеллин «Римская история»
Anon., De reb. bell. — Анонимный трактат «О военном деле»
Anon., De re strategica — О стратегии. Византийский военный трактат VI в.
App., Плуг. — Аппиан «О событиях в Иллирии»
Art., Tact. — Арриан «Тактическое искусство»
Aug., Ep. — Святой Августин «Письма»
Aur. Vict., Caes. — Аврелий Виктор «О цезарях»
[Aur. Vict.], Epit. — Псевдо-Аврелий Виктор «Эпитама о цезарях»
Caes., BC — Цезарь «Записки о гражданской войне»
Caes., BG — Цезарь «Записки о галльской войне»
CI — Кодекс Юстиниана
Cicero, Sestina — Цицерон «Речь в защиту Цецины»
Claud., Epithalamium — Клавдиан «Эпиталамий на брак Гонория Августа»

- Claud., Get. — Клавдиан «Война Полентская, или Готская»
 Claud., Gild. — Клавдиан «О войне с Гильдоном»
 Claud., Ruf. — Клавдиан «Против Руфина»
 Claud., IV Cons. — Клавдиан «Панегирик на IV консульство Гонория августа»
 Cod. Lat. — Codex Latinus
 CTh — Кодекс Феодосия
 Dio Cass. — Дион Кассий «Римская история»
 Eupar. — Евнапий «История»
 Euseb., Vita Const. — Евсевий «Жизнеописание Константина»
 Eutrop. — Евтропий «Бревиарий римской истории»
 Excerpta Val. — «Извлечения из Валесианского анонима»
 Exp. — Expositio totius mundi et gentium («Полное описание Вселенной и народов»)
 Greg. — Григорий Турский «История франков»
 Heliod., Aethiop. — Гелиодор «Эфиопика»
 Herod. — Геродиан «История императорской власти после Марка»
 Hieron., Ep. — Иероним «Письма»
 Hieron., Iohan. — Иероним «Против Иоанна»
 Hygin., De munit. castr. — Гигин «Об укреплениях лагеря»
 Iohan. Lyd., De magistrat. — Иоанн Лидиец «О римских государственных учреждениях»
 Iord. — Иордан «Гетика»
 Itiner. Alex. — «Путеводитель Александра»
 Iul., Ad Ath. — Юлиан «Послание к сенату и народу афинскому»
 Iul., Ad. Const. — Юлиан «Похвала императору Констанцию»
 Lact. — Лактанций «О смертях гонителей»
 Lib., Or. — Либаний «Речи»
 Liv. — Тит Ливий «История Рима от основания города»
 Luc., Quomodo historia conscribenda sit — Лукиан «Как следует писать историю»
 Maur., Strat. — Маврикий «Стратегикон»
 Malal. — Иоанн Малала «Хронография»
 Marcell., Chron. — Комит Марцеллин «Хронография»
 ND, Oc. — Notitia Dignitatum in partibus Occidentis («Расписание должностей в западных провинциях»)
 ND, Or. — Notitia Dignitatum in partibus Orientis («Расписание должностей в восточных провинциях»)
 Nov. Th. — Новеллы Феодосия
 Oros. — Павел Орозий «История против язычников»
 Pan. Lat. — Латинские панегирики
 Plin., Pan. — Плиний Младший «Панегирик Траяну»
 Plut., Anton. — Плутарх «Жизнеописание Марка Антония»
 Plut., Luc. — Плутарх «Жизнеописание Лукулла»
 Polyb. — Полибий «Всеобщая история»
 Procor., BG — Прокопий Кесарийский «Война с готами»
 Procor., BP — Прокопий Кесарийский «Война с персами»
 Procor., BV — Прокопий Кесарийский «Война с вандалами»
 Procor., HA — Прокопий Кесарийский «Тайная история»
 RGDS — Res Gestae Divi Saporis («Деяния божественного Сапора»)
 SHA — Авторы жизнеописаний Августов
 Alex. Sev. — «Александр Север»
 Aurel. — «Божественный Аврелиан»
 Claud. — «Божественный Клавдий»
 Comm. — «Коммод»
 Firm. — «Фирм»
 Gall. — «Двое Галлиенов»
 Hadr. — «Адриан»
 Max. — «Двое Максиминов»
 Pescen. Nig. — «Песценый Нигер»
 Prob. — «Проб»
 Trig. tyr. — «Тридцать тиранов»
 Val. — «Двое Валерианов»
 Sidon., Ep. — Сидоний «Письма»
 Socrat. — Сократ Схоластик «Церковная история»
 Soz. — Созомен «Церковная история»
 Suet., Aug. — Светоний «Божественный Август»
 Symmach., Laudatio ad Valentinianum — Симмах «Похвала Валентиниану»
 Syn., Ep. — Синезий «Письма»
 Tac., Agric. — Тацит «Жизнеописание Агриколы»
 Tac., Ann. — Тацит «Анналы»
 Tac., Germ. — Тацит «Описание Германии»
 Tac., Hist. — Тацит «История»
 Them., Or. — Фемистий «Речи»
 Veg. — Вегеций «Краткое изложение военного дела»
 Vit. — Витрувий «Об архитектуре»
 Xiphilin., Epitoma — Иоанн Ксифилин «Эпитомы из "Римской истории" Диона из Никои»
 Zon. — Зонара «История»
 Zos. — Зосим «Новая история»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
Глава I. ОРГАНИЗАЦИЯ	
1. Комплектование	7
2. Различные категории войск	24
3. Обеспечение солдат оружием, обмундированием и лошадьми	42
4. Условия военной службы	46
Глава II. ВООРУЖЕНИЕ, ОБМУНДИРОВАНИЕ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ЗНАМЕНА	
1. Вооружение	64
2. Обмундирование	91
3. Музыкальные инструменты	96
4. Знамена	97
Глава III. СВЕРХТЯЖЕЛАЯ КАВАЛЕРИЯ, МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОСАДНАЯ ТЕХНИКА, ФЛОТ	
1. Сверхтяжелая кавалерия	103
2. Метательные машины	115
3. Осадная техника	125
4. Флот	128
Глава IV. ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИИ И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ	
1. Численность и структура различных подразделений	137
2. Командный состав	158
3. Высшее военное командование	166
Глава V. АРМИЯ В ДЕЙСТВИИ	
1. Задачи, стоявшие перед армией. Враги внешние и внутренние	175
2. Подготовка и проведение военной кампании	195
3. Тактические приемы	202
4. Развитие полководческого искусства	210
5. Битвы при Аргенторате и Адрианополе	214
6. Иовианы и Геркулианы. История двух легионов Поздней империи	235
Заключение	242
Приложение	
Тексты и переводы основных юридических документов	247
Источники и литература	254
Список сокращений	261

Научное издание

Банников Андрей Валерьевич
РИМСКАЯ АРМИЯ В IV СТОЛЕТИИ
(от Константина до Феодосия)

Редактор *М. К. Одинокова*
Корректор *П. И. Сидорова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.
Подписано в печать 13.01.2011. Формат 70х100^{1/16}. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 16,5. Заказ № 3806.
Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

А. В. БАННИКОВ

РИМСКАЯ АРМИЯ

в IV столетии (от Константина до Феодосия)

Банников Андрей Валерьевич (1966 г.).

Окончил филологический факультет СПбГУ (кафедра классических языков) и аспирантуру исторического факультета (кафедра истории Древней Греции и Рима). С 1999 по 2003 г. обучался в университете Paris I Pantheon Sorbonne (Франция). В 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Эволюция римской военной системы в эпоху Поздней империи (III–V вв.)». Доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ. Препо­дает латинский язык и читает спецкурсы по истории поздней Античности и раннего Средневековья. Сфера научных интересов — военное дело в эпоху Античности и раннего Средневековья.

ISBN 978-5-8465-1105-7

9 785846 511057